

ДЕВОЧКА И ПЕС

12+

Евгений Донтфа

Девочка и пёс

«Автор»

2018

Донтфа Е. В.

Девочка и пёс / Е. В. Донтфа — «Автор», 2018

Элен ищет отца. Она следует за ним в чужой для неё мир. Рядом её верный спутник - могучий мудрый робот. Но то что представлялось простым и отчасти приятным путешествием, быстро превращается в круговорот неприятных и опасных событий. Элен становится живым товаром для взрослых, жестоких и алчных людей. Она сполна узнает, что такое страх, унижение и отчаянье бессилия. Но проходя этот путь, встречая новых злодеев и обретая новых друзей, погружаясь всё глубже в странный мир чужой планеты, перемалывая в своей детской душе обиды, горечь, страх и неожиданные радости, она учится чему-то самому важному в своей жизни, чему-то, что изменит её навсегда.

© Донтфа Е. В., 2018

© Автор, 2018

Девочка и пёс.

1.

На живописной опушке красно-золотого леса, раскинув лапы и блаженно посапывая, мирно спал огромный пес. Его лобастая голова с большими треугольными ушами была слегка повернута таким образом, что лежала практически на правой щеке, левая передняя лапа беззаботно отставлена в сторону, задняя правая далеко вытянута в бок. Зверь не просто спал, он получал от этого удовольствие, что ясно читалось из выражения на его добродушной, но с примесью хитрости, морды. Несомненно, пес являлся весьма удивительным созданием и даже не потому что обладал мощными внушительными формами, подхитившими скорее молодому быку, чем собаке. Было в нем ещё кое-что необычное и это кое-что вполне могло смутить неподготовленного зрителя.

Огромный пес, сладко дремавший на лесной опушке, был сделан из металла.

Полированная гладкая блестящая поверхность правда была уже кое-где поцарапана, а в одном месте, на правом плече, даже почернела от воздействия высоких температур. На холке и крупе зверя присутствовали монтажные метки, к которым когда-то приклеивались магнитные держатели, и мощный кран поднимал странного пса вверх, для наладочных работ. Ещё на висках и плечах имелись радиаторные прорезы, а на левой щеке строчка штампованных цифр и букв: «054MD1C40204», а затем следовал символ, в котором легко угадывалась эмблема знаменитой корпорации “StarIntel”. После эмблемы шел значок ладони, означавший, что данное устройство является не типовой серийной моделью, а создано в процессе так называемой ручной сборки по чьей-то оригинальной разработке. Нос и веки зверя сверкали самым настоящим червонным золотом, а ужасные когти, которые обычно втягивались в пальцы, но сейчас, видимо по причине общей расслабленности, торчали на виду, отливали грозным синеватым оттенком легендарной алмазной стали, резавшей все что угодно и деформировать которую было практически невозможно. При этом надо заметить, что у пса была слегка приоткрыта пасть и из нее очень не эстетично вывалился толстый язык, он, как и нос и веки, был сделан из золота. Ещё в пасти имелись зубы, изготовленные из того же материала что и когти. Также при внимательном рассмотрении на теле зверя можно было обнаружить различные стыковочные швы и заклепки, то ли декоративные, то ли действительно что-то скрепляющие.

В общем, пес не производил впечатления существа, рожденного другим живым существом, однако он подавал явные признаки жизни. Его грудная клетка мерно двигалась в такт его дыхания, при этом раздавалось сопение, а иногда очень даже натурально начинали дергаться веки, видимо зверь входил в фазу быстрого сна.

Рядом с собакой, привалившись спиной к её широкому боку, сидела маленькая девочка семи-восьми лет отроду. Ребенок сосредоточенно изучал текст на экране плоского прибора, прикрепленного к его левому запястью. На девочке были черные узкие штаны, заправленные в высокие темно-коричневые ботинки с липучками, широкий ремень, белый блейзер и синяя куртка с сокращенными рукавами. Черные волосы малышки были очень коротко острижены, а в её больших синих глазах светился ясный чистый свет жизнерадостного пытливого ума.

Звали девочку Элен Акари. Рядом с ней лежал рюкзак.

– Кит, просыпайся, – позвала девочка пса.

Через несколько секунд собака открыла глаза и подняла голову. Блаженно сощурившись на утренний свет звезды по имени Яна, пес улыбнулся. Он действительно улыбнулся. Его толстые губы растянулись и их уголки поднялись вверх. Это была самая настоящая улыбка. Любой, кто увидел бы сейчас пса, однозначно заявил бы что странное существо несомненно улыбается от удовольствия. Инженеры из “StarIntel” очень гордились этим своим забавным достижением. Однако увидев, что девочка смотрит на него, он тут же перестал улыбаться и изобразил на

своей морде хмурое выражение. После того что вчера сотворила его хозяйка, Кит усиленно демонстрировал недовольство и обиду.

– Доброе утро, мисс Элен, – проговорил он мягким глуховатым голосом. При этом на его морде не произошло ни малейшего движения, звук шел то ли изнутри пасти, то ли из радиаторных прорезей. Нос, веки и страшные когти изменили свой цвет на абсолютно черный. Позолота век и носа была наведена пару альфа-дней назад по настоянию Элен, любившей заниматься раскрашиванием и украшением своего робота-ассистента, что, по её мнению, придавало тому дополнительное изящество и эстетичность. Но сейчас Кит не хотел потакать хозяйки и выключил изображение золота. Про язык он забыл.

Девочка внимательно смотрела на собаку.

– Доброе утро, Кит. Всё ещё дуешься?

Пес ничего не ответил и осторожно, чтобы не задеть девочку, поднялся на ноги. Теперь стало особенно явно насколько он огромен. В холке он достигал почти 120 сантиметров, то есть практически роста своей хозяйки.

Пес огляделся по сторонам.

– Направление на ближайшее городское поселение юго-юго-запад. И нет, я не дуюсь. Но по-прежнему категорически не одобряю это путешествие. Вы подвергаете себя большой опасности.

– Но что же теперь поделать? – С самым невинным видом проговорила девочка. – Гиперлайн ведь сломан.

Металлический пёс недовольно покосился на неё. Элен всплеснула руками:

– Ой, ну только, пожалуйста, не начинай всё сначала. Мы же вчера всё уже решили.

– Я ничего не начинаю. И я сообщил вам направление.

Девочка встала.

– Тогда пора в дорогу, – сказала она.

– Мисс Элен, вы не позавтракали.

– Не хочу, – отмахнулась девочка. – Потом.

– Мисс Элен, исследования гастрономического института Перельмана со всей очевидностью доказывают, что утренний прием пищи является самым важным в суточном цикле человека. Я могу привести выкладки.

Элен надела на плечи рюкзак.

– Я люблю тебя, Кит, – радостно сказала она.

Пес удрученно покачал головой и двинулся вперед. Разговор был окончен.

Он всегда шел первым, показывая направление, выбирая самый удобный путь, постоянно сканируя рельеф, ну и конечно производя разведку местности, на предмет присутствия объектов, могущих представлять какую-либо опасность для его маленькой хозяйки.

Элен надела черные узкие очки с модулем допреальности, окружающий мир сразу же наполнился поясняющими надписями и цифрами пространственной, климатической и прочей информации. "Легор-анэ", тихо произнесла девочка, активируя свой юнипад – многофункциональный биокомпьютер, прикрепленный к её левому предплечью. В обиходной речи этот компьютер, давно ставший практически неотъемлемой частью многих земель, прозывался "Юной". Обычно "Юна" вживлялась напрямую в организм человека, раскидывая сеть датчиков по всему телу и подключаясь к мозгу через ментальный интерфейс. Питалась "Юна" от "энека" – универсального аккумулятора способного заряжаться от любого вида энергии, в том числе используя и аденозинтрифосфорную кислоту организма, то есть точно также как мышечная ткань. Однако отец Элен, Валентин Акари, наотрез отказался позволять дочери встраивать в тело какие-либо устройства, за исключением динамика и микрофона для радиосвязи. И потому девочке приходилось управлять "Юной" по старинке, посредством пальцев и голоса.

В микродинамике размещенном на барабанной перепонке левого уха Элен раздались приветственное попискивание.

– Уровень записи, – негромко сказала девочка.

Миниатюрный микрофон, вживленный в один из передних зубов девочки, воспринял её голос, передал сигнал "Юне" и та, после недолгого анализа, сообщила через микродинамик в ухе:

– Уровень стабильный и чистый. Приветствую вас, мисс Элен.

Юнипад обладал искусственным интеллектом самого примитивного уровня, но Элен это вполне устраивало. Владая личным роботом-ассистентом, имеющего самую совершенную на сегодняшний день электронную мозговую нейроструктуру, полностью имитирующую человеческое мышление, ей более чем хватало искусственного интеллекта в своем окружении.

– Элен Акари, – сказала девочка. – День второй, местное время девять часов восемнадцать минут, направление юго-юго-запад. Двигаемся к ближайшему городскому поселению, где надеемся найти какой-нибудь местный транспорт или верховых животных, чтобы как можно скорее добраться до южного побережья. Кит всё еще изображает обиду и всячески дает понять, что недоволен. Считает, что я подвергаю себя большой опасности. Налицо гиперпротекция и инертность восприятия процесса моего взросления, также возможно у субъекта присутствует компенсация неудовлетворенной близости или бессознательное проецирование на предмет опеки собственных личностных проблем и внутренних конфликтов.

Ей очень нравилась эта процедура. Было в ней что-то такое солидное и профессиональное. Запись останавливалась если девочка молчала определенное время и возобновлялась либо при первых звуках её голоса, либо по её специальной команде.

– Никаких личностных проблем и внутренних конфликтов я не испытываю, – сказал Кит по радиосвязи.

Его голос прозвучал только в микродинамике, упрятанным в ушную раковину девочки, для любого, кто мог бы оказаться рядом пёс безмолвствовал. Кит использовал этот режим связи, во-первых, когда считал, что они находятся в потенциально небезопасном окружении, а во-вторых, когда хотел быть уверенным, что девочка непременно обратит внимание на его вопрос или замечание. Ибо порой его не в меру всем увлекающаяся и отчасти рассеянная хозяйка вполне могла пропустить его слова мимо ушей. А тут уж ей деваться было некуда, так как по её же собственному выражению, он говорил ей «прямо в мозг». Иногда она это не одобряла. Впрочем, Кит знал, что даже голос в голове еще не есть гарантия того что мисс Элен, занятая своими мыслями, услышит его.

После паузы он добавил с укоризной:

– Вы же прекрасно знаете, мисс Элен, что, как вы выражаетесь, протекция вас есть основополагающий базовый принцип моего мировоззрения, мой ключевой поведенческий алгоритм, который я, если бы и захотел, то не смог бы игнорировать. А вернее я даже не могу захотеть этого.

– Ну, ладно, Кит, не сердись. Ты же знаешь мне надо оттачивать умение психологического анализа, это очень важно в моей будущей профессии. А рядом только ты. И я всё же считаю, что в твоём мышлении определенно проявляется склонность к субъективно-аффективным установкам.

Робот решил не углубляться в эту тему. Психологией девочка увлеклась совсем недавно, после того как Светлана Келеб, профессиональный коммуникатор и психолог из отдела Валентина Акари, не подумав о последствиях, очень красочно и занимательно рассказала девочке о своей работе. Элен загорелась. И вскоре вокруг неё уже были не папа, бабушка, Кит, мисс Уэйлер, мастер Таругу, мистер Гладков, мистер Тачер, миссис Киннеридж, мистер Уорли, мисс Лаура Дойлинг и т.д, а субъекты, психотипы, шизоиды, истероиды, интро и экстраверты, сенсорики, логики, негативисты, со своими побудительными мотивами, комплексами, механизмами

защиты, доминантами поведения, акцентуациями характера и пр. Больше всех доставалось отцу и роботу-ассистенту. Но Валентин Акари, будучи, как выяснилось, интуитивно-логическим эмоционально устойчивым интровертом с адекватным восприятием действительности, но с заниженной самооценкой и недостаточным уровнем социализации, а также склонным к актуализации глубоких депрессивных тенденций и излишне рассудочному типу мышления с налетом резонерства, спокойно говорил, что это надо просто перетерпеть. Скоро Элен опять вернется к своей любимой Камиле Кесада и будет как прежде мечтать о патанатомии, препарировании трупов, изучении органов и тканей, выявлении генотипов, биологических экспертизах, орудиях убийства, анализах крови и костей. Как оказалось, увлечение профессией судмедэксперта менее травматично для окружающих, чем пристрастие к тайнам психологии и психики.

– Мне включить картинку? – Спросил Кит.

Девочка на минутку задумалась. Фразой «включить картинку» она и её собакообразный робот называли режим, при котором поверхностное покрытие Кита имитировало шерсть животного. Родерик Атинховский, дедушка Элен по материнской линии, один из главных инженеров и конструкторов гигантской межзвездной корпорации “StarIntel”, однажды пытался объяснить внучке как всё это устроено.

Корпус робота состоял из двух слоев. Внутренний слой из листов обычного композитного бронесплава, того же самого что использовался, скажем, во фронтальной обшивке исследовательских вездеходов или боевых крейсеров. Внешний же слой из дорогого и высокотехнологичного метаморфного полиматериала в обиходе называемого «элвата». Элвата представляла из себя спрессованную структуру из миллиардов нанополупроводниковых волокон, из которых, под хитроумным воздействием электромагнитных полей, можно было слепить практически всё что угодно. И при этом каждую ворсинку можно было заставить приобрести свой собственный цвет, формируя таким образом любой тон или рисунок. В отсутствие электромагнитного воздействия элвата представляла собой обычный гладкий отполированный металл, даже сохраняя при этом следы внешнего воздействия, царапины, вмятины и прочее. Но стоило активизировать поле, и литая металлическая структура расщеплялась на неисчислимые трубочки-ворсинки, способные составить всё что угодно. И в одно мгновение Кит приобрел шкуру и шерсть настоящего зверя, практически неотличимую от своего биологического аналога. При этом Кит мог придать каждому псевдоволосу свой цвет и в результате приобрести любой желаемый окрас. В такой маскировке он становился настоящим представителем славного семейства псовых и посторонний наблюдатель не то что по внешнему виду, но даже и на ощупь не смог бы догадаться что перед ним кибернетическое электронное создание из металла, проводов и печатных плат. Даже радиаторные прорезы и монтажные метки бесследно скрывались под слоем нанополупроводниковой шерсти. Пожалуй единственное что его выдавало это когти и зубы из алмазной стали, которые всё же мало походили на биоматериал. Но клыки были окрашены, как и полагалось в белый цвет, а когти в черный и по внешнему виду ничем не отличались от своих биологических аналогов. Но наощупь конечно они были слишком гладкими, прочными, идеальными и определенно не роговой пластиной или дентином. Но кто бы осмелился ощупывать когти и клыки такого огромного зверя.

Элен внимательно выслушала своего дедушку. В принципе её всегда интересовали разные технические подробности тех устройств, с которыми она сталкивалась. Но Кит был больше чем каким-то устройством, он стал её другом, спутником, слушателем, помощником и конечно о том как он устроен она слушала, затаив дыхание. Эта его способность принимать облик живой собаки привела её в восторг. По началу она постоянно заставляла его становится то гладкошерстным, до длинношерстным, то курчавым, то волнистым. При этом еще требуя самые немыслимые окрасы, а порой, и чтобы он рисовал на своих боках целые картины или надписи. Но со временем ей это немного приелось, да к тому же Кит намекнул что он предпочитает оста-

ваться просто металлическим. Он осторожно объяснил, что на поддержание эваты в активном состоянии он тратит немало энергии и вычислительных ресурсов. Не то чтобы это имело большое значение, учитывая энергоотдачу его внутреннего реактора, но тем не менее если в этом нет необходимости то он бы не хотел включать этот режим. Только для одного, так сказать, увеселения маленькой хозяйки. Элен тут же надулась. Ей показалось что её в чем-то обвиняют. Она не переносила этого. Ни от бабушки, ни от папы, ни от своего чудо-робота. После трагической гибели матери Элен, все обращались с девочкой исключительно бережно и ласково, насколько возможно удовлетворяя все её прихоти и желания. В результате теперь и бабушка, и отец Элен, Валентин Акари, и тем более Кит, который находился с ребенком практически неотлучно, про себя считали, что девочка немного избалована. Но, впрочем, вслух этого никто не говорил, да кроме того Элен все же явно была бесконечно далека от тех маленьких капризных эгоистичных визгливых тиранов, которыми пугали родителей детские психологи. Валентин Акари уже пару раз ходил на консультации к последним, ибо понимал, что без матери и с учетом специфики его работы, требующей постоянных отлучек и задержек, дочь растет по сути сама по себе. Однако, когда очередная молодая девица с тусклым взором и синими волосами заученно продекламировала ему уже слышанную им цитату о том, что не следует делать из ребенка кумира, ибо когда он вырастет, то потребует жертв, Валентин решил, что разберется со своей умницей дочерью сам.

Но перестав дуться Элен мужественно решила, что наверно Кит прав, кое в чем. И перестала ежедневно превращать его в «пушистых няш», «курчавых пудельков» и «гладеньких щеней» самых безумных окрасов. Хотя это и представлялось ей очень забавным. Сам бабушка об этом режиме с улыбкой говорил, как о «предании реализма» его творению. А дядя Вася, коммунальный работник, обслуживающий дома на их улице, называл это «особачиться». Элен это казалось смешным, Киту не очень. Он предпочитал нейтральное «включить картинку».

Однако сейчас речь шла не о развлечении, думала девочка. Ведь неизвестно как технически отсталые аборигены Каунамы отнесутся к металлическому созданию. Скорее всего они будут потрясены. Они просто не смогут понять, что он такое. И как же они прореагируют? Испугаются? Побегут прочь? Элен понимала, что наверно разумнее превратить Кита в обычную собаку, пусть и очень большую, но некое вздорное желание мешало этому пониманию утвердиться окончательно. Она считала, что это её «исследовательская жилка». Ведь с психологической точки зрения весьма любопытно как поведут себя аборигены. А Элен была глубоко уверена, что в будущем она будет либо полицейским, либо офицером внешней разведки, либо судебным медицинским экспертом, либо профессором психологии. И решила, что по крайней мере пока вполне приемлемо если Кит останется в своем естественном виде. О чем ему и сообщила. Кит спорить не стал.

Элен с интересом оглядывалась по сторонам. Они шли по небольшому открытому участку со всех сторон окруженному высокими прямыми красно-золотыми деревьями с узкими длинными листьями тех же цветовых оттенков что ствол и ветви. Лес выглядел вполне проходимым и ввиду отсутствия сплошных зарослей кустарниковых растений и достаточного расстояния между отдельными деревьями просматривался далеко вперед. Он бы мог даже сойти за некую парковую рощу. Поверхность, покрытая красно-коричневой травой с казалось чуть светящимися золотыми прожилками, во многих местах, в основном вокруг стволов, прерывалась буйными пышными скоплениями каких-то массивных широких светло-зеленых и голубоватых листьев, над которыми наблюдалось легкое серебряное мерцание, словно над ними парили легкие клубы какой-то пыльцы.

Элен наконец решилась. Теперь ей очень хотелось знать больше об этом совершенно новом для нее мире. Но она конечно прекрасно помнила, что ранее, когда Кит предложил ей ознакомиться с подробным описанием этой планеты, она отмахнулась от его предложения. Тогда это ей казалось абсолютно неважным и бесполезным. Ей было достаточно знать, что

Каунама представляет собой мир, которому присвоена первая степень по шкале Райтринга, и что здесь живут биологические виды, обладающие разумом, а также потомки звездных переселенцев.

– Слушай, Кит, я хочу узнать побольше о Каунаме, – негромко сказала девочка.

Кит остановился и посмотрел на свою хозяйку через правое плечо. Конечно его мимика была далеко не столь богата как человеческая, но тем не менее Элен решила, что на морде пса она видит укор.

– Ты же знаешь, мы собирались сюда от силы на час-два, – оправдываясь проговорила она. – Кто же знал, что мы здесь застрянем. И естественно теперь я хочу знать больше.

– Естественно, – согласился пес, отвернулся и продолжил движение.

Элен нагнала собаку и пошла возле ее левого плеча.

– Ладно, не изображай, пожалуйста, оскорбленность, – с невинной улыбкой попросила девочка. – Конечно же ты был прав, а я нет. – И добавила почти беззвучно: – Кто бы сомневался.

– Я слышу это.

– Ну ладно, Кит, хватит. Что там написано в Звездном Реестре?

Пес еще выдержал некоторую паузу для порядка и сказал:

– Каунама, вторая планета в системе небольшой красно-желтой звезды Яна, астрономический номер которой этта 18 в созвездии Пальмы. По шкале сходства с Первой Землей, так называемой шкалой Райтринга, планета получила первую степень, то есть очень высокий коэффициент идентичности, позволяющий виду *Homo Sapiens* существовать здесь без каких-либо дополнительных приспособлений, устройств и убежищ.

– Еще одна Небесная Жемчужина, – с улыбкой проговорила девочка.

– Конечно, – согласился пес. – Вероятность открытия планет с первой степенью Райтринга крайне мала. И каждая из них несомненно настоящая жемчужина в небе для всего человечества.

– Хорошо, хорошо, – торопливо проговорила девочка. – Что дальше?

– Планета имеет три естественных спутника, два совсем маленьких и один примерно в половину Первой Луны. Восемьдесят процентов планеты покрыты океаном. Угол наклона оси вращения к эклиптике меньше трех градусов, в связи с чем...

– Практически отсутствуют смены времён года, – перебила его девочка. – Ясно. Как на Макоре. Скучновато.

– Мисс Элен, невежливо прерывать собеседника и неразумно делать скоропалительные выводы, не выслушав до конца всё сообщение.

Девочка слегка отстала от металлического пса и, оказавшись позади него, показала ему язык.

– Мисс Элен, я всё вижу.

– Ах, ну да, я совсем забыла, у тебя же камеры даже на попе.

– Такие слова совсем не украшают речь и если вы желаете быть воспитанной девочкой...

– Ой, ладно, Кит, что там про Каунаму?

Пёс удрученно покачал головой и возвел очи горе. Это было настолько смешно, что Элен не выдержала и прыснула. Кит невозмутимо продолжил:

– В связи с чем длительность дня и ночи приблизительно равны и не изменяются в течении всего года. Однако орбита планеты имеет весьма большой эксцентриситет. – Кит замолчал, ожидая вопроса.

– Да знаю я, что это такое. Орбита не окружность, а вытянутый эллипс и планета то приближается к звезде, то удаляется.

– Совершенно верно. И потому на Каунаме всё же есть свои времена года и сейчас мы находимся, так сказать, в окончании местной весны.

– А насколько сильно времена года отличаются? Скажем по температурному режиму.

– Данные крайне скудны, – произнес Кит, словно извиняясь. – Планета населена разумными обитателями и потому СВР проводила полевые исследования в весьма ограниченном объеме. Но в целом средние температуры лета и зимы разнятся на 15-30 градусов в зависимости от широты, близости к морям и так далее.

– Тридцать градусов, ого! Сейчас плюс восемнадцать, то есть зимой будет минус. Значит тут и снег бывает, здорово!

– На этой широте вряд ли, а ближе к югу весьма возможно.

– Ну мы как раз туда и направляемся, – жизнерадостно сказала девочка.

– Я очень надеюсь, что мы покинем эту планету гораздо раньше, чем здесь выпадет снег, – очень веско произнес Кит и многозначительно поглядел на свою юную хозяйку.

– Ну конечно раньше, – поспешно сказала Элен. – Мы найдем папу, за нами прилетит дедушка или мисс Уэйлер и мы все вместе вернемся на Макору.

Собакообразный робот остановился, повернулся к девочке и с легким возмущением сказал:

– Мисс Элен, вы ведь прекрасно понимаете, как нелогично это звучит. Высока вероятность того, что Мистер Атинховский или мисс Уэйлер найдут вашего отца гораздо раньше нас, тогда как мы окажемся затерянными на просторах этой планеты.

Девочка тоже остановилась.

– Кит, мы же всё обсудили это вчера, – устало проговорила она. – Папе грозит опасность и мы можем ему помочь. Когда тетя Саша и дедушка получают сообщение неизвестно. А если даже они и правда найдут папу раньше, то затем найти нас им будет уже несложно. Они включают спутниковый маяк, ты рано или поздно поймашь его сигнал и выйдешь с ними на связь.

– Вы же понимаете, мисс Элен, остается еще миллион вариантов развития события, при которых...

– Что там еще про Каунаму? – Грубо перебила девочка.

Металлический пёс отвернулся и молча продолжил путь. Элен подняла полоску очков на макушку и саркастически поглядела на удаляющегося робота. Затем догнала его и пошла рядом.

– Ну, пожалуйста Китти, не будь таким инфантильно-обидчивым. Ну, честное слово, чистый "пуеретернус".

Чуть повернув свою лобастую голову, робот покосился на девочку.

– Странно слышать от вас, мисс Элен, об инфантилизме, учитывая незрелость и импульсивность ваших решений.

Девочка скривила ему рожицу.

– Ну всё, Китти, ты меня укол, – весело сказала она. – Теперь можно еще про Каунаму.

– И вы также знаете, что мне не слишком нравится обращение "Китти", – назидательно произнес пёс.

– Я больше не буду, – с готовностью пообещала девочка. – Честно-честно, клянусь стройными бедрами Гипы. А если солгу, то пусть весь славный род канис фамилиарис плюнет мне в глаза.

– Это вы у Василия Геннадьевича понабрались? – осуждающе проговорил робот. – Вы же знаете, мисс Элен, такие лингвистические конструкции говорят только об ограниченности воспитания и недостаточно развитой эмоциональной сфере индивидуума.

– Кит, ну по-жа-луй-ста! – Смеясь, воскликнула девочка.

– Оборот вокруг своей оси, – как ни в чем не бывало продолжил Кит, – Каунама совершает примерно за 28 альфа-часов, а если точнее за 27 альфа-часов, 57 альфа-минут и 3 альфа-секунды. Оборот вокруг звезды занимает примерно 436 альфа-суток или около 374 каунамских суток. Большая часть суши приходится на громадный континент Шатгалла, на 89 процентов расположенный в южном полушарии и сильно вытянутый с востока на запад. Также имеются

достаточно крупные островные архипелаги в северном полушарии. Каунама обладает достаточно заметным магнитным полем, его интенсивность колеблется от 40 до 70 микротесла. На данный момент ось диполя у Каунамы практически совпадает с её осью вращения.

– Ну, ясно-ясно, – прервала Элен нудноватое, по её мнению, повествование. – А что там с разумными аборигенами?

– На данный момент полевые агенты СВР установили, как минимум четыре разумных вида обитающих на планете, что само по себе довольно уникальное и любопытное явление. Три вида эндемики, четвертый – это земляне, потомки звездных переселенцев Второй волны.

– Язык – унилэнг? – Уточнила девочка.

– Да. Поэтому проблем с вербальным пониманием возникнуть не должно, хотя возможно ваша речь и будет звучать для них с акцентом. Более того, остальные три вида, благодаря напору и экспансии землян, также в конечном счете переняли язык пришельцев, так что унилэнг стал общим языком Каунамы.

– Ну вот видишь, Кит, всё просто отлично, – улыбнулась Элен.

– Но, конечно, общим языком унилэнг стал лишь до определенной степени. У эндемиков свои языки и внутри своих групп они общаются на них.

– Не важно, – отмахнулась Элен. – Изображения есть?

Глаза Кита засветились синим цветом и в воздухе повисло объемное изображение большого гуманоида с очень внушительной головой, немного похожей на коровью, с могучим телом с широченными плечами и объемной грудной клеткой, сплошь покрытое светло-коричневым мехом, с очень длинными руками, короткими широкими ногами и практически отсутствующей шеей. На гуманоиде аляповато светились ярко-зеленые шорты.

– Это так называемые "туру", – прокомментировал Кит. – Имеют массивное телосложение, живородящие, млекопитающие, половое размножение, количество полов – два. Основное занятие земледелие и выращивание культур богатых клетчаткой. Рацион питания, насколько известно, исключительно растительная пища. Живут большими семейными группами, называемые "пэлиг". Развит патриархат. Весьма непривлекательны в одежде и жилищах, но весьма падки на разного рода металлические, блестящие украшения и безделушки. Очень азартны, хитры, весьма корыстолюбивы, скупы и прижимисты. Склонны к бездумному накопительству, собирательству и даже воровству. До появления землян, судя по всему, не знали понятия денег, вполне довольствуясь натуральным обменом. Однако быстро переняв от землян денежные товароотношения, возвели деньги в своеобразный культ и сейчас многие туру являются торговцами и купцами.

– Дальше, – попросила Элен, которой надоело смотреть на коровью физиономию.

Появилось изображение темного очень худого жилистого чешуйчатого гуманоида.

– Рептилоид, – сказала девочка с едва заменой неприязню.

– Да. Ящеровидный гуманоид. Местное название: "авры". Имеют весьма астеническое телосложение, прямоходящие, средний рост около 180 сантиметров. Половое размножение, количество полов – два. Размножение через кладку яиц. Холоднокровны, но способны повышать температуру тела за счет химических реакций, в основном во время брачного периода. Кожный покров содержит хроматофоры, благодаря чему авры способны быстро изменять окраску своего тела. Плотоядны. Повышенная скорость движения и реакции по сравнению с видом хомо сапиенс. Однако после продолжительного всплеска мышечной активности, наступает неизбежный период релаксации, характеризующийся глубокой апатией и почти полной неподвижностью. Имеют очень тонкое и чувствительное обоняние, способны передавать через запахи большой объем информации. Живут общинами, которые земляне называют "кланами". Руководит кланом самая старая самка, развит матриархат. Достаточно аскетичны в еде и одежде, не агрессивны, стараются всеми силами избегать конфликта. Однако достаточно воинственны и в случае конфликта представляют немалую опасность, учитывая повышенную ско-

рость восприятия и реакции. Имеют чрезмерно сложную систему традиций и правил, так называемых "майяр", божественных кодексов, регулирующих социальное и межличностное поведение. Имеют хорошо развитое...

– Слушай, Кит, а что там про "аморфов", я краем глаза о них читала, – бесцеремонно перебила Элен, которой наскучили рассказы о гуманоидах.

Кит для порядка помолчал, давая понять, что девочка снова ведет себя неподобающе. Элен поняла:

– Да-да, мистер Кит, простите меня, темную чумазую бабу, за невоспитанное поведение. В будущем я постараюсь более соответствовать вашим высоким требованиям.

Описание "темная, чумазая баба" до такой степени не подходило бледной тонкой синеглазой девочке, что робот улыбнулся.

– Запомните на будущее, мисс Элен, язвительность всегда производит очень отталкивающее впечатление.

– Ты же знаешь я ничего не забываю. Так что там про "аморфов"?

– Да, на Каунаме действительно присутствуют так называемые "аморфы". Однако сведения о них крайне скудны. Полевым агентам Службы внешней разведки до настоящего времени не удалось прояснить природу этих существ. Местное название – "шоти". Представляют из себя черные, густые, парящие в воздухе, облачные образования. Могут принимать какие угодно очертания и форму и даже менять плотность, становясь вполне твердыми, чтобы управляться материальными предметами. Энергию могут извлекать из солнечного света, огня и, судя по всему, других живых существ. Могут выстреливать электрическими разрядами в виде синеглазых молний, но это очень быстро истощает их. Любят тепло. В холоде становятся вялыми, неактивными. По неизвестной причине должны обязательно время от времени окунаются в воду. Вроде бы размножаются делением.

Элен слушала с огромным интересом.

– Ну так они разумны или нет?

– Точного ответа пока нет. Как вы знаете, мисс Элен, критерии разумности до сих пор являются предметом горячих научных споров. В обыденной картине мира землян, весьма искаженной антропоцентристским подходом, разумным полагается лишь то, что в достаточной степени приближается к структуре мышления свойственной хомо сапиенс. Но многие ученые считают такой подход неверным и весьма ограниченным. Существуют различные типы классификаций разумности, так вот по самой употребительной, ПИ-классификации, шоти присвоен уровень разумности "Т8", то есть это весьма далеко от человеческого мышления и приближается скорее к уровню интеллекта собак.

Элен покосилась на своего металлического пса.

– Собаки бывают очень умными, – с легкой улыбкой сообщила она.

– Я знаю, мисс Элен. Но надеюсь вы не намекаете на меня.

– Конечно же нет. Твой форм-фактор вовсе не делает тебя собакой.

Кит бросил на хозяйку быстрый взгляд.

– Что-то подсказывает мне, что вы подшучиваете надо мной, мисс Элен. Но вернёмся к шоти. Как удалось установить, обычно они живут сами по себе и вполне равнодушны к другим обитателям Каунамы. Однако иногда они вполне осмысленно вмешиваются в какие-нибудь конфликты и ситуации, причем явным образом выражая антипатии и симпатии. Более того время от времени они вступают в своеобразный контакт с другими разумными видами.

– Как это?

– Посредством зрительных образов, которые они "лепят" из своих тел.

– Ух ты! Любопытно.

– Более чем.

– Знаешь Кит, иногда я даже не знаю кем мне больше хочется стать, судмедэкспертом как Камила Кесада или офицером Службы внешней разведки как мисс Уэйлер.

– Я уверен, что со временем вы обязательно определитесь, мисс Элен. Но в любом случае главное для вас стать воспитанной образованной молодой женщиной.

Элен насмешливо хмыкнула.

– Ну это уж конечно. Как же без этого?

– Мисс Элен, ваш сарказм...

– Хочу проверить "нить", – объявила девочка и полезла в рюкзак.

Кит замолчал и остановился, наблюдая за девочкой. Элен вытащила маленькое устройство и активировала его, неотрывно глядя на экран.

– Вызов идет, но в ответ тишина, – вроде бы спокойно сказала она.

Но чуткие аудиорецепторы робота уловили легкую, неслышную дрожь её голоса.

– Этого совершенно ничего не значит, – сказал металлический пёс. – Ваш отец ведь сообщил, что охотники за людьми изъяли у него "нить".

– Я знаю, знаю. Но мало ли, вдруг ему удалось вернуть её. – Элен убрала устройство обратно в рюкзак.

Кит немного помолчал и осторожно спросил:

– А что... гм, насчет "голосов"? Больше не появлялись?

Элен недовольно поглядела на него.

– Не "голосов", а "голоса". Нет, не появлялся. А что за такой язвительный тон? Ты в курсе что это производит очень отталкивающее впечатление? Ты всё еще не веришь, что это был папа? Ты же знаешь, что "тотеры" действительно на это способны и что такого невероятного в том, что один из них помог папе связаться со мной?

– Вы должны согласиться мисс Элен, что тут много удивительного. Тотеры не живут на Каунаме. Их родная система за многие тысячи световых лет отсюда. Откуда бы им тут взяться.

– Мой папа и мы с тобой тоже здесь не живем, но откуда-то взялись здесь. – Элен закинула рюкзак на плечи и решительно зашагала вперед.

Огромный металлический пёс быстро нагнал её.

– Не сердитесь, мисс Элен. Но вы должны понимать, что всё это непростое и опасное путешествие началось только из-за некоего голоса, якобы возникшего в вашей голове. Согласитесь, тут есть о чем подумать.

– Я уже давно обо всём подумала. Это был мой папа. Он говорил как папа и знал то что может знать только он. Он же назвал свой идентификационный код.

– Но вы знали этот код и раньше, – заметил робот.

– Ты что опять начинаешь? Намекаешь что я все это выдумала? – Элен остановилась и сердито поглядела на своего робота. – Я же раньше про Каунаму знать ничего не знала. Как я могла её выдумать, выдумать координаты, Солейрон?

– Вы могли где-то это слышать, может когда были совсем маленькой и забыть, – осторожно сказала собака.

– И то есть позавчера я сошла с ума и мне стали являться голоса. Ты к этому ведешь? Хочешь сказать, что у меня шизофреническое психотическое расстройство, – Элен произносила эти слова почти с гордостью, – осложненное слуховым галлюцинаторным бредом с устойчивыми навязчивыми сверхценными идеями и с проявлениями кататонического синдрома и неадекватностью эмоциональных реакций?

– Конечно же нет. Но вы ведь очень необычная девочка, вы видите то что не видят другие. Может теперь еще и слышать начали.

Элен долго и очень серьезно глядела в черные глаза огромного пса.

– Кит, это был мой папа. Ему нужна помощь. И мы обязательно найдем его. Обязательно. Это уж и к бабке не ходи. – Она зашагала дальше.

Металлический пёс, покачав головой, поспешил вперед, обогнал свою хозяйку и занял свою обычную позицию впереди неё.

2.

Девочка и пес шли по дороге, под сенью могучих древ с красной и золотой листвой. Свежий мягкий ветер дул с юга и ласковый багряный свет Яны струился среди мощных прямых стволов дружелюбного леса. Маленькие белые цветы, усыпавшие гибкие ветви безлиственного кустарника, шевелили лепестками и испускали вверх столбики мерцающей серебряной пыли. Тонкий и как будто слегка холодный аромат наполнял воздух и с каждым вдохом казалось, что свежесть проникает в тело всё глубже.

– Слева, двенадцать метров вперед, – услышала Элен из микродинамика голос своего пса.

Девочка посмотрела на указанное место. Там она увидела слабое, светло-зеленое свечение ауры вокруг скрывающегося в кустарнике существа. Аура ей показалась, по крайней мере, словами она сказала бы это так, несколько издерганной и уставшей. Девочка поняла, что существо разумно, встревожено и напряженно. И еще ей стало ясно, что прячущийся совсем невысокого роста.

Немного не доходя до места, где скрывался неизвестный, Элен остановилась и повернувшись влево, сказала:

– Тебе не нужно нас бояться, мы не причиним тебе вреда.

Некоторое время ничего не происходило, затем кусты зашевелились и на дорогу вышел маленький человек, сантиметров на пять ниже самой Элен.

Он был абсолютно пропорционально сложен и для своих параметров строен и высок, и даже наверно изящен. Правда выглядел он несколько изможденным и печальным. Там, где его не скрывала одежда, он был абсолютно безволосым. Его кожа имела бледно-голубоватый цвет с легким, ускользящим серебристым оттенком и казалась очень тонкой и чуть ли не прозрачной. На его идеально круглом лице в первую очередь на себя обращали внимание огромные длинные глаза, чьи внешние уголки располагались значительно выше внутренних. У глаз отсутствовала белая склера и вместо этого словно бы имелся ряд цветных радужных оболочек, сходящихся от самой внешней, нежного светло-зеленого цвета, до внутренней темно-коричневой, окружающей большой черный овальный зрачок. Создавалось впечатление, что его глаза то и дело переливаются зеленоватым золотисто-коричневым цветом. Точеные большие ушные раковины плотно прижимались к голове. Нос представлял из себя плоское прямоугольное возвышение, которое слегка подрагивало и иногда покрывалось пятнами разнообразных бледных оттенков. Губы были тонкими, почти незаметными и казалось, что рот то исчезает, то появляется вновь. Вообще его внешность воспринималась Элен какой-то чрезмерно гладкой, аккуратной, ровной, элегантной, словно бы даже неестественно формализованной, будто перед ней был не живой организм, а искусственный кибернетический гуманоид из пластиковых композитных материалов, форм-фактор которого с любовью создавал фантазер-дизайнер, скорей всего женщина.

На незнакомце был длинный коричневый свободный сюртук, широкие голубые штаны и невысокие темные туфли, напоминающие облегающие толстые носки. На голове у него красовалась большая конусовидная шляпа, удерживаемая лентой, проходящей под подбородком, через плечо висела серая торба, на поясе имелся кошель, а из-за узких плеч торчали черные цилиндрические рукояти может быть какого-то оружия. Его шея была замотана широкой черной лентой с рисунками из серебряных нитей, напоминающими некие письма.

Лицо неизвестного выглядело исхудалым и несколько мрачным.

Откинув шляпу за спину, человек поклонился, выставив вперед левую ногу и произнес очень чистым, певучим голосом:

– Приветствую тебя, синеокая госпожа, повелительница механического чудовища.

Все это было сказано весьма торжественно и скорбно.

Элен подавила улыбку, заметив краем глаза, как Кит озадаченно уселся на попу, расставив колени задних лап. Никто ещё не называл его механическим чудовищем. "Это лоя, третий эндемичный разумный вид Каунамы", услышала девочка в микродинамике, вживленном в её барабанную перепонку. – "Вид включает в себя два подвида: белые лоя и черные. Это, согласно изображениям, белый лоя. Все лоя отличаются маленьким ростом и значительной продолжительностью жизни, до трех сотен лет. А также вздорным нравом, чрезмерным любопытством, пристрастием к музыке, обработке металлов, изготовлению ядов и, судя по всему", Кит усмехнулся, "к экспрессивной лексике."

– Привет и тебе, отважный пилигрим, – в тон незнакомцу ответила девочка.

– Я Талгаро из народа Лоя, проклятый и изгнанный своими соплеменниками за ужасное преступное деяние, – представился незнакомец и снова поклонился.

Несколько растерявшись от такого представления, девочка сказала:

– Я – Элен Акари.

– У тебя два имени, госпожа? Видимо ты весьма высокого происхождения. – Лоя выдержал паузу и продолжил очень трагично: – Я же бедный, простой бродяга-скиталец, не ведающий тепла и уюта, и ты можешь звать меня просто Тал.

Еще раз с любопытством оглядев девочку, Талгаро сказал:

– Прости мне моё невежество, почтенная Элен Акари, но насколько я знаю народ Омо, ты еще очень юная особа, совсем ребёнок, не так ли?

"Омо – местное наименование землян", пояснил Кит по радиосвязи.

– Да, ребёнок.

– И путешествуешь совсем одна, без всякого сопровождения своих взрослых соплеменников?

Элен на пару секунд задумался, чтобы такое наплести маленькому трагику. Но тот вдруг всполошился и торопливо, взволнованно проговорил:

– Надеюсь, это моё утверждение о том, что ты ребёнок не коим образом не оскорбило тебя, высокочтимая Элен Акари?

– Нет, не оскорбило. И я хочу, Тал, а вернее даже настаиваю, чтобы ты называл меня просто Элен, без моего второго имени и без всяких длинных эпитетов, согласен?

– Боюсь, что я не достоин такой высокой чести.

– Я прошу тебя.

– Ну хорошо, – нехотя произнес лоя и словно пробуя на вкус, сказал: – Элен.

Девочка думала, что он улыбнется, однако маленький человек остался серьезным и даже печальным. Но затем он перевел взгляд на металлическую собаку и его лицо прояснилось и взгляд засветился любопытством. Он смело приблизился к громадному роботу и, чуть откинув голову назад, с интересом оглядел его.

– А твоя механика хороша, – важно сообщил он девочке. – Отличный "самоход". Так плавно двигается, сразу видно настоящий мастер делал. И чучело пса весьма добротное слеплено, очень натурально выглядит. А язык что ли правда из золота или позолота? – Без всякой опаски лоя протянул ладонь в пасть Кита и пощупал язык. Затем его внимание привлекли черные губы робота. – А это что, настоящий битокс из смолы Ильвады? – И полный восхищения лоя принялся уже двумя руками растягивать изготовленные из мягкого прорезиненного металла губы робота.

Кит терпел и сосредоточенно глядел в глаза своей хозяйки. Та же изо всех сил сдерживала смех.

– Великолепно! – похвалил Талгаро. – Отменный самоход!

Элен, давась смехом, спросила:

– А ты что, видел таких "самоходов" и раньше?

Брови Талгаро удивленно взметнулись вверх.

– Конечно же. Много раз. Правда не с такой плавностью движений и столь искусной личиной. Разве ты не знаешь, Элен, что народ Лоя самые великие механики в мире, разве ты никогда не слышала о наших чудесных машинах, о рощах механических деревьев, охраняющих наши деревни? Ты конечно же купила этого пса у кого-то знаменитого мастера лоя. Я наверняка знаю его имя.

Талгаро бесстрашно постучал по огромной металлической лапе кулачком.

– Странно, – заметил он, – кажется он внутри не полый.

Пес наклонил голову к лоя и сказал:

– Меня зовут Кит.

Талгаро посмотрел вверх.

– О, оно еще и говорит. Да это настоящее чудо. Мы редко делаем говорящие механизмы, в основном только музыкальные аппараты. – И повернувшись к девочке, он самодовольно пояснил: – Очень сложно сделать так чтобы машина произносила членораздельные слова. Оно умеет произносить только эту фразу или ещё что-нибудь?

– Послушай-ка, Талгаро, я тебе не оно. Меня зовут Кит и я могу произнести любую фразу, какую мне захочется, – сказал Кит.

Лоя поразил невероятный ужас. Он присел и застыл. Его худое лицо исказила гримаса потрясения. Кожа на его носу и вокруг запылала фиолетовыми и багровыми пятнами. Глаза, и без того не маленькие, расширились и казалось заняли половину лица. Он начал пятиться назад с благоговейным страхом взирая на пса. Пятился, пятился, пока не уткнулся в ноги Элен. Она осторожно взяла его за плечи и повернула к себе, собираясь успокоить и ободрить. Но увидев синие глаза девочки, лоя перепугался еще больше, дико отскочил назад и пал ниц.

Неистово и взволнованно, но при этом очень мелодично он быстро-быстро заговорил на незнакомом языке. Он поднимал глаза на девочку, затем снова кланялся, несколько раз указывал на металлического пса, потрясал руками, прижимал ладони к груди, что-то восклицал, пламенно и с чувством, и снова переходит на стремительное верещание. Его бледная, с голубоватым оттенком, кожа стала серой и покрылась яркими алыми и фиолетовыми пятнами, плоский нос дрожал и вспучивался, а огромные глаза переливались яростным свечением. Элен не понимала ни слова из его стремительной речи, хотя уже и улавливала отдельные, без конца повторяемые, созвучия. Она наблюдала за мятущимися всполохами ауры инопланетянина и пыталась что-то понять по ней. Но, как и всегда, ауры существ, не относившиеся к виду *homo sapiens*, представляли для неё неизведанную территорию. Для расшифровки ауры требовался немалый опыт наблюдений и сопоставлений. В случае с землянами это происходило само собой, в течении семи с лишним лет своей жизни она училась этому каждый день. С каждым новым инопланетным видом приходилось начинать всё сначала. Впрочем, она уже знала: во многих аспектах структура и общая модель функционирования ауры совпадают у всех живых существ, не важно под светом какой звезды они родились. Талгаро определенно был очень возбужден, отчасти раздосадован, испытывает чувство вины, но при этом как ни странно вроде бы рад или даже восторжен. В общем девочка запуталась.

Элен посмотрела на металлического пса.

"Данные по языку лоя отсутствуют", сообщил Кит по радио, "Я провел анализ его речи и кажется он принимает вас за какое-то сверхъестественное существо, своё божество, судя по всему именуемое Илини Майян Сандара, хотя скорей всего "илини майян" это обращение, что-то вроде "ваше величество". И возможно он просит прощения за то, что сразу не узнал вас. Меня он называет "асив" и, судя по всему, я какой-то знаковый атрибут этого божества. В данных по лоя есть информация о том, что их пантеон возглавляет сущность, которую земляне на Каунаме на унилэнге называю Королевой Лазурных гор и её имя Сандара. Но по какой причине он принимает вас за неё совершенно не ясно".

– Талгаро, успокойся, пожалуйста, – попросила Элен. – Я никакая не королева, я обычный ребёнок из народа Омо.

Лоя тут же умолк и недоверчиво поглядел на Элен.

– Да, Тал, – по-свойски произнёс робот. – Никакая она не королева. Обычная самонадеянная, капризная, дерзкая, вредная девчонка, которой определено не помешала бы хорошая порка и оставление без сладкого на месяц.

Слова робота изумили лоя, он повернулся и испуганно уставился на собаку.

Элен тоже взглянула на пса с некоторым удивлением. Никогда раньше он не позволял себе подобных высказываний. И девочка решила, что её вчерашний поступок пронял даже всегда невозмутимого робота. Она ощутила легкое раскаянье за совершенное, но, впрочем, совсем легкое.

Элен наклонилась к Талгаро и принялась помогать ему подняться на ноги.

– Не бойся, Тал, на самом деле он очень добрый. Ты уж прости, но его сделали наши мастера, вернее его тело, а потом наши волшебники оживили его. Так что он не механизм, он живой и его зовут Кит.

Талгаро медленно приходил в себя. Он долго переводил взгляд с девочки на пса и обратно.

– Волшебники... Это невероятно, – пробормотал он. – Ваши мастера великие кудесники. – Лоя отвернулся от девочки и подошел к собаке. – Я приношу свои искренние извинения, уважаемый господин Кит, за свои бестактные и необдуманные речи, произнесенные мною лишь по причине моего глубочайшего невежества.

Пес улыбнулся и Талгаро вздрогнул при виде этой улыбки.

– Успокойся, все нормально, – сказал пес. – Называй меня просто Кит, а я буду называть тебя Тал, договорились?

– Конечно, – ответил Лоя. Затем, посмотрев сначала на Элен, потом на её необычного пса, сказал: – Все это очень удивительно. Позволено ли мне узнать из какой вы страны?

– Мы..., – Элен споткнулась, – из Макоры.

Она честно назвала имя своей родной планеты.

– Никогда не слышал о такой стране, где она находится?

Припомнив очертания континента и больших островов этого мира, Элен нехотя ответила:

– Далеко, на северных островах, на севере-востоке отсюда.

– Это будет замечательная история, – заметил Талгаро, – я поражу своих соплеменников.

– Ты же вроде говорил, что ты изгнан, – сказал Кит.

Девочка посмотрела на него и сделала большие глаза, намекая ему чтобы он прикусил язык.

– Изгнан, – согласился Лоя, – но не навсегда. Я должен обойти наш мир по кругу, собирая письма прощения у своих сородичей и затем вернуться домой и трое суток рассказывать о своем пути. После этого я возможно буду прощен и клеймо изгнанника и преступника будет снято с меня.

– Обойти мир по кругу? Ты имеешь в виду совершить кругосветное путешествие? – Уточнила Элен.

– Да, и я уже близок к концу. Больше чем три четверти моего пути уже позади.

– А какое преступление ты совершил? – Поинтересовался девочка.

И уже пёс осадил её:

– Мисс Элен!

– О, ничего страшного, Кит, мне горько сознавать, что я совершил это и больно об этом говорить, но я должен это делать, ибо это часть моего покаянного пути. – Опустив глаза, Талгаро тихо признался: – Я использовал свой голос неподобающим образом.

– Это как? – Живо спросила Элен. – Грязно сквернословил?

– Ну что ты, – воскликнул лоя, – конечно же нет. Я расточал силу моего голоса там, где не следует. Хотя в тот момент мне и казалось, что я поступаю правильно. Но мне объяснили, как я был не прав.

Девочка и пёс быстро переглянулись. "Оставьте эту тему, мисс Элен", посоветовал Кит по радиосвязи.

– Знаешь, Тал, если тебе по пути с нами, то я буду рада, если ты присоединишься к нам.

– А куда вы идете?

– Ну пока к ближайшему городу.

– В Туил?

– Да, – уверенно сказала девочка, впервые услышав это название.

– Тогда нам по пути. Прости, это конечно не мое дело, но эта черная полоса на твоей голове – это что, знак скорби по умершему родственнику?

Девочка не сразу поняла, что маленький лоя имеет в виду очки, которые она задрала себе на макушку, когда вошла в лес.

– Ну что ты, – улыбнулась Элен. – Это просто очки против яркого дневного света. – И спохватившись, пояснила: – Ну, понимаешь, такие маленькие темные стеклышки в оправе, чтобы защитить глаза.

– Я знаю, что такое очки от света, – с достоинством проговорил Талгаро. – Мы много времени проводим в кузнях, при ярком огне и тоже используем светозащитные стекла. Но я никогда ни видел столь замысловатой формы у очков, да и вообще, я раньше кажется не видел их у Омо.

Элен опустила очки на глаза.

– Ну и как я выгляжу? – Весело поинтересовалась она.

Талгаро внимательно посмотрел на неё и после некоторого раздумья сообщил:

– Отчужденно.

Элен хмыкнула.

После этого они отправились в путь: Кит впереди, Элен и Талгаро за ним.

Не в силах более сдерживать своё любопытство, девочка спросила у лоя:

– А почему ты принял меня за свою королеву?

Было очевидно, что по росту она подходит в самый раз, но всё же ведь я землянин, говорила она себе, как можно спутать меня с кем-то из лоя. А где-то в самой глубине души, немного смущаясь своего самодовольства, она подумала о том, что может быть в ней есть нечто королевское, нечто такое универсально-величественное, что сразу бросается в глаза. Но Талгаро быстро поставил её на место, неохотно сказав:

– Разве ты не знаешь, что Сандара способна принять любой облик, в том числе и обычного ребенка из народа Омо.

– Вот как, – чуть расстроено произнес "обычный ребенок", – а как же она выглядит на самом деле?

Талгаро совершенно по-человечески пожал узкими плечами:

– Никто не знает. Обычно она является в образе молодой женщины твоего народа и некоторые из нас думают, что она не только повелитель лоя, но и народа Омо тоже, хотя твой народ этого не признает.

– А что значит "илини майян"?

Талгаро поглядел на девочку с легким удивлением:

– На язык Омо это приблизительно можно перевести как "великая королева" или может быть "великая мать", хотя ни матерей, ни королей у лоя нет.

Элен показалось это странным, но её тут же отвлекла другая мысль.

– Но почему ты принял меня за неё, только когда понял, что Кит не "самоход".

Талгаро немного помялся и совсем уже неохотно произнес:

– Когда Кит заговорил со мной, я решил, что он асив. Асивы это служители Сандары, её вечные помощники и воины, защищающие Лазурные горы и исполняющие любое желание Королевы. Они очень разнообразны по форме и размеру, но все сделаны из металла и при этом некоторые из них, как и Кит, обладают голосом и могут вступить в диалог как живые люди.

– Любопытно, – протянула Элен и поглядела на металлического пса.

"Думаете возможно другие роботы?", спросил он.

Элен чуть заметно кивнула. Впрочем, наличие на Каунаме каких-то роботов её мало занимало. Может они остались от звездных переселенцев, какие-нибудь сельскохозяйственные или горнодобывающие машины, потерянные и забытые в процессе общего регресса и упадка колонии земель, блуждающие по лесам и горам, не в силах исчерпать свой возобновляемый источник энергии и мифологизированные отсталыми аборигенами. Больше её интересовал вопрос кто такая эта Сандара, но девочка вполне отдавала себе отчет, что вероятнее всего это сказочный персонаж из какой-то наивной религиозной системы, а религии всегда представлялись ей одними из самых примитивных, нудных и утомительных порождений человеческого разума и она никогда не понимала почему в школьной программе им вообще уделяется внимание. И она решила прекратить этот разговор, к тому же видя, что Талгаро не слишком-то им воодушевлен.

3.

В Туиле, маленьком провинциальном городке в западной части королевства, сегодня ожидалось большое событие – суд над пойманной дикаркой.

На пыльном утрямбованном грунте городской площади, напротив здания мэрии, собралась толпа. Люди сидели на принесенных из церкви и таверны скамьях, или прямо на земле, и тихо переговаривались в предвкушении действия.

На крыльце мэрии стоял длинный тяжёлый стол, за которым восседало трое судей. Все они были в черных мантиях, белых париках с громадными кудрями и высоких квадратных шляпах. Крайним слева сидел Орландо Гортекс, славный мэр Туила. Городской глава как обычно пребывал в стадии легкого опьянения и взгляд его был отрешенным и несколько осоловелым. Крайним справа сидел отец Буртус, архиепископ и владыка туилского прихода. Отец Буртус, как и положено, представлял в суде церковную власть. Священник выглядел очень сосредоточенно и по-деловому, к предстоящему процессу он относился весьма серьезно. В центре сидел Мاستон Лург – главный королевский судья туилского округа. Назначенный в это захолустье четырнадцать лет назад, он уже давно перестал мечтать о переводе куда-нибудь поближе к столице и ко двору, и теперь просто делал свою работу, стараясь по мере сил извлекать из неё выгоду для себя и сохранять в населении веру в королевское правосудие.

Сегодняшнее дело не представлялось ему сложным.

Трое местных лесорубов работали на делянке. На них напала какая-то дикарка из Кирма, страны граничащей с восточными провинциями королевства. Что она здесь делает, так далеко от своей родной земли, неясно, но это и не важно. Она убила одного из лесорубов, двое других сумели ранить ее и связать. Так что свою задачу Лург понимал предельно четко. Быстро и умело обвинить и осудить проклятую язычницу и приговорить ее к повешению, к вящему удовольствию родственников и друзей убитого, а также всех добрых граждан города Туил.

Возле крыльца, справа от судейского стола, стояла тесная металлическая клетка, в которой и находилась преступница. Горожане с любопытством рассматривали дикарку и делились впечатлениями. На вид ей было лет двадцать. Стройная, изящная, прямые длинные черные волосы, белая бархатная кожа, маленький рот с тонкими губами, аккуратный прямой маленький носик и чудесные темные, почти черные глаза, немного суженный и удлинённый разрез которых был так непривычен местному люду. Девушка была очаровательна, но сейчас она

выглядела усталой и замкнутой. Из одежды на ней оставили кожаные облегающие брюки и широкий лиф из темно-синего шелка. Её голый живот был обмотан куском грубой ткани, когда-то белой, а теперь испачканной грязью камеры и засохшей кровью. Её волосы превратились в неопрятные свалывшиеся космы. Девушка стояла босыми ступнями на дощатом полу клетки и, держась руками за её прутья, смотрела в землю.

Возле крыльца расположилось десять солдат и их командир – лейтенант Свадо. Воины должны были обеспечивать порядок и не допустить побега заключенной из-под стражи. Один из солдат стоял непосредственно за клеткой. В его задачу входило следить за поведением преступницы по отношению к суду. Для этого в руках у него было короткое копье, коим он тыкал в дикарку, в частности, когда она несколько раз пыталась сесть на пол.

У солдат был откровенно скучающий вид. Они стояли, прислонясь пятыми точками к высокому деревянному крыльцу мэрии, и лениво смотрели по сторонам.

Слева от судейского стола, ни на крыльце, а прямо на земле, стоял деревянный покосившийся стул, на котором сидел молодой человек с большой черной папкой в руках. Звали молодого человека Касаш и последний год он занимал в Туиле должность судебного секретаря. Свои обязанности он исполнял весьма энергично, умело и старательно. И хотя в глубине его души ещё порой возникали благородные порывы негодования при виде частенько творимого судом беззакония, он благоразумно подавлял их. Молодой человек хотел сделать карьеру и образцом для подражания избрал себе мудрого и твердого Мастона Лурга. Суд защищает интересы большинства, интересы сильных мира сего и если только дело не идет наперекор первым двум категориям, то тогда уж можно и заняться справедливостью. Разумом Касаш это принимал, но вот сердцем ещё не всегда. И сегодня, искоса поглядывая на обреченную дикарку, он признавался себе, что чувствует к ней симпатию и в глубине его души рождается слабый конфликт, с которым он, впрочем, вне всяких сомнений легко справится, ибо она всего лишь жалкая, ничемная, да и наверно действительно опасная язычница, а его впереди ждет столичная судебная академия, которая откроет ему дорогу к власти, достатку и уважению.

Лург отпил из стоявшего рядом с ним стакана ягодного морса, взял молоток и собрался возвестить о начале суда. Но в этот момент на площади, из-за угла парикмахерской, появилась необычная троица. Ребенок в странной одежде и обуви, удивительная металлическая собака и маленький человечек в смешной конусовидной шляпе.

Лург, которому в молодости довелось побывать во многих городах королевства и даже в столице, отнесся к появлению незнакомцев очень сдержанно. В своей жизни он встречал представителей практически всех народов, живущих на Шатгалле. Туилцы же вытягивали шеи и бесцеремонно пялились на чужаков. Лоя конечно им были не в диковинку, ребенок тоже был совершенно обычным, хоть и в несколько странной одежде, но вот механическая собака была действительно поразительна. Лург тоже некоторое время не мог оторвать от нее глаз. Она двигалась совершенно плавно и естественно, как живая. Королевский судья даже подумал, что может собака и вправду живая, а сверху на нее нацепили нечто вроде доспехов, как на некоторых рыцарских лошадях. Но это было конечно не так, ни одна собака не выдержала бы если бы ее тело полностью заковали бы в броню. Пес был сделан из металла, это совершенно очевидно.

Незнакомцы спокойно перенесли любопытные взгляды, направленные на них. Они прошли сквозь ряды скамеек и расположились недалеко от клетки. Пес совершенно по-собачьи улегся на землю. Ребенок снял свою куртку и сел на нее, привалившись к широкому боку пса. Лоя откинул свою шляпу за спину и уселся рядом с ребенком. Лург почему-то почувствовал беспокойство. Чужаки явно намеревались наблюдать за процессом, как и все. Остальных туилцев это видимо не волновало, и после того как люди насмотрелись на удивительного пса, они потеряли интерес к странной троице.

Через город нередко проходили чужеземцы. И маленькие Лоя, и могучие Туру, и ужасные Авры, разве что совсем уж непостижимых Шоти здесь, насколько было известно Лургу, никогда не было. И в большинстве случаев люди относились к чужакам терпимо. Да, но все-таки не всегда, подумал королевский судья, и покосился на дикарку в клетке.

4.

Минлу было очень плохо. Её подташнивало, у нее кружилась голова и ей было жарко. Она сильно потела. Лиф и повязка на ране стали влажными и прилипли к телу. Девушке очень хотелось сесть на пол, но она продолжала стоять, крепко вцепившись в прутья клетки. Солдат за ее спиной наносил ей уколы в ягодичы, когда девушка начинала опускаться вниз. Минлу ни разу не оглянулась на этого вояку. Она провела рукой сзади по брюкам, посмотрела на ладонь и увидела кровь. Снова взялась за прут клетки и крепко зажмурила глаза. Боль и слабость пожирала её.

Но кроме боли и слабости, было ещё опустошающее чувство унижения и обиды. Эти люди обращались с ней как с животным, они и считали её животным. Её, дочь гордого народа из далекой страны Кирм, сначала попытались изнасиловать, а потом связали, содрали одежду и посадили в клетку. И ей не на что было здесь надеяться, этот суд просто фарс, они конечно же убьют её. Умирать страшно. И кроме всего этого, есть ещё миссия, которая теперь останется невыполненной. Учитель Киадо сейчас так далеко от нее, она одна и никто ей не поможет, никто.

Девушка открыла глаза, подняла взгляд и вдруг увидела странного ребенка, черноволосую девочку, со столь непривычной короткой стрижкой. И хотя рядом с ней был удивительный металлический пес и маленький человечек из народа Лоя, молодая кирмианка не обращала на них никакого внимания. Пристальный взгляд больших синих детских глаз, направленных на нее, заморозил девушку.

Девочка выглядела задумчивой.

Минлу, сама не понимая почему, слабо улыбнулась маленькой незнакомке, которая была единственной, кто смотрел на неё без ненависти, презрения, похоти, страха или обывательского любопытства.

В этот момент человек, сидящий за столом, ударил молотком и девочка переключила свое внимание на королевского судью города Туил.

5.

– Приступай, Касаш, – сказал Мастон Лург своему помощнику.

Молодой человек бодро вскочил со стула и хорошо поставленным голосом возвестил:

– Суд начинается. Слушается дело: «Народ города Туил против дикой женщины из страны Кирм». Дикая женщина обвиняется в хладнокровном, преднамеренном убийстве достойного жителя города, доброго отца семейства, верного подданного нашего короля и благочестивого христианина господина Пулта.

Судебный секретарь оглядел сидящих перед ним людей. Все с нетерпением смотрели на него. Молодой человек, полный приятного ощущения собственной важности, продолжил:

– Прежде чем приступить к заслушиванию свидетельств, суд желает задать несколько вопросов обвиняемой. Предварительным разбирательством было выяснено, что она способна говорить на человеческом языке и имеет свои примитивные понятия о добре и зле. Обвиняемая, понимаете ли вы то, что я говорю?

Минлу посмотрела Касашу в глаза.

– Я понимаю то, что ты говоришь, – негромко сказала она.

– Обвиняемая, суд желает, чтобы вы говорили громче.

Болезненный укол в ягодицу заставил девушку вздрогнуть.

– Я буду говорить громче, – повысив голос, сказала она.

– Назовите свое имя, – потребовал судебный секретарь.

– Минлу Такулада Хин, – сказала Минлу.

По рядам горожан прокатилось удивленное недоверчивое перешептывание.

– У вас настолько высокое происхождение?

Девушка непонимающе поглядела на него и Касаш объяснил:

– В нашей стране лишь люди благородного происхождения имеют право называться двумя и более именами.

– А в нашей стране все люди имеют право называться так как их зовут.

Презрение в голосе девушки не понравилось горожанам. Судебный секретарь подождал, пока стихнет недовольный гул голосов и продолжил:

– Сколько вам лет?

– Двадцать один год.

– С какой целью вы прибыли в Туил?

– Ни с какой. Я иду мимо, дальше на восток.

Касаш покосился на своего непосредственного начальника. Мастон Лург едва заметно отрицательно покачал головой.

– Кирм находится невероятно далеко от нашего города. Вы пересекли чуть ли не половину Шатгаллы. Что же заставило вас отправиться в столь длительное путешествие?

– Это вас не касается.

Солдат, бдящий за корректным поведением обвиняемой, встрепенулся и поспешил нанести очередной укол.

Минлу дернулась, на глазах её выступили слезы.

– Причина моего путешествия не имеет никакого отношения ни к вашему городу, ни ко всей вашей стране, – сказала она.

– Допустим, – с сомнением проговорил Касаш. – Суду также интересно знать, считается ли в вашей стране преднамеренное, хладнокровное убийство преступлением.

– Да.

– Хорошо. Признаете ли вы, что вечером четвертого дня вы убили честного и достойного жителя нашего города, отца добропорядочного семейства, лесоруба по имени Пулт.

Волна тошнотворной слабости прошла по телу девушки. Перед глазами заплясали фиолетовые пятна. Ещё крепче вцепившись в прутья клетки, Минлу переждала приступ, затем подняла глаза на молодого человека и четко сказала:

– Я признаю, что вечером четвертого дня я убила мужчину, который хотел надругаться надо мной.

Последние слова девушки потонули в яростных возгласах собравшихся горожан.

Сидевший неподалеку от Элен огромный лысый мужчина с широким, багровым, лоснящимся лицом злобно сказал:

– Кирмианская шлюха, засадить бы ей кол между ног, да так, чтобы изо рта вылез.

Сидящая рядом женщина одернула его, напоминая, что здесь дети.

– Не трожь меня! – Отмахнулся он. – Эта чертова маромойка прирезала Пулта как свинью! Я двадцать лет его знаю. Он был добрый малый. И пусть мне скажут к какому дьяволу катится этот дрянной мир, если какая-то косорылая чужеземная сука на нашей же собственной земле режет наших мужиков.

Касаш снова посмотрел на королевского судью и на этот раз Лург кивнул утвердительно. Молодой человек, перекрывая гудящее собрание горожан, возвестил:

– Суд удовлетворен предварительным допросом обвиняемой и теперь желает приступить к заслушиванию свидетельских показаний. – Касаш подождал, пока над площадью воцарится тишина, и затем продолжил: – Свидетель Хэйдэл, суд желает видеть вас.

Откуда-то из задних рядов вышел высокий, худой мужчина. Согбенный, в годах, с темным, костлявым лицом и большими, словно печальными глазами, он производил впечатление навеки уставшего от жизни человека и с трудом понимающего что он собственно тут делает. Хэйдэл явно нервничал и старался не смотреть в сторону клетки.

– Садитесь, – сказал Касаш, указывая на стул, на котором недавно сидел сам.

Свидетель сел.

– Суд желает, чтобы вы рассказали о том, где вы были вечером четвертого дня.

Хэйдэл прочистил горло и скорбно начал:

– Четвертого дня мы...

– Кто мы? – Тут же уточнил судебный секретарь.

– Ну я, Пулт и Канрон, – растерянно пояснил ему Хэйдэл.

– Вы, господин Пулт и господин Канрон, – благожелательно произнес Касаш, – ясно.

Прошу вас, продолжайте. И в сторону общества, пожалуйста.

Хэйдэл поглядел пустым взглядом в сторону "общества".

– Мы были на делянке возле Зовущего лога, рубили бревна для гробовщика Чита, – монотонно продолжил он. – Вечером, закончив работу, мы занялись ужином. Мы мирно сидели у костра, когда появилась она.

– Кто она? Обвиняемая?

– Да, о-обвиняемая.

– Вы уверены, что это была та самая женщина, которая находится в клетке слева от вас.

– Да, та самая.

– Хорошо, что было дальше?

– Эта женщина неожиданно выскочила из леса, когда мы мирно сидели втроем у костра, собираясь ужинать. – Хэйдэл говорил совершенно безэмоционально. – У неё в руках был меч.

– Хорошо, прервитесь на минуту, – Касаш сделал знак одному из солдат. Тот подошел и протянул судебному секретарю ножны с мечом.

Молодой человек обнажил клинок.

Оружие имело длинную рукоять, обмотанную черным кожаным шнурком и эфес в виде небольшого диска. Клинок был однолезвийным, слегка изогнутым и достигал в длину сантиметров восемьдесят.

– Этот меч вы видели в руках обвиняемой?

– Да этот.

– Суд доводит до сведения горожан, что оружие невероятно острое и опасное.

Касаш убрал меч в ножны и вернул его солдату.

– Итак, обвиняемая неожиданно появилась из леса с мечом в руках. Что было дальше?

Хэйдэл уставился в землю перед собой.

– Она напала на нас. Ближе всего к ней был Пулт.

– Погодите. То есть вы хотите сказать, что она, не сказав ни слова, без каких-либо провоцирующих действий с вашей стороны, взяла и атаковала вас?

– Ну да. Никаких провоцирую... провоциру-ющих действий мы ей не делали.

– Что было дальше?

– Эта женщина...

– Обвиняемая.

– Ну да, обвиняемая воткнула меч Пулту в брюхо...

– В живот.

– Ну да, в живот и бросилась на нас. Но вдруг запнулась и Канрон, защищаясь, сумел зацепить ее ножом, а затем мы огрели её по башке и связали. – Хэйдэл сказал все это торопливо, ему явно хотелось поскорей закончить с ролью свидетеля.

Касаш, видя это, поспешил поблагодарить его от имени суда и отпустить.

– Ваши мужчины не только подонки, но и трусы, – громко и отчетливо сказала Минлу в спину удаляющемуся Хэйдэлу. Тот ничего не ответил, лишь будто бы еще сильнее сгорбился и ускорил шаг.

Но Масто́н Лург подал едва заметный знак и кирмианку примерно наказали. На этот раз укол копьем в ягодицу был почти ударом. Девушка непроизвольно вскрикнула и подалась вперед, прижимаясь к прутьям клетки.

Элен Акари вскочила на ноги и, обращаясь к солдату с копьем, звонким детским голосом возмущенно крикнула:

– Да прекратите же вы ее колоть!

Огромный лысый мужчина, недавно высказавший пожелание посадить обвиняемую на кол, тут же выпалил, обращаясь к девочке:

– Эй, малая, рот свой закрой, пока по губам не съездил. Не доросла ещё старшим указывать.

Прежде чем Элен успела хоть как-то прореагировать на эту злобную реплику, в воздух как пружина взвился маленький лоя.

Талгаро повернулся к мужчине. Лицо лоя и без того бледное, стало как бумага и по носу пошли алые пятна.

– Господин с большим лицом, – воскликнул он голосом, полным еле сдерживаемого гнева, – если вы ещё раз позволите себе неуважительное высказывание в адрес моей спутницы, то, клянусь золотыми волосами Королевы Лазурных гор, моя пуна рассечет ваш живот быстрее чем вы моргнете и через пару минут ваше тело будете биться в предсмертных судорогах на земле. – И очень многозначительным жестом Талгаро положил правую ладонь на одну из рукоятей за своим плечом.

– Тогда ты, короткий, будешь болтаться в петле рядом с этой кирмианской шлюхой, – с презрением ответил мужчина.

– Я вас предупредил, – веско произнес Талгаро.

Элен происшествие показалось забавным. Что мог маленький лоя сделать этакому великану? Однако, посмотрев на мужчину, девочка поняла, что тот, несмотря на внешнее бахвальство, не на шутку испуган. Цветовая гамма и вибрации его ауры ясно говорили, что ему страшно. Это озадачило её. Что же так напугало его?

Но на этом инцидент не закончился. В наступившей тишине Кит взял, да и сказал:

– А может ему голову откусить?

После чего металлический пес медленно, широко зевнул, демонстрируя свои огромные совершенные зубы из “алмазной” стали, с клацающим звуком захлопнул пасть и посмотрел своими большими черными глазами прямо в глаза мужчины.

Находящиеся рядом туилцы, слышавшие вопрос металлической собаки, пребывали в шоке. То есть конечно они знали о существовании музыкальных шкатулок и то что бывают автоматы, способные членораздельно произносить отдельные заложенные в них создателями слова. Но здесь, сейчас произошло нечто невероятное. Совершенно очевидно, что этот механический пес не просто произнес одну из доступных ему фраз, а произвел осмысленное действие согласно сложившейся ситуации. То есть он вел себя как разумное живое существо.

На этот раз лысый мужчина предпочел промолчать, он сидел с окаменевшим лицом, на котором застыло выражение изумления, смешанного с испугом.

Элен повернулась к судьям.

– Ваша честь, – обратилась она к Масто́ну Лургу, – прикажите, пожалуйста, чтобы ее не кололи.

Королевский судья, также слышавший голос собаки, вышел из ступора, некоторое время непонимающе смотрел на девочку, затем повернулся к своему помощнику и сердито проговорил:

– Касаш, в чем дело, продолжайте вести заседание.

Таким образом королевский судья проигнорировал просьбу Элен и процесс возобновился. Девочка ничего больше ни сказала и вернулась на свою куртку к удобному боку Кита. Талгаро сел рядом.

Касаш пришел в себя и возвестил:

– Свидетель Канрон, суд желает видеть вас.

Люди понемногу приходили в себя. Некоторые все ещё косились на удивительную собаку, но все же скоро судебный процесс снова завладел их вниманием.

Канрон оказался полной противоположностью Хэйдэла. Он был моложе, дороднее, с круглым, румяным лицом, с большими живыми глазами в обрамлении пушистых ресниц. Вел он себя самоуверенно и даже нагло. С усмешкой смотрел на девушку в клетке, приветственно кивал знакомым, развалился на стуле, с удовольствием и с подробностями рассказывал о произошедшем. Он еще раз повторил историю о том, как они, трое добропорядочных лесорубов, утомившись за долгий рабочий день, хотели просто мирно поужинать, как вдруг из чащи выскочила злобная, кровожадная дикарка и яростно напала на них. И лишь чудом, не иначе как сам бог вступился за них, ему и Хэйдэлу удалось остаться в живых и пленить кирмианку. И Хэйдэл не без самодовольства поведал о том, как храбро он бросился на дикарку с ножом, и это против-то меча, и сумел ранить её.

– Кит, тебе обязательно было выступать? – Очень тихо проговорила Элен.

Пес скроил невинную морду и ничего не ответил. Тогда девочка обратилась к Лоя:

– Благодарю тебя Тал, за твое вмешательство.

Талгаро посмотрел ей в глаза.

– Я должен был это сделать.

– Я понимаю. Но я хотела бы попросить тебя больше не угрожать тем, кто оскорбляет меня. Их слова нисколько не задевают меня. На самом деле они в первую очередь унижают и оскорбляют себя. И нет смысла вступать с ними в конфронтацию. Понимаешь, я не считаю это важным.

Лоя некоторое время молчал, затем ответил:

– Элен, скажи ты просишь меня об этом не из-за того, что считаешь меня маленьким и слабым и на самом деле не способным защитить твою честь?

– Нет, Тал, я прошу тебя об этом только потому, что не придаю никакого значения словам разных грубиянов. – Девочке очень хотелось узнать, почему мужчина воспринял угрозу Талгаро так серьезно и она уже почти решила пойти навстречу своему любопытству, но затем передумала.

– Хорошо, Элен, если это будут просто слова, если не будет никакой реальной опасности, то я останусь в стороне.

– Спасибо, Тал.

Они говорили очень тихо, так что слышать их мог только Кит.

Между тем Канрон продолжал свою речь, которая уже мало интересовала Элен, ибо он повторял ту же ложь, что и Хэйдэл. По переливам их аур девочка видела, что они говорят неправду. Отличие было только в том, что Хэйдэлу это было противно, а Канрон вполне наслаждался этим.

– Видели бы вы как она брыкалась и билась, когда мы её связывали, – говорил Канрон, – она кусалась и рычала как зверь. В общем нам очень повезло что мы не закончили так же как бедняга Пулт. Она проткнула его, даже не моргнув глазом и если бы не споткнулась о бревно, то наверняка прикончила бы всех нас троих. Она хоть и баба, но тренирована как бойцовский бейхор. Их наверно там в Кирме годами натаскивают чтобы они вот так вот лихо с людьми справлялись.

– Ну что ж, суд благодарит вас, господин Канрон. Вы можете вернуться на свое место.

Канрон встал, повернулся к Минлу и глядя на неё, усмехнулся и сказал:

– Посадили суку в клетку, неплохо бы ещё на неё цепь одеть.

– Вы можете идти, – повторил Касаш.

Когда лесоруб удалился, судебный секретарь возвестил:

– Суд удовлетворен свидетельскими показаниями обвинения. Теперь суд желает выслушать обвиняемую.

Касаш повернулся к девушке:

– Обвиняемая, вы будете говорить?

– Да.

– Прошу вас.

Минлу говорила не быстро и с каким-то отсутствующим видом. Со всей очевидностью она понимала, что её рассказ ничего не изменит. Но все же она считала необходимым изложить истинный ход событий.

Сейчас ей казалось, что она и сама с трудом понимает, как всё это случилось. Произошедшее представлялось невысказанным абсурдом. Столько лет её обучали выдержке, самообладанию, осознанности своих действий, гармоничному течению энергии внутри себя, равносильному состоянию духа, мастерскому владению телом и мечом и что в итоге? В совершенно вроде бы тривиальной ситуации она растерялась, запаниковала, убила человека и еще и позволила схватить себя. Это был просто позор.

Она шла по дороге в своем долгом путешествии на восток. Наступил вечер. Она вымоталась, устала, проголодалась и как будто бы сбилась с пути. Ей казалось, что она уже давно должна дойти до города, но всё продолжала плутать по бесконечному лесу. Увидев свет костра, она радостно свернула к нему, желая поговорить с людьми, узнать направление и может немного передохнуть. Подойдя ближе, она обнаружила трех мужчин, готовивших что-то на огне. Попросила разрешения присоединиться к ним. Мужчины были совсем не против. Сначала все шло хорошо, они сидели и разговаривали, говорила она в основном с Хэйделом и Канроном. Пулт почти все время молчал, бесцеремонно разглядывая её, и время от времени прикладывался к фляге. Затем Пулт подсел к ней, обнял ее за талию и начал шептать на ухо разные похабности. Его товарищи спокойно наблюдали за этим и понимающе улыбались. Она отстранилась и попросила его перестать. Тогда Пулт грубо схватил её и повалил на землю. Стал кричать, что для неё, дикарки, большая честь, если её возьмет мужчина из города, начал срывать с неё одежду. Казалось, что для лесорубов все происходящее ужасно банально и обыденно. Пулт торопливо стаскивал с себя одной рукой штаны.

Она по-настоящему запаниковала, при этом еще и мучительно сокрушаясь от мысли что ведь могла просто пройти мимо костра и ничего бы этого не было. В панике, почти рефлексивно она ударила Пулта в горло, освободилась от его хватки и начала подниматься на ноги. На помощь Пулту бросился Канрон, он попытался прижать её к земле. Пулт пришел в себя, совершенно рассвирепев и как будто бы обезумев, он орал что "выпотрошит эту суку как рыбу", но сначала трахнет. Пулт попытался схватить её за ноги, но получил болезненный удар по коленке, заорал, вытащил нож и в ярости, почти не целясь, попытался воткнуть нож в живот своей обидчицы. Канрон отпрянул в сторону, думая, что все кончено и не желая попасть под следующий удар Пулта. Она почувствовала, как обожгло низ живота, но рана оказалась не глубокой и не смертельной. Оттолкнув Пулта, она начала подниматься на ноги. Пулт схватил подвернувшийся топор и бросился на неё. Сориентировавшийся Канрон, подобрав какое-то полено, уже обходил её с боку. И тогда паника и страх окончательно завладели ею. Врагов было несколько, она не могла держать их поле зрения и кажется они уже помышляли не об изнасиловании, а об убийстве. Огромный Пулт, с вздетым топором, был уже совсем рядом. Она молниеносно вынула меч и, почти не глядя, совершенно не так как её учили, дрожа как в лихорадке, ткнула клинком куда-то в живот нападающего. Он, продолжая движение, сделал

еще полшага, насаживаясь на меч и застыл, с немым удивлением уставившись на торчавшую из его пуза полоску стали. Она, совершенно позабыв о втором нападающем, тоже окаменело уставилась на расплзающееся по рубахе лесоруба темное пятно вокруг её меча. Мысль о том, что она убила человека, вогнав ему в живот клинок, парализовала её своей неестественной дикостью. В этот момент тяжелое полено хорошенько приложилось к её голове и земля прыгнула к ней навстречу. Очнулась она уже обезоруженная и связанная.

Элен слушала девушку очень внимательно и пристально наблюдала за ней. Речь Минлу прерывалась злобными криками, ругательствами, проклятиями и даже свистом. Особенно негодовала вдова Пулта, его двоюродный брат и Канрон, который в рассказе кирмианки предстал уже не отважным парнем, смело бросающимся на помощь товарищу, с ножом против длинного меча, а каким-то мелким, гнусным прихвостнем насильника, свалившим несчастную девицу подлым ударом исподтишка, сзади поленом по голове. Касашу постоянно приходилось вмешиваться и призывать горожан к порядку, чтобы дать обвиняемой довести свой рассказ до конца.

После того как Минлу закончила, на неё снова полились потоки ругани и оскорблений. Её осыпали самой грязной и мерзкой бранью, ничуть не стесняясь ни судьи, ни детей, ни священника. Ей пророчествовали ужасные кары и при жизни, и после смерти, перемежаемые патетическими вопросами типа "как носит таких чудовищ земля", "как небеса еще не обрушились на голову такой злыдни", "как бог допускает рождаться на свет таким исчадиям ада" и пр. Касаш уже даже не пытался остановить эти словесные излияния, а просто терпеливо ждал, когда люди выдохнутся.

– Она сказала правду? – Тихо поинтересовался Кит.

– Да, каждое слово, – ответила девочка и посмотрела своему псу в глаза.

– Ваше вмешательство ничего не изменит, – торопливо сказал Кит по радиосвязи.

Девочка еще несколько секунд глядела на собаку, затем отвернулась.

– Итак, вы закончили? – Обратился к Минлу судебный секретарь, когда на площади установилась относительная тишина.

– Да.

– Значит вы хотите сказать, что с вашей стороны это было просто самозащитой?

– Да.

– Ну что ж, – Касаш повернулся лицом к трем судьям.

Настало время для них. Они по очереди должны были задать свои вопросы, высказать свои замечания и суждения. Первым должен был начать мэр, затем представитель церковной власти и закончит королевский судья.

Касаш с дурным предчувствием поглядел на главу города. От того можно было ожидать всего что угодно. Совершенно очевидно, что ни одной трезвой мысли, одурманенный алкоголем, мозг мэра произвести не мог.

В данный момент Орландо Гортекс блаженно подремывал. И поэтому для начала его надо было вернуть к действительности.

– Господин мэр, – осторожно позвал Касаш.

Господин мэр не реагировал.

На помощь своему помощнику пришел Мастон Лург. Серdito глядя на своего коллегу, он произвел аккуратное покашливание. Результат был прежним. В рядах зрителей прошелестели смешки. Выйдя из себя, королевский судья кашлянул с такой силой, что сидящий слева от него отец Буртус вздрогнул, вышел из своего задумчивого состояния и вопросительно посмотрел на Лурга.

С облегчением Касаш увидел, что взгляд главы города немного прояснился.

– Господин мэр, – поспешно заговорил молодой человек, – есть ли у вас какие-нибудь вопросы или замечания по рассматриваемому делу?

Орландо Гортекс приосанился и уверенным, ничуть не заплетающимся голосом с ходу произнес:

– Казнить всех троих. Всех в петлю.

Вот теперь на площади действительно наступила тишина. Горожане прекрасно знали о привычке своего мэра закладывать за воротник, но в тоже время они знали, что если надо, то он может быть суров и решителен, и без колебания приведет в исполнение любой приговор. И хотя сейчас главным был королевский судья, это не отменяло того факта, что весь армейский городской гарнизон подчинялся только мэру. В распоряжении королевского судьи был только небольшой отряд судебной гвардии в двадцать человек, руководил которым лейтенант Свадо. Так что как не крути, пьян мэр или нет, но к его словам стоило относиться серьезно.

Лицо Мастона Лурга приобрело кислое выражение. Касаш и сам уже был не рад, что они пробудили мэра. Королевский судья сделал большие глаза, как бы говоря своему помощнику, что бы он тут не стоял как баран с застывшим взглядом, а брал ситуацию под контроль. Но Касаш не смел дерзить или указывать главе города.

Молодой человек нерешительно повертел в руках папку и спросил:

– Кого же именно вы предлагаете казнить, господин мэр?

– Как кого?! Ну этих лесорубов. Ещё чего не хватало, чтобы посреди бела дня эти молодчики насильовали наших женщин.

Площадь безмолвствовала, а вместе с ней впал в безмолвие и окончательно растерявшийся Касаш. Сначала у него возникло жгучее желание взять у Лурга деревянный молоток и постучать им по голове мэра, чтобы хоть как-то привести в порядок его пьяные мысли, но потом у него промелькнуло невероятное предположение, что может быть мэр вовсе не так уж пьян и говорит то, что действительно думает. Ведь в глубине души молодой человек не сомневался, что девушка сказала правду, а значит она невиновна, она просто пыталась спасти себя от надругательства. Но яростный взгляд королевского судьи напомнил Касашу, что сомнения из глубины души совершенно ни к чему во время суда.

– Господин мэр, но их осталось только двое, – произнес молодой человек и ему тут же на память пришли слова «глупо молвил», ибо сейчас это было как раз про него.

– Одного уже казнили, – весело крикнул кто-то из толпы.

– Ага, да причем как благородного, мечом, – поддержал кто-то ещё.

Невзирая на присутствие родственников убиенного лесоруба, кое-где на скамейках раздался смех.

Мастон Лург, видя, что суд превращается в неприкрытый фарс, повернулся к мэру и очень тихо произнес:

– Господин мэр, вы немного упустили нить процесса. Лесорубы ни в чем не обвиняются. Суд идет над этой дикой женщиной из страны Кирм. Она без всякой причины напала на жителей нашего города, и прежде чем с ней сумели справиться, она успела убить одного человека. Вам понятно?

Слова королевского судьи услышал не только мэр. Лоя по природе своей обладали невероятно тонким слухом и потому Талгаро легко разобрал тихие слова Лурга. Кит при помощи своих сверхчувствительных микрофонов также принял речь судьи и транслировал ее в микродинамик своей хозяйке.

Орландо Гортекс долго смотрел в холодные глаза королевского судьи. И о чем же думал мэр в эту минуту? Может быть решал стоит ли идти наперекор общему настрою толпы и предвзятому приговору судьи. Да, здесь в городе его власть почти абсолютна, но за королевским судьей стоит вся сила всемогущей Судебной палаты. Мастон Лург легко может устроить так чтобы Палата обратила свое пристальное внимание на мэра одного из провинциальных городков королевства и тогда ему, Орландо Гортексу, скорее всего придет конец. Должность мэра не была наследуемой, глав городов назначал и снимал король, но он советовался с тремя стар-

шими преторами Судебной палаты и практически всегда прислушивался к их мнению, особенно когда те сообщали государю, что такой-то мэр больше недостоин своей высокой должности. Да, Масто́н Лург мог посодействовать его падению, это Гортекс понимал совершенно отчетливо, особенно если принять во внимания любовь мэра к выпивке. Так стоило ли идти на конфронтацию? Да ради чего? Ради какой-то грязной дикарки из неведомой страны. Нет, пусть королевский судья творит свой маленький произвол, тем более он человек мудрый и в результате все будут довольны, а дикарка не в счет. Да, возможно именно такие мысли бродили в голове мэра, а может он был просто пьян, и пытался понять, чего собственно от него хотят.

Орландо Гортекс перевел взгляд на девушку за железными прутьями, некоторое время рассматривал ее, затем обратился к Касашу:

– Напомни-ка мне сынок, кто тот достойный и многоуважаемый житель нашего города, который погиб от руки этой безобразной дикарки?

– Господин Пулт, лесоруб, отец двоих детей, добрый муж своей жены, верный подданный нашего короля и благочестивый христианин, – ответил молодой человек и ощутил приступ какой-то гадливости, то ли к мэру, то ли к самому себе.

Гортекс некоторое время молчал, припоминая, что он уже не в первый раз слышит это имя. Пьяные драки, попытки изнасилования, кажется бил жену и детей, но, впрочем, жена старалась не выносить сор из избы. Вот что припомнилось мэру.

– Да это конечно недопустимо, чтобы всякие чужеземные разбойницы убивали лучших жителей нашего города. Без всяких сомнений казнить её, – произнес Орландо Гортекс с каменным лицом.

– Хорошо, – поспешно сказал Масто́н Лург, – давай дальше, Касаш.

Молодому человеку и самому уже хотелось побыстрее закончить со всем этим. Он повернулся к отцу Буртусу.

– Ваше Преосвященство, есть ли у вас какие-нибудь вопросы или замечания по рассматриваемому делу?

– Да. У меня несколько вопросов к обвиняемой, – сухо и по-деловому ответил служитель церкви.

– Прошу вас, – предложил Касаш.

– Обвиняемая, – начал отец Буртус, – я вижу, что вы облачены в мужское одеяние. Считается ли это нормой в вашей стране или сия богопротивная привычка присуща только вам лично?

Судебный секретарь тихонько вздохнул про себя. Его преосвященство по-своему обыкновенно занялся, как он сам это называл, «борьбой за человеческую нравственность». Человеческая нравственность, по отцу Буртусу, заключалась в строгом соблюдении всех правил поведения, установленных мудрой Святой Церковью.

Минлу немного озадаченно посмотрела на Касаша, как бы прося его об объяснении сути вопроса. Но молодой человек не собирался ничего ей объяснять.

– Ваша честь..., – начала девушка.

– Обращайтесь ко мне Ваше Преосвященство, – строго одернул ее отец Бурнус.

– Ваше Преосвященство, в нашей стране каждый одевается как ему удобно и я не понимаю о какой богопротивной привычке вы говорите.

– Бог создал мужчину и женщину и определил каждому свое место и назначение в этом мире. И если женщина пытается быть или казаться мужчиной, то значит она идет против божьего промысла. Это для вас достаточно понятно?

– Да, это для меня достаточно понятно. Но не кажется ли вам, Ваше Преосвященство, что штаны, плотно облегающие мои ноги и обрисовывающие линии моих бедер, вовсе не делают меня похожим на мужчину, а наоборот лишний раз подчеркивают, что я женщина. Я думаю, что богу нравится видеть меня в этих штанах.

– Ты богохульствуешь! – Вскричал отец Буртус.

– Не больше, чем вы, Ваше Преосвященство, объявляя свои глупые измышления божьим промыслом.

– Как ты смеешь!

– Я прошу вас успокоиться Ваше Преосвященство, – сказал Масто́н Лург, – эта женщина слишком дика и невежественна, чтобы уяснить ваши доводы. Давайте оставим вопрос о штанах и перейдем к дальнейшим рассуждениям.

Отец Буртус немного успокоился.

– А ты, солдат, – гневно обратился королевский судья к воину с копьем за спиной Минлу, – забыл что ли зачем тебя там поставили?! Обвиняемая дерзит святому отцу, а тебе и дела нет!

Солдат торопливо просунул острие между прутьев и в очередной раз сильно ткнул девушку в ягодицу. У Минлу навернулись на глазах слезы, но она промолчала. Промолчала и Элен, но её большие синие глаза стали немного темнее.

Отец Буртус же после этого показательного укола почувствовал себя полностью удовлетворенным и совершенно успокоился.

– Обвиняемая, какой веры придерживается твой народ? Блуждаете ли вы во тьме идолопоклонства и язычества или вы уже открыли для себя свет единого истинного Бога, нашего отца и творца всего сущего?

Минлу безучастно смотрела в землю. Боль и дурнота клонили ее вниз, у девушки не было никакого желания продолжать этот глупый, никому ненужный разговор, но разум подсказывал, что лучше ей отвечать на вопросы эти клоунских судей быстро и ясно, если она не хочет ухудшения своего незавидного положения.

– Мы не блуждаем во тьме идолопоклонства, Ваше Преосвященство. Мы верим в Путь, Просветление и Освобождение.

– Что значат эти слова?

Минлу подняла взгляд на священника.

– Это значит, что мы верим в возможность и право человека выбрать путь очищения, пройти его до конца и освободится от пороков и страданий, терзающих человеческое сердце.

– Ты говоришь туманно и запутанно, так говорят лжепророки и еретики. Речь божьего человека ясна и проста. Ответ же мне четко и однозначно: веришь ли ты в светлого, единого, всемогущего Бога? Да или нет?

– Да.

– Ты лжешь, надеясь спасти свою жизнь. Как можешь ты, грубая, дикая, невежественная, грязная девка верить в единого всемогущего творца Вселенной. Будь это так, разве бродяжничала бы ты по свету в мужских одеждах, убивая направо и налево добропорядочных, истинно верующих людей. Наверняка в вашей бесовской стране поклоняются жутким богопротивным идолам и приносят им жертвы, скажешь не так?

– Зачем же вы задаете вопросы, если все ответы вам заранее известны. Я и мой народ верим в разумное начало Вселенной, в светлую животворящую силу пронизывающую каждую частицу мироздания, она противостоит хаосу и злобе демонических сущностей. Эта сила проявляется во всемирном всеобъемлющем законе возмездия и воздаяния. Мы называем этот закон Арма, вы называете эту силу Богом, вот и все, Ваше Преосвященство.

– Ересь, – вскричал отец Буртус.

– Спокойнее, спокойнее, Ваше Преосвященство, – вмешался Масто́н Лург, – вы же не ожидали найти в ней благонравную чистосердечную христианку. Она тот, кто она есть – дикарка.

– Да-да, вы правы, господин инрэ.

– Так какое же ваше заключение?

– Повинна и должна бать казнена.

– Хорошо.

Над площадью повисла тишина. Королевский судья с облегчением оглядел собравшихся. Дело сделано, остался последний штрих. Лург подал своему помощнику знак.

Касаш вышел вперед и громко произнес:

– Достопочтенный глава города господин Орландо Гортекс и Его Преосвященство отец Бургус высказали свое мнение. Последнее слово за господином королевским судьей. Итак, Ваша Честь, виновна ли и если да, то какого наказания заслуживает присутствующая здесь Минлу Такулада Хин – дикая женщина из страны Кирм?

Мастон Лург удостоил своего помощника благосклонным взглядом, давая понять, что тот все сделал очень хорошо и поднялся со стула, собираясь объявить приговор.

Но тут на ноги вскочила маленькая девочка, хозяйка удивительного металлического пса, и звонко сказала:

– Ваша Честь, еще не время объявлять приговор, вы не выслушали свидетелей защиты.

Душу Мастона Лурга заполнило дурное предчувствие. Он холодно посмотрел на странную девочку с коротко стриженными черными волосами и большими синими глазами. Но конечно в его положении не следовало обращать внимание на глупые детские выходки и он, подняв взгляд вверх, начал произносить формулу приговора:

– Я, Мастон Лург, королевский судья города Туил...

Однако Элен не дала ему закончить:

– Ваша Честь, игнорирование свидетельских показаний стороны защиты, является грубейшим нарушением протокола ведения судебного заседания, это просто издевательство над нормами процессуального права.

У многих присутствующих отвисли челюсти. Для этого города было весьма удивительно услышать подобную фразу из уст шестилетней девочки.

На этот раз Мастон Лург не сдержался:

– Да успокоит кто-нибудь этого нахального ребенка или нет?! Касаш, вы ведете заседание или уже самоустранились?

– Мисс Элен, вам не следует так поступать, – пробормотал Кит, поднимаясь на ноги.

Девочка, услышав его слова по микродинамику в ухе, обернулась и ободряюще улыбнулась, мол все в порядке, я знаю, что делаю.

– Ну конечно-конечно, – голосом полным сарказма проговорил Кит, приближаясь к своей хозяйке.

Касаш растерянно взирал на маленькую девочку, справа от которой стоял громадный металлический пес, а слева представитель народа Лоя, положив свою ладонь на рукоять пуну. Собравшись с духом, Касаш сказал:

– Послушай, малышка, давай ты не будешь мешать взрослым заниматься их делами. Возвращайся к себе на место и пусть господин судья закончит свою речь.

Элен Акари посмотрела на Касаша и проговорила:

– Послушайте лучше вы меня, молодой человек. Я бы ни в коем случае не мешала взрослым заниматься их делами, если бы они не собирались совершить убийство невинной женщины. И вы как судебный секретарь не хуже меня знаете, что приговор не может быть вынесен, пока не будут заслушаны свидетельские показания, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

– Да сколько это будет продолжаться, – вскричал королевский судья. – Лейтенант Свадо, вы так и будете стоять в стороне и безучастно наблюдать за происходящим. Вы офицер королевской судебной гвардии или вешалка для мундира. Немедленно уберите этих троих с площади.

Касаш почувствовал облегчение, теперь это уже проблемы лейтенанта. Свадо сделал знак трем своим подчиненным и направился к Элен. Лейтенант был храбрым человеком, но сейчас он чувствовал себя мягко говоря не в своей тарелке. Он прекрасно знал, насколько опасны маленькие лоя и уж тем более его очень смущал этот диковинный металлический пес. Да и сама девочка, не пойми кто такая. Может она вообще (лейтенант чуть не покраснел от этой ребяческой мысли) волшебница.

– Ваша Честь, – поспешно заговорила Элен, – вы совершаете ошибку. Я понимаю, вам трудно воспринимать всерьез человека моего возраста и тем не менее я прошу вас это сделать. Я из очень далекой страны и мы немного отличаемся от вас.

Королевский судья молчал. Жители города привставали со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее. Офицер и трое солдат неумолимо приближались к странной троице.

Кит повернул свою лобастую голову навстречу гвардейцам и издал рык. Специально подобранные частоты произвели на туилцев неизгладимое впечатление. Впрочем, Талгаро, со своим острым слухом, тоже пребывал в легком шоке. Страшный, рокочущий, вибрирующий звук ударил людей как будто в самое сердце. А трое солдат и их командир, на которых собственно и была направлена эта звуковая атака, отшатнулись как от порыва ветра, один упал на колени, схватившись за голову. И все четверо на некоторое время были дезориентированы и просто потрясены.

Тут вмешался пришедший в себя Талгаро. Отбросив за спину свою конусовидную шляпу, он сказал:

– Ваша Честь, я представитель народа Лоя, удостоенный чести быть проводником госпожи Элен – жительницы далекой северной страны Макора, призываю вас пойти нам навстречу и выслушать наши доводы.

Мастон Лург медленно опустился на стул. Он решил, что видимо рано обрадовался, дело еще не закончено. Да уж, не говори «Оп», пока не перепрыгнешь, с горечью сказал он себе. Впрочем, эта девочка и её пес, довольно интересные экземпляры, может быть удастся извлечь из них какую-то пользу.

Касаш решил взять всё в свои руки. В конце концов ведение заседания и было его делом. Он обратился к девочке:

– Госпожа Элен, мы совершенно согласны с вами, приговор не может быть вынесен пока не будут заслушаны свидетельские показания обеих сторон. Но бывают случаи, когда сторона ответчика не может привести в свою защиту никаких показаний кроме своих собственных. И на этот раз мы имеем как раз такой случай. У защиты нет свидетелей.

Мастон Лург одобрительно усмехнулся. Парень молодец, далеко пойдет.

– Вы ошибаетесь, господин секретарь, – абсолютно в тон молодому человеку ответила Элен. – Я свидетель защиты.

Девочка засунула руку в карман брюк и, зажав в руке заранее приготовленную таблетку, направилась к клетке.

Туилцы пребывали в замешательстве. Практически все, за исключением разве что королевского судьи. Он вдруг понял, что эта девочка не просто забавная и странная, она представляет реальную опасность, для его, Мастона Лурга, правосудия и порядка. Теперь он воспринял этого ребенка всерьез и ожидал от него больших неприятностей.

Девочка остановилась у прутьев клетки. Минлу растеряно смотрела в большие синие глаза странного ребенка. Девушка не понимала что происходит. Несколько минут назад она была одна против целого города, желающего убить её и вдруг кто-то приходит ей на помощь.

Элен протянула руку в клетку.

– Возьми это и проглоти, – быстро сказала она.

– Уберите её от клетки! – Яростно приказал Мастон Лург. – Она что-то передала ей, заберите это.

Солдаты, с большой неохотой, со всех сторон устремились к клетке.

– Глотай, не бойся, – сказала Элен, улыбнувшись. Она не обращала никакого внимания на происходящее вокруг движение. – Это просто лекарство, тебе станет лучше.

Талгаро выхватил свою пуну и бросился навстречу группе солдат, приближающихся слева. Те замерли. Они прекрасно знали о молниеносной стремительности движений Лоя и о смертоносности их оружия. Навстречу другим шагнул Кит, обнажив свои ужасные клыки. Но лейтенант Свадо, несмотря ни на что, в отличии от своих подчиненных решительно приблизился к девочке.

– Офицера нейтрализовать? – Услышала Элен голос своей собаки у себя в ухе.

– Нет-нет, Кит, все нормально, – тихо проговорила девочка, глядя в глаза молодой женщины.

Свадо, чувствуя, что громадный металлический пес наблюдает за ним, все же заставил себя взять ребенка за руку.

– Малышка, давай отойдем в сторону. Видишь господин судья не хочет, чтобы ты стояла здесь.

Элен доверчиво сжала грубые пальцы лейтенанта и с улыбкой поглядела ему в глаза.

– Конечно, господин офицер, – сказала она и Свадо усмехнулся.

Королевскому судье все это очень не нравилось. Он увидел как обвиняемая что-то сунула себе в рот.

– Заставьте её выплюнуть это, – закричал он. – Ты, с копьём!

Солдат уткнул свое оружие девушке в спину. Минлу уходя от боли, подалась вперед. Она уперлась в прутья клетки. Удивительный белый кругляшек, переданный ей девочкой, быстро растворился во рту, наполняя его чудесным сладким вкусом. Минлу быстро глотала приятную массу.

Копье стало давить сильнее. Девушка, перенося боль, закрыла глаза.

– Плюй, сука, – рявкнул солдат с копьём. Другой подскочил спереди и, сквозь прутья решетки, стукнул девушку кулаком в живот. Минлу инстинктивно качнулась вперед и врезалась лицом в прутья, с трудом удержала еще не проглоченные остатки сладкой массы во рту. Солдат схватил её за горло и начал давить

Элен обернулась на шум и стон. Увидев что происходит, она рванулась к девушке на помощь, но лейтенант удержал её за руку. Блестящими от слез глазами она посмотрела на Свадо, а потом звонко закричала:

– Кит, помоги ей! Помоги!

Жители города уже повскакивали со скамеек и устремились вперед, судебный процесс становился все интереснее и интереснее.

Кит, один из самых совершенных роботов знаменитой «StarIntel», действовал быстро и четко. Оказавшись возле клетки, взмахом могучей лапы он отшвырнул солдата, ударившего Минлу в живот. Солдат отлетел как пушинка и с треском врезался в крыльцо. Затем Кит открыл пасть и посмотрел на гвардейца с копьём. Тот схватился за шею, начал отступать назад и повалился на землю. Все было просто. Металлический пес выстрелил в него иглой с очень сложным химическим составом, парализующим на некоторое время нервную деятельность человеческого организма. Стрелял Кит изо рта и конечно же не промахивался.

Боль ушла. Вся. Минлу улыбаясь, медленно сползала по прутьям клетки. Невероятная свежесть и легкость наполняла её тело. Дурнота, тяжесть и шум в голове, болевые ощущения в истерзанных ягодицах и спине исчезли. Девушка стояла на коленях, держась за прутья. Открыв глаза, она увидела перед собой большую собачью физиономию из блестящего серебристого металла. Эта физиономия самым натуральным образом широко улыбалась. Минлу не выдержала и засмеялась.

Люди вокруг застыли в изумлении и страхе и молча смотрели на смеющуюся девушку.

Элен вынула свою ладошку из руки лейтенанта и обернувшись к королевскому судье сказала:

– Ваша Честь, может быть теперь вы соблаговолите заслушать свидетеля защиты. За вашего храброго копейщика не волнуйтесь, через несколько часов он полностью придет в себя.

Злоба, черная злоба охватила королевского судью. И даже ни на эту маленькую паршивку, сующуюся не в свое дело, нет, его взбесила эта иноземная сучка, посмевавшая почувствовать себя хорошо и даже улыбнуться. Может даже она вдруг испытала надежду, что сумеет выпутаться из этой передраги. Ну что ж, судья был опытным и главное терпеливым человеком, он получит все что хочет, так было всегда. А за свои наглые неуместные надежды кирмианка заплатит болью.

– Пусть все разойдутся по местам, – спокойно сказал Мастон Лург, – и уберите этих двоих.

Жители города, возбужденно переговариваясь, вернулись на свои места. Солдаты, стараясь держаться подальше от клетки и особенно от сидящего рядом с ней пса, унесли в сторону двух своих товарищей.

– Продолжай, Касаш, – приказал королевский судья.

Молодой человек, совершенно сбитый с толку попытался собраться с мыслями. Он прокашлялся и заговорил, обращаясь к хозяйке металлического пса со всевозможным почтением:

– Значит вы утверждаете, госпожа Элен, что вечером четвертого дня вы были возле делянки у Зовущего лога и видели происходящее?

– Вы позволите мне занять место свидетеля?

– О-о, извините, конечно же, прошу вас, садитесь.

Девочка села на ветхий стул. Кит улегся возле клетки, Талгаро встал рядом с собакой. Минлу же позволила себе опуститься на пол клетки и никто не посмел ей возразить. Но королевский судья конечно же все замечал и черный провал злобы в его душе становился глубже.

Элен развернулась, встав на стул коленями. Глядя Лургу в глаза, она сказала;

– Ваша Честь, по-моему, судья должен быть абсолютно объективен по отношению к обвиняемым.

Всем окружающим эта фраза показалась немного невпопад, но судья внутренне вздрогнул. Девочка как будто услышала его эмоции.

6.

Ему нравилось его имя. Как же красиво оно звучало, почти пелось. Но это было в другой жизни. Там на бескрайних красных равнинах его родного мира, в окружении меняющих свою форму огромных валунов и деревьев. Теперь же, с этим телом, у него даже не было органов, которые могли бы хотя бы приблизительно воспроизвести удивительное сочетание невообразимых частот, составляющих его имя.

Сейчас его называли Ташунг. Но это имя он не любил и предпочитал именоваться 7024, в цифрах было хоть какое-то приближение к утраченным навсегда совершенству и красоте. Это число обозначало цветовую волну неба той планеты, где он когда-то родился. Это было в такой невообразимой пропасти прошлого, что если бы он представлял время так же как эти примитивные существа вокруг него, то он бы сошел с ума от ужаса.

Сейчас он сидел на четвертой скамейке главной площади какого-то очередного поселения этих животных и со скукой наблюдал за происходящим. Со своей способностью к эмпатии, он с легкостью разбирался во всех никчемных хитросплетениях их жалких эмоций и желаний.

Злоба главного чиновника была очевидна. Его бесила эта самка в клетке, особенно то что она позволила себе опуститься на пол.

– Ваша Честь, по-моему, судья должен быть абсолютно объективен по отношению к обвиняемым, – сказал один из детенышей, обращаясь к главному чиновнику.

Ташунг вдруг понял, что этот детеныш отличается от своих сородичей. Он присмотрелся к нему повнимательнее. Происходило что-то непонятное. Он совершенно не мог увидеть эмоциональный настрой этого существа. 7024-ре ощутил укол легкого стыда. Он чуть не упустил нечто важное. Он наблюдал, но не видел. Быстро восстановив в памяти недавние события, он узнал, что субъекта именуют Элен. Даже пол детеныша он не смог определить самостоятельно, лишь из обращения «госпожа» он сделал вывод о половой принадлежности. Женщина, вернее конечно маленькая женщина, то есть, (Ташунг некоторое время подыскивал нужное слово), девочка. Странная девочка. А её спутники, Лоя и собака? Ну с маленьким Лоя кажется все ясно. Мечтает вернуться домой, хочет кому-то что-то доказать, напряжен и насторожен, полон нелепых понятий о благородстве и чести, изо всех сил пытается быть тем, кем не является. В общем совершенно ничем не примечателен и не интересен. Так, а собака? «Кит, помоги ей. Помогите», – кричала девочка. Значит его зовут Кит и судя по всему он вполне разумен, но в тоже время совершенно очевидно, что он не живой. 7024-ре заволновался. Он ещё никогда не встречался с подобным, но знал о существовании таких созданий от других своих сородичей. Жуткое порождение машинной цивилизации. Попытка искусственно смоделировать разум. Робот или может быть даже кибернетический организм, соединение живого и неживого. Но народы, населяющие эту планету, были не в состоянии произвести такое. Это Ташунг знал совершенно точно. Его сородичи никогда не создавали баз в мирах, на которых научно-технический уровень поднялся выше колеса и лука. Механические игрушки Лоя были не в счет, они не опасны и бесконечно примитивны. Этот робот не мог быть произведен Лоя. Он продукт совершенно иных технологий. А это значит только одно – это пришельцы.

Кто они, что им нужно? Уничтожить их сразу или пленить и доставить на базу? Нет, спешить не надо, решил 7024-ре. Некоторое время он будет наблюдать, он прекрасно маскирован, раскрыть его невозможно. Потом он свяжется со своими и уже вместе они решат, как им поступить с пришельцами.

7.

– Итак, госпожа Элен, вы утверждаете, что вечером четвертого дня вы находились рядом с делянкой у Зовущего лога и видели произошедшие там события? – Касаш уже вполне владел собой и ситуацией, и речь его лилась без запинки.

– Нет, господин секретарь, я этого не утверждаю, – спокойно ответила девочка.

Зрители зашумели. Молодой человек оторопело уставился на маленькую свидетельницу. Недавно обретенное им владение ситуацией испарилось.

– Тогда каким, позвольте узнать, образом вы собираетесь свидетельствовать в защиту обвиняемой, на каком основании?

Элен Акари выдержала паузу. Все вокруг были заинтригованы и с нетерпением ждали ее ответа. Девочка посмотрела в карие глаза молодого человека.

– Я намерена свидетельствовать в защиту обвиняемой на том основании, что я обладаю способностью с абсолютной точностью определять лжет человек или говорит правду.

Все присутствующие замерли, кое кто с раскрытыми ртами и округлившимися от изумления глазами. Даже Кит смотрел на свою хозяйку удивленно. Он прекрасно знал, что Элен действительно обладает этой способностью, но такой выходки он от нее не ожидал. Ведь было совершенно очевидно, что ее просто поднимут на смех.

"Мисс Элен, то что вы затеяли весьма опасно", сказал Кит по радио, "и... и, клянусь постоянной Планка, очень глупо." Элен чуть улыбнулась. Клятвы различными учеными, научными законами, константами и коэффициентами являлось одной из привычек Камилы Кесады, героини детективного сериала "Мир за твоим окном", который девочка обожала. "Милый мой, любовь это тоже глупость, но разве мы можем не совершать её", очень тихо ответила Элен еще одной фразой из сериала. "Мисс Кесада никогда бы так не поступила", прибегнул робот к

последнему средству. "А Джулиан Брэд да". Кит послал хозяйки аудиосмайллик: "Я сокрушен и в отчаянье", забавный человечек горько качает головой, обхватив её руками. Элен опять улыбнулась.

Касаш наконец обрел дар речи.

– Боюсь, что суд нашего королевства не может рассматривать подобный довод в качестве свидетельства.

– Почему же? Разве хоть один ваш закон хоть что-то говорит об этом?

– Ну, конечно, нет. Такого никогда просто не было.

– Все когда-нибудь случается впервые, – назидательно сказала Элен, – значит пришло время создать подобный прецедент.

Касаш хмуро посмотрел на девочку. Она была чересчур уж умной для своего возраста. Хотя он уже ни в чем не был уверен. Может она просто выглядит восьмилетней, а на самом деле ей лет триста. Касаш беспомощно взглянул на королевского судью.

– Я думаю пора прекращать этот балаган, – сказал Мاستон Лург.

– Что вы имеете в виду: мое выступление или ваш суд? – Спросила Элен, встав со стула и повернувшись к судье.

Несколько зрителей заулыбались. Усмехнулся и Орландо Гортекс.

– Послушай-ка меня, малышка, – Мاستон Лург впервые обратился к Элен прямо, – ты вне всяких сомнений чужестранка. Ты пришла в нашу страну, ты пришла на наш суд и ведешь себя дерзко и нагло. Нам все равно кто ты такая, у нас свои законы и правила. А ты позволяешь себе кричать, вмешиваться, калечишь наших солдат. С какой стати? А если мы не согласимся с тобой, ты что натравишь на нас своего пса? В твоей стране такие обычаи?

– А как бы вы поступили, Ваша честь, если бы вы знали совершенно точно, что человек невиновен, но люди готовы осудить и приговорить его?

– Ты не можешь знать этого совершенно точно.

– Я могу доказать это.

– Как, показав пару базарных фокусов?

– Неужели ради определения истины, вы не хотите дать мне даже попробовать?

– Хорошо, попробуй, – неожиданно согласился Лург. – В твоём распоряжении судебный секретарь.

Касаш вздрогнул.

Люди в большинстве своем восприняли разрешение королевского судьи весьма положительно. Им было очень любопытно. Даже если это действительно просто фокусы, то и это уже неплохое развлечение, тем более задаром. А вдруг и вправду настоящее волшебство. Люди были заинтригованы.

– Господин секретарь, – обратилась Элен к Касашу, – прошу вас загадать любое слово.

– Загадал.

– Если вам не трудно, напишите его на бумаге и отдайте её господину судье.

Молодой человек поднялся на крыльцо, подошел к столу, раскрыл свою папку, вынул лист, взял перо и обмакнув его в чернильницу, написал слово. Затем протянул лист Мастону Лургу.

Элен стояла к крыльцу и столу спиной.

– Я закончил, – объявил Касаш.

– Хорошо, тогда спуститесь обратно ко мне.

Молодой человек повинулся.

– Встаньте напротив меня.

Девочка с легкой улыбкой смотрела Касашу в глаза.

– Я вижу вы немного боитесь, но напрасно, я ничего вам не сделаю. Я прошу вас произносить такую фразу: «Я написал слово» и дальше называйте любое слово. Но в какой-то раз, по вашему усмотрению, назовите то самое слово, что вы загадали. Вам ясно?

– Вполне.

Элен ободряюще улыбнулась.

– Прошу вас.

– Я написал слово «город», – произнес Касаш.

– Ложь, – тут же сказала девочка.

– Я написал слово «Валан – Ян».

– Ложь.

Касаш вдруг почувствовал неподдельный интерес к происходящему.

– Ну хорошо, я написал слово «скамейка».

– Ложь, – с легкостью определили Элен.

– Я написал слово «комедиантка».

– А вот это правда.

Все присутствующие с немим вопросом уставились на Мастона Лурга. Тот, оттолкнув от себя лист бумаги, нехотя произнес:

– Да, это то самое слово.

– Вы удовлетворены, Ваша честь? – Спросила девочка.

Лург мрачно ответил:

– Как я и говорил это не больше чем базарный фокус. И основывать на этом вынесение судебного приговора недопустимо.

– Вы ошибаетесь, Ваша честь. Я действительно совершенно точно могу определить лжет человек или говорит правду.

Элен повернулась к зрителям и быстро сказала:

– Я прошу любого из присутствующих назвать факт из своей жизни и я скажу говорит он правду или нет. Попробуйте обмануть меня.

Люди охотно согласились на предложение странного ребенка. Встал молодой мужчина в восьмом ряду.

– Меня зовут Ригор, – крикнул он.

– Вы лжете, – тут же ответила Элен.

– Хорошо, – мужчина улыбнулся и, указав на сидящего рядом, сказал: – Это его зовут Ригор.

– Это правда.

Мужчина одобрительно хмыкнул и уселся на свое место.

Встал другой.

– У меня пять детей, две дочери и три сына.

– То что пять правда, остальное нет.

– Четыре дочери и один сын.

– Неправда.

Мужчина тяжело вздохнул.

– Пять дочерей.

Элен улыбнулась.

– Да, у вас действительно пять дочерей.

Поднялся третий.

– Моей жене тридцать восемь лет.

– Неправда.

– Тридцать пять.

– Нет.

– Тридцать один.

– Да. Только я должна вас предупредить. Я вижу, что вы верите в это и считаете это правдой, но возможно, что в действительности это и не так.

– Конечно не так, – крикнул кто-то, – Рутильде за сорок.

– Это кому за сорок, а, ты, козел плешивый! – Раздался женский крик.

По рядам прокатился смех.

– А пусть она сама скажет.

– Точно. Рутильда, сколько тебе лет, скажи девочке.

– Да пошли вы, кобели проклятые.

На скамейках снова засмеялись.

Вдруг поднялась молодая женщина. На её лице не было ни тени улыбки. Она сказала:

– В своей жизни я спала только с одним мужчиной.

Вокруг все затихли. Было очевидно, что тут какая-то семейная дрызга и Элен осторожно спросила:

– Вы уверены, что вы хотите услышать мой ответ.

Женщина посмотрела девочке в глаза и повторила:

– Я спала только с одним мужчиной.

– Вы говорите правду.

Молодая женщина опустила обратно на скамейку, а по лицу сидящего рядом молодого человека было ясно что ответ предназначался ему.

Поднялся мужчина.

– У меня брат старпомом в королевском флоте служит.

– Вы говорите правду.

Люди продолжали вставать и произносить утверждения, в основном семейного характера. «Я не был вчера там – то или у той – то», «Я не пропивал», «Я не говорила» и так далее. Наконец встал молодой человек и очень серьезно сказал:

– Я люблю Марину. Всё сильнее день ото дня.

Элен ответила не сразу.

– Вы говорите правду, но в рамках того что вы лично подразумеваете под словом любить. Я надеюсь вы понимаете меня.

Больше никто не вставал. Элен решила выяснить общий эмоциональный настрой собравшихся на площади людей. Пока ещё для неё это было непростой задачей – воспринимать ауры сразу нескольких десятков, а то и сотен или тысяч живых существ, плотно объединившихся в компактную группу. Для Элен это приблизительно походило на то, как если бы она слышала сотни разных, одновременно звучащих музыкальных произведений, отчасти сливающихся друг с другом. Охватывая единым взглядом сидевших и стоявших перед ней людей, она увидела в общем-то однородный, привычный и в целом доброжелательный фон, составленный похожими, созвучными аурами землян, поглощенных общим интересом и переживанием. Хотя конечно и с некоторыми отдельными всплесками и искажениями сильных и даже темных эмоций, бурлящих пятен ненависти и злобы. И вдруг девочка отшатнулась, наткнувшись на абсолютно черный провал.

Элен в ужасе застыла, неотрывно глядя на прекрасную молодую светловолосую женщину, стоявшую в одном из последних рядов. До этого момента Элен никогда не видела ничего подобного. Молодую женщину словно окружало едкое, плотное чернильно-черное облако, составленное из клякс и комков, медленно перетекающих друг в друга. При этом вся эта зияющая чернота время от времени пронизывалась ломаными зигзагами яростно-багровых и пурпурных нитей, которые вспыхивали и рассыпались мириадами искр. Аура то и дело набухала, раздувалась и выпрастывала из себя безобразные протуберанцы, которые через минуту съеживались, утончались и вроде как растворялись, оставляя едва заметный темный шлейф. Элен

была потрясена, подавлена и напугана. Это черное густое клубящееся образование, окружавшее незнакомку, представлялось не просто нечеловеческим, оно, по мнению Элен, вообще не соответствовало никакому знакомому ей проявлению жизни. Из всех виденных ею своими глазами живых существ, никто, ни земляне, ни представители других разумных рас, ни животные, ни рыбы, ни птицы не проявляли ничего и близко похожего к этому чернильному мареву. Молодая красивая женщина, словно окутанная ветром и тьмой, казалось вся неистово пульсирует темной энергией, какой-то inferнальной, древней, хаотичной силой, абсолютно жестокой и безжалостной в своем ледяном равнодушии. Элен вдруг осознала что незнакомка пристально смотрит ей в глаза и девочка почти задрожала, чувствуя себя так словно обжигаяще холодный ветер скребёт напрямую по её обнажённому беззащитному сердцу. "Она знает что я знаю!", с ужасом поняла Элен. Но это был не животный, физиологический ужас, а некое почти мистическое, вскрывающее сердцевину души потусторонним холодом переживание, совсем ей непривычное. И словно откуда-то издалека, еле слышно до неё донёсся голос судьи.

– Ну все хватит, – сердито сказал Масто́н Лург. – Это зашло слишком далеко.

Элен медленно повернулась к судье и тот с удивлением обнаружил, что девочка чем-то не на шутку испугана.

– Если я попрошу тебя прекратить свое выступление, ты послушаешься или будешь натравливать на нас своего пса? – Спросил королевский судья.

Девочка была слишком потрясена, чтобы продолжать борьбу. Она посмотрела на судью и произнесла:

– Я могла бы, Ваша честь, спросить вас действительно ли вы считаете эту девушку виновной, но думаю вы не ответите мне.

Все присутствующие молчали и неотрывно следили за девочкой.

Элен подошла к Киту и Талгаро. Надела свою куртку, взяла рюкзак и, посмотрев на Минлу, тихо сказала:

– Прости.

Затем быстро пошла прочь. Её друзья последовали за ней.

8.

Ташунг был взволнован, он практически пребывал на грани паники. Это существо, этот детеныш, эта девчонка вне всяких сомнений узнала его. То есть конечно не то чтобы узнала, а просто каким-то образом разглядела что он не человек. Что именно она поняла и подумала 7024 – ре не знал и это пугало его ещё больше. Его имитация самки одного из видов населяющих эту планету была идеальной. Ни по каким физическим параметрам, доступным наблюдению этих примитивных существ, они не могли раскрыть его. И все-таки эта девчонка смогла. Нужно срочно принимать меры.

9.

«Зачем ты разбудил меня, 7024 – ре?»

«Прости меня, Дагатор 35. Но, по моему мнению, происходит нечто важное. Некто странный появился в поле моего наблюдения. Смотри и слушай».

Ташунг направил поток своей памяти по каналу мысленной связи. Дагатор 35, один из аринов, один из Великих Координаторов узнает все мельчайшие подробности происшедшего, так, будто он сам присутствовал в этот день на площади в Туиле и наблюдал этот судейский фарс.

7024 – ре почувствовал заинтересованность своего повелителя.

«Кто она такая?» – Спросил Дагатор 35.

«Не знаю, я даже сначала предположил, что возможно она одна из нас, но нет, она определено та кем кажется: человеческий детеныш женского пола».

«Я согласен с тобой. Ты обратил внимание на метку на её собаке, 054MD1C40204 и эмблема одной из корпорации человеческого сектора. Они из Звездного Содружества»

«Это ясно. Но разве в Системе есть существа или технологии способные распознать нашу имитацию?»

«До сих пор таковых не было. Возможно, она просто феномен. Каким образом она определяет ложь и правду?»

«Мне не ясно это, Владыка. Я не способен на это, хотя и очень тонко чувствую настроения этих существ. Она как будто видит что-то»

«Что? Читать мысли она не может. Это невозможно с ее уровнем сознания»

«Не знаю»

7024-ре немного помолчал и спросил:

«Я должен уничтожить её?»

«Конечно же нет. По крайней мере не сейчас». – Дагатор 35 сделал паузу. – «И вообще было бы замечательно, если бы ты сумел доставить ее к нам. Что ты об этом думаешь?»

«Она видит, что я не человек. Это пугает ее и добровольно она со мной не пойдет. Ты хочешь чтобы я сделал это насильно?»

«Если иного пути нет, то да. Но так чтобы она осталась целой и невредимой, абсолютно. Ты понимаешь меня?»

«Конечно, владыка»

«Ты уверен, что справишься с ее роботом?»

«Нет, не уверен. Люди очень изобретательны, и эти их устройства становятся все хитрее и сложнее. Однако если он все еще подвержен воздействию электромагнитного поля, я по крайней мере сумею его нейтрализовать на какое-то время. Если и это мне не удастся, то я найду способ как обойти робота, не сомневайся, владыка.»

«Хорошо, я верю в тебя. Но все же если ты решишь, что тебе нужна помощь, обращайся не раздумывая»

«Благодарю тебя. Твоя воля и мудрость ведут нас. И да будет наш путь освещен твоей вечной славой».

10.

Покидая город, Кит, внимательно наблюдал за своей хозяйкой. Он конечно заметил что под конец её выступления в суде с ней что-то произошло. Девочка выглядела подавленной и словно бы расстроенной и растерянной.

– Что-то не так, мисс Элен? – Наконец спросил он по радиосвязи.

Девочка задумчиво посмотрела на него.

– Я видела странную ауру, – тихо сказала она.

Кит вопросительно глядел на неё.

– Очень странную. Нечеловеческую. Совсем черную. Я никогда не видела такой прежде. Я... я не понимаю кто это был.

Кит относился к необычным способностям девочки вполне спокойно. Воспринимая это как еще одну из бесчисленных неразгаданных тайн Вселенной. Эти тайны не сильно будоражили его искусственный мозг, все они для него были просто проявлениями некоторых, до поры до времени, неустановленных закономерностей, принципов и сущностей какой-нибудь из наук.

– Не расстраивайтесь, мисс Элен, – сказал он по радио. – Не стоит уделять этому большого внимания. Кто знает что за существо вы видели. Мы ведь даже не знаем что из себя представляют эти ауры и каким образом вы их видите. Так стоит ли удивляться что они время от времени приносят сюрпризы. И ту которую вы увидели сегодня говорит лишь о том что значит иногда они бывают и такими.

Легкомысленное отношение любимого пса немного развеяло задумчивость девочки. А как только они оказались за городом, в окружении удивительно симпатичных, приятных душе и глазу спокойных светлых рощ, Элен и совсем успокоилась. В самом деле, ведь они на чужой незнакомой планете, мало ли кого здесь можно встретить. Хотя конечно забыть об этом она уже не сможет. То что она увидела по-настоящему напугал её. Эта женщина, вернее даже некое существо выглядело абсолютно как человек, но Элен ни на секунду не сомневалась что это был кто угодно но только ни её соплеменник из неугомонного рода людей славного вида хомо сапиенс. Она припомнила как дядя Вася Шатров, справившись с очередной хитроумной проблемой, с улыбкой говорил: "Вот так вот, знай наших, ведь мы ж всё-таки не кто-нибудь, а хомо, мать его, сапиенсы!" Элен улыбнулась, окончательно успокоившись. Образ страшной незнакомки исчез из её головы.

Маленький лоя привел их в замечательное место.

Они расположились на живописной лесной поляне, покрытой мягкой, темно-красной травой. Элен разложила на куске дезинфекционной белой ткани свой нехитрый походный рацион и потчевала им маленького Лоя. Рацион состоял из обычных концентратов, входящих в стандартный набор любого звездного путешественника, но для Талгаро все эти диковинные кушанья представлялись невообразимыми произведениями кулинарного искусства далекой неведомой страны. Он сидел в позе лотоса, откинув свою шляпу за спину, откусывал крохотные кусочки от странных кубиков и с изумлением на лице жевал и глотал удивительно вкусную массу, которая казалось буквально разбухала у него во рту.

– О, мисс Элен, это восхитительно, – искренне восклицал Талгаро. Он перенял обращение «мисс» у Кита, посчитав что это видимо какой-то официальный титул его новой знакомой. – Ничего подобного я не видел за всю свою жизнь. Они такие маленькие, но такие питательные.

Элен достала из рюкзака металлическую флягу, отвинтила пробку, налила в нее немного жидкости по цвету напоминавшей обычную воду и протянула Лоя:

– На, запей.

Талгаро выпил.

– Какой-то ягодный напиток, – проговорил он.

Девочка улыбнулась.

– А во флягу я наливала обычную воду из ручья, – сказала она.

У Талгаро округлились глаза.

– Невероятно, – пробормотал он, – опять волшебство.

– Ну, немножко.

Когда с приемом пищи было закончено, и Элен и Талгаро сидели, привалившись к теплему металлическому боку огромного пса, блаженно щурясь на приятный мягкий свет Яны, девочка осторожно спросила у Лоя, что он думает об осужденной девушке.

После сытного обеда, с плотно набитым чревом, Талгаро был не прочь и поразглагольствовать. Однако эта тема разговора казалась ему не самой подходящей.

– Она кирмианка, а значит ничего хорошего я сказать о ней не могу.

– Почему? – Удивилась девочка.

– Разве ты не знаешь? Кирмианцы единственные из народа Омо, кто вел настоящие войны с Лоя. Они ненавидят нас, приписывают нам всякие глупости и мерзости, тогда как сами охотятся на нас как на зверей и даже, представь себе, едят нас как животных. В общем, дикари они и есть дикари. И честно говоря, я не очень удивился и опечалился, увидев в клетке одну из них.

– Но ведь это неправильно, Тал. Прости, но даже если все действительно так как ты говоришь, то все равно не следует относиться к этому конкретному человеку негативно только

потому что он из народа, с которым вы вели войну, это стереотип и предубеждение. Нужно быть выше этого. Скажи мне, если не секрет, что вам приписывают кирмианцы?

– Да всякие несуразности. Будто мы воруют их младенцев, чтобы приносить их в жертву своим подземным божествам, насылаем на их народ порчу, губим или крадем их урожай, крадем их лошадей, заманиваем их в ловушки, одурманиваем их ядами и зельями и глумимся над ними.

– И все это неправда? – Элен пристально посмотрела на Талгаро.

– Ну в общем да. Хотя конечно, среди моего народа есть некоторые отсталые или даже полудикие трибы, которые порою вредят и своим сородичам и людям. Но в любом случае, даже если какие-то неблагоприятные поступки со стороны Лоя и имели место, то совершенно точно это не те ужасы и подлости, которые приписывают нам кирмианцы.

– Хорошо. Ну а теперь представь, что эта женщина, кирмианка, будет презирать и ненавидеть тебя, только зато что ты Лоя, хотя ты и не делал зла ее народу. Ты считаешь это правильным с ее стороны?

– Конечно нет, мисс Элен. Но ты права, я не должен относиться к ней с омерзением, только потому что она кирмианка. Однако, так или иначе, я ей не доверяю и с этим я ничего не могу поделать.

– Ну ладно, отрешимся от ее народной принадлежности. Давай отнесемся к ней просто как к человеку. Скажи, разве горожане поступили с ней справедливо?

– Знаешь, справедливость народа Омо, то есть твоего народа, мне всегда казалось несколько странной, немного не соразмерной что ли. Но с другой стороны кто я такой чтобы судить. Эта женщина убила человека, кормильца рода, и она конечно виновна.

– Вот как. То есть если женщину пытались изнасиловать, а она посмела защищаться, то она виновна?!

– Ну, изнасилование, это как я понимаю крайняя степень межполового влечения, так сказать, последняя стадия подтверждения физической привлекательности одного субъекта другим. Неужели за это убивают?

Элен покосилась на своего собеседника.

– Тал, у тебя есть сестры?

Талгаро улыбнулся и как-то странно поглядел на девочку:

– Целых девять. Но только они же и братья.

– Как это?

"Лоя – гермафродиты", подсказал по радио, якобы дремлющий Кит и добавил насмешничающий аудиосмайллик. Девочка, незаметно, ткнула робота локтем, мол, "мог бы и раньше сообщить".

– Дело в том, что у Лоя нет мужчин и женщин, как у других народов, – тем временем объяснял Талгаро. – Каждый из нас зачинает ребенка в определенное время и при определенных условиях. Ты ничего не знаешь о нас? Там откуда ты родом разве совсем нет лоя?

– Совсем. И ты тоже можешь родить ребенка?

– Могу.

Элен глядела на лоя с удивлением. До этого момента она упорно воспринимала его почему-то исключительно как мужское существо, а теперь оказывается он может быть мамой. Это сбивало её с толку.

– И у тебя есть дети?

– Нет, – ответил Талгаро и девочка чутко уловила промелькнувшее напряжение в его ауре. Но она упрямо хотела довести свою мысль до конца.

– Хорошо, значит ты понимаешь, что значит быть женщиной. Теперь представь, что у вас все-таки есть мужчины и для того чтобы тебе зачать, нужно чтобы лоя-мужчина... – тут она на миг споткнулась, чуть покраснела, но заставила себя продолжить: – поместил в тебя своё

семя. И во время этого процесса лоя-мужчина испытывает огромное, ни с чем несравнимое удовольствие. И вот какой-то плохой лоя-мужчин, желая лишний раз испытать это удовольствие, ловит тебя, связывает и насильно помещает в тебя своё семя. Как бы ты к этому отнесся?

Талгаро недоуменно покосился на девочку. "Мисс Элен, вам не кажется, что подобные разговоры совершенно не подходят для столь юной особы как вы?", осуждающе сказал Кит и отправил аудиосмайлик строгого, хмурого лица.

– Мисс Элен, я не совсем уверен что мы понимаем друг друга. И вообще стоит ли нам вести беседы на такие темы, ведь, насколько я понимаю, по меркам твоего народа ты всё-таки совсем еще ребенок?

Элен, чуть раздраженная двойной атакой, заявила:

– Пусть это тебя не беспокоит. О сексе я знаю уже давно.

– О сексе? – Не понял Талгаро.

– Ну то есть о том, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они хотят завести ребенка или просто очень сильно любят друг друга.

Талгаро выглядел растерянным.

– Разве это нормально? – Неуверенно спросил он.

"Вот именно", поддакнул Кит по радио.

– Нормально, – заверила девочка и получила аудиосмайлик "очи горе". – Так чтобы ты почувствовал к этому лоя-мужчине?

Талгаро пожал плечами.

– Но разве женщины-омо не получают также "ни с чем несравнимое удовольствие" от этого процесса? – Осторожно спросил он.

– Только если всё происходит по обоюдному согласию, – категорично сказала девочка.

– Но если даже кирмианке не хотелось делать этого именно в эту минуту и именно с этим мужчиной, неужели лесоруб заслуживал смерти? Что в этом такого ужасного? Она так сильно не хотела ребенка? И разве ребенок у вас зачинается непременно всякий раз, когда мужчина-омо помещает семя в женщину-омо?

– Н-нет, – неуверенно ответила девочка, – не всегда.

– А когда? – С любопытством спросил Талгаро.

– Ну-у, когда женщина готова к этому, – краснея и совсем уже неуверенно проговорила девочка.

– Ну вот, – победно сказал лоя, – а кирмианка наверняка не готовилась тогда к этому и не понесла бы от лесоруба. Они бы просто оба получили удовольствие и всё. Что в этом такого страшного?

– Изнасилование это ужасно, – твердо сказала девочка. – Это жуткое потрясение для женщины. Это страшное оскорбление для неё. Хуже ничего и не придумаешь.

– Почему? – Искренне удивился лоя.

"Та-да-да-там", проиграл Кит по радио музыкальный отрывок и затем полилась быстрая, тревожная, нагнетающая мелодия. "Сейчас будет развязка", насмешливо сообщил он. Элен снова ткнула его локтем и музыка смолкла.

Она не знала почему. Изнасилование она представляла себе очень смутно. Процесс полового размножения homo sapiens они проходили на биологии, но об изнасиловании им не рассказывали. Информацию об этом она почерпнула из детективных сериалов, Камила Кесада говорила об этом с омерзением и гневом и Джулиан Брэд был с ней согласен, а потому и Элен не сомневалась что это нечто ужасное.

– Ну хорошо, пусть будет не изнасилование, – сдалась она. – Если твоему... э-э сородичу кто-нибудь нанесет ужасное оскорбление, попытается сильно избить его, разве ты обвинишь его потом в том, что защищаясь, он убил нападавшего?

– Нет, конечно. Но разве лесоруб хотел избить кирмианку?

– Да он хотел убить её! Ты же слышал он бросался на неё с топором.

– Но ведь это уж после того как кирмианка сама ударила его. Всем известно мужчины-омо очень вспыльчивы и ясное дело он расвирипел после того как его ударила женщина. Это ведь страшное унижение для мужчины-омо, разве нет?

Элен вздохнула про себя. "Какой же он глупенький", с легким раздражением подумала она. Но тут же одернула себя: конечно лоя никакой не глупый, а просто другой и совсем не обязан понимать то, что ей самой кажется очевидным.

Она припомнила как однажды мистер Дарантол, живущий на одной улице с семьёй Акари, отгаскал за уши её и Артура Финча, за то что они устроили водяные войны из пневмобрызгалок рядом с его домом. Мистер Дарантол, пожилой, сухопарый, костлявый, хмурый человек, покрытый странным багрово-синюшным загаром, большую часть жизни провёл на суровой планете Арида, полной жутких пустынь и раскаленных под огромным бело-синим солнцем скал. И лишь несколько альфа-лет назад разбогатевшие дети уговорили отца переселиться на одну из Небесных Жемчужин и купили ему небольшой уютный домик на Макоре. И ничто на свете бывший аридец так не ценил как обычную воду. В тот день Кита рядом с Элен не было, робот находился на техосмотре у дедушки, и потому мистеру Дарантолу удалось вдоволь поиздеваться над двумя беззащитными малышами. Полная яростного негодования, с горящими ушами, Элен примчалась домой, бросилась к отцу и потребовала чтобы он немедленно посадил злобного старикашку в тюрьму за насилие над детьми. Валентин Акари, кое-как успокоив дочь и выяснив что случилось, взял её на колени и спросил: знает ли она что такое Арида. "Эта та дрянная планета откуда явился этот злой гоблин", выпалила девочка. Отец строго посмотрел на неё, попросил быть немного почтительнее к пожилому человеку, а потом красочно живописал условия, в которых земляне живут на Ариде. После чего предложил дочери не садить мистера Дарантола в тюрьму, а попытаться понять его, представить что значит для него вода и как для него выглядела их невинная забава. И добавил, что взаимопонимание вещь порою очень сложная и над ней приходится тяжело потрудиться, но она определенно того стоит. Затем сказал, что если завтра утром она всё еще будет желать видеть мистера Дарантола в тюрьме, он позвонит шерифу округа. Но утром Элен, холодно и с достоинством, объявила, что не нужно звонить шерифу, она прощает мистера Дарантола. Отец усмехнулся и предложил ей как-нибудь зайти к соседу и сообщить ему что теперь она понимает его чувства к водяным забавам и не сердится на него. Дождавшись возвращения Кита, Элен еще пару дней собиралась с духом и однажды утром, в сопровождении огромного металлического пса зашла во двор "злобного старикашки". В руках она несла чудесный фруктовый пирог, который она специально заказала в элитной пекарне "Ангельская кухня". Мистер Дарантол вышел на крыльцо, тяжелым взглядом посмотрел на ребенка и могучего робота и хмуро поинтересовался чего ей здесь нужно. Элен, потупив взор, сбивчиво и торопливо сказала, что теперь она прекрасно понимает какие сильные отрицательные эмоции вызвала у мистера Дарантола её игра с водой, ей и Артуру не следовало так глубоко ранить чувства пожилого человека, столько лет прожившего на Ариде, но они сделали это не по злему умыслу, а лишь по недомыслию и "вот это вам". И она храбро приблизилась к высокому багрово-синему мужчине и протянула ему пирог. "А этот", мистер Дарантол кивнул в сторону Кита, "здесь затем чтобы откусить мне руку, если я вдруг попробую еще раз схватить тебя за ухо?". Элен подняла на мужчину глаза и, увидев ровный, добродушный настрой его ауры, дерзко ответила: "Да". Мистер Дарантол усмехнулся, поблагодарил за пирог, взял блюдо и попросил подождать здесь. Вернувшись из дома, он протянул девочке нечто вроде белого полупрозрачного голубоватого яйца, внутри которого застыла какая-то радужная капля. "Это тебе", сказал он, "знаешь что это такое?" Девочка взяла яйцо. "Это голометаболическая личинка Маланы, так называемой аридной бабочки в состоянии диапаузы", бодро произнесла Элен, повторяя то что Кит передал ей по радиосвязи. Мужчина удивленно поглядел на неё. "Это мне мой робот-ассистент по радио подсказал, а

я повторила чтобы казаться еще умнее чем я есть". Мистер Дарантол снова усмехнулся: "Да это Малана. И однажды из этого яйца появится одно из самых прекрасных созданий во Вселенной. Тебе надо только держать его на солнце". Как потом выяснилось ждать нужно было несколько лет, это зависело от интенсивности, падающей на "голометаболическую личинку" световой энергии, а в темноте Малана переливалась волшебными калейдоскопическими спектральными узорами, раскрашивая комнату девочки невероятными оттенками. Вечером Валентин Акари поинтересовался у дочери как прошла встреча с мистер Дарантолом. "Нормально", ответила она, "я донесла до него, что если он еще раз дернет меня за ухо, Кит откусит ему руку". Валентин озадаченно уставился на дочь. Но в постели перед сном Элен и правда думала над тем, что взаимопонимания порой действительно очень трудно достичь, но папа наверно прав, стоит ради этого потрудиться. И затаив дыхание она глядела какими удивительными узорами переливается в темноте её малана.

– Да, – спокойно ответила она, – для мужчин-омо это страшное унижение.

И это вполне нормально что гермафродит лоя не понимает какой ужас пережила кирмианская девушка, сказала себе Элен и решила переменить тему.

– Кстати, слушай, я тут вспомнила. Ты извини меня конечно, но не мог бы ты мне объяснить, почему когда ты вступился за меня, этот бугай так перепугался. Ты только не сердись, Тал. Но ведь ты такой маленький, что ты мог сделать взрослому мужчине?

Лоя недоверчиво улыбнулся.

– Ты и этого не знаешь!.. Ну Элен. Наши пуны, – он указал на обмотанные кожаными полосками длинные рукояти у себя за плечами, – вымачиваются в быстродействующих минеральных и растительных ядах. А двигаться мы можем очень быстро. Я мог бы нанести этому грубияну легкую царапину и через несколько минут он бы скончался в ужасных судорогах. Впрочем, это зависит от яда.

Элен посмотрела на Лоя с выражением, которого он не понял.

– Ну а как бы еще мы могли выжить в этом мире. Если бы не наши яды, то все остальные народы просто бы растоптали нас и нам пришлось бы навсегда укрыться в подземельях и пещерах, как черным лоя.

– А друг с другом вы не воюете?

– Очень редко. В основном все вопросы, даже самые спорные у нас решает собрание "гилменгов". Это можно перевести как "большелобые", то есть мудрые. Правда говорят, – Талгаро быстро и широко улыбнулся, сверкнув молочно-перламутровыми ровными зубам, – что гилменги частенько принимают решения, просто подбрасывая монетку. Но в любом случае белые лоя не любят воин, ведь это такое безумие убивать кого-то из-за чего бы то ни было. Разумные существа не должны допускать такого.

– Я согласна с тобой. – Девочка пару секунд подумала и сказала: – А теперь, Тал, представь, что этот лесоруб напал на меня. И не важно чего он там хотел, получить какое-то своё удовольствие или избить меня, потому что я чем-то ему не понравилась или еще что-то. Но сначала он ударил меня ножом, а теперь бежит на меня с топором. И Кит, защищая меня, убивает его. Ты бы все равно считал, что мы с Китом не правы и нас следует осудить и казнить?

– Ну конечно же нет, мисс Элен! – С горячностью воскликнул Талгаро.

– Но тогда какая разница? Эта девушка точно такой же человек как и я, только немного старше.

По физиономии лоя и взметнувшимся узорам его ауры девочка поняла что разница для него всё же есть. И видимо достаточно ощутимая. "Наверно лоя очень уж сильно не любят людей из Кирма", решила девочка.

– Хорошо, мисс Элен, я согласен, кирмианка имела право на защиту, но к чему ты клонишь, я не понимаю.

– А что тут понимать? – Подняв голову, недовольным тоном сказал Кит. – Мисс Элен определенно намерена попытаться спасти эту девушку. Не так ли?

– Спасти? – Изумился Талгаро.

– Да, намерена, – с вызовом ответила девочка.

Пес тяжело вздохнул и сказал по радиосвязи:

– Ещё в космосе я не раз говорил вам о совершенной недопустимости вмешательства во внутренние дела каунамцев. Мало того что это может быть опасно для вас, так еще и напрямую противоречит Талитанскому соглашению, Конвенции Униквита. И потом, разве вы забыли зачем мы здесь? Разве это как-то поможет найти мистера Акари? Не говоря о том, что это отнимет у нас время.

– Мой папа первым бы вызвался ей помочь, – сказала девочка вслух, повернувшись к голове робота.

– Вот уж вряд ли, – возразил Кит, по-прежнему посредством радио. – Ваш отец, как представитель Космопола, несомненно предпочел бы следовать "Униквите" и первый бы запретил кому бы то ни было вмешиваться в дела аборигенов.

Элен заговорила на языке миточей, одной из восьми инопланетных рас, входящих в Звездное Содружество, наравне с землянами:

– "Униквита" здесь ни при чём. Я не собираюсь менять мировоззрение аборигенов или как-то воздействовать на естественную последовательность исторических процессов данного общества.

– Казуистика, – объявил Кит. – "Униквита" запрещает любое вмешательство.

Элен сердито поглядела на него и, снова перейдя на унилэнг, выпалила:

– Ну и ладно. А мы все равно освободим ее.

– Я категорически против этого.

– Ты допустишь убийство невиновного человека?

– Вы же знаете, мисс Элен, моя основная директива защищать вас, все остальное для меня несущественно. А освобождение этой девушки сопряжено с большим риском для вас. Я не должен допускать подобного.

– Ой, да какой там риск?! – Отмахнулась девочка. – Сходим ночью в тюрьму, ты ломаешь её, если будет какая-то охрана, нейтрализуешь её иглами, выведем девушку за город и всё.

– Блестящий план, мисс Элен, – голосом полным сарказма, проговорил Кит. – Однако даже самый поверхностный анализ вашего, несомненно тщательно проработанного плана, созданного, как я подозреваю, примерно за секунду, выявляет целую уйму возможных вариантов развития событий с высокой статистической вероятностью, приводящих к весьма плачевному финалу. И для вас, и для этой девушки. Я не могу вам этого позволить.

– Кит, я люблю тебя... – попыталась девочка, но робот тут же резко оборвал её.

– Прекратите! Эта нелепая уловка здесь не уместна.

Элен приподнялась, развернулась, встала на колени и, оказавшись лицом к морде металлического пса, пронзительно поглядела ему в глаза. Затем заговорила на языке миточей:

– Кит, ну к чему этот спор? Мне не хочется опять про это говорить, но мы ведь оба знаем, что дедушка рассказал мне все нюансы и ограничения твоего ключевого поведенческого алгоритма.

– Вы так уверены что прямо все? – Усмехнулся робот.

– И я знаю, – продолжала девочка, не обращая внимание на реплику пса, – что ты можешь физически ограничивать меня, только если есть прямая очевидная непосредственная угроза моей жизни или моему здоровью. А все эти статистически возможные варианты событий с хитроумно вычисленными вероятностями просто бабушкины сказки. И на основании них ты не можешь препятствовать мне физически, твоя доминанта поведения не затронута, триггеры

чрезвычайных мер не активированы и у тебя нет оснований принуждать меня. Мы же всё это уже обсудили с тобой вчера, у полицейского истребителя.

– Обсудили, – спокойно согласился Кит. – Но вчера вы совершали вчерашнюю глупость, а сегодня намерены совершить новую. И я снова пытаюсь воззвать к вашему разуму, мисс Хомо Сапиенс. Но по-видимому напрасно, не так ли?

Девочка провела пальцами по могучей металлической лапе, прикоснулась к черным когтям из "алмазной стали" и затем с тоской и болью поглядев в глаза собаки, трагично, с надрывом произнесла:

– Значит моя любовь к вам, сэр Кит, для вас всего лишь нелепая уловка?! Да?

Пес вздохнул.

– Мисс Элен, актриса из вас совершенно никудышная, если бы мисс Вивьен Манро увидела ваши кривляния, ей было бы стыдно за вас.

Глаза собаки, до этого момента сплошь черные и не слишком широкие, побелели, в них проявилась ярко-синяя радужная оболочка и в её центре маленький зрачок. Глазницы пса расширились. Теперь они очень сильно напоминали глаза девочки. И он заговорил, на этот раз вслух, не по радио, распевно и тоже излишне с надрывом, заговорил голосом Элен:

– О нет, любовь твоя не так сильна, Чтоб к моему являться изголовью. Моя, моя любовь не знает сна. На страже мы стоим с моей любовью.

Девочка отпрянула назад. Ей было и стыдно перед своим роботом и немного обидно за то что он вроде как насмехается над ней, но всё же больше стыдно. И она отвернулась, боясь что умный пёс догадается об этом.

– Ну а ты, Талгаро, пойдешь со мной спасать кирмианку? – Спросила она, не подумав, только чтобы прервать диалог с роботом.

– Мисс Элен, перестаньте! – Возмущенно воскликнул Кит снова по радиосвязи. – Хотя бы Талгаро не впутывайте сюда.

Осознав до конца что она предлагает маленькому лоя, Элен совсем уже застыдилась и поспешно проговорила:

– Прости, Тал, это я по глупости сказала. Это ведь тебя совсем и не касается.

И она виновато, искоса поглядела на Кита. И увидела как её собственные глаза печально хмурятся, взирая на неё с укором. Это было и смешно, и страшно, видеть на собачьей морде такие человеческие глаза, а еще к тому же и так похожие на её собственные.

Талгаро до этого момента пребывал в некотором оцепенении. Не шевелясь и чуть ли не затаив дыхание, он с удивлением наблюдая за происходящей перед ним странной односторонней беседой. Он конечно понял, что Элен разговаривает со своим чудесным псом, но ответов последнего он не слышал, хоть и не сомневался что они явно есть и девочка как-то их получает. И снова он подумал о Сандаре, Королеве Лазурных гор. Насколько было известно она тоже общалась со своими асивами без слов. Он до того был заморожен творимой на его глазах магией, что в суть самой беседы практически не вникал, тем более что Элен пару раз переходила на неизвестный ему язык. И её вопрос застал его практически врасплох. Но он постарался взять себя в руки, обдумал слова девочки и быстро принял решение.

– Конечно, я иду с вами.

– Тал, это совсем ни к чему, – начала Элен уговаривать своего спутника, остро чувствуя как Кит с укоризной смотрит на нее. – Ты лучше останься где-нибудь здесь, в лесу. Не стоит тебе зря рисковать. Под защитой Кита я в полной безопасности, а с тобой может что-нибудь случится.

– Мисс Элен, может я и не очень разбираюсь в справедливости твоего народа, но принципы чести я думаю одни на всех, – пафосно произнес лоя. – Как же я могу бросить тебя и отсиживаться в лесу? Да и поверь, со мной мало что может случиться.

Но девочка видела как в его ауре возле висков дрожат маленькие размытые желтые пляксы. Она не сомневалась, что это страх, у землян почти такие же. А главное она видела двойные контуры сознания, что несомненно говорило о лжи. На самом деле Талгаро определенно не хочется участвовать в этой операции спасения, да еще и столь неприятной ему особы. Но она не знала как заставить маленького человечка перестать изображать благородную отвагу, совладать с глупой гордостью и отступить. И чувство раскаянья еще сильнее скребло её по сердцу.

– Это не твоё дело. И я сожалею что вообще заговорила об этом с тобой. Правда, Тал, мы с Китом быстро управимся и вернемся. Ты... ты даже можешь нам помешать.

– Нет это моё дело, – твердо сказал лоя. – Да. Раз уж мы вместе то и моё дело тоже. И не волнуйся я ничем вам не помешаю. В конце концов мне почти семьдесят лет и я как-то умудрился их прожить. Тем более вы оба не из этих мест и возможно я могу дать какой-то дельный совет. К тому же..., – он споткнулся, словно его осенила какая-то идея, – ведь ты видела что эта кирмианка сказала правду?

Элен нехотя кивнула.

– Ну значит она действительно невиновна. Она защищалась от разъяренного самца с топором. И кажется я понял что такое изнасилование. Это когда у мужчины есть желание, а у женщины нет. И принуждать женщину это омерзительно и подло. Я с вами, пусть даже эта женщина кирмианка.

Элен тяжело вздохнула, совсем как ее металлический пес какое-то время назад.

11.

Ночь выдалась ясной и холодной. Интересно, почему в этом мире такой контраст дневных и ночных температур, думала Элен, шагая по темным улицам Туила.

Официально, в громадных звездных реестрах эта планета называлась Каунама. У неё имелось три спутника, два совсем маленьких и один большой, примерно половина земной Луны. Сейчас на ясном звездном небе были только маленькие, причем оба в начальных фазах, так что толку от них в смысле освещения почти не было. Однако для троицы, крадущейся к городской площади, это не имело значения. Отец Элен был родом с планеты, на которой в силу местной специфики у людей, за много поколений, выработалось ночное зрение. Эта способность перешла от отца к дочери и поэтому сейчас Элен чувствовала себя вполне в своей тарелке. Что касается двух её спутников, то Кит со всеми своими радарами и инфракрасными детекторами мог вообще ориентировать практически в полной тьме, ну а Лоя помимо кошачьего зрения обладали еще и органом-термолокатором, позволяющим улавливать тепловое излучение.

Всю дорогу до площади Кит ворчал на свою хозяйку. Делал он это конечно таким образом, что слышать его могла только Элен через микродинамик в ухе. Но на все укоризненные речи своего металлического спутника девочка никак не реагировала. Она давно уже привыкла к ворчанию собаки и только при встрече с дедушкой пару раз позволяла себе высказать удивленное недовольство, почему это, формируя характер и темперамент Кита, он сделал его таким невозможным ворчуном. На это Родерик Атинховский с улыбкой отвечал, что Кит всего лишь перенял некоторые черты своего создателя, это вполне естественно, а юной леди следует быть снисходительней к слабостям стариков.

Вокруг стояла глухая ночь, но все же три раза странной компании пришлось прятаться в проулках от встречных прохожих. Один раз это был патруль, причем все три солдата кажется были изрядно пьяны, в остальных случаях некие неясные личности в темных одеждах. Кит, конечно, своей блестящей металлической поверхностью мог бы выдать весь отряд и поэтому он активировал элвату, "включил картинку", став абсолютно черным. Талгаро на это очередное

чудо уже ничего не сказал, а только время от времени восхищенно глядел на собаку, поражаясь про себя могуществу народа Элен, сумевшим создать столь невероятное существо.

На площадь они вышли с противоположной от тюрьмы стороны.

Столпившись у угла двухэтажного кирпичного дома, они долго осматривали площадь и здание тюрьмы, располагавшееся справа от мэрии. Собственно это даже была не тюрьма, а местная резиденция сил правопорядка, кои состояли из Мастона Лурга, его молодого помощника Касаша, лейтенанта Свадо и двух десятков судебных гвардейцев, в простонаречии именуемых судаками. Резиденция представляла собой массивное одноэтажное, но все-таки достаточно высокое здание, сложенное из грубо обтесанных валунов. Никаких изяществ и украшений, просто серое мощное каменное строение прямоугольной формы. Небольшое крыльцо без навеса, три ступеньки и низкая одностворчатая дверь. На переднем фасаде здания имелись четыре окна, сейчас забранные ставнями. За двумя центральными окнами горел тусклый свет, просачивающиеся сквозь щели деревянных створок.

– Ну что там твои термовизоры? – Прошептала Элен.

– Ничего не видно, стены по-моему слишком толстые, – также тихо ответил Кит.

Талгаро ничего не понял, но от вопросов воздержался.

– Это совершенно глупая затея, – снова принялся за свое Кит, но теперь уже в голос, так что его слышал и маленький Лоя. – Мы не знаем ни сколько там людей, ни расположения помещений, ни где находится пленница. И вообще может ее не там держат.

– Раз это тюрьма значит она там, – сказала Элен.

– У нас нет никакого плана действий, – упрямо проговорил пёс.

Да, подумала Элен, не очень конечно хорошо придумывать все на ходу. Ситуация ей не нравилась, но отступить она не собиралась.

– План у нас есть, – заявила девочка. – Ты врываешься туда и нейтрализуешь каждого кто тебе попадется, вот и все.

– Как это «нейтрализуешь»? – Тихо спросил Талгаро.

– Он стреляет ядовитыми шипами, но только яд не смертельный, а только на время усыпляющий, – также тихо объяснила девочка.

Талгаро в какой уже раз удивленно и с уважением посмотрел на металлического пса.

– Ты знаешь что, Тал, – продолжила девочка, – мы войдем с Китом вдвоем, потому что он не может от меня удалиться, а ты останешься снаружи следить за улицей. Только прошу, если кто-то появится, или вообще пойдет что-нибудь не так, ты, пожалуйста, не убивай никого. Предоставь всё Киту. Хорошо?

– Может мне все же лучше пойти с вами?

– Нет. Я бы тоже не пошла, но Кит так сделан, что всегда должен находится со мной. Не обижайся. И тем более нам ведь надо прикрыть тылы. – Элен улыбнулась маленькому Лоя.

– Хорошо, – нехотя согласился он.

Девочка лукавила. Конечно Кит вполне мог обойтись и без неё, но ей до смерти хотелось участвовать в "операции спасения" самолично. Она живо представляла как войдет в камеру кирмианской девушки и с улыбкой сообщит ей о том что она теперь свободна. Кит был категорически против и хотя ему действительно не очень хотелось оставлять девочку одну на темной улице, всё же, по его мнению, это было гораздо безопаснее для неё чем идти с ним в тюрьму. Но Элен, бредившая мужественным Джулианом Брэдом и решительной Камиллой Кесадой, ни за что не соглашалась не идти в тюрьму. Спорили они не долго и Элен как практически всегда настояла на своем, приведя массу, по её мнению, убедительных доводов: Кит с легкостью защитит её от чего угодно; кирмианка может испугаться черной говорящей собаки и откажется покидать камеру, а маленьком ребенку она конечно сразу же довериться. Кит, крайне раздосадованный, уже даже не ворчал.

Они начали переходить площадь.

12.

На покато́й крыше, у самого карниза, трехэтажного кирпичного здания мэрии стояла прекрасная молодая женщина. На ней были обтягивающие темные брюки, длинная плотно облегающий фигуру черная кофта с высоким воротником, черный кожаный плащ с рукавами до середины ладоней, большими пуговицами и лапами, доходящими до пят, и ботинки с мягкой подошвой и высокой шнуровкой. Чудесные золотые волосы были стянуты в узел, на голове была вязанная облегающая шапочка, за спиной рюкзак, крепившийся двумя плечевыми лямками и одной поясной.

Звали женщину Суора и было ей двадцать семь лет. Она спокойно стояла у самого края пропасти и наблюдала за тем как три маленькие фигурки быстро пересекают городскую площадь.

Только сейчас 7024 – ре признался себе, что волновался. Получив задание привести странную девочку на базу, он сначала бросился искать ее по всему городу и лишь затем, проанализировав ее поведение во время суда, пришел к выводу, что она попытается вытащить осужденную дикарку из тюрьмы. Но все-таки до конца он не был в этом уверен. Рыская по городу, он узнал от очевидцев, что необычная троица вошла в Туил с востока, значит предположил он, они, скорее всего, идут на запад. И пока он ждал на крыше мэрии его все время терзала мысль не бросится ли на запад, но он оставался на месте, положив 74 процента вероятности, что все-таки девочка вернется за кирмианкой. И он не ошибся. Он почувствовал облегчение.

На лице Суоры промелькнула улыбка.

Теперь Ташунг не собирался ничего предпринимать. Пусть девочка освобождает дикарку и идет своей дорогой. Если она действительно идет на запад, то это как раз то что ему надо. База его народа находилась на юго-западе континента, и значит, пока девочка будет идти в нужном направлении, ему надо просто незаметно следовать за ней. Конечно, надо присматривать за ней, чтобы с девочкой ничего не случилось, но, впрочем, с таким роботом ей вряд ли что-то может угрожать. Ташунг не сомневался что ей легко удастся освободить дикарку, вернее её собакоподобному роботу. Оставалось только ждать.

13.

– Удачи, – прошептал Талгаро, когда все трое замерли у ступенек тюрьмы.

Девочка улыбнулась ему и, повернувшись к Киту, сказала:

– Давай.

– Будьте рядом, – предупредил он.

Металлический пес поднялся по ступенькам и внимательно осмотрел дверь. Не заперта, определил он. Толкнув дверь, он вошел. Девочка последовала за ним.

Они оказались в широкой и длинной, уходящей от фасада, комнате с деревянным полом и потолком. Пол был покрыт каким-то старым грязным ковриком. Комната была разделена надвое высокой стойкой, на которой стояли три масляных лампы, освещающих помещение. Слева и справа в стенах были двери. Под каждым окном стояла скамейка.

За стойкой никого не было видно, но Кит при помощи термовизора определил что за деревянной перегородкой кто-то есть, сидит вроде бы прямо на полу.

– Оставайся у двери, – сказал Кит своей хозяйке по радиоканалу, – за стойкой кто-то есть.

Металлический пес медленно приблизился к перегородке.

– Давай! – Закричал кто-то откуда-то сверху.

Затем раздался какой-то удар и скрип, после чего пол под Китом ушел вниз, раскрывшись двумя широкими створками и огромная металлическая собака провалилась куда-то вниз.

Элен стояла у входа и не могла пошевелиться. В ее глазах застыло черное пятно резко ушедшей вниз огромной собаки.

Дверь справа от Элен распахнулась, из нее выскочил человек с мешком. Девочка успела узнать в нападавшем молодого секретаря королевского судьи, затем Касаш накинул ей на голову мешок и окружающий мир исчез. Элен пришла в себя и начала вырываться, но силы были не равны. Её легко подняли в воздух и куда-то понесли. Она пыталась наносить удары ногами.

– Дверь запри, – крикнул кто-то сверху.

– Галкут, возьми девчонку, – громко позвал голос Касаша.

Раздались быстрые шаги и чьи-то сильные руки, схватили её.

– Запер, – крикнул в ответ молодой секретарь и затем уже немного тише. – Да свяжи ты ее чтоб не дергалась.

Элен связали ноги и прикрутили руки к телу вместе с мешком. После этого ее положили на твердую поверхность.

14.

В потолке открылся квадратный люк и оттуда показалась голова Мастона Лурга. Он посмотрел на темный провал в полу. Погреб успели хорошо углубить и теперь огромное черное собакообразное существо было далеко внизу.

Королевский судья исчез из проема люка, и вскоре оттуда показались его ноги. Мастон Лург повис на руках и встал на стойку, затем слез на пол. Памятуя что случилось с солдатом, который стоял за клеткой кирмианки, странный металлический пес кажется оглушил его одним взглядом, судья по стеночке, держась как можно дальше от края провала, пробрался к двери в стене и вошел в комнату. Там находились Касаш, связанная девочка, лежавшая на столе и еще один субъект по имени Галкут, который обычно исполнял роль кучера судейского экипажа, но Лург берег его и для некоторых особых поручений, потребность в которых возникала у королевского судьи время от времени.

– Бери девочку, – сказал Лург Галкуту. – Идемте.

Они вышли через другую дверь, ведущую в глубину здания и направились к черному выходу. Там уже стоял прекрасная карета с четырьмя отборными лошадьми. По пути Лург инструктировал своего секретаря.

– Не забывай, для всех я срочно вызван Палатой в столицу. Уехал, не теряя ни минуты, прямо ночью. Ты сейчас идешь домой и как ни в чем не бывало ложишься в постель.

– А если пес выберется? – Нервно спросил Касаш.

– Какая разница, – нетерпеливо ответил Лург. – Да и вряд ли он вообще еще действует. Весь погреб утыкали стальными кольями. Так что утром гвардейцы обнаружат нападение на тюрьму.

– А как они войдут? Мы же дверь заперли.

– Сломают. Что ты как маленький. Пес проник в тюрьму, запер за собой дверь и попался в ловушку. Всем будет ясно что его послала эта девчонка, чтобы освободить дикарку. Сама она, не дождавшись своего пса, скрылась.

Касашу все это не казалось очень уж правдоподобным, но он промолчал.

15.

Некоторое время Кит не шевелился. Он смотрел вверх и слушал. Где-то в другой комнате кто-то сказал: «Бери девочку. Идемте». Голос человека, возглавлявшего недавний суд, подумал пес и начал действовать.

Стальные кольца не повредили ему. Они не сумели пробить его шкуру из высокотехнологичного сплава. Кит лежал на остриях и подушечки его лап находились в четверти метра над землей. Колья были врыты достаточно близко друг к другу, видимо чтобы у него не было даже шанса проскользнуть между ними. Ужасные четырехсантиметровые когти сделанные из

«алмазной стали» вылезли из передних лап Кита и несколькими ударами он срезал и сломал державшие его кольца. Оказавшись на земле, он направился к левой стене глубокого погреба. Мешавшие его продвижению кольца он просто выворачивал из пола. Затем ему пришлось выбираться из ямы. Погреб был достаточно просторным, а яма с кольями вырыта была, судя по всему, совсем недавно и она точно совпадала с проемом в деревянном полу комнаты над ней. Легко прорыв себе маленькую траншею, пес выбрался на уровень пола погреба.

Кит стоял возле стены и снова смотрел вверх. Он все время пытался связаться со своей хозяйкой по радиоканалу, но ответа не было. Возможно она не могла сейчас говорить, но он также не слышал ни одного звука, которые должен был улавливать ее микрофон. Скорей всего погреб просто глушил сигнал.

Кит осмотрелся. Выпрыгнуть из погреба он конечно не мог. Следовательно, придется пробиваться через толщу земли. Не то что бы это было серьезным препятствием, но все же могло занять достаточно долгий промежуток времени. Существовала вероятность что за какой-нибудь из стен погреба есть помещение, через которое можно выйти наверх. Кит включил ультразвуковой радар. Через двадцать секунд он его выключил. За южной стеной находилась пустота, толщина стены около метра, для могучего произведения легендарной корпорации “StarIntel” это были сущие пустяки. Кит направился к южной стене.

16.

Талгаро стоял возле лестницы из трех ступенек и вглядывался в темноту. Внезапно он вздрогнул, внутри дома раздался крик «Давай», затем какие-то глухие удары. Лоя обеспокоено посмотрел на дверь, размышляя о том, не стоит ли ему войти внутрь. Однако решил этого не делать, Кит справится с кем угодно, подумал он. Но все же когда кто-то крикнул «Дверь запри», Талгаро уверился что что-то пошло не так и, поднявшись по ступеням, внимательно прислушался. Его острый слух позволил ему четко расслышать все что говорилось за стеной.

– Запер, – крикнул кто-то. Затем этот же голос. – Да свяжи ты ее чтоб не дергалась.

– Бери девочку. Идемте, – сказал через некоторое время другой властный голос.

Теперь сомнений не оставалось Элен в беде. На этот раз Талгаро узнал говорившего, это вне всяких сомнений был голос королевского судьи.

Лоя понял, что через дверь ему не пробиться. Он спустился вниз по ступенькам и посмотрел на закрытое ставнями окно. Между створками была приличная щель, можно запросто просунуть палец и поднять задвижку. Однако сначала надо было как-то взобраться на окно.

Талгаро почувствовал движение за спиной. Молнией метнувшись в сторону, он обернулся и выхватил пуну.

Ко входу тюрьмы приближалась молодая женщина из народа Омо.

17.

Суора, чьи зрение, слух и обоняние были острее чем у любого существа на этой планете прекрасно слышала все что происходило в здании тюрьмы, хотя и стояла на крыше трехэтажного дома. Она сделала шаг вперед и, оттолкнувшись от карниза, прыгнула в черную пустоту перед собой. Зашуршали развевающиеся полы черного плаща и молодая женщина приземлилась на площадь присев на корточки и оперевшись в землю левой рукой. Затем она выпрямилась и спокойно направилась к зданию тюрьмы. Прижавшегося к стене маленького Лоя с металлической плеткой в руке она даже не удостоила мимолетным взглядом. Поднялась по ступенькам и остановилась у запертой двери. Талгаро неотрывно следил за молодой женщиной. Только он успел подумать, что тяжелая дверь заперта и незнакомка не сможет попасть внутрь, как вдруг она, предварительно убедившись что вход закрыт, нанесла по деревянному препятствию резкий удар правой ладонью. С оглушающим треском дверь и держащий её засов отлетели внутрь, разворотив косяк.

Суора вошла в здание и, сделав несколько шагов, остановилась у края провала в полу. Увидеть Кита, уже наполовину ушедшего в южную стену подвала, она не могла, но прекрасно слышала как он разрывает землю своими могучими лапами. Поняв что произошло, она направилась к левой двери. Теперь она ориентировалась на запахи.

18.

Тюремное помещение представляло собой короткий широкий коридор, в котором с каждой стороны находилось по две камеры, разделенные между собой каменными стенами. От коридора камеры были отгорожены металлической решетками от пола до потолка и от одной боковой стены до другой. В решетке имелась не большая дверь, запертая большим встроенным язычковым замком.

Минлу лежала на грязном соломенном тюфяке, брошенном прямо на пол камеры. Вокруг была кромешная тьма, ибо никто не собирался тратить свечи или масло на преступников.

Девушке было очень плохо. После суда, здесь в камере, привязав к решетке, двое гвардейцев, в присутствии Мастона Лурга сильно избили ее. Королевский судья мрачно наблюдал за процессом избиения. Когда гвардейцы закончили свое дело и отвязали ее от решетки, Минлу с текущей из носа и рта кровью повалилась на пол. Мастон Лург присел возле преступницы на корточки, поднял за волосы ее голову и, глядя в глаза, сказал, что суд и судей следует уважать в любой части света. Затем они ушли, забрав с собой факелы, а девушка, выплевывая кровь, поползла до тюфяка и легла на него спиной.

Рана на животе воспалилась по краям и отзывалась резкой болью на любое прикосновение. Горели исколотые копьем ягодицы. Многочисленные ушибы и синяки от бравых гвардейских кулаков начинали тупо ныть при любом неловком движении. Под носом и на подбородке засохла кровь. Огромная гематома на левой скуле вспыхивала болью при прикосновениях к лицу, когда Минлу пыталась очиститься от засохшей крови. Снова постепенно возвращались жар и дурнота, исчезнувшие после того как она проглотила чудесное средство, переданное ей странной девочкой.

Минлу лежала закрыв глаза. Завтрашняя казнь не очень пугала ее. С детства она училась тому, что смерть неотъемлемая часть жизни и одно без другого не бывает, но ее миссия останется невыполненной. Великий и мудрый Танао конечно узнает, что она покинула этот мир, но сколько ему понадобится времени чтобы заменить ее. Без Хранительницы Шивтака, Кирм долго не продержится, если савгулы действительно начнут своё наступление. Ключ Синей Бездны по-прежнему не найден. Пока у нее были только неясные догадки о том где искать заветную реликвию, открывающую врата Храма Восемнадцати дорог. А что теперь, эти догадки умрут вместе с ней и другой девушке придется начинать все сначала. Минлу уже не стать настоящей хранительницей, но успеет ли это сделать та другая, прежде чем тьма накроет Кирм, а потом и оба королевства, сначала Агрон со своим королем-недотепой, а потом и великая Сайтона со своим ужасным жестоким правителем. Тут девушка услышала странный звук.

Где-то в коридоре или в камере напротив что-то происходило. Это было особенно удивительно, принимая во внимание тот факт, что во всем тюремном помещении она была совершенно одна. Девушка открыла глаза и сдерживая стоны, села на тюфяке, привалившись спиной к стене. Она смотрела туда, где находились прутья решетки, но конечно ничего не видела.

Звуки стали отчетливее и громче. На каменный пол что-то упало, потом еще и еще. Затем явственно послышались тяжелые приглушенные шаги. Девушке стало страшно. Раздался сильный металлический удар. Минлу вздрогнула. Затем еще один, но потише. Снова шаги.

Она по-прежнему ничего не видела, но готова была поклясться что кто-то стоит за решеткой ее камеры и смотрит на нее.

19.

Запахи привели Суору к двери черного входа. Она толкнула ее и та открылась. Молодая женщина оказалась на небольшом пустом дворе позади здания тюрьмы. Здесь было совершенно пусто. Она пересекла двор и подошла к деревянному ограждению, из двух параллельных земле брусьев, за которым была широкая грунтовая дорога. Дорога, насколько было видно влево и вправо, также была пуста. За ней чернели стены и крыши других домов.

Суора легко перепрыгнула через ограду. Запахи почти развеялись. Она присела на корточки и стала рассматривать землю. Через некоторое время она обнаружила следы экипажа. Она провела по ним пальцами и поднялась.

Ташунг был еще слишком неопытен для этого упражнения, но решил попробовать. Суора закрыла глаза. 7024 – ре начал ментальное сканирование пространства.

Сначала ничего. Темнота и тишина. Ташунг медленно увеличивал объем исследуемой области. Появился первый сигнал. Боль, тоска, отчаяние. Кирмианка – преступница, определил 7024 – ре. Затем он ощутил встревоженное сознание маленького Лоя. Ташунг продолжал увеличивать радиус. Стали появляться вяло пульсирующие сгустки сознаний, спящих вокруг людей. Потом кошка, еще одна, бездомная собака, старуха, мучающаяся бессонницей, двое пьянчуг, один мрачный, другой жизнерадостный. Чувствительность сканирования с увеличением радиуса слабела. Но Ташунг не сдавался. От неимоверного напряжения тело Суоры начало мелко дрожать. Ладони вспотели и где-то в переносице запульсировала тупая боль.

Тревога, спешка, беспокойство, предельное бодрствование. Ташунг сосредоточил внимание на ускользящем сознании. 7024 – ре быстро определял параметры неизвестного субъекта. Мужчина, молод, испуган, трезв. Множество сомнений, неуверенность. Нечеткие образы какой-то властной персоны, и вот, да-да, никаких сомнений, маленькой девочки с большими синими глазами и с коротко остриженными черными волосами. Ташунг впился в чужое сознание, но расстояние было слишком велико. Субъект удалялся. Требовалась немедленная идентификация, 7024 – ре напрягся до предела.

20.

Молодой секретарь королевского судьи города Туила озадаченно остановился посреди темной улицы. Ему показалось что кто-то кричит. Он посмотрел по сторонам, но вокруг было тихо и пустынно. Вдруг у него возникла мысль о своем имени. Касаш, подумал он, имя как имя, причем тут это? И он снова быстро зашагал, желая как можно скорее попасть к себе домой.

21.

Суора открыла глаза. Появилась ниточка. Молодой секретарь суда по имени Касаш. Он должен все знать.

Сзади раздался звук шагов. Молодая женщина резко обернулась. Из здания тюрьмы вышел огромный черный пес. Он подошел к ограде и посмотрел на Суору. Их взгляды встретились.

Ташунг напрягся, но впрочем тут же успокоился. Вне всяких сомнений пес не обладал чудесными способностями своей хозяйки, а потому видел перед собой обычную человеческую женщину.

Суора отвернулась от пса и быстро зашагала прочь.

Кит вышел на дорогу и принялся тщательно исследовать ее. При этом он все время пытался связаться с хозяйкой по радио, но тщетно. Он, как и Суора, довольно быстро обнаружил следы тяжелой кареты и множественные следы от подков. Экипаж укатил на восток.

Кит пошел по следам. Дальше грунт стал более твердом и следы практически стали не различимы, но свернуть было некуда. Через триста метров грунтовая дорога уперлась в каменный тротуар и куда повернул экипаж осталось тайной.

Экипаж мог уехать куда угодно. Да ведь еще и не факт, что Элен в этом экипаже. Карета могла перевезти ее в другой дом и отправится дальше. А может ее вообще кто-нибудь унес на руках. Так или иначе девочка пропала. Металлический пёс в тяжелых раздумьях вернулся к зданию тюрьмы.

Кит подумал о молодой женщине, которую он встретил некоторое время назад. На всякий случай он сохранил ее изображение в памяти. Кто она? Что здесь делала? Видела ли она что-нибудь? Но вряд ли кто-то будет иметь большое желание общаться с каким-то механическим чудовищем. Сие нелестное прозвище напомнило Киту о Талгаро. Мне нужна помощь, подумал он. И еще он вспомнил о девушке, которую должны были повесить на рассвете. А ей нужна моя помощь.

Когда он пробил себе проход из подвала и оказался в камере, он выбил дверь-решетку и вышел в коридор. На несколько секунд он задержался у камеры кирмианки, внимательно поглядел на измученную девушку, а затем устремился вперед, торопясь к своей хозяйке. Защита Элен была самой приоритетной задачей. Эта девочка была смыслом его существования. Но теперь все было не так просто. Необходимо было смириться с тем, что на некоторое время они разлучены. В ситуациях, не связанных непосредственно с опекой девочки, в своих поступках он в большинстве случаев, но не всегда, руководствовался принципом «А как бы поступила на моем месте хозяйка». Насчет этой необязательной, но рекомендуемой директивы он много спорил со своим создателем – Родериком Атинховским. Как бы Кит не любил свою хозяйку, всё же она отнюдь не была идеалом логичного, взвешенного мышления, в конце концов она просто ребенок. И робот доказывал старому инженеру, что эта директива лишняя и даже возможно вредная. Но мистер Атинховский настоял на её включении, "так ты будешь лучше понимать эту егозу", с улыбкой сказал он.

Элен конечно бы помогла девушке. Кит повернулся к черному входу тюрьмы. В этот момент оттуда появился Талгаро.

22.

Экипаж мягко покачивался на рессорах.

Элен сидела на упругих кожаных сиденьях и смотрела на рисунки на темных шторах, закрывавшие окна и дверцы кареты. Две масляных лампы были намертво закреплены в специальных держателях и пламя в них нервно металось в такт движения экипажа.

Снаружи стояла глухая ночь.

Веревки и мешок с девочки были сняты. Также Мэстон Лург забрал у нее рюкзак, очки, снял с руки юнипад и вытащил все содержимое карманов. Все это он засунул в мешок и спрятал в ящик под своим сиденьем. И запер на ключ. После чего нацепил на нос маленькие очки и углубился в чтение толстенького томика, отделанного темно-красным бархатом.

Поездка продолжалась уже больше двух часов, но ни жестокий судья, ни странная маленькая девочка до сих пор не произнесли ни слова.

Элен было страшно.

Впервые в жизни она столкнулась со столь откровенно враждебным окружением. И рядом не было никого из близких ей людей. Ни папы, ни бабушки, ни лучшего друга их семьи Александры Уэйлер, ни мудрого, добродушного, ироничного соседа мистера Коана Таругу, ни даже Кита. То есть, конечно, отец часто оставлял ее одну в их уютном двухэтажном домике на улице Эвергрин, но с ней всегда был Кит или она могла ночевать в доме своей лучшей подруги Эльвиры Мейнос, для родителей которой она была чуть ли не второй дочерью или могла в любой момент пойти к мистеру Таругу, живущему по соседству в очень просторном и по большей части пустом доме. Мистер Таругу, высокий, худой, седовласый, пожилой человек с гладким, желтовато-коричневым, абсолютно безвозрастным, круглым, приветливым лицом с черными, очень узкими, смешливыми глазами являлся своеобразной достопримечательностью

улицы Эвергрин. Про него рассказывали немало удивительных историй, но Элен более всего в нём поражала его невероятно ровная, однотонная, почти прозрачная аура. Ни у кого другого она такой пока еще не видела и не совсем понимала что это значит. Коан Таругу почти не использовал современные технологии и очень редко посещал торговые центры. Из всех живущих на улице Эвергрин он владел самым обширным земельным участком, на котором он развел много веселых цветников и обильных огородов. Также на его территории имелась симпатичная роща и даже небольшое озеро. Про мистера Таругу говорили, что он баснословно богат и что он бывший, немыслимо жестокий и хитрый преступник. По слухам он был и безжалостным наемным убийцей, и хищным кровожадным пиратом, и беспринципным владельцем сети борделей на Вольных планетах, и создателем жуткой наркоимперии и даже одним из боссов ужасающих Триад. Он обманул, переиграл, купил или заключил сделку со всеми органами правосудия, долгие альфа-годы охотившимися на него, и теперь спокойно проводит свой остаток вечности в маленьком тихом уютном личном раю на Небесной Жемчужине. Говорили что он питается только травой и живыми насекомыми, что он владеет смертельным боевым искусством и может убить одним легким прикосновением, что он умеет летать, что в него встроено "биохром" – сказочно дорогая система позволяющая управлять собственными генами на лету и он способен обращаться в разных животных, что он амфибия и частенько спит под водой своего озера, что он умеет читать мысли, что он многие ночи проводит на вершинах деревьев, откуда с презрением и насмешкой наблюдает за другими людьми. Элен ни во что это не верила, ибо когда кто-то рассказывал ей эти сплетни, она видела что человек лжет и выдумывает. Но тем не менее она приставала пару раз к отцу, чтобы он, как полицейский, выяснил всё про Коана Таругу и рассказал ей правду. Но Валентин Акари только отшучивался, заявляя что это страшный человек, вся информация о нём засекречена и копаться в его прошлом опасно. Элен по ауре отца видела, что он лукавит и насмешничает, сердилась и спрашивала почему же тогда он совсем не возражает, что она проводит целые дни у этого "страшного" человека и иногда, уезжая на несколько суток, он даже просит мистера Таругу присматривать за ней. На что отец уже совершенно серьезно отвечал, что лично для неё мистер Таругу совершенно не опасен и даже наоборот, рядом с ним она под такой же надежной защитой как и под присмотром Кита. И на это раз Элен видела, что он говорит правду, то есть то во что он сам искренне верит. Мистер Таругу в основном занимался своим огородом и садом, и Элен, оставаясь у него в гостях, также частенько привлекалась в качестве бесплатной рабочей силы для всяких мелких садово-огородных работ. Но ей почему-то это было лишь в удовольствие и она совсем и не пыталась, как обычно, переложить все эти досадные бытовые заботы на Кита или каких-то хозработов, которых впрочем у мистера Таругу и не было. Ни одного. Мистер Таругу всегда весело, беззаботно и абсолютно на равных болтал с ней, как ни один другой взрослый, за исключением может быть только дяди Васи, рассказывал ей много удивительных вещей про растения и животных, про другие планеты и людей.

Когда же папы не было особенно долго, к ней мог приехать пожить дедушка, Родерик Атинховский, инженер и изобретатель из легендарной «StarIntel» или могла заглянуть мисс Уэйлер, в который раз наталкивая Элен, скромно полагавшую что уж о взаимоотношениях мужчин и женщин она знает практически всё, на размышления о том почему папа никак не женится на тёте Саше. Они бы были такой прекрасной парой, полагала хозяйка Кита. Но даже если она и оставалась дома совсем одна, только со своим металлическим псом, все равно на Макоре, на улице Эвергрин не было ничего что могло бы представлять для нее опасность. По крайней мере так полагала сама Элен и потому никогда не испытывала страха.

А теперь на чужой планете, во власти чужого человека, без верного Кита самый настоящий, столь непривычный для неё, страх буквально скручивал ей внутренности.

Ей было страшно, страшно и стыдно. Она совершила глупость. Угнала полицейский корабль и отправилась вдвоём с Китом спасать папу на совершенно неизвестную планету. А вот

теперь уже надо спасать её саму. В сообщении, которое отец сумел передать ей, помимо своего местонахождения он сообщал о том что она не должна обращаться за помощью в Космопол, ибо один из близких друзей лейтенанта Акари не тот за кого себя выдает. Кроме того, отец сказал, что самой Элен также грозит опасность и ей нужно как можно скорее покинуть их дом на Макоре, перебраться хотя бы к мистеру Таругу или в дом Эльвиры Мейнос. Валентин Акари попросил её незамедлительно связаться с бабушкой или мисс Уэйлер, передать им содержание сообщения и оставаться с кем-то из них, пока отец не вернется к ней. Но по стечению обстоятельств Элен не могла этого сделать, они оба были вне досягаемости на неопределенный срок. Дедушка испытывал какой-то аппарат на далекой планете с ужасными условиями и с ним не было дальней гиперсвязи, а мисс Уэйлер, лейтенант какого-то отдела Службы внешней разведки была в командировке вообще неизвестно где. И кончилось это тем, что Элен, внезапно вдохновленная и окрыленная идеей спасти папу самолично, оставила бабушке и Александре Уэйлер зашифрованные послания и вместе с Китом, не взирая на все его протесты и ворчания, отправилась выручать отца на Каунаму.

А теперь она, полная стыда и раскаянья, готова признать, что Кит был прав, прав во всём. Девочка перестала рассматривать шторки и покосилась на королевского судью.

В первые минуты после того как с неё сняли мешок, Элен, сгорая от гнева и досады, пообещала себе не говорить ни слова своим похитителям, погрузиться в гордое молчание и полностью игнорировать любые попытки контакта с ней. Однако теперь, когда она поостыла и пришла в себя, девочка понимала что такое поведение неразумно и до добра не доведёт. Конечно же в диалог вступить придется, следует как можно скорее выяснить зачем ее похитили. И к тому же, так или иначе, сейчас она полностью во власти судьи, и если он захочет чтобы она говорила, то уж наверняка найдет способ заставить ее. Но Элен никак не могла собраться с мыслями, ей мешали страх и злость. Она злилась на себя, на судью и боялась того что он для нее приготовил. Она пыталась взять себя в руки и спокойно обдумать возможные мотивы похитителей. Но у неё это плохо получалось. Она весьма смутно представляла реалии этого мира, заиклившись на том что это какое-то отсталое дотехнологичное общество, несомненно погрязшее в первозданном невежестве, в куче суеверий, примитивных идей, религий (достаточно вспомнить отца Бургуса) и прочих "исчадиях разума", а возможно и настоящей дикости. И такое представление о Каунаме то и дело наталкивало её на пугающую мысль, что её похитили для чего-нибудь мерзкого и низменного, о чем она смотрела в детективных сериалах, совершенно не предназначенных для маленьких детей. Где-то в самых глубинах её испуганной, сжавшейся как крохотная мышка, души беспокойно ворочались неудобные мысли о взрослых мужчинах, использующих мальчиков и девочек для удовлетворения своих ненормальных, грязных желаний. Это было настолько отвратительно, гадко и парализующе страшно, что Элен запрещала себе думать об этом и изо всех сил торопливо старалась убедить себя, что человек сидящий перед ней совсем не такой. Она исподтишка разглядывала лицо и ауру судьи и вроде бы не находила в них ничего такого противоестественного и больного. Но испуганный голос в её голове тут же услужливо подсказывал ей: "А что если её везут к такому больному мужчине?" Что если алчный судья задумал её продать такому ненормальному человеку? Как рабыню. И в памяти всплывала серия где благородный и отважный Джулиан Брэд внедряется в банду работяг с Кашуты, особенно та сцена где он ходит по невольничьему рынку мимо голых взрослых и детей, стоявших на коленях с опущенными глазами и покорно ожидающих своей участи. И снова Элен старалась мыслить логично, как её учили отец и Кит. Совершенно очевидно, что судья заинтересовался её способностью видеть правду и ложь. И теперь он желает использовать эту её способность в каких-то своих интересах. Вне всяких сомнений дело именно в этом. Но сомнения оставались.

Элен снова покосилась на судью и не в силах больше томиться неизвестностью, сердито спросила:

– Что вам от меня нужно?!

Судья конечно же ждал когда она заговорит. Он взял с сидения рядом с собой узкую полоску плотной розовой бумаги, отделанной по краям красным бархатом и аккуратно положил между страницами. Закрыв книгу, снял свои очки и убрал все это в сторону. Все его движения были неторопливыми и размеренными. После этого он посмотрел на девочку и благожелательно произнёс:

– Я рад что ты наконец прекратила дуться и готова обсудить создавшееся положение.

– Что вам от меня нужно?

– Прежде всего мне нужно знать как ты себя чувствуешь.

– Это ни к чему!

– Что ни к чему? – Не понял судья.

– Ваша лицемерная забота обо мне. Я вижу вас насквозь и сейчас я только хочу знать для чего я вам понадобилась.

Мастон Лург чуть задумчиво погладил массивный подбородок, затем доброжелательно улыбнулся и мягко проговорил:

– Может для начала познакомимся? Твой спутник лоя называл тебя госпожа Элен из далекой северной страны Макора, правильно?

Ответа он не дождался, девочка молча смотрела на него и взгляд ее был холоден и неприветлив.

– Ну а я Мастон Лург, главный королевский судья города Туил.

– Какой же вы судья, если творите сплошные беззакония, – сказала девочка и постаралась вложить в свой голос всю меру презрения, на которую только была способна.

Однако Мастон Лург ничуть не обиделся.

– Все зависит от точки зрения. Законность или беззаконие это всегда всего лишь чья-то точка зрения. И чаще всего законно просто то что согласуется с точкой зрения большинства. Ты просто не видишь всей картины в целом, дитя моё...

– Перестаньте! – С каким-то очень естественным омерзением воскликнула девочка, грубо перебив собеседника. Она и сама поразилась своей невежливости. Никогда в жизни ни с одним взрослым она не разговаривала подобным образом и даже не знала что на такое способна. Но сейчас, в ее положении, такая дерзость по отношению к тому, кто пленил ее, приносила ей жалкое удовлетворение. – Меня совершенно не интересует как вы оправдываете свои преступления. И если вы не будете отвечать на мои вопросы, то я не буду отвечать на ваши.

Мастон Лург чуть отпрянул назад, увидев в огромных ярко-синих глазах девочки самое что ни на есть искреннее отвращение к нему. Это слегка покорило его.

Широкое немного полноватое лицо судьи перестало светиться фальшивой улыбкой и приобрело выражение холодной задумчивости. Некоторое время он молчал, разглядывая сидящего перед ним ребенка. Но ребенка ли?

– Ты действительно умеешь видеть говорит человек правду или лжет?

– Да. А потому не тратьте время пытаясь обмануть меня. Зачем вы меня похитили?

– Я намерен передать тебя верховному претору Агрона.

Девочка пристально смотрела на мужчину.

– Кто такой этот верховный претор и что такое Агрон?

– Агрон – это та страна, в которой ты в данный момент находишься, – недоуменно проговорил Лург. – Ты что этого не знаешь?

– Теперь знаю. А что насчет претора?

– Верховного претора, – поправил Лург. – Это глава Судебной палаты – организации призванной поддерживать внутренний порядок в государстве и беспощадно карать всех, кто нарушает оный.

– То есть в какой-то мере это ваш начальник?

– Ни в какой-то, а в самой непосредственной. Это можно сказать второй человек в государстве, он подчиняется только королю, Его Величеству Доммеру Благодетелю.

– Значит вы намерены выслужиться перед своим начальником, подарив ему меня. Но что же для него такого ценного во мне?

– Я думаю ты лукавишь, Элен, – Мастоу Лург впервые назвал девочку по имени. – Твой дар невероятен и несет в себе огромный потенциал. Преступники, интриганы, еретики, предатели, злодеи, враги государства и народа, с которыми верховному претору приходится иметь дело по долгу службы, будут для него как открытая книга с твоей помощью. Я думаю ты понимаешь это.

Элен успокоилась. Как она и предполагала, ее похитили из-за ее способностей. И снова ей стало стыдно. Ведь Кит предупреждал её, что это может плохо кончиться. Собственно и её отец и дед были того же мнения и строго-настрого запретили ей рассказывать кому-либо о своём необычном виденье мира. И на Магоре Элен неукоснительно соблюдала этот запрет и даже не из-за того что так хотели папа и бабушка, а потому что и её саму порой очень тревожило и напрягало осознание того что она не такая как все и она ни в коем случае не желала становиться изгоем и парией в глазах одноклассников, соседей и знакомых, которые, не сомневалась она, отнесутся негативно к её физической ненормальности. Но впрочем она очень редко предавалась таким тягостным раздумьям и к своему дару или проклятью пока еще относилась весьма легкомысленно, нисколько не считая что её странное зрение полностью изменит всю её судьбу и уже никогда не позволит ей жить нормальной счастливой жизнью обычного человека. И здесь, на Каунаме, где она никого не знала и откуда вскорости должна была исчезнуть навсегда, ей показалось она вполне может раскрыть себя, чтобы спасти эту девушку. Там на суде это ей представлялось лишь забавным новым опытом, веселым приключением, в конце концов какое ей дело до того что о ней будут думать каунамцы. Но всё вышло как-то не очень и ей вновь и вновь ярко и живо являлся укоризненный взгляд родных черных глаз на металлической собачьей морде. Перед Китом она чувствовала себя больше всего виноватой. Она прекрасно понимала что он, погруженный в нейронные сети своего ключевого поведенческого алгоритма, то есть своего смысла жизни, сейчас немисливо терзается и тревожится, не зная что с ней и где она. Какой же она была дурочкой, считая что ни что на свете не может разлучить её с любимым роботом.

Элен поглядела на сидящего напротив мужчину. Так или иначе, теперь, зная его мотивы, она может считать себя в относительной безопасности. Ей не только не причинят вреда, но и наоборот будут оберегать и лелеять ее, ведь она представляет немалую ценность для судьбы. Правда такие мысли почему-то всё равно не могли полностью избавить её от страха. Она сказала себе, что Кит конечно рано или поздно найдет её. Непременно найдет. С ним самим ничего не может случиться, никто из аборигенов этой планеты не может представлять для него хоть какую-то опасность, а она, Элен Акари, смысл его жизни. И он обязательно найдет и освободит её. О том что это будет не так-то просто сделать, она старалась не думать. Вместо этого она представляла как будет стоять возле плеча огромного металлического пса и холодно взирать на своих похитителей. Все их подручные, приспешники, охранники и солдаты будут к этому моменту так или иначе "нейтрализованы" и она будет спокойно с ледяным достоинством смотреть как мечутся, дрожат и трепещут ауры этих испуганных судей, преторов и всех прочих, кто осмелился издеваться над нею, считая что может владеть ею. Но она будет великодушна, величественна и снисходительна, в конце концов они всего лишь жалкие, неразумные, неразвитые, примитивные аборигены, удручающий пример регресса и упадка, всего лишь убогие тени своих мудрых и сильных звездных братьев-соплеменников. Но Элен отдавала себе отчет что эта приятная картина может и не состояться. Хотя её робот-ассистент и неуязвим и ему самому ничего не угрожает, отыскать одного единственного человека на громадной планете наверно не так-то и легко. Особенно если учесть, что Киту придется как-то контактировать

с каунамцами, чтобы добыть хоть какие-то сведения о хозяйке. Но Элен убеждала себя что причин для волнения всё равно нет. Даже если Кит задержится, рано или поздно дедушка и мисс Уэйлер получат её сообщения и явятся на Каунаму. А уж для них не составит большого труда отыскать маленькую жертву алчных похитителей. Вот в этом Элен уже не сомневалась не капли. Дедушка Родерик был самым мудрым и умным из всех кого Элен знала или вообще могла представить себе. Даже всезнающая Камила Кесада меркла, блекла и съезживалась на его фоне. Элен, конечно, было известно что мистеру Атинховскому вживлен в голову ментальный биоинтерфейс и он может мысленно соединиться с близлежащим терминалом Старнета и отправлять в Сеть запросы напрямую из головы. Но Элен давно уже убедилась, что даже когда рядом нет никаких точек доступа в глобальную звездную сеть, дедушка все равно остается самым мудрым и умным из всех кого она знает. Деду не составит труда найти на Каунаме Кита. Для этого надо будет только включить спутниковый маяк и робот сам выйдет на связь. А уж после того как мистер Атинховский узнает от Кита всё что произошло, вычислить где находится его внучка для него будет пара пустяков. А если рядом еще и будет Александра Уэйлер, кадровый офицер Службы внешней разведки, организации занимающейся не только исследованием новых, только что открытых миров, но и всесторонним скрытым сбором информации о планетах, населенных разумными обитателями, чей уровень развития ещё не позволяет им стать полноправным членом ни Земной Федерации, ни тем более Звездного Содружества, то всё станет совсем легко. Тетя Саша просто явится и заберет дочь своего лучшего друга где бы она не была. Ведь секретные агенты СВР на том и специализируются чтобы незаметно внедриться в любой инопланетный социум и проводить масштабные наблюдения и исследования.

Все эти мысли приободрили Элен и она уже вполне спокойно думала о том что ей до поры до времени придется идти навстречу всем желаниям алчного судьи. Что для неё это будет самой разумной моделью поведения. Хотя почему судьи? Верховный претор, вот перед кем она должна показать все на что способна, именно этого человека ей необходимо заинтересовать, именно ему следует доказать что она может быть чрезвычайно полезной для него. А судья просто пешка, перевалочный пункт, он ей не нужен. И она посмотрела на судью почти насмешливо.

– И что же вы попросите за меня у верховного претора?

Мастон Лург, исподтишка наблюдавший за Элен не меньше чем она за ним, увидел что девочка судья по всему полностью пришла в себя и вроде как даже насмешничает над ним.

– Очень многое, – спокойно ответил он.

– Но что именно? Чего вам так остро не хватало в вашей жизни в Туиле, что вы ради этого пошли на гнусное преступление?

Элен удивлялась самой себе. Ведь это так необычно для неё столь нахально и развязано разговаривать со взрослым и даже наверно уже пожилым человеком. Где-то внутри проскакивали жгучие искорки вины, но впрочем и тут же бесследно таяли. Он преступник, говорила себе Элен, а с ними можно не церемониться. Так считал идеальный Джулиан Брэд. Она вспомнила, как посмотрев очередную, довольно жесткую серию бесконечной детективной киноистории, пришла к отцу и настырно попросила рассказать о том как он ведет себя с преступниками. Вежливо, спокойно и даже уважительно или он издевается над ними, бьёт их и запугивает как один из коллег Джулиана Брэда. Отец сказал что с преступниками он ведет себя ровно также как и с невоспитанными, глупенькими дочерьми. Элен возразила что это не ответ, откуда ей знать как он ведет себя с невоспитанными глупенькими дочерьми, если она, насколько ей известно, его единственная дочь и к тому же очень воспитанная и умная. Да, я очень воспитанная, согласилась сама с собой Элен и продолжила:

– А впрочем я догадываюсь. Вы, конечно, уверены что достойны гораздо большего чем председательствовать в суде какого-то захолустного городишки, в компании непроходимо глупого священника и пьяницы-мэра, разбирая бытовые, примитивные до пошлости, дразги каких-то сиволапых лесорубов и свинопасов, не так ли?

Судья усмехнулся. Несколько оцепенело.

– Господь всемогущий, тебе же всего лишь шесть лет. Мне даже страшно представить какой ты будешь, когда станешь взрослой женщиной. Как же ты собираешься жить среди людей, если видишь их насквозь?

– А я буду жить среди хороших людей.

Судья снова усмехнулся.

– Где же ты их найдешь?

– А разве вы таких не встречали?

Мастон Лург отрицательно покачал головой.

– Нет. То есть конечно человек может казаться сколь угодно приятным и милым, добродетельным и благородным, но копнешь поглубже и вся эта хорошесть тает как вата в огне. Там, внутри, в глубине живет всё тот же коварный и эгоистичный хищник с темными безжалостными глазами и алчным ненасытным сердцем. И вся разница в людях лишь в том насколько много у этого хищника силы и отваги, чтобы взять всё что ему хочется. Но я понимаю что для шестилетней малышки вполне нормально не видеть в людях этого хищника.

Элен откинулась на кожаную спинку сидения. А он кажется любит поговорить, решила она. Резонер. Она видела и по лицу и по ауре судьи что тот получает удовольствие от беседы и ей это не нравилось. Она определенно не желала доставлять своему похитителю хоть какие-то приятные эмоции.

– Скажите, господин Лург, а почему вы уверены что я буду работать на вашего начальника и честно говорить кто лжет, а кто нет? – Спросила она уже откровенно насмешливо.

– Потому что мы заставим тебя, – просто ответил судья и у Элен испуганно ёкнуло сердце от этой простоты.

– Ты ведь, я думаю, понимаешь, что позже мы вполне можем узнать солгала ты нам или нет, – продолжил Мастон Лург очень спокойно и неторопливо. – И тогда за каждый такой случай у тебя на глазах будут отрезать голову котенку или щенку. Или пороть до кровавого месива какого-нибудь бездомного ребенка.

Судья посмотрел в глаза девочки и улыбнулся.

– Ты ведь видишь что я говорю правду, не так ли?

Страх, который вроде бы отпустил ее, снова вернулся. Элен вжалась в спинку сиденья. Этот человек действительно говорил правду. За страхом пришел гнев и даже ненависть. Этот представитель рода человеческого был отвратителен ей. Но страх был сильнее. Он коробил, унижал и застывал в горле мерзким осклизлым комом. Элен опустила глаза. Но она подумала об отце, о мисс Уэйлер и словно почерпнув у них силу противиться страху, снова взглянула на судью.

– Вы обречены, господин Лург, – выдавила она из себя. – Моё похищение не принесет вам ничего хорошего.

– Я понимаю, ты пытаешься напугать меня, – спокойно сказал судья, – но напрасно. Твой механический пес уничтожен, он пронзен металлическими кольями и сейчас я думаю он уже засыпан толстым слоем земли.

Девочка с удивлением поглядела на него и вдруг улыбнулась. Она заставила себя это сделать, но потом ей действительно стало смешно, когда она увидела как вытягивается лицо надменного судьи и её веселая улыбка была уже совершенно искренней.

– Вы не в состоянии уничтожить моего пса, не обольщайтесь, – звонко сказала Элен. – Он покрыт бронесплавом, металлом, который не сможет пробить никакое ваше оружие. Да и вообще ни что в вашем примитивном мире не способно причинить ему ни малейшего вреда. Но дело даже не в моей собаке. Вы совершили большую ошибку, напав на меня, господин Лург, и за это вам придется дорого заплатить.

– Перестань, Элен. Твои ребяческие угрозы совершенно нелепы. Не думаешь же ты что я поверю тебе?

Девочка усмехнулась.

– А вы забавный, – сказала она, пристально глядя на судью. – Вы что же, всерьез полагаете, что я вот такая сама по себе, человек из ниоткуда, без роду и племени, без родителей и друзей? Явилась в ваш Туил круглой сиротой из соседней деревушки, а мой пес сам по себе возник из пены морской? По вашему меня никто не ищет и я никому не нужна, кроме вас и вашего претора?

Высоколобое лицо судьи затуманилось каким-то явно неприятным размышлением и Элен ощутила острое удовлетворение.

– Вы обречены и это лишь вопрос времени. – Уверенно произнесла девочка. – Меня ищут не только мои Хранители, но и мои друзья-лоя.

"Какие еще хранители?", весело спросила себя Элен, вроде хотела сказать родители.

– Хранители...?

Девочка многозначительно поглядела на судью.

– Ну да. Черный Шак, так зовут моего пса, только один из них. Я просто с ним немного вырвалась вперед. Но остальные тоже скоро пребудут в Туил, Шак расскажет им что случилось и они все устремятся за мной.

– Вот как. И зачем же тебе столько хранителей? Ты такая важная персона у своего народа?

Элен бесхитростно пожала плечами:

– Я Талитана Униквита, то есть "Та, которая читает в сердце", будущая великая жрица в храме всемогущего Старнета, я священна для моего народа.

Мастон Лург несколько секунд внимательно глядел на девочку, словно видел её впервые.

– И если я дам тебе подзатыльник, меня что, испепелит молния?

– Вряд ли, – спокойно ответила Элен. – Такое бывает только в сказках. В реальной жизни возмездие настигает злодея спустя немалое время и в тот момент когда он совсем этого не ждет.

– И что же ты делаешь в Агроне, возле захолустного городишки Туила?

– Я шла на встречу с Королевой Лазурных гор, повелительницей Лоя, – без запинки сказала девочка. – Сандара одна из нас и я должна была продолжить у неё своё обучение.

– Одна из вас?

– Да она из моего народа, макорианка.

Судья неопределённо хмыкнул.

– Ясно. А этот лоя, что так рьяно заступался за тебя на суде, видимо что-то вроде твоего проводника.

– Что-то вроде.

Мастон Лург помолчал. Затем надел на нос очки для чтения, взял в руки книжку и поглядев на Элен поверх очков, сказал:

– Для шестилетней ты неплохо сочиняешь, но твоя ложь всё же чересчур наивна. Неужели ты всерьез рассчитывала что я поверю тебе. Мне казалось ты умнее. – И он начал раскрывать свой томик, как бы показывая, что девочка ему больше не интересна.

– А я даже умнее чем вам казалось, – дерзко заявила Элен. – Вы забываете что я та, которая читает в вашем сердце. И я вижу что вы напуганы, пусть не очень сильно, но напуганы. Я посеяла в вас сомнение. Вы не знаете кто я такая. Но вы видели на что я способна, вы видели моего Шака, видели как он останавливал одним лишь взглядом ваших солдат. И страх уже живет в вас. Пока еще он совсем небольшой, но со временем он совершенно отравит вам жизнь. Вы поймете что мои хранители также реальны как эти очки на вашем носу и тогда вся ваша оставшаяся жизнь сведется к тягостному ожиданию возмездия.

Мастон Лург резко захлопнул книгу и наклонился вперед, приблизив своё лицо к ребенку.

– Послушай меня, дитя. Да, я готов признать что для шестилетнего карапуза ты действительно весьма смышлёная и довольно гладко ведешь свою речь. Но это лишь поза, этому можно и хохлатого пересмешника обучить. По своей сути ты все равно просто ребенок и вся твоя ложь весьма корява и наивна. Этот твой лоя носит на шее ленту изгнанника, то есть собственный народ отказался от него, как от презренного преступника. И очень сомнительно чтобы такого выбрали в сопровождении гостьи Сандары. И даже если сама Сандара это что-то большее чем религиозная сказка, то к твоему сведению Лазурные горы в несколько другой стороне и твой лоя-проводник почему-то вел тебя чуть ли не в противоположном направлении. Что касается твоего Шака, то в Агроне разговаривающие и музыкальные автоматы не такая уж и редкость. Лоя замечательные механики, этого у них не отнять и неплохо на этом зарабатывают, продавая подобные игрушки состоятельным людям. А гвардейцев возле тюрьмы твой пёс остановил вовсе не каким-то там магическим взглядом, а при помощи какого-то ядовитого шипа, я нашел на шеи гвардейцев крохотный след от укула. Ну а что касается тебя, то я думаю ты такая же великая жрица, как и отец Буртус великий мудрец. Ты думаешь ты представляешь из себя нечто особенное? Ты ошибаешься. Природа порой производит на свет разного рода ненормальности, словно в её отточенной системе время от времени что-то сбоят и ломается. Я видел на своем веку бородатую женщину, двухголового мужчину, трехглазого ребенка, человека с поющей дыркой в груди, человека способного глотать и изрыгать огонь, человека способного вытягивать руки и ноги и складываться в маленький сундучок, женщину, видевшую сквозь стены и прочие странности. И ты точно такое же испорченное, искаженное творение природы, на миг сбившейся с нормального пути. Ты ярморочный уродец не более того. А уж о том что ты умнее чем мне казалось я бы и вообще постеснялся на твоём месте заикаться. Напротив, ты весьма посредственна и глупа, иначе как бы я так легко разгадал все твои намерения и так просто поймал твоего ужасающего Шака в ловушку. Предсказуемость один из первых симптомов глупости.

Лицо Элен стало ледяной маской.

– Вы мне надоели, – объявила девочка.

Судья откинулся на спинку сидения и снова раскрыл книгу.

– Ну ничего страшного, – спокойно сказал он. – Пора тебе привыкать, что твоё мнение больше никого не интересует.

Элен недобро глянула на судью и отвернулась.

23.

Поначалу Ташунг решил отложить свидание с молодым секретарем королевского судьи до утра. Зачем бегать по городу в поисках этого субъекта, если с наступлением дня он сам явится к зданию тюрьмы, где находилось его рабочее место. Однако, хорошенько поразмыслив, Ташунг пришел к мысли что время слишком дорого и даже несколько часов могут осложнить ситуацию. Необходимо приложить все усилия, чтобы как можно скорее оказаться рядом, с теперь столь ценным для него, человеческим ребенком. А значит нужно искать дом этого Касаша. Но тогда вставал новый вопрос как узнать место проживания судебного секретаря посреди ночи.

Ташунг был несколько озадачен и даже немного нервничал. Он всего лишь первый месяц был в наблюдателях и несмотря на тщательный инструктаж, сейчас ему было трудно принять решение. Весь этот месяц он провел в совершенно пассивном наблюдении за жизнедеятельностью этих существ, переходя из одного поселения в другое. Однако, теперь, ему необходимо было предпринять активные действия для выполнения стоящей перед ним задачи и возможно ему даже придется вступить с этими примитивами в контакт. Ташунг был взволнован.

Так где же добыть необходимые ему сведения? В мэрии дежурил небольшой караульный отряд и у них конечно был в штате посыльный, но Ташунг не хотел связываться с людьми

в форме. Будет слишком много подозрений и возможно его даже попытаются задержать для дальнейшего разбирательства, зачем это ему понадобился адрес судебного секретаря посреди ночи. Нет, конечно, солдат следует обходить стороной. А также не забывать про патрули на улицах города, напомнил себе 7024 – ре. Естественно никто из этих существ не представлял для него никакой опасности и он мог бы просто ворваться в мэрию и добыть нужную ему информацию силой. Но это было бы крайне неразумно и опрометчиво. Пришлось бы всех умертвить, иначе оставшиеся в живых переполошили бы весь город. Ни то чтобы смерть этих ничтожеств, практически животных, что-то значила для него, но все-таки ему казалось, что не стоит лишать их жизни без крайней необходимости. Впрочем, окончательно он этот вопрос для себя еще не решил.

После некоторого размышления, Ташунг пришел к выводу что ему следует посетить одно из тех мест, где эти существа утоляют свой голод. За этот месяц, 7024– ре уже выяснил что функциональная нагрузка подобных мест несколько шире, чем тривиальное поглощение пищи. Те, кто собирался там, судя по всему, имели своей целью некое релаксационное времяпрепровождение, однако то чем они занимались у Ташунга никак не ассоциировалось с понятием отдых в его понимании и ему каждый раз приходилось напоминать себе о необходимости делать скидку на примитивизм, зачастую доходящий до уровня мышления скота, этих существ.

7024– ре остановил свой выбор на заведении «Черная Румма», названном в честь мифической королевы такого же мифического племени либингов. Сия царственная особа, насколько Ташунг помнил, была славна своим экстраординарным поведением, заключающемся в безумных совокуплениях, неумеренных попойках и кровавых битвах. Впрочем, Ташунг уже начал сомневаться, что подобное поведение для этого вида является экстраординарным.

Суора улыбнулась. На этот раз без малейшего труда, легко и непринужденно.

Для 7024 – ре все еще были непривычны и непонятны эти мимические движения и он напоминал себе, что необходимо практиковаться в них, дабы в общении с людьми выглядеть более естественным и человечным.

Ташунг знал, что это заведение открыто до самого рассвета и предполагал, что там наверняка найдется кто-то кто знает где живет судебный секретарь.

Суора погладила рукояти мечей, спрятанных под плащом, и быстро зашагала по ночным улицам Туила по направлению к «Черной Румме».

По началу Ташунг сомневался в разумности иметь при себе это невообразимо примитивное оружие, хоть оно и было выполнено с немислимим для здешней цивилизации совершенством. Два небольших изящных клинка с полуметровым, односторонним, слегка изогнутым лезвием были способны разрезать даже камень. После дополнительной трансформации доставшегося Ташунгу тела и настройки сознания, 7024 – ре владел этим оружием с невероятным мастерством и практически на уровне рефлексов. Но после месяца, проведенного среди людей, Ташунг понял, что мечи, даже оставаясь в ножнах, выполняют определенную статусную функцию, заставляя окружающих относиться к нему с опасением и почтением, что весьма устраивало 7024 – ре, ибо как выяснилось, в обществе этих существ быть физически привлекательной самкой детородного возраста порой очень непросто. Но впрочем не на всех это действовало и пару раз ему все-таки приходилось обнажать мечи.

Суора толкнула тяжелые двойные двери таверны и вошла внутрь.

Главная зала «Черной Руммы» представляла собой большое овальное помещение с невысоким потолком, опирающимся на широкие деревянные колонны круглого сечения. Залу заполняли массивные прямоугольные столы, за каждым из которых могло разместиться до десяти человек. Возле столов стояли лавки и грубые табуреты.

Суора сделала первый шаг по центральному проходу, идущему прямо к винной стойке, которую впрочем не было видно за спинами стоящих возле нее людей. Зала к огорчению молодой женщины была прекрасно освещена множеством свечей, ламп и двумя огромными ками-

нами, пылающими у левой и правой стены. И значит люди видели ее также хорошо, как и она их.

– Эй подруга, вход после полуночи платный, тут и так не продохнуть, – сказал кто-то слева от Суоры.

Она повернула голову и увидела молодого мужчину в широкой белой рубаше, расстегнутой до пупа, в коричневых кожаных штанах и щегольских полусапожках. Парень сидел на табурете возле небольшого квадратного столика, на котором стояла чашка с монетами, и ловко вертел между пальцев длинный тонкий ножик. Взгляд парня был насмешливым и дерзким.

Суора отвернулась и спокойно пошла дальше, как будто не поняла его слов.

«Начать наверно следует с виночерпия за стойкой», размышлял Ташунг, «даже если он не знает сам где живет судебный секретарь, то возможно подскажет у кого узнать». Мысли 7024-ре были внезапно прерваны. Кто-то грубо схватил Суору за левую руку. Волна омерзения и брезгливости окатила Ташунга. Эти физические контакты все еще были ему в диковинку и он ничего не мог поделать с яростным чувством отвращения, которое они у него вызывали. И прежде чем он пришел в себя и взял свое, все-таки еще во многом очень странное для него, тело под контроль, причина неприятного ощущения была устранена.

Молодому мужчине, выполнявшему роль привратника, очень не понравилось поведение незнакомки в странной облегающей черной одежде. Он даже счел его оскорбительным. Он вскочил с табурета и схватил женщину за руку, намереваясь привести ее в чувство и указать на недопустимость подобного отношения к внутренним правилам «Черной Руммы». Что произошло дальше он не понял. Как только он сжал запястье незнакомки, его грудь поразил страшный удар. С поломанными рёбрами он как мяч отлетел назад, сокрушил маленький столик и врезался в стену. Чашка и монеты весело зазвякали по полу.

Как только Суора почувствовала чужое прикосновение, она, двигаясь быстрее чем мог уловить человеческий глаз, развернулась и ударила противника правой ногой.

Ташунг расстроено глядел на молодого самца, лежащего у стены среди деревянных обломков. 7024-ре был недоволен собой. Конечно же следовало сдержаться. Это жалкое существо ведь что-то говорило ему, а он не обратил на это внимания. Да, скверный из него наблюдатель. Впрочем, прошел только месяц и он пока только учится. Хотя, это конечно не может служить оправданием, тем более сейчас, когда он получил другое, гораздо более важное задание. Самец к счастью был жив и теперь расширенными от ужаса глазами глядел на Ташунга.

– Э-эй, что там такое, – услышала Суора чей-то грозный окрик у себя за спиной.

Молодая женщина резко обернулась.

Мужчины и женщины, сидящие за столами и стоявшие у стойки, с любопытством разглядывали ее. А по центральному проходу стремительно шел некто явно недовольный ее действиями. Этот некто был высокого роста, с большим животом и круглым пухлым лицом. Закатанная до локтей, грязная, засаленная рубаша открывала его мощные толстые руки. Кроме рубашки, на человеке был кожаный жилет и кожаный чем-то перепачканный передник. В правой ладони некто сжимал увесистую отполированную дубину.

Суора быстро расстегнула свой плащ, откинула его полы, выставив на общее обозрение рукояти своих мечей.

– Остановись, – почти прошипела она, и это было так необычно, что огромный мужчина действительно сбавил шаг, а затем и остановился.

Ташунг снова был недоволен собою. За месяц можно было и получше изучить свой голо-совой аппарат. До этого момента он нечасто издавал акустические волны и вот результат. Сейчас он явно взял весьма неверный тон. На миг у него даже мелькнула мысль бросить все это, не усложнять себе жизнь, достать мечи и страхом и силой добиться у этих существ то что ему надо. Но он тут же устыдился этого своего порыва. Это было бы крайне непрофессионально, и он просто бы расписался в собственной слабости. Наблюдатели так не действуют. В конце

концов, его мыслительные способности намного превосходят способности этих существ, так неужели он не может решить такую простую задачу как получение в общем-то весьма тривиальной информации без применения физического воздействия.

– Кто ты такой? – Проговорила Суора негромко, но внятно и вполне по-человечески.

Большого пузатого мужчину звали Виво и он являлся владельцем этого заведения. Услышав грохот и треск, он выскочил из-за барной стойки, ожидая увидеть очередную бузу пьяной публики. Испытывая огромную заинтересованность в сохранности принадлежащего ему имущества, он старался пресекать подобные явления в самом зародыше и без всякой жалости, чему немало способствовала его огромная физическая сила, а также прочная как сталь дубина, коей он весьма умело орудовал. Однако столкнувшись лицом к лицу с такой необычной посетительницей, Виво немного подрастерялся.

Плотно сжав губы, он разглядывал стоящую перед ним очаровательную молодую женщину и раздумывал какую линию поведения ему выбрать. Вопрос, заданный ею, прозвучал не очень вежливо, да и вела себя незнакомка, мягко говоря, вызывающе, Виво покосился на столущего и барахтающегося возле входа человека, он также отметил лежащие на полу монеты. Но здравый смысл удерживал хозяина «Черной Руммы» от попытки быстрого и справедливого возмездия распоясавшейся незнакомки. У всех на слуху был случай с этой кирмианской дикаркой, проткнувшей пузо бедняге Пулту. А тут тоже явно чужестранка и опять же мечи. В общем Виво решил пока повременить с возмездием и вступить с противником в диалог.

– Да я вроде как хозяин всей этой музыки, – с легкой усмешкой проговорил он. – Зовут меня Виво. А вот что ты за птица такая и зачем покалечила моего парня я что-то не пойму.

Ташунг напряженно анализировал полученную информацию. Под сленговым термином «музыка» видимо имеется в виду все это заведение, значит это как раз тот человек, который ему нужен и, следовательно, необходимо постараться избежать конфликта с ним. «В конце концов я наблюдатель, – подумал 7024-ре, – и пора доказать себе что я не только могу бродить по улицам и смотреть по сторонам, но и успешно действовать в непосредственном контакте. Это будет даже интересно».

Суора улыбнулась и чуть сузив глаза, сказала:

– Я хочу говорить с тобой, Виво. А за своего парня извини, просто ему не следовало прикасаться ко мне. Ему еще повезло что он остался жив.

Слова молодой женщины прозвучали в полной тишине.

Стремительным движением Суора вытащила из внутреннего кармана плаща монету и бросила ее хозяину заведения. Виво, проявив отличную реакцию, по крайней мере в таком деле, поймал заветный металлический кружок. Он раскрыл ладонь и посмотрел на монету. Это была золотая тона. Такая новенькая и блестящая будто не прошло еще и часа как ее вынули из под пресса монетного двора Его Величества. Виво смотрел на несколько рыхлый профиль Доммера Благодного и не мог оторваться. Монета была настоящая, определяя вес подобных вещиц, хозяин «Черной Руммы» промашек не давал. Настоящая золотая тона. Это заставляло задуматься.

Виво поднял взгляд на странную незнакомку. Улыбка уже исчезла с ее лица и большие голубые глаза смотрели холодно и выжидательно.

– Иди за мной, – сказал он и развернувшись, направился к стойке.

Люди поспешно расступались, пропуская их. У стойки Виво отдал несколько распоряжений молодому виночерпию. Чтобы позаботились о привратнике и собрали с пола деньги. Затем он направился на кухню, пересек ее, вышел в коридор, поднялся по лестнице и открыв дверь, вошел в свой кабинет. Суора бесшумно следовала за ним, так бесшумно, что Виво пару раз оглядывался, чтобы убедиться что она идет за ним. На миг у него мелькнула мысль, что может быть опасно оставаться с ней наедине, но видимо ничего другого не остается и придется риск-

нуть. Он подошел к столу, на котором лежала раскрытая громадная писчая книга, развернулся и, указав незнакомке на старый ветхий стул у стены, сам присел на столешницу.

Молодая женщина, проигнорировав чахлый стул, вышла в центр комнаты и неотрывно глядя в глаза хозяина «Черной Руммы», четко сказала:

– Я хочу знать где живет судебный секретарь Касаш.

Виво чуть не присвистнул, но сдержался. Конечно Ташунг, постоянно анализируя эмоциональный фон субъекта и считывая электромагнитные излучения его мозга, прекрасно видел что он удивлен.

Виво решил, что тут пахнет жареным. Судебный секретарь захолустного городка это, конечно, не та фигура из-за которой может подняться большой шум, но все-таки, так или иначе, он человек могущественной Палаты и если с ним что-нибудь случится, то возможно это не останется безнаказанным и будут искать виновных. И пусть не ясно зачем эта странная чужестранка ищет Касаши, но вряд ли для того чтобы признаться ему в любви или передать деньги от далекого родственника.

– Зачем же такой очаровательной девушке понадобился какой-то недотепа сухарь, этот жалкий чинуша на побегушках? – Как бы в шутку поинтересовался Виво.

– Неужели ты действительно хочешь это знать? – Совершенно безэмоционально спросила Суора. – Ты думаешь это знание будет полезным для тебя?

«Нет, – подумал Виво, – я уже совершенно не хочу это знать. Мне абсолютно неинтересно». Он крепко сжал свою дубину обеими руками. Хотя на глаз он был лет на пятнадцать старше незнакомки, чувствовал он себя не очень уверенно перед ней.

– Ты боишься меня, – констатировала Суора. – Не волнуйся, это совершенно нормально и никак не должно задевать твое мужское самолюбие. В моих силах полностью уничтожить все твое заведение и всех кто находится в нем, но мне это совсем не нужно, это не рационально. Я просто хочу знать где живет этот человек и если ты не можешь мне помочь, то подскажи у кого бы я могла получить эту информацию.

Виво усмехнулся.

– Ты очень уверена в себе.

Суора приблизилась к нему. Ее голубые глаза не отрывались от его лица. Виво почувствовал тонкий, цветочный, еле уловимый, головокружительный аромат, исходящий от соблазнительного тела незнакомки. Какие-то весьма приятные струны его существа напряглись и желание мягко растворило страх.

– Ты думаешь у меня нет для этого оснований? – Спросила она.

– Думаю что есть, – пробормотал мужчина. – И я был бы благодарен тебе, если бы ты была немного подальше от меня.

Суора развернулась и покачивая бедрами отошла к двери.

– Ты скажешь мне где он живет? – Спросила она, стоя к нему спиной.

– Я не знаю.

Суора резко развернулась, взметнув полы своего плаща и впиалась в хозяина «Черной Руммы» взглядом.

– Но я знаю кто знает, – поспешно добавил Виво.

– Кто?

Виво, оттолкнувшись от стола, встал прямо и опустив дубину, твердо произнес:

– Это будет тебе стоить три тоны.

– Хорошо, – каким-то усталым голосом проговорила Суора, – я дам тебе еще одну. Кто?

Шестым чувством Виво понял, что если он вознамерится торговаться, то он ничего не получит и в следующий миг, из него каким-нибудь жутким способом начнут добывать информацию.

– Одна шлюшка по имени Тира. Она несколько раз обслуживала его на дому.

– Где мне ее найти?

– Она там дальше по коридору, в комнате на двери которой две вертикальных черты. Но предупреждаю с ней сейчас Бык Джойвс, а он очень несговорчивый парень.

Казалось монета взлетела в воздух и незнакомка выскочила в коридор практически одновременно. На этот раз Виво не поймал тону и она, звякнув, упала на пол. Подобрав монету, Виво устремился в коридор. Он успел увидеть как молодая женщина вошла в указанную дверь.

Хозяин заведения было бросился вперед, но вдруг передумал и остановился. Действительно ли он хочет видеть то что там сейчас случится? Он ждал грохота, звуков тяжелых ударов, криков. Даже если Бык не успеет рта раскрыть, то Тира вполне может завизжать. Но все было тихо.

Из комнаты в коридор вышли Суора и молоденькая накрашенная девушка, завернутая в какой-то грязный шерстяной плащ.

Виво застыл. Рука незнакомки лежала на шеи его проститутки и подталкивала девушку вперед. Карие глаза Тиры были расширены и в них читалось немое потрясение. Обе шли по направлению к нему.

Виво встретил взгляд Тиры и прочитав в нем мольбу и страх, тут же отвел глаза.

– Что-нибудь еще? – Спросила Суора.

Виво отрицательно покачал головой и отступил к стене, давая им пройти.

– Есть выход не через главный зал?

– Она покажет тебе, – кивнув на Тиру, ответил хозяин «Черной Руммы».

Когда в коридоре никого кроме него не осталось, Виво развернулся и медленно пошел к комнате с двумя вертикальными чертами на двери. Он готовил себя к самому худшему, к тому что зрелище может быть ужасным и уже заранее обдумывал то обстоятельство что надо хорошенько отмыть кровь.

В комнате горело две свечи. Могучий Бык Джойвс со спущенными штанами лежал поперек кровати. Виво приблизился к нему. Крови не было, вообще нисколько. При поверхностном осмотре Виво не заметил никаких видимых повреждений или следов от ударов. Рот незадачливого клиента Тиры был полуоткрыт и из него стекла струйка слюны. Виво наклонился и приложил два пальца к шее молодого человека. «Жив, – с удивлением определил он. – Просто видимо без сознания».

24.

Когда они вышли на улицу, Суора с наслаждением вдохнула чистый прохладный воздух и почти благодушно взглянула на свою спутницу, шею которой она по-прежнему несильно сжимала правой рукой. Тира буквально тряслась от страха.

– Успокойся, я не причиню тебе вреда, – сказала Суора.

Молоденькая проститутка посмотрела на страшную незнакомку, которая одним прикосновением уложила без чувств Быка Джойвса. Но при звездном свете она видела только контуры ее тела.

– Что вы хотите от меня, госпожа? – Проговорила Тира.

– Ничего особенного. Просто покажи мне дом, где живет человек по имени Касаш. Ты ведь сможешь это сделать, не так ли?

Тиры с облегчением подумала, что она действительно может это сделать. И пусть молодой судебный секретарь был ей отчасти симпатичен, в отличии от большинства остальных клиентов он обращался с ней вежливо и даже иногда нежно, но у ней даже мысли не возникло попытаться отказать этой женщине, хотя как и Виво она была уверена, что вряд ли незнакомка ищет Касаша с добрыми намерениями.

– Конечно, моя госпожа, я покажу вам его дом.

– Сейчас я уберу руку с твоей шеи, но, прошу тебя, не пытайся сбежать.

– Что вы, моя госпожа, я и не думала об этом.

Суора убрала руку.

– Сейчас достаточно темно, ты сумеешь найти дорогу?

– О, будьте уверены, я не заблужусь.

– Тогда поторопись.

Тира пошла вперед, Суора за ней чуть сзади и слева.

Ташунг с интересом наблюдал как страх в этой юной самке ослабевает и его место занимает любопытство.

Спустя некоторое время она даже позволила себе бросить осторожный взгляд на страшную незнакомку. И честное слово, хотя это было конечно совершенно невероятно, Ташунг ощутил мимолетное расположение к этому существу. И самое странное, и он не сомневался в этом, расположение проистекало из того обстоятельства, что в своем нынешнем обличье он был одного пола с этой юной самкой. Полный нонсенс конечно. Ведь в народе Ташунга вообще не было разделения по половой принадлежности, а значит и всего что с этим связано. Каждый из них мог произвести себе подобного в определенный период и при определенных условиях. Правда теперь эти условия были утрачены и воспроизведение стало невозможным. Но чтобы он вдруг почувствовал себя мужчиной или женщиной, только потому что его сущность сейчас слита с телом представителя двуполого народа... Нет, это совершенно невозможно. Он даррон и никакие внешние влияния не изменят его.

25.

Сердце Океана снова пульсировало глухими, медленными ударами. Берега вздрагивали от этого ужасного ритма и души людей цепенели от страха. Все живое, затаившись на земле, прижавшись к ней, словно ища у неё защиты, с отчаянием и обреченностью слушало далекие удары древнего сердца громадной бездны. В темных подводных городах, повинаясь своему сложному многофазному жизненному циклу, снова пробуждались от многолетней спячки безобразные существа. Люди называли их савгулы, из поколения в поколение передавалась страшная весть о том как давным-давно эти жуткие исчадия океанских пучин уже однажды выходили на берег, погружая мир в хаос и отчаяние. И те немногие из людей, что выжили в ту ужасную эпоху, завещали своим потомкам вечно помнить о Сердце Океана, о всеильном Вал–Амане – повелителе савгулов и о Шивтаке – великом Ключе Синей бездны, способным управлять Океаном и отпирающем врата Обители Темной воды.

Минлу застонала и перевернулась на правый бок.

Белый песок, залитый солнцем пляж, ленивые волны, накатывающиеся на берег и с шипением отступающие назад. Она стоит возле самой воды и, сощурившись, глядит на бескрайний сверкающий Океан. Снова удар, неслышимый, но ощущаемый всем телом, проникающий в голые ступни ног и добирающийся до самой головы. Они происходят примерно каждые полчаса. Девушка резко оглядывается и видит как из стены обрыва, в который упирается пляж, ручейками сыплется желто-коричневый грунт.

Она снова поворачивается к воде. На девушке мягкие облегающие шорты и узкая полоса лифа на груди. За спиной на ремнях ножны с мечом мастера Юн Фая, который она получила три года назад. Она передвигает ремни и спускает меч на пояс, разместив оружие почти по центру живота.

Она входит в воду, отталкивается от дна и быстро плывет вперед. Метрах в пятидесяти от берега она останавливается и произносит заклинание входа в Урум. Девушка успевает сделать несколько глубоких вдохов, и затем соленая вода плотно обволакивает ее тело и неестественное стремительное течение, направленное вперед и вниз, уносит ее вглубь Океана.

Прижав руки к туловищу и вытянув ноги, она превратилась в стрелу несомую потоком воды. Глаза она держала закрытыми. Немного мешал меч, но все же ее продвижение было

невероятно быстрым. Она даже не успела ощутить первые признаки удушья, когда давление воды на тело исчезло и она почувствовала под собой ровную гладкую поверхность.

Девушка сделала вдох, открыла глаза и встала. Она находилась в огромном прямоугольном проеме, сделанном в гигантской каменной стене. Вперед уходил коридор, освещаемый слабым зеленоватым свечением, исходящим от бесформенных образований, прилипших к потолку.

Девушка оглянулась. Океанская вода мерцающей пеленой закрывала весь проем не в силах войти в него. Невидимое препятствие сдерживало ее мощное давление и позволяло заполнять огромные помещения чистым воздухом.

Ступая босыми влажными ногами по древним каменным плитам, девушка двинулась вперед. Стены и пол были испещрены витиеватыми письменами, каждая черточка которых состояла из точек разного диаметра и глубины. Девушка не умела читать эти знаки, и насколько она знала никто из людей не был на это способен, так как сначала эти письмена следовало как-то по-особому осветить и уже потом читать их, учитывая какие-то нюансы освещенности каждой точки. Это умели только те кто написал их.

Девушка прибавила шаг. Снова пришел удар. Одним движением она вытащила меч. Савгулы, даже если они уже проснулись, вряд ли поднялись на эти верхние уровни Урума, но здесь вполне могли быть рии их омерзительные существа – охранники.

Коридор был огромным, метров восемь в высоту и три в ширину. Девушка легко бежала вперед. Вскоре она вышла к разветвлению, где коридор, по которому она двигалась, разделялся на три других. Не раздумывая, она выбрала левый. Как ей было уже давно известно левый ход вел вниз, правый вверх, а средний оставался на прежнем уровне. В городах савгулов так было всегда.

Зеленых светящихся образований стало больше, и теперь их бесформенные тела спускались почти до пола. Она знала что они ядовито – жгучие, а потому старалась держаться от них подальше. В стенах стали попадаться большие темные отверстия. Это были ходы для водяных змей. Эти опасные существа служили савгулам наподобие почтовых голубей, впрочем полной уверенности в этом у девушки не было.

Коридор шел вниз под углом почти сорок градусов.

Несколько раз девушке встретились рии. Но меч не понадобился. Четырехлапые овальные тела этих существ были абсолютно неподвижными и какими-то высохшими, а всех их восемь глаз были затянуты мутной пленкой. Судя по всему, они были мертвы, но проверять так ли это девушка не собиралась.

Осторожно обходя овальные тела, она торопливо двигалась дальше.

Коридор резко повернул налево. Стало холодно и гораздо темнее, здесь было очень мало светящихся образований и концентрировались они в основном возле потолка.

Девушка сбавила шаг. Скоро должна быть первая Оградительная Мембрана. Метров через семьдесят девушка остановилась у прозрачной пленки, испускающей слабое синее свечение. Пленка полностью перегораживала коридор. Девушка не знала точно что значит слово Мембрана, так ее называли древние люди в своих книгах, рассказывающих о первом нашествии савгулов. Может быть эта пленка живое существо, а может это какое-то волшебство.

Девушка воткнула в Мембрану меч, приложив немалое усилие, пронзила ее и протолкнула свое оружие на ту сторону. Затем, сложив вместе ладони, она последовала за своим мечом. Сначала Мембрана лопнула на кончиках ее средних пальцев, после чего нехотя пропустила ее руки до локтей. Впрочем, Мембрана тут же смыкалась, и девушка ощущала холодное покалывание на коже, там где ее касалась эта странная пленка. Затем пришла очередь головы. Закрыв глаза, она, упираясь босыми ногами в каменный пол и напрягая мышцы шеи и спины, с трудом протиснула голову, плечи и грудь. Замерев, как бы повиснув на пленке, она переводила дыхание. Ее тело, под действием силы тяжести медленно скользило вниз, расталкивая тягучую

упругую плоть Мембраны животом. Когда ее ладони коснулись пола, она продолжила движение. Выбравшись полностью из Мембраны, она подняла меч и продолжила путь вперед. Здесь по-прежнему было темно и холодно.

Она знала что вот-вот она должна войти в Поле Страха.

И все-таки как она не готовилась страх, как всегда, пришел неожиданно. Ее охватил беспричинный парализующий тело и разум ужас. Ей больше не хотелось двигаться, осталось лишь желание лечь свернуться клубком и закрыть глаза. Страх громадной темной волной накрыл ее, делая безвольной и слабой. Как обычно она начала перемножать в голове двузначные числа. Для этого приходилось прикладывать немалое мысленное усилие, как бы проталкивая свое сознание сквозь мутную вязкую пелену. Ей было очень страшно, она боялась сразу всего, ей было страшно оставаться живой, но она упорно возвращала поток своих испуганных мыслей к математическим упражнениям.

Поле Страха окончилось также неожиданно, как и началось.

Коридор свернул направо и стало светлее. Впереди светилась красным сиянием вторая Оградительная Мембрана.

Девушка знала, что в отличии от первой она не была вязкой и упругой, но зато причиняло боль и потому преодолевать ее лучше бегом. Также она знала что за второй Мембраной ее ждет ужасное зловоние, ибо там за красным свечением был вход на балкон, опоясывающий гигантский полусферический зал где спали жестокие савгулы.

До Мембраны оставалось метров сорок. И тут девушка увидела на полу темные засохшие пятна. Это было очень похоже на кровь. Три месяца назад, когда Сердце Океана только начало биться и девушка спустилась в Урум чтобы посмотреть что происходит, этих пятен здесь не было. Неужели савгулы проснулись и начали утолять свой голод? Этого не может быть, ведь согласно древним книгам должно пройти почти два года от начала пульсации Сердца Океана до момента как первые савгулы выйдут на берег.

Но за последний месяц слишком часто стали пропадать люди, в реках и в Океане почти исчезла рыба, животные уходили от берегов вглубь материка. Неужели самые страшные предположения кирмианских старейшин оказались правдой?!

Минлу стояла не в силах сдвинуться с места. Теперь ей было страшно без всякого волшебства, страшно до истерики, до паники. Она так свободно ходила по коридорам древнего Урума, ибо не верила что савгулы могли проснуться настолько раньше срока. Она пришла сюда чтобы проверить это, но сама в это не верила, она отказывалась верить. Но этих пятен три месяца назад здесь не было. Девушка мрачно посмотрела на темнеющие проемы в стенах. Они вели в коридоры, в которых она никогда не бывала. Из любого из них мог появиться савгул. Ну конечно, поэтому и рии мертвы, они больше не нужны, хозяева проснулись и больше нет никакой необходимости в охране.

Девушка заставила себя сделать шаг вперед. Она должна выйти на балкон.

Проскочив через вторую Мембрану, она упала на четвереньки сраженная приступом боли. И постепенно приходя в себя, она отметила что ожидаемое ею зловоние почти отсутствует.

26.

На втором этаже дома принадлежащего Мэри Бэтрин, в пятикомнатных апартаментах, за которые он платил три сивиды в месяц, на широкой кровати под пуховым одеялом ворочался заместитель главного королевского судьи города Туила. Касаш вернулся домой около часа назад, разделся и сразу нырнул в постель. Сна естественно не было ни в одном глазу. «Этот Масто Лург... будь он не ладен». Мысли разбегались. Вся эта история ему очень не нравилась. Днем искал мужиков, которые умеют держать язык за зубами, организовывал рытье этой дурацкой ямы в здании тюрьмы, потом открыто шел домой, затем, прячась по дворам,

крался назад. «Еще этот Галкут, проклятый висельник. Все время молчит и смотрит исподлобья. Так, значит, девочка послала пса выручить кирмианку, а сама где-то пряталась. Пес попал в ловушку. Гвардейцы утром находят его. Лейтенант Свадо осматривает яму и шлет посыльного за судьей. Судью не находят, посылают за мной. Я прихожу и спокойно объясняю Свадо, что ночью в город прибыл посыльный и судья срочно уехал в Акануран и теперь я за него. Я говорю так что лейтенант мне верит. Затем мы принимаемся извлекать пса. А если он все-таки не погиб, не сломался? Как мы с ним справимся, он же просто чудовище». Тут Касаш осенило. «Камнями и землей забросаем, засыплем. Похороним и привет. Целый он там или нет, уже будет не важно, завод кончится и замрет». Молодой человек перевернулся на правый бок. «Может все еще обойдется. Лург прохиндей, быстро сориентировался, девочка конечно дорогого стоит». Касаш почти не сомневался что в покупатели золотого ребенка главный королевский судья Туила выбран не иначе как самого Томаса Халида. «И почему Лурга называют главный, как будто кроме него в городе есть еще неглавный королевский судья». Усталость постепенно брала свое, молодое тело требовало сна и Касаш начал впадать в дрему. Но полностью погрузится в сладкое забытие ему было не суждено. Не очень громкий, но явственный треск откуда-то из глубины квартиры заставил подскочить его. Застыв, он сидел в постели и со страхом вслушивался в темноту.

Заместителю главного королевского судьи города Туила было очень не по себе. Ему припомнилось изречение какого-то древнего мудреца: «Чистая совесть лучшая подушка». Да уж, не то чтобы он раскаивался в том что участвовал в похищении девочки, нет, он просто сильно беспокоился что это может выйти ему боком. Но вроде все тихо. Молодой человек снова опустился на подушку. И только он подумал, что зря он наверно так и не удосужился поставить засов на дверь спальни, как услышал тихий до боли знакомый звук, издаваемый дверными петлями. Касаш снова резко сел, уставившись расширенными глазами на правую от себя стену. Среди темного фона обоев появился чернильный провал открытой двери.

– Кто здесь? – Пролетел молодой человек, удары собственного сердца молотом отдавались у него в голове.

Покрываясь холодной испариной, он наблюдал как в дверь бесшумно вошла черная тень и неспешно приблизилась к кровати. На фоне темной одежды он видел бледное пятно лица ночного гостя. Как зачарованный уставившись на это пятно, судебный секретарь неосознанно натянул одеяло почти до шеи.

Наконец молодой человек вышел из оцепенения и попытался вскочить с постели. Но тень опередила его, пришелец прыгнул на кровать и в следующий миг Касаш получил ужасный удар в лицо, судя по всему ногой. Молодого человека швырнуло обратно к подушке. Нападающий уселся ему на грудь, схватил его за волосы над лбом и приставил к шее нечто стальное и острое.

– Не шевелись, – очень тихо произнес ночной визитер. Касаш понял что напавший на него человек женщина. Во-первых, по голосу, во-вторых по тонкому изысканному аромату, который он ощутил, когда незнакомка склонилась к нему. В этом аромате отчетливо угадывалось присутствие нежных загадочных ночных цветков Кен-Альдо.

– Не вздумай кричать, – почти прошептала она. – Отрежу голову быстрее чем ты моргнешь.

Касаш лежал окаменев от ужаса.

– Где девочка? – Спросила женщина.

Молодой человек мгновенно понял о ком идет речь. Видимо этот ребенок воистину важная персона, коль уж возмездие пришло так быстро. «Проклятый Лург, сволочь жадная», – тоскливо подумал Касаш.

– Если скажешь не знаю – умрешь, если солжешь – умрешь. – И на всякий случай Ташунг соврал: – Я тоже умею определять правду, поэтому будь осторожнее.

– Он увез ее в Акануран, – выпалил Касаш.

– Кто он? – Спросила Суора, впрочем и так зная ответ.

– Мастон Лург. А с ним еще этот головорез Галкут. Они поехали в столицу. Судья сам так сказал.

– А если он солгал?

– Не думаю, я почти уверен что он хочет предложить девочку Верховному претору. Честное слово больше я ничего не знаю. Я не хотел причинять вред госпоже Элен, это все судья Лург, он очень жадный.

– На чем они уехали?

Касаш некоторое время молчал, собираясь с мыслями.

– В экипаже. Да, в черном экипаже с гербом Судебной палаты на дверях. Запряжен четверкой отличных лошадей.

Ташунг решил что пора уходить. Определенно самец говорил правду. Но впрочем в отличии от странного детеныша он мог лишь догадываться об этом с большей или меньшей вероятностью по накалу его эмоций. Это немного раздражало Ташунга, ему было неприятно знать что кто-то из этой примитивной расы мог что-то что ему было не по силам. Но с другой стороны феномены и аномалии в природе случались постоянно, успокаивал он себя.

7024-ре спрыгнул с кровати. Одним отработанным до нечеловеческого автоматизма движением Суора вернула меч в ножны.

Касаш лежал, боясь пошевелиться и огромными глазами следил за черной тенью.

– Как зовут Верховного претора? – Спросила женщина.

– Томас Раушер Халид, герцог Этенгорский, – быстро ответил молодой человек, – 51 год, в Акануране у него громадный дом на Тихом бульваре. Одевается обычно во все темное.

Касаш вдруг понял что он общается с пустой комнатой. Таинственная незнакомка исчезла.

Заместитель главного королевского судьи еще некоторое время продолжал лежать в кровати, не решаясь вылезти из-под одеяла. Когда же он наконец уверился что опасность действительно миновала, он бросился к столу и дрожащими руками принялся чиркать спичками. Запалив свечу, он поспешил прочь из спальни. Добравшись до буфета, он достал бутылку, вытащил пробку и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Терпкая обжигающая семейская настойка несколько привела его в чувство. Молодой человек вместе с бутылкой вернулся в кровать, уселся привалившись спиной к изголовью и натянув до шеи пуховое одеяло, остекленелым взглядом уставился в темноту.

«Кто же это был?» – мучительно думал он. Ответа конечно не было. Женщина, кажется молодая, ищет эту удивительную девчонку. Зачем? Она, как и эта Элен, тоже умеет видеть лжет человек или нет, значит она скорей всего из того же народа что и девочка. Может быть эта тайная хранительница этого ребенка, скорей всего одна из многих, они скрытно сопровождают девочку по ее пути. Лоя сказал что Элен идет к королеве Лазурной горы, и конечно же за девочкой присматривают и оберегают. Впрочем, там один этот металлический пес чего стоит. Ох, Лург – дурак. Однако, как не крути, судья сумел увести девочку прямо из-под носа ее хранителей.

Молодой человек усмехнулся.

Но теперь вся эта свора странных пришельцев, с его, Касаша, подачи устремится по следу Лурга. Что ж, так ему и надо.

Судебный секретарь ничуть не жалел о том что он все рассказал ночной гостьи. Мастон Лург просто бросил его на произвол судьбы, наверняка судья намерен никогда больше не возвращаться в Туил и что случится с его молодым помощником ему просто наплевать.

Касаш ощутил жалкое удовольствие при мысли что вряд ли Лургу удастся насладиться плодами похищения необычного ребенка.

Наконец он, свернувшись калачиком, забылся тревожным сном.

27.

7024-ре был доволен собой. Так или иначе он сумел все выяснить. Девочка далеко, но это уже не так страшно, совершенно очевидно похитители не причинят ей вреда. Они польстились на ее удивительные способности и сейчас их задача добиться от ребенка сотрудничества. Как они будут это делать? Можно сказать одно – настойчиво. Физическое воздействие маловероятно, но вот на причинение психологической травмы детенышу похитители вполне могут пойти. Эта мысль немного обеспокоила Ташунга, великий Дагатор 35 ясно сказал что ребенку не должно быть причинено ни малейшего вреда, и значит следовало поспешить. Детеныша нужно освободить как можно скорее.

И все-таки настроение у Ташунга было приподнятое. Холодный воздух, темная пустынная улица, яркие словно хрустальные звезды, ему все это было по душе. Впереди между домами он видел свет, там горели масляные фонари.

Прекрасная Суора шла пританцовывая и даже тихонько подпевая себе «Песню одинокого полковника», которую услышала с месяц назад от уличного музыканта, аккомпанировавшего себе под гитару. Это было просто невероятно. Ташунг пребывал в легком потрясении. Так быстро привыкнуть идти на поводу этих примитивных эмоций.

Нужно срочно отправляться на восток, в Акануран. Для этого нужна лошадь. Да, нынешнее тело Ташунга могло передвигаться с неплохим темпом, но все же до этого нескладного копытного млекопитающего по скорости ему далеко, да к тому же человеческое тело слишком быстро истощало свою энергию и требовало отдыха и возобновления сил.

Где же ему взять лошадь посреди ночи?

В следующий миг Суора услышала неспешный цокот копыт. Она остановилась и прислушалась. Там впереди по освещенной улице, вымощенной брусчаткой, бодрым шагом двигались четыре подкованных лошади.

Молодая женщина очень искренне усмехнулась. «Надо же!» – говорило выражение ее лица. Легкая и стремительная она бросилась вперед, не желая упускать столь своевременно подоспевшую добычу.

По тихой ухоженной улице двигались четыре всадника – грозный городской патруль, храбрая ночная стража, оберегающая покой мирно спящих граждан. Сержант и трое рядовых солдат, сонные и молчаливые уныло покачивались в седлах, с нетерпением ожидая когда закончится их выезд и они смогут вернуться обратно в теплую уютную казарму.

Однако неожиданно из проулка появился прохожий, при виде которого сон храбрых военных сняло как рукой. Они натянули поводья, три жеребца и одна кобыла послушно замерли.

Навстречу патрульным шла молодая женщина удивительной красоты. В черном, облегающем ее стройное тело наряде, в полностью расстегнутом длинном, практически до земли, узком плаще, полы которого трепетали под порывами ночного ветра и с серебряными рукоятками двух мечей ярко мерцавших в свете фонарей слева и справа на уровне талии незнакомки.

Молодая женщина шагала неторопливо, держа осанку и покачивая бедрами. Чуть улыбаясь и пристально разглядывая всадников. Когда до них оставалось метров десять, она остановилась.

– Господа, – весело сказала Суора, – я хотела бы знать, у кого из вас самая лучшая лошадь.

Сержант Гериван, хмурый сорокавосемилетний мужчина, прошедший две войны и выдержавший трех жен, сухо проговорил:

– А мне хотелось бы знать, кто ты такая и что здесь делаешь в такой час.

У Ташунга снова промелькнула мысль, а не умертвить ли по-быстрому всех четверых и уже спокойно выбрать подходящее копытное животное. Но было очевидно, что это неверное разрешение ситуации. Не потому что жизни этих четырех самцов что-то значили для него или

ему мешали какие-то нравственные принципы. Нет, просто это было бы совершенно бессмысленным, а значит унижительным для его разума актом.

– Я кажется задал тебе вопрос, – грозно проговорил Гериван и чуть тронув бока своего жеребца выехал немного вперед.

– Я слышу тебя, brave воин, – улыбнувшись, сказала Суора, – сейчас ты получишь ответ.

Все-таки в целом Ташунгу нравилось его нынешнее тело. Люди просто глупцы и не знают на что оно способно, а если при этом уметь подключать к своим движениям энергетические потоки совмещая вектора направленности можно было вообще по человеческим меркам творить чудеса. Суора рванулась навстречу всадникам и прыгнула вперед и вверх. Ее стремительный разбег был практически неуловим для человеческого глаза, а вот уже ее полет обалдевшие солдаты смогли увидеть во всей красе. Раскинув руки, опустив голову в черной облегающей шапочке из-под которой были видны непокорные белокурые пряди, выпятив грудь, согнув правую ногу в колене прекрасная женщина в развевающемся плаще летела над вымощенной камнями улицей на уровне второго этажа. Затем Суора по нисходящей дуге устремилась вниз набирая скорость. Приземлялась она точно там, где и намеревалась, возле правого бока лошади сержанта. Гериван ничего не успел предпринять. Необыкновенная женщина согнула правую руку и уже на излете, раскрытой ладонью ударила его в грудь. Мужчине показалось что в него врезался таран из бревна. Ребра треснули, его вынесло из седла как пушинку и он всю спину прохнулся на каменный тротуар. Лошадь сержанта, взбрыкнула, заржала и прыгнула вперед.

Гериван оглушенный лежал на спине, очумело глядя в звездное небо. Он не мог вдохнуть воздух. Грудная клетка была залита огнем, благо еще на нем был штатный кожаный панцирь с мягким толстым подкладом и обшитый полосками металла. Не будь его, удар этой жуткой руки наверно пробил бы его насквозь. На фоне ночного небосвода возникло красивое лицо незнакомки.

– Я обещала тебе ответ. Меня зовут Суора, я хранитель Принципа Пробуждения. Я ищу вашего глупого и алчного судью. Еще вопросы у тебя есть?

Застывшие солдаты во все глаза глядели на удивительную женщину и на их лицах читался испуг вперемешку с восхищением.

Сержант смотрел в небо и молчал.

– Видимо нет, – сказала Суора и резко развернулась, взметнув полы своего плаща.

Она оглядела патрульных, молодые мужчины поспешно отводили глаза. Они понимали что столкнулись с чем-то необычным и очень опасным и становиться на дороге у этой странной женщины не собирались. Они не настолько дорожили лошадью сержанта. Один из них все же спрыгнул на тротуар, подошел к Геривану и опустился рядом с ним, желая узнать как он себя чувствует.

Суора разбежалась, прыгнула и ловко оттолкнувшись от крупа жеребца влетела в седло. И сразу же, не оглядываясь, схватила поводья, ударила лошадь пятками и унеслась прочь.

Проводив взглядом незнакомку, патрульные обратились к своему сержанту.

– Как он там? – Спросил один из сидевших в седле.

Тот что находился рядом с Гериваном тихо ответил:

– Да вроде дышит.

28.

Открыв глаза, Минлу почти минуту рассеяно смотрела на густой полог ветвей над своей головой. Лучи солнца пронзали лесную толщу и маленькие круглые красные листья озарялись чудесным радостным свечением. Было удивительно хорошо. Девушка не понимала что происходит. Она помнила камеру, тьму, боль, дурноту, какое-то движение во тьме, затем спуск в

ужасный Урум и вдруг удивительная поляна в восхитительном лесном убранстве, радостный солнечный свет, запутывавшийся в красных листочках и здоровое чувство голода.

В следующий момент она почувствовала что кто-то смотрит на нее.

Она села и развернулась. Перед ней был маленький человек в смешной конусовидной синей шляпе. Лоя. Его странные радужные глаза смотрели на нее, как ей показалось, не очень приветливо. Кажется, это был спутник той странной девочки. Тогда на площади Минлу не обратила на него особого внимания, но была почти уверена что это тот самый карлик. Главным отличительным признаком служила широкая черная лента с серебряным узором на его шеи. Она раньше никогда не видела, чтобы лоя носили такую.

– Привет, – сказала она.

– Мы сейчас в трех километрах к югу от Туила. Ты теперь свободна и можешь идти своей дорогой. – Тон голоса лоя был ненамного дружелюбней чем его взгляд.

Однако Минлу не придала этому значения, все еще находясь под радостным впечатлением столь счастливой перемены ее положения.

– Как я здесь оказалась? – Спросила она.

– Кит вытащил тебя из камеры, принес сюда и вылечил, – сдержанно проговорил Талгаро.

– Кто это Кит?

– Это металлический пес мисс Элен, той девочки, которая заступилась за тебя на суде.

– Понятно, – медленно проговорила девушка. Ей хотелось задать еще очень много вопросов, но неприветливое лицо собеседника останавливало ее.

– Теперь ты свободна и можешь идти своей дорогой, – повторил Талгаро.

– Ты хочешь чтоб я ушла?

Лоя пожал плечами.

– Ты кирмианка, я Лоя и насколько я понимаю тебе здесь больше нечего делать.

Минлу ничего на это не ответила и посмотрела по сторонам.

– А где эта девочка, Элен? – Спросила она.

– Мисс Элен, – сухо поправил ее Талгаро. – Спасая тебя, она попала в беду и теперь где она нам неизвестно. Ее похитил городской судья и куда-то увез.

Минлу посмотрела маленькому человеку в глаза.

– Ты и в этом меня винишь?

– Что значит «и в этом»? Я ни в чем тебя не виню. Ступай своей дорогой и пусть тебе повезет, кирмианская дева.

– А как же ее пес, Кит, почему он не спас ее?

– Судья приготовил нам ловушку, он точно рассчитал, что мисс Элен, считая тебя невиновной, попытается освободить тебя. Кит провалился в подготовленную для него яму и пока он выбирался оттуда, мисс Элен схватили и увезли.

Минлу некоторое время молчала.

– Я очень сожалею, – наконец проговорила она.

В этот момент из-за деревьев появился Кит.

Девушка тут же повернулась к нему. На ее лице отчетливо проявился если и не страх, то явное волнение.

Черные глаза металлической собаки встретились с темно-серыми глазами Минлу.

– Доброе утро, – сказал пес и девушка вздрогнула.

– Привет, – пробормотала она.

Пес сел перед ней.

– Как ты себя чувствуешь? – Осведомился он. – Рана не болит?

Минлу удивленно уставилась на левую часть своего живота. Она совершенно забыла о своем недавнем ранении. Место, где нож лесоруба вошел в ее плоть, было покрыто какой-то бледно-голубоватой массой. Ни боли, ни каких-либо других неприятных ощущений не было.

– Все нормально. Ничего не болит. – Проговорила она. – А что это?
– Ну в общем считай что это мазь. Не пытайся ее убрать. Через пару дней она сама испарится и у тебя даже шрама не останется.

Девушка подняла на собаку изумленные глаза.

– Это сделал ты?

– Я, – просто ответил пес.

– Кто ты такой? Ведь ты же никакой-нибудь механизм Лоя?

– Нет, к Лоя я никакого отношения не имею. Я принадлежу своей хозяйке, мисс Элен. Сделали меня в далекой-далекой, неизвестной тебе стране, а придумал и сконструировал меня дедушка мисс Элен.

– Но я не понимаю, ты из металла, но живой?!

Кит вздохнул и тут влез Талгаро.

– Плоть его сделана из металла, а потом волшебники из страны мисс Элен вдохнули в него жизнь, разум и дух. Верно, Кит?

– Ну-у, в общих чертах, я думаю можно сказать и так.

– Волшебники твоей страны очень могущественны, – задумавшись о чем-то своем, проговорила Минлу.

– Да уж, – невесело протянул Кит.

Девушка посмотрела на него. Она поняла в чем дело.

– Ты не знаешь где искать свою хозяйку?

– Не знаю.

Минлу поднялась на ноги. Девушка чувствовала прилив сил и энергии. Она посмотрела собаке в глаза.

– Я могу обращаться к тебе просто по имени? – Спросила она.

– Конечно. Я Кит, это Талгаро.

Девушка посмотрела на лоя, у которого по-прежнему было хмурое выражение лица.

– Меня зовут Минлу, – представилась она.

Лоя ничего не ответил, пес же сказал:

– Очень приятно, Минлу.

– Я благодарна вам за мое спасение и за то что ты, Кит, вылечил меня и очень сожалею что, – она чуть запнулась, – мисс Элен попала в беду. Мне сейчас нужно как можно быстрее попасть в Акануран, но прежде мне бы хотелось хоть чем-то помочь вам в поисках девочки.

– Да чем ты можешь помочь, – пробурчал лоя. – Иди своей дорогой и постарайся больше не протыкать людей мечами.

Кит ожидал от девушки какого-нибудь резкого ответного выпада, но та спокойно сказала, обращаясь к нему:

– Время уходит. Что мы знаем о похищении? Например, для чего судье понадобилась твоя хозяйка?

Кит решил, что девушка ему определенно нравится. И он ответил ей в таком же деловом тоне.

– Проведенный мной анализ говорит о том что самой вероятной целью похищения является желание судьи каким-то образом использовать способности мисс Элен.

– Ты имеешь виду ее способность чувствовать ложь?

– Да.

– Но если это так, то можно быть уверенным что судья не причинит ей никакого вреда, а даже наоборот, будет беречь ее как зеницу ока.

– А что если он будет силой заставлять мисс Элен делать то что ему надо? – Вмешался Талгаро. – Ведь судья совершенно беспринципный человек.

– Вряд ли, – спокойно возразила Минлу и Кит, сам не зная почему, почувствовал облегчение. – Судья умный человек и потому я практически уверена что он будет воздействовать на девочку по-другому. Возьмет какое-нибудь невинное существо, ну скажем щенка и сделает ему больно, я думаю, этого будет достаточно чтобы девочка подчинилась. С другой стороны, я почти уверена, что мисс Элен до поры до времени будет во всем слушаться судью, по крайней мере пока не найдет возможность бежать или как-то дать о себе знать.

– Твоей уверенности здесь недостаточно, – буркнул Талгаро.

– Согласна. А потому нужно как можно скорее узнать куда судья увез девочку.

– И как нам это узнать? – С надеждой спросил Кит.

Минлу задумчиво посмотрела на него.

– Вряд ли он все это провернул в одиночку, – медленно проговорила она, – и к тому же главный королевский судья города не может просто так покинуть свой пост и исчезнуть в неизвестном направлении. Это ему выйдет боком. А значит скорей всего кто-то в городе знает куда он поехал.

– Но ведь он мог сказать что поедет туда-то, а на самом деле поехать совсем в другое место, – возразил Кит.

– Стойте, – прервал их Талгаро. Его глаза горели. – А эти голоса. Конечно судья был не один. Вспомни, Кит.

– Я все помню дословно. Крик «Давай», потом этот же голос «Запри дверь», потом другой голос «Запер» и он же «Да свяжи ты ее чтоб не дергалась».

– Да-да, – подтвердил Талгаро, – а потом «Бери девочку. Идемте». Так вот чьи это были голоса?

Кит не мог этого сказать. На этой планете он не записал еще ни одного аудио или видео файла, а потому ему ни с чем было сравнивать. Да и в конце концов ему и нечего было сравнивать, во время нападения на тюрьму он тоже не включил запись. А в обычном режиме его память фиксировала только определенную часть поступавшей информации и сейчас он помнил дословно что было произнесено, но данных о частоте, модуляции, обертонах и так далее звучавших в тюрьме голосов он не имел. Все-таки он был робот, всего лишь робот с сожалением подумал он.

– Я не могу сказать чьи это были голоса, – проговорил Кит.

Минлу посмотрела на пса. Ей показалось что он сказал это с затаенной печалью. Впрочем, она не была уверена что он способен на такое.

Талгаро же, не обращая ни на кого внимания, продолжал:

– Первый голос принадлежал судье, я уверен. А вот второй?

– Он тоже тебе знаком? – Быстро спросил Кит.

– Да, но только где я его слышал?

– Ну наверно где-то в городе, – подсказала Минлу.

Талгаро задумчиво посмотрел на нее. Затем опустил взгляд на землю. Он наморщил лоб и даже слегка приоткрыл рот, пытаясь припомнить владельца голоса. Кит и девушка терпеливо ждали.

Вдруг напряжение исчезло с лица лоя и он почти равнодушно произнес:

– Это тот молодой человек, который вел судебное заседание.

– Касаш, – тут же сказал Кит, – его зовут Касаш.

29.

Утром Касаша разбудил громкий стук во входную дверь на первом этаже.

Чувствовал себя молодой человек неважно. Голова тяжелая, на сердце тревога, очень хотелось спать, хотелось остаться в постели и не шевелиться.

Стучали невежливо и настырно. Снизу слышался недовольный голос хозяйки дома Мэри Бэтрин. Какое-то время молодой человек пребывал еще в полусне, но вдруг резко подскочил на постели с пронзительной мыслью: «Это за мной». И он не ошибся.

Гвардеец из судейского отряда лейтенанта Свадо вскоре уже входил в гостиную Касаша.
– Господин секретарь, господин секретарь, – обеспокоенно звал он.

Кое-как натянув штаны и даже не успев заправить рубашку, Касаш вышел ему навстречу. Дальше возникла недолгая немая сцена.

Заместитель судьи еще не успел посмотретья в зеркало, а потому оставался в неведении относительно того факта что под левым глазом у него расплылся большой лиловый синяк.

– Ты что себе позволяешь, в коридоре не можешь подождать? – Раздраженно проговорил Касаш, стараясь за недовольством спрятать терзавшее его волнение, ибо он понимал что день ему предстоит непростой.

– У вас дверь сломана, я уж подумал не случилось ли чего.

Заместитель судьи уставился на гвардейца, мучительно пытаясь придумать какую-нибудь правдоподобную ложь.

– Что это у вас с лицом?

Касаш притронулся к скуле и вздрогнул, дернув головой от боли. Как же он мог забыть что получил ногой по физиономии.

Так и не придумав что ответить, он решил перейти в наступление.

– Что случилось? Тебя Свадо прислал?

– Да. Кто-то ночью напал на тюрьму. Там все разворочено, разломано. Мы даже не представляем как такое могло случиться.

«Ну это ни удивительно», – подумал про себя Касаш, он всегда был не высокого мнения об умственных способностях подчиненных Свадо.

– Собака не шевелится?

– Какая собака? – Гвардеец с подозрением посмотрел на молодого человека. – С вами все нормально?

Касаш прикусил губу. «Вот, дубина», подумал он о себе. «Но это значит что пес пропал». Он испугался. «Если это металлическое чудовище на свободе, то чего теперь ждать от него?» У молодого человека промелькнула малодушная мысль прикинуться нездоровым и остаться дома, спрятаться под одеялом и переждать этот день. Но он тут же понял что дома один он в гораздо большей опасности.

– Иди вниз. Я скоро спущусь, – сказал заместитель судьи и бросился обратно в спальню.

30.

Касаш с удивлением и страхом разглядывал развороченные железные двери камер. Затем он внимательно осмотрел прорытый в стене ход. Теперь конечно было ясно как металлический пес выбрался из ловушки. Получатся стальные копы не причинили ему никакого вреда. А сила у этого чудовища просто громадная. Касаш почувствовал как тоскливое отчаяние заползает ему в душу.

– Кто это мог сделать, не представляю, – проговорил сопровождающий молодого человека лейтенант Свадо.

Сначала Касаш хотел сразу выдвинуть гипотезу, что возможно это был тот странный железный пес – спутник не менее странной маленькой девочки с большими синими глазами, выступавшей в защиту кирмианки.

Но затем передумал, решив, что это будет выглядеть подозрительно, если он вдруг вот так раз и сразу же догадается как все произошло.

– Это был кто-то невероятно сильный, – высказался Касаш.

Лейтенант молчал.

– Обладающий поистине нечеловеческой мощью, – продолжил молодой человек. Лейтенант согласно покачал головой.

– Чтобы сломать эти прутья нужны прямо-таки стальные руки.

– Да уж, – промолвил лейтенант. – Я вот все думаю, откуда в погребке взялась яма с кольями, да еще этот раскрывающийся пол в дежурке.

– Это господин судья придумал, он считал что так тюрьма более защищенная.

Свадо с удивлением поглядел на молодого человека.

– А я почему ничего не знал? И кстати мы до сих пор не можем найти господина Лурга.

– Судья срочно отбыл в столицу, он прислал мне ночью посыльного с сообщением. Верховный претор вызывает его. – Касаш старался смотреть в сторону, чтобы Свадо не видел его лица.

И тут же постарался переменить тему.

– Итак, заключенная сбежала, – произнес он с явным облегчением. Молодой человек был рад что он избавлен от обязанности распорядиться повешением девушки, которая лично ему была очень симпатична и которая, по его мнению, была ни в чем не виновата перед жителями Туила.

– Проклятая дикарка, рыщет теперь где-нибудь в лесу. Надо предупредить жителей чтобы были осторожнее, – проговорил Свадо.

Касаш покосился на лейтенанта и увидел, что тот старается смотреть куда-то в сторону, как только что делал он сам. Молодой человек понял, что командир гвардейцев не больше его огорчается из-за побега кирмианки, но специально для заместителя судьи делает вид что он озабочен и расстроен.

31.

Талгаро спешил в лес. После утреннего разговора он быстро вернулся в Туил и дежурил возле городской площади, ожидая когда появится заместитель королевского судьи. И вот, увидев приближающегося к зданию тюрьмы в сопровождении гвардейца, молодого человека, лоя бросился прочь из города, туда где его ждали кирмианка и пёс.

32.

Лейтенант Свадо зашел в камеру с развороченной стеной, толкнул носком сапога камешек, потер затылок и проговорил:

– Вообще все это довольно странно.

– О чем это ты? – Тут же откликнулся судебный секретарь.

– Да обо всем. Господин судья вчера вечером приказал гвардейцам, дежурившим здесь, отправиться в казарму, мол, на сегодня их дежурство закончено, вроде как он сам зачем-то проведет здесь ночь. После этого его вдруг вызывают в Акануран, кто-то врывается в тюрьму и с нечеловеческой силой разламывает стены и двери камер, дикарка исчезает. – Лейтенант покосился на молодого человека и закончил: – Да и у вас синячище на пол-лица.

– Это тут совершенно ни при чем. Это мои личные дела, не имеющие к службе никакого отношения. – Касаш в очередной раз проклинал Мастона Лурга. Да уж, все выглядит просто непередаваемо правдоподобно.

– Хорошо, я ничего такого не имел в виду, просто все одно к одному как-то.

– В жизни всякое бывает, – глубокомысленно заявил молодой человек. Что еще он мог сказать?

– Знаете, господин секретарь, у меня есть одна мысль кто бы мог все это проверить.

Касаш с надеждой поглядел на офицера.

– Очень интересно было бы послушать, – проговорил он старательно ровным голосом.

– Вы только поймите меня правильно, как и наш высокочтимый суд, я не сомневаюсь, что кирмианка заслужила казнь, но все же некоторым могло показаться по-другому. Вчера на площади я видел несколько людей не из нашего города.

Касаш почувствовал облегчение. Наконец-то недалекий лейтенант сам обо всём догадался и не нужно тыкать ему в лицо маленькой девочкой и её металлической собакой.

Лейтенант как бы в смущении откашлялся.

– Уверен вы слышали о Безликом Судье, Атане, Владыке Ильмара. Я думаю это его рук дело и его шайки.

Касаш оторопело застыл, уставившись на Свадо. Такого поворота он никак не ожидал. "Это ж надо, какой непроходимый тупица", удивился молодой человек и с тоской подумал о том что скорей всего ему придется провести в Туиле с такими как Свадо всю свою жизнь. Он припомнил как Масто́н Лург частенько ворчал на этот город и высказывал желание уехать отсюда. "Судья абсолютно прав", подумал Касаш, тихонько вздохнув про себя.

– Вы же знаете у Ильмарского братства свои понятия о правосудии, они вполне могли счесть кирмианку невиновной, – между тем продолжал лейтенант, вдохновленный изумленным взглядом судебного секретаря, который он принял за восхищение. – Кроме того всем известно, что Атан способен превращаться в других людей. Теперь смотрите, к гвардейцам, дежурившим в тюрьме, приходит господин судья. Или вернее некто выглядящий точно так же как он.

Касаш уже глядел на лейтенанта с неподдельным интересом. Но не потому что хоть на секунду поверил в его бредовую историю, а поражаясь тому какую ахиною может нести взрослый, вполне вроде бы здравомыслящий человек.

– И отдает им не совсем вразумительный приказ. Мол, идите в казарму, а я сам здесь побуду до утра. Но гвардейцы, конечно, исполняют приказ. После этого к настоящему господину судье прибывает посыльный якобы от Верховного претора. – Тут лейтенанта осенило еще больше и он радостно продолжил. – А может даже не так, люди Атана убивают господина Масто́на Лурга, прячут труп, а к вам приходит якобы посыльный с известием, что судья отбыл в Акануран. Посыльный был вам знаком?

– Д-да, вроде да, кажется кто-то из домашней прислуги господина судьи, – соврал Касаш.

– Вот, они значит и слугу подделали. Вы видите как все сходится.

– Любопытная версия, – удрученно произнес молодой человек, приходя к мысли что всё же придется тыкать лейтенанта носом в металлическую собаку, а заодно и в явные несуразности его глупой истории. Зачем надо было бы рыть ход сквозь стену и ломать двери камер, если ключи висят в шкафчике в соседней комнате. Допустим ильмарские братья не знали этого, но у них все равно бы наверно хватило ума проверить все комнаты здания. Да и с чего бы вдруг сработала ловушка в полу и зачем из погреба надо было выбираться сквозь стену, человек вполне мог вылезти обратно в комнату через отверстие в полу.

– Только я не понимаю, – немного растеряно проговорил Свадо, – зачем они пробивались к камерам из погреба под дежуркой. Могли бы ведь просто спуститься по лестнице с другой стороны.

– Да уж, странно, – вздохнул Касаш.

Они поднялись наверх и вышли на площадь, залитую нежным солнцем позднего утра.

Все двадцать гвардейцев, то есть весь судейский отряд, были уже здесь. Кроме них на площади томились в ожидании зрелища казни толпа горожан. Сама казнь должна была состояться за городом. Для столь ничтожных преступников как дикарка из Кирма виселиц не строили, а использовали определенное дерево на опушке леса. Но горожане хотели видеть все от начала до конца.

Гвардейцы стояли, прислонившись к стенам, или сидели на скамьях, несколько штук которых так и не убрали после вчерашнего суда, а просто сдвинули поближе к зданиям тюрьмы и мэрии.

Касаш с неудовольствием оглядел собравшихся на площади людей. Когда они с лейтенантом только входили в тюрьму здесь был только десяток гвардейцев, неужели они провели там так много времени.

– Лейтенант, уберите зевак отсюда, скажите им что заключенная сбежала и казни не будет, затем пошлите кого-нибудь за плотником, кузнецом и каменщиком, да и пусть..., – молодой человек внезапно замолчал, увидев кто появился из-за угла цирюльни на противоположной стороне площади.

В наступившей тишине, по утрамбованному грунту, мимо клумб, обложенных белыми камнями, к группе людей, замерших возле здания тюрьмы, шел огромный металлический пес.

Никто не произносил ни слова, казалось люди и дышать стали тише. Касаш ощутил как в его душе разрастается ледяной ком ужаса. Однако не смотря на то что он имел больше всех причин опасаться странного существа, именно он первым вышел из оцепенения. В мозгу лихорадочно билась мысль, что надо бежать, но усилием воли молодой человек заставил себя остаться на месте.

Ему было очень страшно, но к своему собственному удивлению, он тихо, немного дрожащим, но всё же внятным голосом сказал:

– Свадо, я хочу чтобы на площади никого кроме меня не осталось.

Лейтенант посмотрел на молодого человека и понял что тот до смерти испуган. Но кроме этого, на бледном лице судебного секретаря он прочитал нотку отчаянной решимости не двигаться с места, не смотря на весь страх бушующий в душе.

Лейтенант быстро направился к своим гвардейцам.

– Живо убрать всех с площади, шевелитесь, – грозно гаркнул он.

Привычный голос командира привел гвардейцев в чувство. Они оторвали взгляды от необыкновенного пса и бросились исполнять приказ. Некоторые из горожан начали роптать и даже возмущаться, но лейтенант быстро пресек их слабое сопротивление яростной бранью и даже для пущей убедительности обнажил меч.

Людей отогнали к западной стороне площади и затем вытолкали еще дальше на Свирельную улицу за здание Торговой палаты. Гвардейцы и их командир расположились у границы площади метрах в пятидесяти от тюрьмы. Они видели Касаша, но слышать уже не могли.

Кит приблизился к одиноко стоящему человеку и усевшись прямо перед ним, поднял голову.

С гулко бьющимся сердцем судебный секретарь смотрел в бездонные черные глаза неведомого существа. Касаш вспомнил как были срезаны и разломаны толстые стальные кольца в яме ловушки. Силы и возможности этой удивительной собаки просто ужасали. Механизм Лоя... какая чушь. Кто-то гораздо более могущественный создал этого пса, а может он вообще демон, прислуживающий девочке – колдунье. Будь ты проклят Лург со своей жадностью, во что ты меня впутал.

– Я думаю вы ждали нашей встречи, – сказал Кит.

Пасть пса была чуть приоткрыта и оттуда высовывался розовый язык. Ничто не шевелилось на его морде когда он говорил, но тем не менее голос звучал чисто и ясно.

Собравшись с духом, Касаш ответил:

– Не то чтобы ждал..., скорее опасался.

Только бы он не позвал меня во внутрь тюрьмы, подумал молодой человек. Конечно, и здесь пес мог сделать с ним все что угодно, однако на площади, под взглядами Свадо и его гвардейцев, Касаш чувствовал себя чуть увереннее.

Кит стремительно анализировал стоящего перед ним человека. Он считывал все доступные его датчикам и рецепторам биохимические, физиологические, электрические характеристики объекта. Сканировал громаднейшие массивы данных, сравнивал, вычислял, составлял картину психологического и эмоционального состояния молодого мужчины.

«Определенно очень напуган», размышлял Кит. «Встревожен и не уверен. Наверно не стоит тащить его внутрь тюрьмы. Здесь, на глазах своих солдат, ему спокойнее. Давить на него, мне кажется ни к чему. Он и так все расскажет».

– Сегодня ночью вы участвовали в похищении маленькой девочки, – сказал пес без всяких эмоциональных оттенков. – Я хочу знать, где она сейчас находится.

Касаш не знал куда деть руки, он чувствовал как потеют ладони. Он припомнил как ночная визитерша приставила ему нож к горлу и грозилась убить. «Ему этого не нужно», подумал он о псе, «он просто задает вопросы. Зачем ему произносит угрозы, если весь его вид одна сплошная угроза».

Но тут некий проказливый дух противоречия возник у него в душе. «Возьми вот так и выложи ему все. Да пусть хоть попугает сначала». Молодой человек засунул руки в карманы сюртука.

Кит конечно же уловил перемену в настроении собеседника.

– Эта девочка для меня важнее всего на свете. Важнее всего. – Медленно сказал он и на этот раз в его голосе был сплошной лед.

Касаш очень отчетливо понял что другого предупреждения не будет. Если пес не получит сейчас ответ, то он непременно получит его чуть позже, но каким способом Касашу лучше не знать.

– Судья Мастон Лург увез ее в Акануран.

– Зачем?

– Точно я этого не знаю, но почти уверен он собирается предложить девочку Верховному претору в обмен на деньги или более высокую должность. Или и то, и другое.

– На чем они уехали?

– Черный большой экипаж с красно-золотистой эмблемой Судебной палаты на дверях. Запряжен четверкой лошадей.

– Судья один?

– Нет, с ним головорез по имени Галкут.

– За сколько они смогут добраться до Аканурана?

Касаш пожал плечами.

– Откуда мне знать. Если будут гнать без остановок, загоняя лошадей и меняя их на постоянных дворах, то наверно суток за пять.

Кит немного помолчал и затем сказал:

– Принесите мне меч и остальные вещи, принадлежащие женщине, которую вы вчера судили.

Касаш не шелохнулся.

– Вас что-то смущает в моей просьбе? – Поинтересовался Кит.

– Вы хотите чтобы я самолично передал оружие сбежавшей преступнице, да еще и приговоренной к смертной казни?

– Я хочу чтоб вы передали оружие мне. Но наверно вы правы, в глазах ваших людей такой поступок будет выглядеть двусмысленно. Скажите где оно лежит и я возьму сам.

Касаш понимал препираться бессмысленно, пес и так пошел на уступку.

– Войдете внутрь тюрьмы, затем в дверь слева, там в комнате будет металлический шкаф. Он заперт. Ключ нужен?

– Нет, – бросил пес и легко вскочив на четыре лапы устремился к зданию тюрьмы.

Касаш вдруг крикнул ему вслед то что в общем-то не собирался говорить:

– Смотрите не провалитесь в яму. Опять. – И он даже улыбнулся.

Пес остановился и повернув голову, сказал:

– Спасибо за предупреждение. Я же в свою очередь советую вам больше не участвовать в похищении детей и в убийстве невинных. Иначе в следующий раз для вас все может закончиться гораздо хуже.

Кит нашел шкаф в указанном месте. Быстро когтями вырезал замок. На одной из полок он увидел меч в ножнах и небольшую кожаную сумку с длинной лямкой.

Клинок он примагнитил к своему левому плечу, сумку взял в зубы и бросился прочь. Нужно было торопиться. С каждой минутой Элен увозили все дальше и дальше. Он еще не знал где находится этот Акануран, но это он собирался выяснить у Талгаро и Минлу.

Возвращаться к кораблю, который они с Элен угнали из полицейского департамента и посадили на эту планету было бессмысленно. Путь до него занял бы почти двое суток, а гиперлайн, устройство дальней гиперсвязи, было безнадежно испорчено. Кит, вспомнив как именно это произошло, в очередной раз ощутил потрясение и ошеломление. Использовать обычный радиоканал было бесполезно. Шансы быть услышанными в обозримом будущем ничтожны. Оставалось только сканировать небосвод в ожидании спутникового сигнала от мистера Атинховского или мисс Уэйлер. И конечно же идти по следу Элен и ее похитителей.

33.

Да, она совершила ошибку, когда полетела на эту планету. Большую глупую ошибку. Но что с того, какое это имело значение тогда и сейчас. Она очень любит папу, любит так, что при одной только тени мысли, что она больше никогда его не увидит, ее душа тяжелым камнем падала в черную яму, а сердце разрывалось от отчаяния и тоски. У неё перехватывало дыхание, ей в горло словно вливали раскаленный жидкий металл и внутри всё кипело и пылало, она не могла вдохнуть, она не могла говорить и глаза тонули в слезах. Ну разве может весь этот мир существовать без папы, какой может быть смысл во всей этой Вселенной, если в ней не будет его. И стоило только на несколько секунд позволить этой ужасной мысли приблизиться к реальности как тут же исчезало всё. Сама эта реальность расплывалась и таяла, глаза разъедала соленая влага, а в груди ледяным комом разрасталась глухая пустота. Никого не было ближе и роднее папы. Мама погибла, когда Элен было три года и с тех пор девочка знала только отца. Знала так как наверно не знала даже себя. Каждый его взгляд, каждый изгиб его губ, каждый взлет его бровей, каждое выражение его лица, каждый его запах, каждый его жест, каждое движение и оттенок его ауры были досконально изучены ею, классифицированы, впечатаны в её память. Папа был словно музыкальный автомат, все-все мелодии и песни которого она выучила наизусть и только звучал какой-то аккорд, какое-то короткое чередование нот, она тут же узнавала мелодию и уже напевала её про себя. Этот человек окружал её как воздух, он был мерилем всего вокруг, первоначальной точкой отсчета, от которой строились все системы бытия, основанием, на котором покоилась вся её жизнь. Разве может такой человек исчезнуть, разве можно это вообще представить. Да в тот же миг она задохнется, ухнет в бесконечную пропасть разошедшегося по швам пространства, потеряет все направления и ориентиры.

Элен любила отца. Конечно иногда она и обижалась на него, и сердилась, и раздражалась. Например, когда он отказывался отвечать на какие-нибудь её вопросы, зная что лгать дочери бесполезно, а говорить правду по каким-то причинам ему не хотелось. Не очень ей нравилось и когда он называл её своей мисс Пухляндией, своим Сладким Пончиком, Дирижаблем и Пышечкой, обосновывая это тем, что якобы в младенчестве она была пухлявой толстушкой. Элен обижалась, говорила что на старых видеозаписях она вовсе не толстая, но папа смеялся и утверждал, что это специально выбирали такой удачный ракурс чтобы не расстраивать будущую красотку. Также несколько сомнительным казалось ей обращение "моя маленькая туманность", которое в устах отца звучало вполне ласково, но объяснялось, по его сло-

вам, тем что порой она вся такая неопределённая, рассеянная и "туманная". Впрочем затем он трансформировал это в название знаменитых туманностей и Элен стала называться "Голубой Снежок", "Конфета" и изредка "Шикарная", а если папа был не в духе из-за каких-то проделок дочери, то та становилась "Жуком", "Пробкой", "Медузой" или даже "Калемасой". Но сейчас она готова была называться как угодно, лишь бы только это произносил папа. И она вспоминала как летела ему навстречу, прыгала на руки, обнимала за шею и крепко-крепко прижималась к нему. А однажды она обратила внимание что у него сзади на шеи, у самой границы волос две круглых родинки, одна побольше, другая поменьше. Несомненно сам папа и не подозревал о них. Увидев их, Элен тут же вспомнила картинку двойной звезды "Аль-Риша", которую видела буквально накануне на уроке астрономии и с тех пор стала иногда называть отца "мистер Аль-Риша". Папа спрашивал с чего это он вдруг стал "Аль-Риша", на что она загадочно улыбалась и говорила что она кое-что знает про него, но это её тайна.

Да, его часто не было дома, он уезжал в длительные командировки, но это лишь усиливало чувство безумной радости и восторга, когда он возвращался и снова был рядом. Он приходил в ее спальню, он подолгу читал ей прекрасные книги, он рассказывал ей обо всем что знал сам, он советовался с ней и очень внимательно слушал ее, как взрослую. В его темно-синих глазах, так неуловимо похожих на её собственные, она видела всё человечество, весь мир, Бога, Вселенную, всё вместе, наполненное светом и любовью, и так ей было покойно и уютно, когда она сидела у него подмышкой, прижавшись к нему, когда он брал ее на руки, когда она погружалась в тонкий, изысканный, чуть серный аромат его духов «Гивирнэйчи», что ей просто и в голову не приходило желать чего-то еще и она лишь безмятежно улыбалась счастливой улыбкой. Она вспоминала как папа учил ее танцевать, как наряжался в Сэма Колокольчика и Санта Клауса и играл для нее спектакли, как учил ее складывать фигурки Оригами, как они вместе учились готовить грибной суп, запеченную курицу и тушеные овощи под руководством Кита и без помощи кухонных автоматов, как они вместе разгадывали головоломки и ребусы, как она мучила его бесконечными вопросами, а он изо всех сил пытался ответить на них, как она летала на его руках, как они пели любимые песни в караоке, где Кит подсвечивал им в воздухе слова песен, а заодно и служил мощной акустической системой. Она не могла, у нее просто не хватало сил и решимости представить этот мир без отца. У нее не было никого кроме папы, да и не нужен ей был никто кроме него. И с невыразимой нежностью она вспоминала как прокрадывалась к нему в спальню и втискивалась в его объятия. Отец уже давно запретил ей спать по ночам в его постели. По его мнению это дурно сказывалось на её развитие как сильной самостоятельной личности. А он хотел видеть дочь именно такой. Пару раз из-за этого он даже вступал в серьезный спор с Родериком Атинховским, потому что последний, по мнению Валентина Акари, слишком уж баловал свою внучку, заваливая её чересчур дорогими подарками. Один Кит чего стоил. А стоил он, кстати, как небольшой межзвездный корабль. Элен, не взирая на неодобрительное ворчание своего металлического пса, внимательно подслушивала их разговоры, диву даваясь из-за того что папа всё так напутал. Вот как раз дедушка был весьма ироничен, прохладен и порой даже суров с ней и очень редко действительно что-нибудь делал за неё, заставляя её выполнять всю работу, которую по мнению бабушки ей надлежало исполнять. Поэтому когда он жил у них дома, Элен обычно без всяких напоминаний убирала за собой посуду, чистила зубы, расчесывалась, вовремя спускалась к завтраку, одевалась как "юная леди", не пела визгливым дискантом "Песни Отчаянных", не скакала по дому, играя с Китом в нашествие пришельцев, не разбрасывал по всему дому обувь и одежду, за столом не смеялась во весь голос, не чавкала, не "глотала как волк" и пользовалась ножом и вилок. Тогда как сам отец практически всегда сквозь пальцы смотрел на то что Элен чего-то не хотела делать, отлынивала от каких-то обязанностей, которые как бы считались за ней закрепленными или наоборот творила всё что ей заблагорассудится. Да и забираться к нему постель Элен по-прежнему продолжала. У отца вошло в привычку, что если он весь день был

дома, то после обильного, плотного обеда он шёл в свою спальню, чтобы как он говорил "завязать жирок", а на самом деле хорошенько вздремнуть два-три часа. Что в общем было не удивительно, ибо иногда на работе он не спал целыми сутками, Элен даже научилась определять перепады ауры не выспавшегося человека. Самой Элен спать днем редко хотелось. Когда она спрашивала зачем папа делает это, тот отшучивался тем, что он уже старенький, а все старички обязательно после обеда спят, так как хотят таким образом продлить свою жизнь. Элен хмурилась на эти шуточки, но потом стала использовать это дневной сон в своих интересах. Она приходила к отцу, определяла по ауре что он действительно крепко спит и очень аккуратно забираясь на постель, втискивалась в его объятия, прижималась спиной к его животу и так, несказанно счастливая лежала и мечтала обо всём на свете. И не было во всей Вселенной более подходящего, уютного, лучшего, надежного и безопасного места для легкомысленных мечтаний чем в этом маленьком тихом сонном царстве. Порой отец всё же просыпался, когда она укладывалась рядом, и в первые разы интересовался чего это она тут мостится. Элен отвечала, что тоже хочет "завязывать жирок" вместе с ним. Он делал вид что недоволен, просил её не храпеть и не лягаться во сне и снова закрывал глаза. Но Элен по его ауре видела что ему в общем приятно её присутствие и в конце концов он ведь её не прогонял как ночью. Видимо в отличии от ночного сна, дневное валяние в его постели никак не сказывалось на самостоятельности дочери. И Элен сворачивалась клубочком и тихонько лежала, слушая его дыхание. Именно здесь она чаще всего размышляла о каких-нибудь ужасах, о которых не решалась думать в другое время. Здесь любой страх был бессилён перед ней. Она думала о смерти, о страшных болезнях, про которые рассказывала Камила Кесада, о диких бандах пиратов, свирепствовавших на Вольных планетах, о свихнувшихся роботах на Механии, поставивших себе целью уничтожить всю биологическую жизнь, о сталкивающихся и взрывающихся звездах, об испепеляющем, уничтожающем излучении квазаров, блазаров и магнетаров, о смертоносных, стирающих любую жизнь гамма-всплесках, о таинственных Сверхпустотах, где не может существовать ничего, о Черном Лего – загадочных, постоянно перестраивающихся мегаструктурах, затмевающих звезды и черпающие их энергию, о звездных кораблях с безумцами на борту, об искорёженных или исчезнувших хайджерах – астронавтах исследовавших гиперпространство, о сумасшедших сектах, о живых мертвецах с планеты Ливу, родной планеты отца, о его ненормальной сестре тёте Айше, рьяно исповедовавшей учение одной из местных религиозных сект "Лазоревый дом", именно она настояла на том чтобы после трагической гибели их родителей, бабушки и дедушки Элен по отцовской линии, их не сожгли, а закопали в землю, после чего их телами завладели паразиты-воскрешатели и мертвые бабушка и дедушка явились к своим детям. Одна, ночью, у себя в постели она не решалась думать о таких вещах, а здесь, под рукой папы, сжимая его широкую ладонь, слушая его дыхание или даже смешное посапывание и чувствуя спиной его горячее тепло, она не боялась ничего на свете. Никакие ужасы бесконечной Вселенной не в силах были ей причинить здесь вреда. На какой-то церкви она однажды видела плакат: на фоне ночного неба, с пылающими звездами и спектральными облаками раскаленных газов две огромные светлые сияющие ладони держат маленького улыбающегося младенца. И сейчас, в окружении папы она чувствовал себя также, словно она крохотный человечек, убаюканный в его руках. Папа любит её, любит как никого в этом мире. Ей не приходилось даже размышлять над этим, она видела это своими глазами. Всякий раз, когда они встречались после любой разлуки, пусть даже всего в несколько альфа-часов, она видела как сияет и искрится его аура и с замирающим сердцем понимала что причиной тому она сама. И ответная нежность и любовь к отцу захлестывали её с головы до ног, радость от того что этот человек существует стучала в ней как барабан и пульсировала так словно всё её тело было сплошным сердцем.

И разве могла она поступить как-нибудь иначе, не сумев связаться ни с дедом, ни с мисс Уэйлер? Для неё не было такого вопроса. Она должна было немедленно лететь за отцом сама. И ничто не имело больше для неё значение. Она не могла сидеть на месте и ждать неизвестно

чего, зная что он в опасности, может быть смертельной, зная что ему нужна помощь. Впервые в жизни она слышала чтобы папа просил о помощи. Конечно, с просьбой о помощи он обращался ни к ней. О нет, Валентину Акари и в дурном сне не приснилось бы попросить прилететь на Каунаму собственную дочь, это была настолько дикая мысль, что он даже не потрудился напрямую запретить ей это, потому что такое ему и в голову не могло прийти. Он просил дочь лишь передать своё сообщение Родерику Атинховскому и Александре Уэйлер, а ей самой наказал покинуть дом и перебраться к знакомым.

Но Элен поступила иначе. Она решила, что спасёт отца сама. Ну, при помощи Кита конечно. Кит протестовал изо всех сил. Но ключевой алгоритм заставил его подчиниться неразумной дочери Валентина Акари.

Послание, которое получила девочка было не слишком многословным. Да еще и переданное столь экзотическим образом, оно повергло Элен в состояние легкого шока. Особенно когда она прочитала в Старнете, что испытывает человек, позволивший "тотеру" войти в своё сознание.

Вообще у неё и папы была "нить" – удивительное устройство сверхдальней связи, способное передавать информацию через любые расстояния, в том числе и космических масштабов. Несмотря на любое количество парсеков, связь осуществлялась мгновенно, словно по детской радиации в одном доме. По высоколобому мнению землян "нить" нарушала основные физические законы пространства и времени, а потому существовать не могла. Даже гиперлайн – радиосвязь через гиперпространственные измерения и то имела задержку в зависимости от расстояния от источника до приемника, а тут моментальное соединение любых точек Вселенной. Правда у "нити" имелось существенное ограничение, она всегда соединяла лишь двух абонентов, ибо то из чего "нить" возникала первоначально было единым и разделиться могло лишь надвое. И каждая "нить" была уникальной и с другой "нитью" не соединялась. Эта была инопланетная технология и принадлежала она миточам, которые не спешили землян посвящать в её устройство. Впрочем, многие из ученых-землян считали что миточи и сами не знают как функционирует "нить", просто так уж им повезло что их родная планета выращивает в себе эти странные вроде бы металлические структуры, которые разделенные всегда знали друг о друге и оставались в неразрывной связи. Вторым ограничением "нити" была её невысокая пропускная способность, максимум что удавалось кодировать через неё это звуковые волны, простые аудиоданные, то есть внешне устройства "нити", называемые "клабы" действительно напоминали обычные миниатюрные радиостанции. Двое людей решивших навсегда соединить себя "нитью", обычно вживляли её "клабы" себе в тело. Если эти двое были достаточно богаты, тогда скорей всего у них был вживленный в мозг ментальный интерфейс и "нить" подключали напрямую к нему. И в этом случае им оставалось просто мысленно произнести нужную фразу и его визави услышит её где бы он не находился. Однако у Элен и её отца "клабы" "нити" были внешние, как переносные устройства, которые можно было конечно через переходник подключить допустим к юнипаду. Валентин Акари был категорически против любых вживляемых в тело устройств, делая исключение только для тех что требовались по медицинским показаниям. И никакие увещевания мистера Атинховского и мисс Уэйлер, которые во всю использовали подобные биотехнологии не могли заставить изменить его мнение. Что, впрочем, было всем понятно и никто особенно не настаивал. Линда Рейлих, мать Элен, погибла именно из-за того что террористам удалось использовать вживленное в её тело устройство.

Таким образом, если Элен и ждала какого-то сообщения от папы, то конечно посредством "нити", чей "клуб" у неё круглые сутки был присоединен к плечу. Однако всё случилось совсем по-другому. У неё в голове возник, до смерти напугавший её по началу, голос. С расширенными от ужаса глазами она бросилась к Киту, но когда тот, считав её испуг, уже сам спешил ей навстречу, она внезапно застыла, невидящим взором уставившись куда-то в стену. На обеспокоенные вопросы робота она ничего не отвечала. "Элен, пожалуйста, не бойся. Это

твой папа, твой мистер Аль-Риша. Я попал в беду, Снежок, и не могу связаться ни с кем кроме тебя. Это действительно я, Конфетка, не сомневайся. Твой папа, Валентин Акари, лейтенант космической полиции Сейтеранского сектора, координатор спецподразделения Р374. Личный код: 5600-8264-1214104677. Код можешь проверить по моему биожетону, он в нашем домашнем сейфе, ты можешь открыть его по своему ДНК и доппароллю 'протуберанец'. Элен, у меня совсем мало времени, эту мыслесвязь я установил с тобой через своего друга-тотера, но он не может держать её долго. Поэтому, Конфетка, слушай меня внимательно." Металлический пёс встревоженно глядел на свою хозяйку, он считывал биоритмы её мозга и видел какие-то чудовищные всплески, которых у нормального человека быть не должно. Наконец он докричался до девочки и та, обратив на него внимание, быстро сказала: "Кит, это папа! Записывай меня" и затем она повторяла вслух всё что говорил ей голос в голове. "Я нахожусь на планете Каунама. Вывезен сюда бандой торговцев людьми с Кашуты. Мне и моему приятелю тотеру удалось бежать. Но сейчас мы снова попали во враждебное окружение. Находимся в местности Солейрон, на данный момент мои координаты: 47 градусов 8 минут южной широты; 122 градуса 26 минут 12 секунд западной долготы относительно стандартного нулевого меридиана звездного реестра. Необходимо чтобы нас забрали отсюда. Срочно передай моё сообщение дедушке и мисс Уэйлер. Больше никому, родная. Никому. К сожалению в моем подразделении человек предавший полицейское братство и работающий на пиратов с Кашуты. Но я не знаю кто именно. Поэтому чтобы ни случилось не обращай в Космопол. И еще, Элен. Этот человек возможно попытается добраться до тебя, чтобы угрожать мне твоей... твоей болью. Ты должна незамедлительно покинуть наш дом. Немедленно, дочь! Пока не окажешься у бабушки или тети Саши, будь у мистера Таругу или семьи Мейнос. Лучше у мистера Таругу. Прости, Конфетка, что впутал тебя во всё это. Прости, милая". И дальше уже был не голос, а взрыв эмоций, Элен поняла что папа плачет и еще она ощутила отчетливое ощущение вины и промелькнувший образ красивой черноволосой женщины, её матери. Потом всё ушло и в голове осталась одна звенящая пустота. Элен словно очнувшись от слишком реалистичного сна, оцепенело смотрела в черные глаза своего пса.

Девочка лежала на упругих сиденьях, обитых темно-красной кожей, и искоса смотрела на Мастона Лурга, который снова погрузился в чтение своей книги. Может быть впервые в жизни она испытывала ненависть. Ей не очень это нравилось, но она не в силах была остановить поток негативных эмоций. Ей хотелось чтобы с этим человеком случилось что-нибудь плохое, чтобы он оставил ее в покое, чтобы он исчез, испарился, пропал. В глубине души она признавалась себе, что ей не просто хочется чтобы он исчез, нет, этого было мало, она хотела мести, за себя, за Кита, за кирмианскую девушку, она хотела чтобы судья страдал. Никогда раньше девочка не переживала подобного. Чувство стыда за такие мысли тенью пробежало по ее душе, но впрочем с помощью яркого пламени своей ненависти она легко отметала нелепое ощущение вины. Судья был злодей и она искренне ненавидела его. Конечно, раньше ей доводилось испытывать досаду и раздражение, например иногда она сердилась на папу. По разным причинам. За то что случались моменты, когда он не хотел говорить правду и просто отмалчивался, зная что врать бесполезно. За то что он не хотел объяснить как он относится к Александре Уэйлер. За то что он запрещал ей смотреть кое какие фильмы, за то что порой пропадал на работе чуть ли не целыми неделями, за то что не понимал, что ее синие кроссовки ни в коем случае нельзя надевать вместе с ее любимой розовой курткой, они совершенно не сочетались. Элен улыбнулась, вспомнив озадаченное лицо папы, когда она пыталась ему объяснить тонкости женской моды.

Судья оторвался от книги и поднял глаза на свою пленницу. Улыбка исчезла с лица девочки, но взгляд она не отвела.

– Ты что-то хочешь сказать мне? – Спросил Мاستон Лург.

– Нет. Я просто думаю о том какой же вы все-таки жалкий и примитивный.

Судья усмехнулся.

– Я понимаю твое раздражение и досаду и твое жгучее желание по больнее меня уколоть. Но меня уже давным-давно не трогает то что говорят люди. Почти всех их слова просто мусор, шелуха их бессилия и глупости.

Элен лежала на спине, согнув ноги в коленях и подложив левую руку под голову. Судья любезно передал ей небольшую подушку, чтобы она не стукнулась о стенку кареты на каком-нибудь ухабе дороги. В целом ей было довольно комфортно, только ноги немного затекли, лежа она не могла их выпрямить. Но несмотря на эти удобства, ненависть ее нисколько не ослабевала. И судья был прав, ей очень сильно хотелось уколоть его по больнее, хотя бы словами.

– Дело не в этом, – соврала девочка. – Я просто удивляюсь тому, что вот вы, взрослый умный решительный человек, тратите свою жизнь на подлости, обманы, убийства, воровство и все это ради какой-то наживы, ради сомнительного удовольствия мнимой власти над другими людьми.

Судья сглотнул слюну, медленно вложил закладку между страницами и закрыл книгу. Он делал все это очень осторожно, изо всех сил стараясь чтобы у него не дрожали руки. Он был напуган, он и сам не смог бы отчетливо объяснить что именно его так напугало. Этот странный ребенок... Его даже посетила совершенно бредовая идея, а что если эта девочка – ангел, небесное существо принявшее такое невинное обличье.

– В мире тысячи вещей более интересных и достойных, по сравнению с которыми ваши дела это просто копание в зловонных отбросах, но тем не менее вы выбрали последнее.

Судья поднял глаза на девочку.

– Почему ты говоришь, что я трачу свою жизнь на убийства? – Спросил Мэстон Лург. Он еще хотел добавить: «Я никого не убивал», но в последний момент буквально заткнул себя, тревожная мысль взорвалась в его голове: «Она увидит правду я говорю или нет!». Только сейчас он начал понимать насколько осторожным надо быть в разговоре с этим ребенком.

– На моих глазах вы пытались совершить убийство, – ответила девочка, внимательно рассматривая ауру судьи. Она видела, что он очень взволнован и даже напуган. «Неужели он собственноручно кого-нибудь убивал», со страхом подумала девочка.

– Ты говоришь о кирмианке?

– Да.

– Несправедливо называть судью убийцей, только за то что он выносит смертельный приговор душегубам и злодеям.

– Перестаньте, вы прекрасно поняли, что девушка невиновна.

– Она пронзила человека своим мечом, разве это неправда?

– Правда, – взволновано ответила девочка. Она хотела сказать еще много слов, но остановила себя, осознав что все это впустую, и почти равнодушно закончила: – Вы лжете не только другим, но и себе, я же говорила вы жалкий человек.

– Не нужно меня так часто оскорблять, девочка. Я могу приказать Галкуту остановить экипаж, отнести тебя в лес и закопать живой в землю.

Страх ледяной лапой схватил Элен Акари за горло, но гнев чистого сердца и благородной души пылал в ее глазах. И это гнев, прорываясь сквозь вязкую тошнотворную пелену страха, дал ей сил улыбнуться и ответить.

– Не пытайтесь пугать меня, господин судья. Вы все время забываете, что я вижу вас насквозь, все ваши эмоции, настроения, переживания. Вы лжете. Вы не сделаете этого ни за что. Из-за страха возмездия, из-за жадности, из-за того что вы отрезали себе все пути к отступлению. Вы не можете вернуться в Туил. Мои хранители уже там и вы попадете прямо им в руки. Если они узнают, что вы причина моей смерти, вас дезинтегрируют, а ваш ментальный слепок сохраняют в матрице для дальнейшего изучения. Говоря проще, вы лишитесь своего физического тела, а ваше сознание окажется в темной пустоте, где вы будете засыпать и про-

сыпаться по велению исследователей. У нас всегда так поступают с особо опасными преступниками. Значит у вас один путь, в Акануран, а на что вам там рассчитывать без меня. Вряд ли покинув свой пост в Туиле, вы заслужите одобрение своего начальства. Единственный способ оправдаться перед Верховным претором – это предложить ему нечто ценное, например, меня. После этого, что-то заработав на этом, вам нужно срочно покинуть Акануран, ибо мои хранители идут по вашему следу и задерживаться в столице для вас неразумно.

Судья молчал, внимательно глядя на девочку.

Элен, желая отомстить за пережитый страх, продолжила:

– Вы совершили ошибку, украв меня. Одним махом вы перечеркнули всю свою прежнюю жизнь. А те выгоды, что вы получите от моей продажи, не принесут вам ни счастья, ни удовольствия. – Она хотела еще сказать, что скорее всего он погибнет и погибнет от руки своих коллег. Весьма вероятно, что верховный претор прикажет убрать единственного человека, знающего о том на что она способна. Элен вовремя остановила себя, подумав, а что если судья всерьез воспримет её угрозу и предпримет что-нибудь такое, что ей станет еще хуже чем сейчас.

– Ну что ж, ты во многом права, – спокойно согласился судья. – Но твое преимущество в том что ты можешь мне лгать, а я тебе нет. Недавно ты лгала мне о Королеве Лазурных гор, о том что ты её гостья, а твой спутник лоя – проводник. И значит вполне возможно ты лжешь и сейчас.

Элен покусала верхнюю губу. Она не знала что на это ответить.

– Поэтому я буду благодарен тебе, если ты перестанешь пугать меня своими детскими сказками. Давай постараемся вести себя разумно и по возможности уменьшить неприятные ощущения от нашего совместного путешествия. Мы приедем в Акануран, я передам тебя верховному претору и после этого мы забудем друг о друге.

Судья вопросительно смотрел на ребенка, ожидая ответа.

– Мы что будем ехать без остановок? – Отведя взгляд в сторону, проговорила девочка. – Я хочу есть и пить. – И уже совсем тихо закончила: – И в туалет еще хочу.

Легкая улыбка скользнула по лицу судьи, он воспринял слова девочки как согласие на перемирие.

– Сейчас мы остановимся и Галкут отведет тебя в туалет. К моему сожалению тебе придется надеть вот это. – Судья обернулся к багажному отделению у себя за спиной и извлек оттуда нашейные кандалы, представляющие собой две закругленные металлические полосы, скрепленные с одного конца и имеющие с другого петли для замка. От места скрепления шла длинная стальная цепь.

– Вы шутите? – Пролепетала испуганно девочка.

– Ничуть. И я надеюсь ты отнесешься к этому спокойно. Ты же не хочешь, чтобы Галкут стоял рядом и держал тебя за воротник пока ты будешь делать свои дела.

Цепочка оказалась длиной метров шесть. Галкут стоял спиной к маленькой пленнице, пока она сидела на корточках во влажных зарослях ночного леса чужой планеты. Элен смотрела на кусочки звездного неба между ветвей деревьев, призывая свой организм сделать все как можно быстрее. Впервые в жизни она испытывала подобное унижение, ее выгуливали словно собаку на поводке. Да и вообще впервые в жизни кто-то причинял ей унижение. Только сейчас она до конца осознала насколько все изменилось. Теперь она в полной власти незнакомых и жестоких людей и она совершенна беззащитна перед ними. С горькой усмешкой, по крайней мере такой на какую способен ребенок, она вспомнила как часто мечтала в своем прекрасном доме на Макоре о веселых захватывающих приключениях. Что ж, она получила их сполна. Правда они совсем не такие веселые как мечталось, но уж определенно полностью захватили её.

Когда она вернулась в карету, судья молча снял с нее металлический ошейник и они продолжили путь.

34.

Униженная и оскорбленная до глубины души, Элен Акари сидела, отвернувшись к заштопленному окошку. Говорить она не желала. Она презирала судью и жалела себя. Все мудрые слова доброго мастера Таругу, жившего по соседству с ней на Магоре, вылетели у нее из головы и остались только обида и страх. Больше всего ее мучило собственное бессилие. Однако время шло и живой детский характер брал свое. Спустя часа полтора, она повернулась к Мастоно Лургу. Некоторое время она с ненавистью смотрела на него, злясь на себя, что не может сдерживать собственное же обещание и не говорить ему ни слова.

– Мы что не будем ни есть, ни пить до самого Аканурана? – Раздраженно спросила она. – И разве вашему кучеру совсем не надо отдыхать? Вы не боитесь, что в конце концов он заснет и мы съедем в какую-нибудь канаву?

Судья в который раз оторвался от своего чтения и приветливо поглядел на девочку.

– Галкут парень крепкий, просто-таки трехжильный. Но ты права, передохнуть ему и лошадям конечно надо. Я думаю часа через два уже совсем рассветет и мы как раз будем возле Гроанбурга. Там и сделаем остановку.

Девочка, надувшись, глядела на своего тюремщика.

– Что вы все время читаете? – Спросила она уже более спокойно.

– Это жизнеописание великого агронского полководца Эри Ярона.

– Ваш кумир?

– Нет, но некоторые его поступки и высказывания весьма занимательны и поучительны.

– Он жив?

– Нет, он давно умер. Он сумел пленить легендарную Черную Румму королеву либингов, слышала о такой?

Элен отрицательно покачала головой.

– Понятно. В общем, он сумел заманить ее в ловушку и взять в плен. Но затем, за несколько дней общения с ней обольстительная дикарка сумела соблазнить генерала и когда они оказались вместе в постели, она убила его голыми руками. После чего Румма выбралась из лагеря и вернулась к своему дикому народу.

– Так вы кем восхищаетесь, генералом или этой королевой?

– Я никем не восхищаюсь. Я просто в очередной раз убеждаюсь, что верить нельзя никому.

Элен ничего на это не сказала, ее вдруг взволновал другой вопрос.

– А в этот Гроанбург вы меня тоже поведете в ошейнике? – С вызовом произнесла она.

Судья сделал паузу и постарался ответить как можно мягче.

– Это была лишь вынужденная мера. Галкут не очень умен и я думаю ты могла бы улизнуть от него без этого ошейника. В Гроанбурге же, я думаю, он нам не понадобится. Тебе конечно ничего неизвестно об этом месте?

Элен снова отрицательно покачала головой.

– Ну так вот, моя маленькая правдолюбка, я должен сказать тебе, что это место где живут очень опасные люди. И самое безопасное место для тебя это рядом со мной. Ты же видишь что я не лгу?

Девочка ничего не ответила. Цветовая гамма и рисунки процессов сознания судьи показывали, что сам он верит в то что говорит.

Не дождавшись ответа, Мастоно Лург продолжил:

– В Гроанбурге живут самые настоящие разбойники. Они грабят путников, купеческие караваны, деревни, похищают людей и требуют за них выкуп. А всех, кто так или иначе встает у них на пути, они сжигают, топят, вешают, разрезают на части или скармливают своим бейхорам – огромным жутким лысым псам.

Судья замолчал и внимательно посмотрел на девочку.

Элен нахмурилась.

– Я вижу, что вы говорите правду, но я только не понимаю почему вы при этом испытываете удовольствие. Вы что садист? Или вам нравится пугать маленьких детей?

Судья почувствовал себя задетым.

– Не знаю что ты там видишь, но никакого удовольствия я не испытываю, – раздраженно ответил он. – Я просто хочу чтобы до тебя дошло в каком опасном месте мы будем.

– Если оно такое опасное, зачем нам там быть?

– Во-первых мы не можем его миновать, – но спохватившись, что девочка увидит его ложь, поправился, – вернее можем, но через Гроанбург дорога намного короче. Во-вторых... – судья споткнулся, подбирая нужные слова. Он и сам бы не смог ответить почему он это делает, а не называет все своими словами. Неужели ему хотелось выглядеть в глазах этого ребенка хоть чуточку лучше, чем он есть на самом деле. – Во-вторых, я знаком с их вожаком или миваром как они его называют.

Он ждал укола и девочка не преминула оправдать его ожидания:

– Достойное знакомство для городского судьи.

– Ты становишься предсказуемой, – спокойно сказал Мастон Лург. – Да, я однажды спас от виселицы трех его людей. И с тех пор Хишен, это его имя, в некотором долгу передо мной.

– И мы заедем туда, чтобы вы могли забрать этот долг?

– Ну, в некотором роде. Они накормят нас, дадут нам свежих лошадей, мы немного отдохнем и продолжим путь.

– А зачем вы спасли разбойников от виселицы?

Судья усмехнулся.

– На тот момент это был весьма благоразумный поступок. Хишен очень опасен. Бывали даже случаи, когда он со своим диким войском осаждал небольшие города. Кроме того он просто сумасшедший. Верит в черную магию, отправляет всякие мерзкие ритуалы, а его любимая забава вкапывать врагов по шею в землю и разными жуткими способами издеваться над ними пока они не погибнут. Я не буду говорить тебе что он вытворяет, это не для детских ушей, но поверь мне, что вот он действительно настоящий садист. И прозвище ему дали «Голова».

– И вы собираетесь в гости к такому человеку? – Удивилась Элен.

– Не волнуйся. Хишен, конечно, сумасшедший, но не дурак. Совсем даже напротив, он весьма сообразительный и хитроумный парень. Он не тронет судью ни в коем случае, он знает чем это грозит.

– Наверно весь народ королевства как один поднимется чтобы отомстить за вас, – попыталась съязвить Элен.

– Твой сарказм напрасен. Если причинить вред любому, кто принадлежит Судебной палате, десятки отборных карательных отрядов будут преследовать и уничтожать всех, кто к этому причастен. Поверь, это доказано и уже не раз.

– Ваша Судебная палата, по-моему, больше похожа на мафию, чем на государственный правоохранительный орган.

– На что похожа? – Не понял судья, никогда не слышавший этого слова.

– На организованное преступное сообщество, рьяно защищающее свои интересы и своих членов, – холодно пояснила девочка.

Судья усмехнулся.

– Вот как. Значит в вашей стране это называют «мафией». Выходит и вы знакомы с этим негативным явлением. – Судья поцокал языком. – А-й-й-й, такое развитое и прекрасное общество и такое нехорошее явление.

Элен недобро посмотрела на судью.

– Не паясничайте, – сказала семилетняя девочка сорокасемилетнему мужчине и тот снова усмехнулся.

– Тебе точно шесть лет? Может ты как лоя, выглядишь маленькой, а на самом деле тебе лет триста? Но знаешь, я бы посоветовал тебе быть осторожнее в твоих высказываниях о Судебной палате. В нашем королевстве можно попасть в Дом Ронга и за более невинные слова относительно Судебной палаты. Дом Ронга, поясню для тех кто не знает, Акануранская тюрьма предварительного заключения, известная своими жуткими камерами и пыточными.

Элен игнорировала это замечание.

– Почему же ваш король или этот верховный претор не схватят этих разбойников?

– Попытались, правда не очень усердно. Но Гроанбург это настоящая маленькая крепость. Кроме того там есть система подземных ходов и, если разбойникам приходится совсем туго, они растворяются в лесах и ловить их там можно годами. И еще, я так понимаю, что Хишен кому-то неплохо платит в столице, чтобы там смотрели сквозь пальцы на его проделки, а также предупреждали о любых карательных мероприятиях.

– Грабеж и убийства вы называете проделками! – Элен покачала головой. – И вы еще называли кирмианскую девушку дикаркой. Интересно, что об этом сказал бы ваш святой отец Бургус? Он так неистовствовал, обличая девушку только за то что она носит штаны.

– Ну в этом случае у него один ответ: «На все воля божья».

– Я так и думала. Судя по его выступлению во время вашего шутовского процесса он вообще не очень большого ума человек.

Лург усмехнулся.

– Тут я с тобой соглашусь.

– На счет священника или того что ваш процесс шутовской?

Улыбка испарилась с лица судьи.

– Ты слишком дерзкая и наглая. Родители наверно совсем не занимались твоим воспитанием.

– Я достаточно воспитана, чтобы вести себя вежливо в обществе нормальных людей.

– Ты хочешь сказать что я ненормальный?

– В общем да, – спокойно проговорила девочка. – В нашей стране считается, что преступники это больные люди, которых нужно изолировать, изучать и по возможности помогать им исцелиться от их наклонностей, привычек и желаний.

– Ты записала меня в преступники?

– Вы сами сделали это и наверно уже давно.

Судья нахмурился, но ничего не ответил.

35.

В большом темном помещении за огромным столом сидел невероятно широкоплечий, абсолютно лысый мужчина. Он был невысокого роста, но очень мощный и крепкий, его тело буквально гудело, как басовая струна, природной, животной силой. На его круглом молодецком лице застыло выражение мрачного раздумья. Если бы он улыбнулся, то вполне возможно его лицо выглядело бы добродушным и открытым. Но Хишен по прозвищу Голова улыбался очень редко, а если и делал это, то улыбка выходила хищной и жестокой. Насмешка презрения и превосходства. На нем была светлая рубашка, чья ткань обтягивала его мускулистое, широкое тело как кожа барабана. Рубашку он заправлял в черные блестящие штаны, подпоясанные толстым ремнем с огромной серебряной пряжкой.

Просторное помещение, в котором он находился, Хишен называл Главной залой. Он попытался сделать его похожим на Охотничью залу замка барона Глуба – сайтонского аристократа, прославившегося своим полубезумным свирепым нравом. Хишен почти восемь лет служил у этого человека начальником стражи. Главная зала располагалась в единственном доме

в Гроанбурге, сделанном из камня. Этот дом мивар называл Цитаделью. Он вообще любил красивые названия и внешнюю эффектность.

Но кроме этого Хишен считал себя весьма умным, глубоким и образованным человеком. Он один из немногих в Гроанбурге кто умел читать и даже писать.

Сейчас он раскладывал пасьянс. Свет исходил от двух ламп-гремучек, стоявших на столе. Они образовывали неровный яркий освещенный овал, за границами которого царила полная тьма. Пасьянс упорно не сходился. Постоянно мешала дама.

Хишен хмурился. При чем тут дама? С дамами у него всегда всё было очень просто. Он считал себя могучим любовником и, если он видел перед собой привлекательную женщину, он просто брал и использовал ее. Делал с ней всё что ему заблагорассудится, всё что ему только мог подсказать его изощренный в плане плотских фантазий разум и богатый жизненный опыт. О том что испытывает сама женщина он никогда не задумывался, по его мнению было бы нелепо и смешно интересоваться такими пустяками. Женщина источник удовольствия и значит он будет получать это удовольствие так как ему захочется, пока полностью не пресытится. Впрочем ему нравилось когда женщина натужно и дико кричит под ним. Это сильно возбуждало его и порой он прикладывал некоторые особенные усилия, чтобы добиться этого. Но в общем и целом, с дамами он никогда не имел проблем. А тут, какая-то улыбающаяся девица мешает ему победно закончить такой красивый пасьянс.

Тяжелая входная дверь распахнулась, впуская в громадную комнату мягкий утренний свет.

Хишен недовольно поднял глаза. В залу вошел белокурый гигант. Его звали Манкруд. Он обладал невероятной физической силой и очень добрым лицом с большими голубыми глазами. Однако и Хишен, и вся гроанбургская шайка прекрасно знали насколько жестоким и беспощадным может быть боци – помощник вожака. Вообще все лихое гроанбургское воинство было строго структурировано и подчинялось жесткой дисциплине и субординации. На вершине пирамиды – мивар. Его главный первый помощник – боци, Хишен иногда в шутку называл его мой генерал, себя видимо определяя то ли маршалом, то ли королем. Затем шли бригады, вроде как младшие офицеры, которые непосредственно руководили рядовыми членами банды, разбитой на отряды. Всю эту структуру Хишен перенес из сайтонской армии, где он когда-то служил вместе с ужасным бароном Глубой. Он, конечно, всё сделал проще и жестче. Практически за любое неповиновение или нарушение субординации он лично наказывал различными жуткими казнями. Особенно он любил вкапывать человека по шею в твердую землю и просто оставлять умирать. На заднем дворе его Цитадели у него иногда было вкопано сразу до пяти человек. Он навещал их, натравливал животных, каких-нибудь мерзких насекомых, мочился, пинал или если ему наскучивала та или иная жертва просто добивал ее ударами ног в тяжелых сапогах.

Хишен смотрел на своего помощника и ждал объяснений. Манкруд сделал несколько шагов вперед и когда его глаза привыкли к сумраку залы, в которой не было ни одного окна, а только узкие отдушины под самым потолком, осмотрелся и сказал:

– Сойвин вернулся.

Хишен откинулся на спинку стула и отложил карты. Он ждал продолжения.

– Привел обоз. Восемь наших убито.

Мивар, не сказав ни слова, встал и взял со стола свою ужасную саблю, которой он с легкостью раскалывал черепа. Изогнутый клинок скрывался в резных, отделанных серебряными полосками, деревянных ножнах, крепившихся к роскошной темно-серой перевязи с серебряной вышивкой. Он надел перевязь через голову, взял со стола свой любимый топор с длинной рукоятью и вставил его в кожаное кольцо на ремне. После не спеша направился к выходу.

Хишен ощущал приятное волнение. Сейчас он будет вершить судьбы других, это всегда его возбуждало, почти так же как крики и стоны женщин, выбранных им для любовных усад.

Манкруд посторонился, пропуская главу Гроанбурга вперед.

Выйдя на крыльцо, Хишен с любовью поглядел на резной железный козырек, провел ладонью по стене из красного кирпича. Он гордился своей Цитаделью, сколько сил и средств он вложил в ее строительство. А этот длинный козырек кроме того имел секрет. Он мог опускаться вниз и запирается, образуя таким образом дополнительную защиту входной двери.

Расправив могучие плечи, положив левую ладонь на эфес сабли, а правую на боевой топор, Хишен медленно спустился по ступенькам на утрамбованный грунт центральной площади Гроанбурга, называемую в народе Расплатной.

Он бросил взгляд на ряд телег, фургонов, кибиток и лошадей, выстроившихся возле ограждения, окружавшего площадь. В её центре на коленях, со связанными за спиной руками стояли те, кто ехали в купеческом обозе. Каждому пленнику на шею был накинута кожаный шнур, другой конец которого держал в руках стоявший за спиной разбойник. Этому Хишен научился у подручных Глубы и привил это правило своим людям. Здесь же в стороне, на земле лежали восемь тел убитых гроанбуржцев. Рядом с ними уже собрались родственники и друзья. Увидев мивара, жены убитых прекратили всякое выражение скорби, ибо знали, что Хишен этого не выносит.

Вожак разбойников приблизился к трупам своих товарищей. Скорбно покачав головой, он последовательно переводил взгляд с одного тела на другое и громко произносил имена погибших. После этой своеобразной переключки он объявил:

– Они были славными воинами. Мы не забудем их. Манкруд, половину сегодняшней добычи подели поровну между семьями убитых. У кого они были. От своей четверти я отказываюсь.

Таков был обычай. Четверть награбленного делили между родственниками погибших головорезов. Правда, мивар не всегда оказывался от своей законной доли в любой добыче – 25 процентов. Но сегодня убитых было много и он вроде как расчувствовался и отказался. По рядам стоявших на площади разбойников прокатился одобрительный гул.

Но один из пленников нарушил общую идиллию.

Он смачно сплюнул и с презрением проговорил:

– Ты просто мразь, Голова, а все твои славные воины грязные убийцы и подонки.

Хишен неторопливо приблизился к стоявшему на коленях мужчине. Последнему было лет пятьдесят, у него были тронутые сединой русые волосы и глубокие темно-карие глаза. Его очень добротная одежда из шелка и тонкой кожи давала понять, что это весьма состоятельный человек. На его худом лице страха не было, а лишь одна бесконечная мера презрения к своим врагам. Это был Каншуви, богатый купец из Аканурана.

Мивар вытащил топор. Торговец с вызовом глядел на лысого разбойника. Справа от купца, также на коленях, стояла хорошо одетая девушка, слева молодой человек в темно-коричневой форме знаменитой гильдии «Бонра» – гильдии охранников и наемных телохранителей.

Не говоря ни слова, Хишен взмахнул топором. Каншуви почувствовал, как сжалось его сердце, но он заставил себя не закрывать глаза. Однако отточенное лезвие с ужасным чмокающим звуком врезалось в голову охранника из «Бонры». Топор разбил череп молодого человека и вошел внутрь сантиметров на десять. Одним движением правой руки Хишен освободил свое оружие и мертвое тело свалилось к его ногам.

– Хочешь сказать что-нибудь еще? – Поинтересовался мивар и пнул труп охранника, так что тот врезался в колени торговца.

Купец с яростью глядел на разбойника, но что-либо сказать не посмел.

– А это кто у нас? – Хишен приблизился к девушке и взяв за подбородок, поднял ее голову. Некоторое время он смотрел на красивое лицо с чудесными темными глазами, затем усмехнулся и проговорил:

– Да, Каншуви, на это раз ты сильно дал маху.

Холодный ужас захлестнул душу купца. Однако он крепко надеялся на жадность проклятого разбойника. Он выкупит дочь за любые деньги.

– Как тебя зовут, красавица? – Спросил Хишен.

Девушка холодно смотрела на мивара и молчала.

– Ая-яй-яй, вся в отца, – насмешливо проговорил Хишен. – Разве ты не видишь, что упрямство твоего отца ни к чему хорошему не привело. Будь умнее.

– Тайвира, – сказала девушка, опустив глаза.

– Молодец, – похвалил Хишен и отпустил ее. – Я думаю ты вполне заслуживаешь того чтобы познакомиться со мной поближе.

Каншуви в ярости попытался податься вперед. Кожаный поводок на его шеи натянулся, мешая ему дышать. Это не укрылось от глаз вожака разбойников.

– Или лучше не так, – сказал он, пристально глядя на купца. – Тебя сейчас разденут догола и я оттрахаю тебя прямо здесь на глазах твоего глупого папаша.

Тишина на площади стала просто мертвой. Хотя раньше главарь гроанбургской шайки такого и не проделывал, никто не сомневался что он на это способен. Отец и дочь окаменели от ужаса. Наконец Каншуви, буквально выталкивая слова из горла, проговорил:

– Не надо. Я заплачу сколько скажешь.

– Конечно, заплатишь, куда ты денешься, – усмехнулся Хишен. – Заплатишь. Сейчас только посмотришь, как я воткну твоей дочурке и иди на все четыре стороны.

От ярости и бессилия Каншуви почти оглох, красная пелена начала застилать его взор. Пульс бешено стучал в его висках. Ему хотелось только одного, завывать и вонзить свои пальцы в плоть этого чудовища.

В этот момент, пройдя между двумя крайними пленниками, вперед вышел молодой мужчина, высокий и широкоплечий. На нем все еще была черная облегающая вязанная шапочка, которую он надевал под шлем, доспехи, обильно залитые кровью, высокие мягкие сапоги, широкий кожаный пояс с двумя мечами и двумя кинжалами. Это был Сойвин, один из бриодов, тот кто со своим отрядом сегодня утром ждал в засаде обоз из Аканурана, о котором осведомители предупредили Хишена как обычно заранее.

Молодой человек приближался к мивару. Темно-зеленые глаза Сойвина спокойно глядели на лысого вожака, но вот сердце его билось слишком быстро. Молодому человеку очень понравилась дочь купца и в недавнем побоище он даже пару раз прикрыл ее от случайных ударов копий и мечей. Девушка заметила это, но виду не показала.

Но сейчас, увидев его, Тайвира почувствовала робкую надежду на помощь.

– А-аа! – Радостно воскликнул Хишен. – Наш герой! Иди сюда, дай обнять тебя, брат.

Мивар крепко обнял молодого человека, отстранился от него, держа левую руку на его плече.

– Молодец, Сойвин, – сказал Хишен и не сильно ударил бриода в грудь. – Молодец. Эта тварь решила не платить, я вижу он привел с собой кучу вояк из этой жалкой «Бонры», но ты со своими ребятами показал им что такое гроанбургские парни. Молодцы!

Хишен отпустил молодого человека и повернулся к купцу.

– Что ж, Каншуви, тебя опять сгубила жадность. Если ты решил тягаться с моими ребятами, тебе надо было покупать всю «Бонру» с потрохами. Может тогда вы бы и сумели прорваться на запад, хотя, конечно, вряд ли.

– Мивар, я хочу эту девчонку, – негромко сказал Сойвин.

Хишен посмотрел на своего бриода и улыбка покинула лицо лысого вожака. Ситуация внезапно поменялась. Мивар нахмурился. У него всегда было право первого выбора своей доли из общей добычи. Но он только что так опрометчиво отказался от этого и теперь право первого выбора автоматически перешло к командиру отряда, участвовавшего в нападении. Если бы их было несколько, вопрос решался бы жребием. Но сейчас право было только у Сойвина.

Конечно, Хишен мог бы наплевать на все разбойничьи законы и взять что хочет, но это будет прямым унижением для молодого бриода и он непременно бросит вызов. Это нисколько не пугало Хишена, он справится с мальчишкой одной рукой. Но что он получит в результате? Отличного воина, но только мертвого, и глухое недовольство среди разбойников, которое рано или поздно обязательно выйдет ему боком. Хишен уже давно понял, что если он хочет быть успешным руководителем, то одной силы, жестокости и отваги порой недостаточно. Иногда позарез нужно уметь повести себя умно и дипломатично. Это опять же льстило его самолюбию, что кроме всего прочего, кроме могучего тела, он еще и обладает могучим разумом.

– Зачем она тебе? – Спросил мивар.

– Ну думаю я найду ей применение, – усмехнулся Сойвин, весь напряженный как струна. Он ждал, что Хишен вот-вот выхватит свой любимый топор. Кроме того, краем глаза он заметил, что верный пес вожака – Манкруд уже переместился ему за спину. Молодой человек еле сдерживался от того чтобы не положить ладони на рукояти своих мечей, но это было бы уже откровенным вызовом. Он очень сожалел, что уже снял шлем.

– Что ж, ты в своем праве, – вроде бы с легкостью согласился Хишен. – Она твоя.

– Благодарю, мивар, – Сойвин приблизился к девушке и разбойник за ее спиной передал ему кожаный ремешок.

– Вот только ты лишаешь нас богатого выкупа, – сказал Хишен в спину молодого бриода. Сойвин снова напрягся. Но когда он повернулся, его лицо уже улыбалось.

– Ну что ты, мивар. Заказывай любой выкуп. Половина как я понимаю моя. А пока я постараюсь сделать так, чтобы девица не скучала. Думаю, мысль о том что я развлекаюсь с его дочкой, заставит папу поторопиться с выкупом.

Хишен усмехнулся, почти искренне. Молодой щенок хитер.

– Конечно, половина твоя.

Но все-таки лысому разбойнику было не по душе, что у него увели из-под носа такую соблазнительную кралю. Он терпеть не мог когда у него ускользало из рук то что он уже уверенно считал своей собственностью. Но ничего, подумал он, я все равно получу ее. Терпение, терпение.

Хишен оглядел остальных пленников. Помощники купца, возничие, охранники, три женщины в годах для готовки и стирки, в общем ничего интересного.

– Раздеть всех и в подвалы, – приказал он. – Кроме этого, – он указал на Каншуви.

Это была обычная практика. Одежда стоила денег. Всех, кто не сможет предложить за себя выкуп, кто не представляет интереса для работорговцев, кого не выберут сами гроанбуржцы в качестве слуг и рабов, будут либо умерщвлены каким-нибудь ужасным способом, например скормлены бейхорам – жутким существам, которые слушались только Хишена, либо отпущены на свободу. В зависимости от настроения мивара.

– Ты..., – начал Хишен, обращаясь к купцу, но в этот момент на площади появился запыхавшийся разбойник в традиционных широких зеленых штанах и кожаной куртке. В руках он держал длинный лук.

Увидев его, мивар замолчал на полуслове и почему-то вспомнил про не сошедшийся пасьянс.

Прибежавший лучник прошел сквозь ряд пленников и приблизился к вожаку.

– Сюда едет карета судьи.

Некоторое время царила полная тишина.

– Сколько с ним людей? – Наконец просил Хишен.

Лучник пожал плечами.

– Нисколько. Кучер, карета с четверкой лошадей, всё.

Это было, мягко говоря, странно. Судейская карета, одна.

– Так, Манкруд, этих всех в подвал. Удвоить караулы на стенах. Всем разойтись.

Хишен почувствовал, что у него вспотели ладони. Он вытер их о штаны. Вокруг него началась суматоха. Пленников поднимали на ноги и толчками направляли в сторону Цитадели.

– Мертвых уберите, – прикрикнул Хишен. В этот момент он увидел удаляющихся Сойвина и дочь купца. На миг задумался, но махнул рукой и отвернулся. Не до них сейчас.

36.

– Вот сюда, – сказал Сойвин, кивнув на деревянную одноэтажную избу. Он переложил мешок со снедью, который успел прихватить из захваченного обоза, в другую руку. Он был жутко голоден, в засаде ему пришлось сидеть со вчерашнего вечера. Костры они не разжигали и перебивались только полосками вяленного мяса.

Девушка сошла с дороги, прошла через калитку в маленький двор и направилась к крыльцу. Тайвире было очень страшно. Она не хотела думать об этом. Но отогнать эти мысли была не в состоянии. Неужели он будет насиловать ее прямо сейчас? Нет, двадцатипятилетняя купеческая дочка не была ни девственницей, ни ханжой, и уже давно знала что из себя представляют мужчины и для чего им нужны женщины, но то что с ней будет выделять этот грязный разбойник пугало ее до глубины души.

– Входи, – подбодрил ее Сойвин, увидев что она замерла перед дверью.

Внутри было что-то вроде прихожей, которая вела в большую и единственную комнату, где был стол, кирпичная печь и сбитые из досок широкие нары.

Девушка замерла, переступив порог комнаты. Разбойник протиснулся внутрь, слегка толкнув ее. Он прошел к дальнему концу стола и, громко бряцая своими мечами и кинжалами, со вздохом опустился на табурет, поставил рядом мешок и, посмотрев на застывшую возле входа девушку, спросил:

– Боишься?

Девушка одарила его ледяным взглядом и ничего не ответила.

– Самое лучшее что ты сейчас можешь сделать это перестать изображать из себя гордую принцессу и вести себя разумно. – Сойвин прокашлялся и наклонился вперед, поставив локти на стол. – Есть несколько правил, которые тебе следует уяснить. Ты сейчас заложница, то есть по сути дела мешок с деньгами, из которых половина моя, четверть Головы и четверть всех остальных бродяг. Будь ты просто моей рабыней я был бы волен делать с тобой все что мне угодно: убить тебя, продать, отпустить. Но сейчас ты пленница, за которой я должен следить и с которой я могу развлекаться как мне захочется, при этом конечно не убивая и не калеча тебя, чтобы ты не потеряла своей товарной ценности. Теперь я хочу знать что из всего мною сказанного для тебя непонятно?

Тайвира молчала, ее сердце стремительно билось, потели ладони и она чувствовала слабость в коленях. Она была очень напугана. Но собирая волю в кулак, она продиралась сквозь вязкое облако страха, заставляя себя оставаться с высоко поднятой головой и достойно встретить все унижения и мучения.

– Мне не нравится твое молчание, – сообщил Сойвин. – Если я задаю тебе вопрос, тебе следует отвечать на него. Пусть это будет правило номер один для тебя. Если я снова спрошу тебя и не услышу ответа, я подойду и ударю тебя в живот. Я обещаю тебе это. И так, что-то тебе непонятно из того что я сказал выше?

Карие глаза Тайвиры смотрели на мужчину холодно и спокойно, хотя внутри её всю трясло.

Разбойник медленно встал с табурета и направился к своей пленнице. Он замер в метре перед ней. Девушка вся сжалась от ужаса, готовясь к неминуемым побоям.

– Я не хочу чтобы ты считала меня человеком, не выполняющим своих обещаний, – медленно проговорил Сойвин.

И ударил ее.

Тайвира ахнула и согнулась бы пополам, если бы разбойник не схватил ее за волосы левой рукой, оттянув ее голову назад. Правой он вытащил один из своих кинжалов и прижав девушку к косяку, приставил лезвие к ее шее.

– Неужели это так трудно? Я же попросил вести себя разумно, – с каким-то внутренним надрывом сказал он. – Правило номер один, я спрашиваю – ты отвечаешь. Я спрашиваю – ты отвечаешь.

Тайвира, задыхаясь от ужаса, втягивала в себя смесь запахов мужского пота, кожаной одежды, металла, земли и какой-то затхлости, и расширенными зрачками смотрела в зеленые глаза разбойника. И в этот миг, она могла бы поклясться, что видит там глухую, укрытую глубоко в душе боль и странный блеск, то ли от слез, то ли от какого-то нездорового возбуждения. Лезвие стало давить сильнее.

– Я поняла, – прошептала она.

Сойвин пристально смотрел на нее.

– Что ты поняла?

– Я поняла, что я пленница и что есть правила.

Разбойник отпустил ее и убрал кинжал в ножны. Девушка осталась стоять, прижавшись спиной к косяку. Она прижала ладонь к шее и пыталась успокоить дыхание.

Сойвин, бывший лейтенант королевского пограничного корпуса, медленно вернулся к столу. Сердце его бешено колотилось, руки дрожали. Он уперся ладонями в столешницу. Он очень надеялся, что она действительно поняла и тогда у нее будет больше шансов выжить в Гроанбурге до возвращения ее отца с выкупом.

– Ты не можешь начинать говорить первой, – глухо произнес Сойвин, – только после того как к тебе обратятся. Ты не можешь сидеть за одним столом со мной и с любым другим свободным жителем Гроанбурга. Не советую пытаться сбежать. Во-первых, из города тебе не выбраться и любой, кто встретит тебя, сделает с тобой все что угодно. Во-вторых, даже если бы ты каким-то чудом выбралась из города, вокруг в лесах наши люди. Тебя непременно поймут. И обязательно накажут, а также убьют несколько человек из твоего каравана, начнут с самых бесполезных для нас. Когда я буду уходить, я буду запираю тебя в подвале. Там сыро, холодно и полно маланутов. Когда я буду здесь, ты будешь готовить, стирать и убирать дом.

Он замолчал и устало опустил на лавку.

– Ты поэтому прикрывал меня в бою, чтобы я готовила тебе и стирала? – Спросила девушка, сама удивляясь как она смеет так говорить с ним. Но что-то в его взгляде, когда он приставил кинжал к ее шее, не давало ей покоя.

– Я прикрывал тебя, потому что я хотел чтобы ты осталась жива, – спокойно ответил Сойвин.

– Будешь меня трахать? – Задала она наконец мучивший ее вопрос, буквально вытолкнув из себя последнее слово.

Разбойник повернул голову и посмотрел на девушку. Зачем он пытается помочь ей? Он ведь твердо решил, что с прошлым покончено, покончено с глупым молодым лейтенантом Сойвином, не способным понять, что миром правят люди без чести и совести и только сила имеет значение. Тогда зачем, и почему именно ей? Были ведь и другие пленники, мужчины и женщины, обреченные на издевательства и смерть, ради которых он и палец о палец не ударил и не собирался этого делать. Только потому что она очень нравилась ему? Внешне. Ведь он не знает что она за человек, может быть она злобная коварная стерва. Он почувствовал влечение, разыграло либидо и вот он уже ищет пути сблизиться с ней. Как глупо и пошло. Ну так что, Сойвин, будешь ее трахать, спросил он себя. Но он знал что не будет. Он грабитель, убийца, подонок и ни в коем случае не собирался раскаиваться в этом или пытаться хоть как-то искупить это. Теперь он уже отлично знал что всем друг на друга наплевать в этом мире. Ну что ж прекрасно, ему тоже на все плевать, он будет жить ради себя и будет руководствоваться

лишь своими желаниями. Она понравилась ему, стройная, кареглазая, с бархатной кожей и у него появилось желание помочь ей. Отлично. Он идет навстречу своему желанию. Но ему была противна мысль о сексуальном насилии над женщиной, для него это было омерзительно и недопустимо. Каким бы негодяем он не был. Замечательно. Он пойдет навстречу и этому.

И он коротко ответил:

– Нет.

Тайвира внимательно смотрела на молодого мужчину. Это простое и лаконичное «нет» почему-то прозвучало для нее очень убедительно. Он прикрыл ее в сражении, вытащил из лап Хишена и теперь отказывается от возможности воспользоваться плодами своих трудов. Но может она просто льстит себе, что если она просто не нравится ему внешне. Однако она достаточно знала мужчин и была уверена, что в своем стремлении удовлетворить свою похоть они не очень разборчивы, "к тому же", подумала она с некоторым легким раздражением, "не настолько уж я не привлекательна, чтобы мной побрезговал какой-то разбойник". Но тогда зачем он это делает, что, она должна поверить что он помогает ей из какого-то внутреннего благородства? Ну тогда почему именно ей, тут же возник вопрос, и внутренний голос тут же с готовностью предложил ответ: потому что она нравится ему. Это было глупо. Наверно.

– Его звали Самал, – сказала она. – Того парня из «Бонры», которого зарубил ваш главарь там на площади.

Сойвин выпрямился и повернулся лицом к девушке.

– Мне наплевать как его звали, – сказал он.

– Я знаю, – спокойно произнесла Тайвира. – Всем наплевать. Кроме его младшей сестры, оставшейся в Акануране. Больше у него никого не было из родных. Ее зовут Рута и она работает кухаркой в ресторане «Бриг».

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Самал, как и его сестра, тоже прекрасно умел готовить. Особенно ему удавались чёлики, знаешь такие кусочки говядины, обжаренные с гречкой в особом подливе.

– Он был твоим парнем?

Девушка отрицательно покачала головой, глядя Сойвину в глаза.

– Нет, он просто был человеком, которого я знала.

– Не пойму, ты что пытаешься вызвать у меня чувство вины? Напрасный труд.

Девушка оттолкнулась от косяка и начала приближаться к разбойнику.

– А меня зовут Тайвира. У меня есть отец Каншуви и старший брат Ролби, он служит в королевском военном флоте. Мне двадцать пять лет, у меня есть любимая кобыла Канза. Мне подарил ее отец на двадцатилетие. Я очень люблю севелонские яблоки и тенгордские орехи. В детстве я упала с лошади и повредила спину, и потом очень долго висела на перекладине чтобы вытянуть позвоночник. У меня карие глаза, точь-в-точь как у моей матери. Она умерла от зеленой лихорадки. Я болела бузумом, но выжила, но иногда у меня сводит левую ногу судорогой. На столике возле моей постели стоит фарфоровая фигурка Святой Алоды. На левом плече у меня большой шрам, на меня напал шошиг. Я знаю что тебе наплевать, но я хочу чтобы ты знал все это, когда ваш главарь будет убивать меня на твоих глазах.

Девушка застыла перед разбойником, не отрывая взора от его зеленых глаз.

– Хорошо, – медленно произнес Сойвин, смотря на свою пленницу сверху вниз, – я постараюсь запомнить все что ты сказала.

После этого он отошел от девушки, чувствуя что внутри него разрастается тревога и смятение.

Сойвин подошел к стене, взял с полки широкое блюдо и поставил его на стол.

– Посмотрим чем вы питаетесь, – сказал он чтобы хоть что-то сказать и наклонился за мешком из обоза.

37.

Карета остановилась. Элен Акари открыла глаза. Она немного задремала после последнего разговора с судьей. Чувствовала она себя уставшей. Тело затекло, постоянная тряска и неудобное положение не позволили хорошо отоспаться. Кроме того очень хотелось есть.

Она села, спустив ноги на пол.

– Приехали? – Спросила она, потирая заспанные глаза.

Судья отодвинул плотную темную занавеску и посмотрел в окно. В салон экипажа пролился утренний свет.

– Вроде да.

Он открыл дверцу и вышел наружу. Элен тут же подобралась. Она, конечно, помнила что ее вещи, в том числе и юнипад, в который был встроен пеленгатор, находились в ящике под скамейкой Мастона Лурга. Пеленгатор был отключен. За ненадобностью он был переведен в экономичный режим и включался только по специальной команде. Но судья не дал ей ни одного шанса. Он распахнул дверцу шире и глядя на девочку, сказал:

– Обувайся и выходи. Разомнешься немного.

Это прозвучало как приказ, но Элен не обратила на это особого внимания. Она надела свои астроботинки фирмы «Млечный путь» («Любое снаряжение для любых путешествий. Мы всегда с вами.», припомнила она девиз компании), скрепила липучки и вышла из кареты.

Действительно было приятно просто подвигаться, распрямиться и походить.

Они находились на широком тракте. Справа по движению кареты на дорогу наступал лес состоящий в основном из высоких деревьев с голыми стволами в две трети своей высоты и очень раскидистой кроной с длинными, узкими, красно-желтыми листьями в оставшейся верхней трети. Слева раскинулась открытая холмистая равнина, покрытая все той же красно-коричневой с золотыми прожилками травой и удивительными растениями, напоминающими раскрытые зонтики.

– Смотри, – сказал судья.

Элен поглядела в указанном направлении. От тракта прямо в лес сворачивала узкая неровная дорога. Там где она соединялась с основным трактом в землю был врыт столб, к которому была прибита некогда зеленая, а сейчас уже порядком выцветшая доска с еле читаемой надписью: «Гроанбургский хутор». Сверху столб был немного заострен и на верхушке торчал человеческий череп, глазницы которого были завязаны ветхой черной тряпицей.

– И что это значит?

– Ты о черепе?

– Да.

– Ну вроде что, мол, только слепой свернет на эту дорогу, а всякий кто видит и у кого есть хоть немного разума пройдет мимо.

– Возможно, господин инрэ, нам все-таки не следует ехать туда, – подал голос Галкут. Он по-прежнему сидел на козлах и хмуро глядел на уходящую в чашу дорогу.

– Что такое инрэ? – Тут же поинтересовалась девочка.

Судья, уже не удивляясь ее неосведомленности, объяснил:

– Это мой статус в обществе согласно Кво-перечню. Соответствует главному городскому судье без владения каким-нибудь титулом.

Элен улыбнулась.

– Очень интересно. Надо полагать в вашем обществе идет постоянная борьба за повышения статуса.

– Да уж, – неопределенно сказал Мастон Лург и обратился к своему слуге: – Надо заехать, Галкут. Все будет в порядке, не волнуйся.

Девочка обошла карету, чтобы увидеть помощника судьи первый раз при солнечном свете. Она беззастенчиво разглядывала высокого худого мужчину, сидевшего на козлах. На

нем была клетчатая рубашка, широкие кожаные штаны и высокие сапоги. На вид ему было лет 35-37. Темные волосы, тонкие губы, загорелая уже изборожденная морщинами кожа, глубокие светло-голубые глаза. Галкуту стало неуютно под взглядом девочки.

– Боишься? – Спросила она.

Мужчина усмехнулся. Ему еще не доводилось иметь дело с такими странными детьми. Судья ему строго настрого наказал еще в Туиле, что с девчушкой надо вести себя исключительно вежливо и предупредительно.

– Есть немножко, госпожа, – ответил он.

Девочка внимательно разглядывала его ауру.

– Ты убийца? – Спросила она и Галкут вздрогнул.

– Элен, прекрати, – недовольно произнес судья. – Садись в карету, нам пора ехать.

Девочка, ничего не сказав, послушно вернулась в салон экипажа. Судья последовал за ней.

Галкут, думая о странном ребенке, развернул уже порядком уставших лошадей на дорогу, ведущую к Гроанбургу.

– Зачем ты задаешь такие вопросы? – Поинтересовался судья с раздражением в голосе.

Девочка пожала плечами.

– Просто хотела побольше узнать о нем.

– Хочешь попробовать использовать его?

– Что за ерунда? Просто хотела узнать немного побольше о человека, который водит меня на цепочке в туалет. Почему он вам служит?

Судья уже успокоился.

– Я спас его от виселицы.

– Трех разбойников вы спасли от костра, Галкута от виселицы, вы прямо само милосердие.

– Ни ерничай.

– Вы тоже. Вы просто хотели использовать их. Так что, он убийца?

Судья нехорошо улыбнулся.

– Убийца. Он убил ребенка.

Элен пристально и снова испуганно глядела на него. Лург усмехнулся.

– Ты же видишь, что я не лгу. – Это был не вопрос, а утверждение. И она действительно видела.

А еще она удивлялась себе. Она понимала, что вела себя невежливо с Галкутом, даже наверно грубо. Девочка и не представляла, что может позволить себе такое. Вот уж действительно с волками жить по-волчьи выть, подумала она. Хотя в ее мировоззрении подобное не могло служить оправданием. Но эти люди ей не нравились, они вызывали у нее чувство близкое к отвращению и что-то внутри нее изо всех сил старалось покончить с ними и это конечно прорывалось наружу. Она отдавала себе в этом отчет, но, впрочем, оставаясь семилетним ребенком, не особенно анализировала свое поведение, а действовала согласно своим эмоциям.

Они ехали еще примерно три четверти часа. Дорога была вся в ухабах и рытвинах, при этом весьма извилистая. Галкуту пришлось нелегко, управляя таким большим экипажем, ветви деревьев и кустарников то и дело скребли и царапали по карете.

Экипаж остановился и пассажиры вышли наружу. Они находились на опушке леса. Перед ними раскинулась ровная поверхность, лишенная всякой растительности, судя по всему, землю специально выжгли и расчистили. За пустошью впереди, метрах в двухстах, возвышалась деревянная стена, окружающая Гроанбург. К большим бревенчатым воротам вела едва заметная утоптанная дорожка. Над стеной виднелись конусовидные башенки. Створки ворот в данный момент были распахнуты.

Галкут спустился с козел и присоединился к судье и девочке.

– Позаботься о лошадях, – приказал Мастон Лург. – Распряги этих, тебе приведут свежих. Сам тоже поешь и поспи. Мы скоро вернемся.

Судья шагнул вперед.

– Идем, Элен, – позвал он.

Девочка осталась на месте. Мастон Лург прошел еще несколько метров, прежде чем понял, что идет один.

– В чем дело? – Спросил он, повернувшись.

Элен пожала плечами.

– А что мне там делать? Я лучше здесь останусь.

– Тебя там накормят и напоят. – Проявляя терпение, проговорил судья. – Ты же высказывала такое пожелание.

– Я лучше останусь здесь, – упрямо повторила девочка.

– Хватит, ты идешь со мной. Я не собираюсь выпускать тебя из виду. Или опять надеть на тебя поводок?

Элен почувствовала на себя взгляд Галкута.

– Успокойся, – сказал судья. – Они не причинят нам вреда. Неужели ты думаешь, я пошел бы туда, если бы не был в этом уверен.

– То что вы в этом уверены еще не означает что так оно и будет, – дерзко возразила Элен.

Мастон Лург вздохнул.

– Я не буду с тобой спорить. Давай руку, мы идем туда. Всё.

Элен, понимая, что упорствовать бессмысленно, нехотя пошла вперед. Протянутую руку судьи она проигнорировала. Мастон Лург некоторое время смотрел на девочку, затем оглянувшись и убедившись, что Галкут занимается лошадьми, последовал за ребенком.

Чем ближе становились ворота Гроанбурга, тем тревожнее делалось на душе у дочери Валентина Акари. Зачем они вообще идут сюда? Прямо в логово этих разбойников. Правда всю информацию о них она получила только от судьи, но она ведь видела, что он говорит правду, по крайней мере он сам верит что это правда. Так зачем же они идут туда? Только чтобы поесть и передохнуть? Это было сомнительно. Судье что-то нужно от жителей разбойничьего города. И вдруг Элен поняла. Он хочет продать ее им. Ледяная тьма страха накрыла ее душу.

Резко развернувшись, она посмотрела в глаза своему похитителю.

– Зачем вы ведете меня туда? – Спросила она и голос ее дрожал от страха и гнева.

От нее не укрылось, что судья несколько растерялся.

– Ты поешь, отдохнешь, – ответил он.

– А вы?

– Ну и я тоже. Что опять такое?

– Просто скажите, что вы не хотите продать меня им.

На лице Лурга отразилось понимание. Он усмехнулся.

– Ясно. До чего же здорово вот так просто добираться до правды. Я не собираюсь продавать тебя им. Успокоилась?

Элен видела что он не лжет, но все равно до конца ему не верила. Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Наконец судья сказал:

– Я предлагаю выдать тебя за мою племянницу. Благо на Шатгалле ты единственная способна видеть правду.

Он критически оглядел ребенка.

Большие, невероятно яркие, синие глаза. Коротко остриженные, абсолютно черные волосы. Станные высокие темно-коричневые ботинки без шнурков, но с какими-то выпуклыми полосками. Черные облегающие брючки, заправленные в ботинки, белоснежная кофточка с высоким воротником и приталенная по фигуре короткая синяя куртка, так удачно под-

ходившая к цвету глаз хозяйки. При этом вся одежда выглядела удивительно чистой и свежей, как будто девочка не провела в ней уже порядка тридцати часов, а ведь она и спала в этой одежде, но никаких следов помятости, ничего подобного.

Мягко говоря, ребенок выглядел немного необычно для их королевства, судья это прекрасно понимал. И снова его охватила неуверенность, что, если она действительно из далекой могущественной страны и ее ищут соплеменники. Ладно, не важно, решил Лург, скоро он избавиться от нее и эта уже будет проблема верховного претора.

– Пожалуй, лучше если ты будешь моей двоюродной племянницей, – пробормотал судья, – а то ты несколько странновато выглядишь. Надо бы тебе одежду нормальную найти.

– Я против, меня вполне устраивает моя, – твердо произнесла девочка.

– Хорошо-хорошо, – отступился судья. – Теперь мы можем идти?

Элен ничего не ответив, развернулась и пошла к воротам. Мاستон Лург последовал за ней. Он еще до конца не определился с той суммой, которую он попросит у главы Судебной палаты за этого необычного ребенка. Но явно это будет очень большая сумма, такая что согревает душу и веселит сердце. Очень большая, способной в полной мере вознаградить его за все хлопоты с этой неугомонной девчонкой.

Перед воротами они остановились. Стена, сложенная из бревен, достигала метров шести в высоту. Элен, задрав голову, смотрела наверх. Никто не выглядывал ни из башенок, две из которых находились непосредственно над воротами, ни из-за стены.

– И что теперь? – Поинтересовалась девочка. – Будем кричать?

За проемом ворот виднелись деревянные дома, редкие деревья, какие-то сараи и хозяйственные постройки.

– В этом нет необходимости.

– А как же они узнают что мы здесь?

– Они знают, – уверенно произнес Мастон Лург. – Еще когда мы только подъезжали к развилке, Хишен уже знал о нас.

Из-за стен появились вооруженные мужчины.

– Я только прошу тебя без всяких фокусов, – быстро проговорил судья. – Будь тише воды, ниже травы.

– Вы же сказали что мы в безопасности.

– Если ты будешь помалкивать, то да.

К ним приближался белокурый гигант. Сопровождавшие его люди отстали от него, они держали в руках луки с наложенными на них стрелами и цепко смотрели на незваных гостей.

Гигант остановился в трех метрах от Мастона Лурга и Элен. Внимательно осмотрел их обоих. Его глаза задержались на девочке. Большие ярко-синие глаза ребенка отважно встретили его взгляд. Наконец гигант посмотрел на Лурга.

– Приветствую вас, господин судья, – сухо проговорил разбойник.

– Привет, Манкруд, – ответил Мастон Лург. – Мне нужно встретиться с миваром.

– А нужно ли это мивару, – не очень дружелюбно откликнулся белокурый гигант.

– Ну, я думаю не тебе это решать.

Манкруд не спешил соглашаться. Он посмотрел за спины незваных гостей.

– А там кто?

– Разве непонятно? Мой кучер. Я хочу чтобы вы привели ему четырех, хороших, свежих лошадей. А моих можете забрать.

Манкруд ничего не ответил, развернулся и зашагал в глубь города.

– Идем, – тихо сказал судья и последовал за разбойником. Элен поспешила за ними. Она прекрасно понимала, что сейчас ей следует держаться поближе к судье. Она чувствовала на себе взгляды лучников. Но впрочем когда она решилась посмотреть на них, то увидела в их аурах не злобу или ненависть, а обычное человеческое любопытство.

Они шли по просторной грунтовой улице, мимо сколоченных из досок деревянных домов, прижатых один к другому. Элен искренне подивилась тому, что некоторые из домов были неаккуратно покрашены в синий, зеленый, белый и красный цвета и даже украшены искусной резьбой. Неужели разбойники озаботились какими-то чувством эстетики? Впрочем, там где дома не примыкали друг к другу, она видела за ними небольшие дворики, сараи, ограды из досок, какие-то темные покосившиеся срубы. Пару раз им встретились не слишком радостные и даже изможденные женщины в косынках и серых унылых одеждах, определенно не претендующих на какую-то изысканность и красоту. Она задавалась вопросом, почему разбойники воруют, грабят и живут как самые бедные крестьяне. Зачем им все это?

Она тихо обратилась с этими вопросами к судье. Тот усмехнулся.

– Ты не права, – также тихо ответил он. – Он не живут как бедные крестьяне. Напротив, они презирают крестьян. Они ничего не выращивают, у них нет огородов, скотины и прочее. Ну за редким исключением тех, кто чересчур уж одомашнился и пустил корни. Всё что им нужно и всё что они не смогли добыть силой, они покупают. Либо сами ездят в ближайшие города и деревни, либо, что бывает чаще, им привозят прямо сюда. Жадные торговцы ничего не боятся и дерут с них втридорога. Многие из разбойников копят большие суммы и уезжают в столицу и другие крупные города, особенно портовые, чтобы ярко и оглушительно всё прокутить там. Некоторые копят, чтобы уехать и изменить свою жизнь навсегда. Но таких немного. А некоторые заводят семьи прямо здесь. В любом случае с деньгами везде хорошо. Для них это основная и наверно единственная истина. Так что на самом деле их жизнь привлекательна и заманчива. Ну разве не здорово целыми днями бездельничать, пить сладкие вина, есть хорошее мясо, играть в азартные игры, развлекаться как хочется, петь, танцевать, забавляться с ... э-ээ, – судья хотел сказать "с женщинами", но в последний момент остановил себя, ведь он всё же беседовал с маленьким ребенком, – в общем забавляться с другими людьми? Ну разве это не прелестно? Абсолютная свобода, никакой ответственности. Никаких терзаний о прошлом, никаких переживаний о будущем. Как там у Эрзама: укоров совести не знают, призраков и нежити не страшатся, боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждой не обольщаются. Люди одного дня. Самые счастливые люди. Разве это не прекрасно?

Судья с усмешкой смотрел на нее. Элен не поняла смысла этой насмешки.

– Это ужасно, – проговорила девочка.

– Ну всё зависти от точки зрения. А вообще люди как люди, что с них возьмешь.

Элен посмотрела на судью, но тот уже глядел вперед. Пройдя мимо двух деревянных башенок, они вышли на центральную площадь городка. Перед ними возвышалось мощное трапециевидное довольно высокое здание из красного кирпича.

– Они называют это Цитаделью, – тихо сказал судья.

– Небольшой город, – автоматически перевела девочка, она произнесла это почти шепотом.

Окна как таковые в здание отсутствовали, в верхней части имелись только узкие вертикальные прорезы. Плоскую крышу окружало ограждение из мощных кирпичных зубцов, из-за которых наверно было удобно стрелять из луков.

Внизу имелся центральный вход с трехступенчатым крыльцом и солидным внушительным металлическим козырьком.

От взгляда судьи не укрылся ряд телег, кибиток и сваленных в кучу каких-то мешков и сундуков, стоявших на западной стороне площади.

Элен замерла на миг, увидев на земле пылающую ауру пролитой крови. Об этой своей особенности она узнала не так давно, около года назад. Тогда папа пьяный заявился домой, пытался сделать ей салат на завтра и сильно порезал ладонь. Утром, проснувшись и придя на кухню, она увидела пылающие стуски алого тумана на полу и столе. Конечно, она не поняла что это такое и побежала за папой. Тот долго отнекивался, но девочка не сдавалась и, в конце

концов, Валентин Акари во всем признался, кроме одного, почему он, человек в общем-то непьющий, был вчера так решительно пьян.

Аура на земле горела ярко-алым цветом, это говорило о том, что кровопролитие случилось совсем недавно. Причем, и Элен не сомневалась в этом, кровь была человеческая. У нее была своя аура неповторимого глубокого красно-алого оттенка с чуть голубоватым свечением.

Элен очнулась от печального зрелища и поспешила за судьей.

Они поднялись по ступенькам и вошли в громадную комнату. На длинном П – образном столе стояло несколько горевших свечей и круглых стеклянных ламп, внутри которых пылали какие-то шарики. Вокруг стола расположились лавки и табуреты.

Подрагивающий свет бросал нервные тени на высокие стены, на которых висели головы зверей, щиты, мечи и гобелены с изображениями охотничьих сцен и битв.

За столом сидел лысый, широкоплечий мужчина. Перед ним лежали топор и сабля в ножнах.

Элен с содроганием увидела на топоре ту же обличающую ауру, что и во дворе.

Мастон Лург и идущая чуть сзади девочка приблизились к центральной части стола. Белокурый сопровождающий остался где-то возле входа.

– Привет, Хишен, – сказал Лург и без приглашения по-свойски сел на табурет.

– Привет и тебе, судейский, – неторопливо ответил мивар.

Они смотрели друг другу в глаза и словно какой-то безмолвный диалог происходил между ними.

– Моя племянница, Элен, – представил свою маленькую спутницу Мастон Лург.

Цепкий тяжелый взгляд главаря разбойников впился в девочку. Элен Акари стояла, опустив глаза. Она была напугана. Единожды посмотрев на ауру Хишена, она пришла в ужас и почувствовала слабость в коленках. Без всяких иносказаний, этот человек был чудовищем. Огромные, отвратительные, грязные жгуты пронзали его эфирное тело. В нем пульсировали омерзительные фонтаны совершенно дикой хищной жестокости, замешанной на властолюбии и похоти, и при этом с четкими оттенками жуткого равнодушного хладнокровия. Элен конечно не могла дать четкое словесное определение человека по виду его ауры, хотя она уже точно знала, что означают многие фигуры, цвета и оттенки, но ощущение, возникающее в душе девочки при виде той или иной ауры, всегда было довольно определенным. И она на сто процентов доверяла этому ощущению. От взгляда на ауру Хишена ей стало противно. словно она увидела нечто гадкое, омерзительное, непристойное, зловонное и в тоже время удивительно сильное и могучее.

Мивар долго разглядывал ребенка, который так и не посмел поднять на него глаза.

– Племянница говоришь? – Произнес он наконец.

– Ну да. – Лург сделал паузу и добавил. – Двоюродная.

– Что ж, привет Элен, – сказал Хишен и даже улыбнулся.

Однако ребенок никак не отреагировал на его приветствие. Элен не могла найти в себе сил встретиться глазами с этим человеком и тем более поздороваться с ним.

Неловкую паузу прервал судья:

– Послушай, Хишен, мне надо бы переговорить с тобой о том о сем. Нельзя ли чтобы кто-нибудь присмотрел пока за моей племянницей. Накормил бы ее, напоил, проследил чтобы все с ней было в порядке. И чтобы не выпускал ее из поля зрения. Очень я о ней беспокоюсь.

Хишен молчал, вроде как обдумывая просьбу судьи.

– Кто-нибудь боле менее адекватный, – добавил Мастон Лург и дальше про себя: «Если ты знаешь такое слово, ублюдок».

Судья не любил мивара. Лысый разбойник очень раздражал его своей безграничной самоуверенностью и наглостью.

Но Хишен ничего больше не спросил и сказал, обращаясь к Манкруду:

– Пусть позовут Сойвина с его новой подружкой.

Белокурый гигант вышел.

– Бывший первый помощник командира гарнизона в Сейвории тебя устроит? – Поинтересовался Хишен.

– Пограничник? – Удивился Мастон Лург. – Однако, какие люди у тебя на службе.

– Лучшие.

– И как он у вас оказался?

– Осторожнее, судейский. У нас таких вопросов не любят.

– Понимаю, – примирительно проговорил Лург.

– Убил там кого-то, – буднично сказал Хишен.

– Ясно, – коротко ответил судья, желая прекратить этот разговор.

Мивар кажется понял, что при девочке судья не намерен вести более откровенную беседу, а потому тоже ничего не говорил, ожидая прихода молодого бриода.

В залу вошел Манкруд и коротко кивнул своему господину.

Через некоторое время входная дверь снова открылась и Элен, обернувшись на звук, увидела молодого, темноволосого человека. За ним в помещение вошла девушка в изящном, облегающем ее стройную фигуру костюме для верховой езды.

– Подойди сюда, – сделав жест рукой, позвал Хишен.

Сойвин и Тайвира приблизились. Молодой мужчина уже успел снять свои доспехи, подоспешную куртку и вязанную шапочку, оставшись, в облегающих брюках, высоких сапогах и темном, длинном, приталенном камзол. Однако все его оружие, два кинжала и два меча по-прежнему были с ним. Выглядел он внушительно, но переливы его ауры вызвали у девочки облегчение, ничего похожего на ужасные жгуты и образования главаря разбойников она не увидела.

– Сойвин, у нас как видишь весьма высокие гости, – насмешливо сказал Хишен, – и вот тебе выпала честь на некоторое время составить компанию племяннице судьи. Ее зовут Элен. Элен это Сойвин, один из лучших моих людей. – И затем он обратился к Мастону Лургу: – Вы удовлетворены, инрэ?

Судья оглядел молодого бриода и ответил:

– Вполне.

Хишен посмотрел на Сойвина.

– Вопросы?

– Я не очень понял, что от меня требуется?

Мивар усмехнулся.

– Ничего сложного от тебя не требуется. Заберешь ребенка на час-два, отведешь в свой дом, напоишь, накормишь, уложишь спать, считаешь сказку, в общем сделаешь все чтобы малая отдохнула. Кроме этого ты не будешь спускать с нее глаз. Ты должен вернуть ее любимому дядюшке в целостности и сохранности. Думаю, твоя новая подружка окажет тебе посильную помощь. Еще вопросы?

Сойвин отрицательно покачал головой.

– Тогда ступай.

Они втроем вышли из Цитадели. Сойвин усмехнулся. Несколько часов назад он был совершенно один, а теперь вот справа от него симпатичная девушка, а слева ребенок. Прямо отец семейства.

Они пересекли площадь и дальше пошли по неровным улицам между бревенчатыми домами. Все трое молчали.

Впереди, возле ограды из двух параллельных земле брусьев стояла длинная лавка, на которой расположилась компания ребятишек, полдюжины мальчиков и пара девочек. Средний возраст компании был лет девять-десять. Все они с праздным интересом наблюдали за

приближающейся троицей. Особенное внимание дети, конечно, уделили синеглазой девочке с короткой стрижкой и в странной одежде. Когда Сойвин и его спутницы приблизились, самый высокий и самый старший мальчик с длинными светлыми волосами, одетый в красивую темную тунику, расшитую серебром, насмешливо крикнул:

– Эй, морковь, где такие ботинки отхватила? Их что топором делали?

Элен остановилась и повернулась лицом к компании. Ее большие синие глаза спокойно встретились с зелеными глазами насмешника.

Сойвин и Тайвира по инерции прошли чуть вперед, затем тоже остановились и повернулись.

– За эти ботинки мой папа отдал восемь золотых монет, – сказала девочка. – Если у тебя когда-нибудь будут такие деньги, приходи, я скажу тебе где ты можешь купить такие же.

Мальчишка почувствовал себя задетым. Улыбка сползла с его губ. Он сделал шаг вперед и с явной угрозой в голосе произнес:

– Ты чего, мелкая, выпендриваешься?!

Сойвин решил, что нужно осадить пацана и уже подался вперед, но Элен, заметив его движение краем глаза, не поворачивая головы, сделала почти царственный жест левой рукой однозначно говоривший: «Не вмешивайся».

Молодой бриод улыбнулся про себя, но послушно замер, не сказав ни слова.

– Да по-моему это ты выпендриваешься перед своими друзьями и двумя этими девочками, – с вызовом произнесла Элен.

Она была раздражена. И понимала это, и в глубине души даже осознавала причину: ее очень сильно напугал главарь разбойников. И этот неуправляемый страх нервировал ее, досаждал ей. Но, впрочем, она конечно не предавалась столь тщательному анализу своего состояния. Просто она была немного не в духе. Кроме всего прочего она жутко хотела есть.

Мальчуган усмехнулся.

– Значит ты еще и твякаешь. Тебя за что обстригли-то? Ты вообще пацан или девчонка?

– А ты? – Насмешливо ответила Элен.

Улыбка в очередной раз покинула лицо вожака компании и он решительно шагнул к нахальной мелюзге, протягивая вперед руку.

Элен точным ударом правой ладони отбила руку нападающего в сторону.

– Мой учитель говорит, что не стоит вступать в битву, в которой у тебя нет шанса победить, – с расстановкой сказала она.

Мальчишка замер. Что-то в словах странной девочки или в ее интонации заставило его задуматься.

– О чем это ты? – Спросил он с фальшивым презрением в голосе.

– Если ты побьешь меня, маленькую девчонку, которая младше тебя года на три, ничего кроме позора ты не получишь. Я не думаю, что в Гроанбурге считается честью побить того, кто намного слабее и младше тебя. Ну а если вдруг случится так, что я сумею повалить тебя на землю, ты будешь вдвойне опозорен. С тобой справилась малявка. Так стоит ли тебе вступать в сражение, в котором ты в любом случае проиграешь? – Большие, красивые, ярко-синие глаза девочки смотрели прямо в зеленые глаза мальчишки.

Он стоял и не знал, как ему поступить. Он признал правоту незнакомки, но и отступить ему казалось непозволительным. Его друзья и подруги следили за ним.

– Оставь ее в покое, парень, – с усмешкой проговорил Сойвин. – Эта девчонка тебе не по зубам.

Мальчишка взглянул как бы с неудовольствием на бриода, но на самом деле он был рад, что у него появился повод отступить, сохранив свое достоинство. Он отвернулся и направился к своим товарищам.

Однако Элен не двигалась с места и пристально смотрела на мальчика. Сойвин понял, что она намерена продолжить разговор. Он подошел к ребенку и, попытавшись взять его за руку, сказал:

– Идем.

Девочка отдернула свою ладошку, посмотрела на бриода взглядом, которого тот не понял, засунула руки в карманы своей синей куртки и пошла в направлении, в котором они шли прежде, чем им помешали.

Сойвин последовал за ней, догнал ее и пошел рядом. Он, конечно же проконтролировал, что Тайвира идет за ними.

– Ты смелая девочка, – сказал Сойвин.

– Нет, я не смелая. Если бы я была по настоящему смелой, я бы сказала вашему главарю все что думаю о нем.

Молодой бриод покосился на нее и ничего не ответил. Оставшийся путь до его дома они прошли молча.

В жилище Сойвина было светло и тихо. Все ставни и двери распахнуты, так что слабый теплый ветер вольготно прохаживался по помещениям комнаты, прихожей и крыльца. Приятно пахло нагретым деревом и свежей выпечкой. Обстановка в доме была весьма простой и практичной. Длинный стол у окна, два табурета и лавка, с другой стороны кирпичная печь, за столом, у стены, противоположной входу, высокие широкие нары.

– Проходи, садись, – сказал бриод, указывая на табурет у дальнего конца стола.

Девочка заняла указанное место. Мужчина сел напротив нее и расположил по удобней свой пояс и оба меча. Тайвира опустилась на корточки возле печки.

В центре стола стояло широкое блюдо с пышными свежими лепешками, испускающими такой дивный аромат, что у девочки почти закружилась голова.

Сойвин некоторое время разглядывал свою юную гостью.

– Угощайся, – сказал он, наклонился вперед и пододвинул блюдо в сторону ребенка. – Что ты будешь пить? У меня только дрянное вино и вода.

– Спасибо, я ничего не буду, – сухо ответила девочка, буквально задавив острое чувство голода внутри себя.

– Почему? – Удивился разбойник. – Разве ты не хочешь есть? Я думал вы с дороги.

Элен молчала. Она не была уверена, что правильно себя ведет, но после некоторого размышления все же решила не отступить.

– Я хочу есть, но не буду, – сказала она.

Брови Сойвина поднялись вверх. Уперев локти в стол и сцепив ладони, он спросил:

– И как это понимать?

Элен отвернулась от него и посмотрела в окно. Там был маленький дворик с чуркой, в которую был воткнут топор, пустынная улица и напротив такой же неказистый бревенчатый дом и такой же унылый двор. Она снова посмотрела мужчине в глаза.

– Я не хочу есть в доме разбойника, – сказала она. – В доме человека, который грабит и возможно убивает других людей.

У девочки снова возникли сомнения, правильно ли она поступает, оскорбляя хозяина дома, в который ее пригласили. Но нет, не пригласили, привели. И это не оскорбление, это правда. И папа, несомненно, не стал бы якшаться с таким как этот Сойвин.

– Ты не любишь разбойников? – Насмешливо спросил молодой человек, делая вид, что слова ребенка нисколько его не задела.

– Не люблю. Они как паразиты. Сами ни на что не способны и кормятся тем что смогут забрать у нормальных людей.

– Вот как. – На губах Сойвина все еще играла насмешка, но внутри он уже начал напрягаться. – А может они просто гораздо храбрее и бесстрашней тех кого ты называешь нормаль-

ными и потому и живут такой вольной и свободной жизнью, а не корпят в каких-нибудь мастерских и не горбчатся на полях?

– Нет, дело не в этом, – спокойно возразила девочка. – В разбойниках нет никакого бесстрашия и уж тем более они и понятия не имеют о настоящей свободе.

– Неужели? – Сойвин больше не улыбался и даже сам того не заметив, он уже воспринимал странного ребенка как равного. – Ты хочешь сказать что мы трусливые?

Элен пожала плечами.

– Ваша смелость это отчаяние людей, которым некуда отступить и наверно нечего терять. Вы знаете что если не пойдете грабить, то вымрете, ибо больше вы не на что не способны. Да и в чем ваша храбрость? Нападать многолюдной шайкой на путников и купцов, на мирных крестьян и горожан.

– Ты ошибаешься, купеческие караваны неплохо охраняются.

– Неужели?! – Элен почувствовала что ее охватывает негодование. – Ну и что. Вы устраиваете какие-нибудь засады и ловушки, расстреливаете караван из луков или что-нибудь еще. А вот если бы сюда прибыли регулярные армейские части, настоящие тренированные солдаты, вы бы поджали хвосты и скорее всего удрали бы в лес. И жили бы там в землянках и шалашах.

Глаза девочки пылали, щеки порозовели.

– Любой из тех, кто работает в мастерских или на полях достойнее, смелее и свободнее вас. Вы просто хищные животные. Поедаете, грабите, убиваете тех, кто слабее вас, затравленно убегаете от сильных и называть это свободой просто смешно. Вы служите своим кровавым главарям, приносите им свою добычу. Вы думаете, что если вы до поры до времени берете что хотите, делаете что хотите, причиняя боль и страдания другим, вы свободны? Да вы самые жалкие из рабов. Как это можно, я не понимаю. Получается что вот вы сильные, здоровые, решительные люди на самом деле полные ничтожества, не способные прокормить себя не каким честным трудом, ни умственным, ни физическим. Как самые настоящие паразиты. Присасываетесь к нормальным людям и сосете их кровь и силы, пока они не раздавят вас.

Элен замолчала. Ей надо было отдышаться. В комнате царило полное молчание. Сойвин и Тайвира удивленно глядели на нее и казалось ждали продолжения. Но девочка чувствовала себя опустошенной, голодной и усталой, и вообще подумала, что она зря начала этот разговор. Она просто выплеснула свое раздражение и гнев, к которым конечно примешивалась досада от того что последнее время у нее ничего не получается как ей хочется.

Она снова отвернулась в окно и на это раз надолго.

Когда она опять посмотрела на хозяина дома, тот по-прежнему пристально глядел на нее. Элен почувствовала себя неудобно. Не то чтобы до этого она была совсем расслабленной, но теперь ей стало как-то совсем не по себе.

– А почему ваша супруга сидит там в уголке? – Спросила она, чтобы нарушить молчание, в котором как ей казалось потихоньку скапливается напряжение.

– Это не супруга. Это моя рабыня. Ей не положено сидеть со мной за одним столом. – Совершенно спокойно ответил Сойвин. Однако его спокойствие было внешним. Слова ребенка все-таки задела его.

Элен посмотрела на девушку, затем снова на Сойвина. В глазах девочки читалось недоумение.

В этот момент Тайвира поднялась с корточек, подошла к столу и села на лавку. Девушка пододвинула блюдо еще ближе к Элен.

– Поешь, пожалуйста, – чуть улыбнувшись попросила дочь купца. – Это никак не уронит твою честь. Эти лепешки из каравана, в котором я ехала. Их испек сегодня рано утром наш повар. Мой отец владел этим караваном, так что в некоторой степени я хозяйка этих лепешек. Я угощаю тебя. Ешь, пожалуйста.

Элен некоторое время сидела не шевелясь, но ее рот наполнялся слюной, а впавший живо и слышать больше не хотел об отказе.

– Как вас зовут? – Спросила девочка.

– Тайвира, – ответила девушка.

– Спасибо вам большое, Тайвира. Я действительно очень хочу есть.

Элен взяла лепешку обеими руками и с невыразимым удовольствием впилась в нее зубами.

Сойвин молча сидел и его кажется вполне устраивало что о нем забыли, отодвинули на второй план. Легкая улыбка осветила его лицо, когда он наблюдал как маленькая девочка утоляет первый голод. Он понимал что неожиданно может кто-нибудь зайти или увидеть через окно, что недавно обретенная им рабыня вольготно сидит с ним за одним столом. И конечно об этом тут же узнает Хишен. Но он продолжал сидеть, молчать и глядеть на синеглазую девочку с короткими черными волосами.

Он конечно мог бы спросить у ней почему ее дядя, насколько он понял по знакам на его камзоле он не рядовой служащий Палаты, а главный судья целого города, так запросто является в гости к Хишену как будто они давние приятели. Что может связывать жестокого кровожадного до безумия бандита и высокопоставленного чиновника могущественной организации, чьей основной задачей было искоренение преступности в королевстве? А еще он мог бы рассказать о несправедливости жизни и превратностях судьбы. Как в Сейвории он узнал, что командир его заставы продает варварам рабов и оружие. Сойвин, молодой, неопытный, мечтавший о кораблях с парусами из дальних южных морей, о походах и подвигах, конечно не мог закрыть на это глаза. В результате интриги, коварство, смерть одного из пограничников. Сойвина обвинили в убийстве, его собрались схватить и казнить. И он не то что рассказывать, но даже вспоминать не хотел, как он сражался со своими товарищами, как он бежал через леса, горы и долины. Он почти не спал, не ел, не мылся, он не расставался с мечами, второй меч принадлежал тому в чьем убийстве его обвинили, так получилось, что он оказался у него. Сойвин боялся каждого шороха и тени. Его преследовали, его загоняли, ему расставляли ловушки. Пограничники прекрасные воины и опытные следопыты. Их пыл отомстить оборотню, который предал их и убил их товарища, не угасал. Они травили его как зверя. Но в каждой стычке Сойвину удавалось выжить и, в конце концов, он сумел скрыться от них. Да, он мог бы рассказать об этом. Но зачем? Этот наивный ребенок пока еще живет в мире где зло и добро разделяет четкая, очевидная граница, и для девочки есть только те кто по ту или по эту сторону этой границы, злодеи и нормальные люди. И это наверно правильно, жаль только что вот когда-нибудь ее наивность будет непременно разрушена реальностью этого мира. Но может быть он не прав? Когда пограничники потеряли его след, за Сойвина взялись охотники за головами из Судебной Палаты. Это было невыносимо. Его портреты, расклеенные по всему королевству, огромная награда за его поимку. Он боялся каждого человека, он нигде не мог найти убежище. И в конце концов оказался в Гроанбурге, где он впервые за долгое время почувствовал себя в относительной безопасности. Но может следовало идти дальше, бежать в Сайтону? Однако за стенами Гроанбурга за его головой по-прежнему охотились. Хотя, конечно, сейчас уже не с тем пылом, а просто по инерции, потому что его дело так и не закрыли и где-то еще пылятся его портреты, чудовищная, прекрасно отлаженная машина Палаты исправно работала. И любой патруль, любой гвардеец, любой житель страны может узнать его и захотеть разжиться легкими деньгами.

Не важно. Сойвин вернулся к действительности. Его юная гостя доедала уже третью лепешку. Пожалуй ей нужно попить.

Молодой человек, бряцая своими многочисленными клинками, поднялся на ноги. Элен и Тайвира тут же замерли и с опаской воззрились на него.

– Пойду, принесу воды, – сказал Сойвин и вышел из комнаты.

Девочка немного подождала, прислушиваясь к шагам, затем спрыгнула со стула, схватила девушку за руку, и вплотную приблизившись к дочери купца, зашептала ей на ухо.

– Тайвира, если вы однажды встретитесь с большим металлическим псом, пожалуйста скажите ему, что Элен Акари, это я, передаю ему, что меня везут в Акануран к верховному претору королевства. В целом мне ничего не грозит, они хотят использовать мои способности, но я очень жду его.

Девочка отпрянула от светловолосой головы Тайвиры и посмотрела ей в глаза. Как Элен и ожидала, она увидела в них недоумение и замешательство.

– Металлический пёс? – Тихо спросила девушка.

– Да, – также тихо ответила девочка. – Он полностью из металла, но он живой, разговаривает и умеет улыбаться. Его зовут Кит. Если ты его увидишь, сразу узнаешь. Ни в коем случае не бойся его. Он очень добрый, он мой друг. Прошу тебя, передай ему мои слова, если сможешь.

– Ты рассказываешь невероятные вещи, – улыбнулась девушка. – Я ведь дочь купца и видела многие удивительные вещи, но вот живых собак из металла не встречала.

Элен внимательно посмотрела на нее, о чем-то задумавшись.

– Тайвира, я правильно понимаю, вы пленница? – Спросила девочка.

Девушка утвердительно кивнула.

– Наш караван захватили сегодня утром. Охранников почти всех убили, остальные, насколько я поняла, где-то здесь в подвалах. Хищен хочет отпустить моего отца, чтобы он принес выкуп за меня и ..., – девушка споткнулась, честно говоря, она не знала как поступит ее отец, – и за остальных, – закончила она.

– Если встретишь Кита, – сказала девочка, – я хочу чтобы вы передали ему, что я прошу его помочь тебе и остальным пленникам. Хорошо?

– Хорошо, – не очень уверенно проговорила девушка.

– И еще, скажите ему, пожалуйста «Айнлима Монли», – Элен чуть улыбнулась. – Просто скажи ему это, он поймет. «Айнлима Монли».

Так назывался один удивительный остров. Элен вместе с папой, бабушкой и Китом несколько раз бывали там. Он находился на планете Энна, в странном мире, где пространство и время постоянно проделывали разные фокусы, которые до сих пор ученые так и не смогли объяснить. И именно там Элен и Кит подолгу беседовали под невероятным ночным небом, усыпанным большими сказочными звездами. И однажды, воодушевленная дивными красками заката, пылающими на бескрайней гладью темного фиолетового моря, девочка предложила своей собаке, чтобы имя этого острова было их личным паролем, известным только им двоим и обозначающим что-то очень важное для них обоих.

Сойвин сидел на низенькой скамейке рядом с кадкой возле задней стороны дома. Он держал в руке большую деревянную кружку и задумчиво смотрел как по водной поверхности плавают крохотный белый лепесток. Он не спешил назад, почему-то ему казалось что девочка и дочь Каншуви хотели бы поговорить наедине. Ему в общем-то было все равно.

Когда он вернулся, Элен заканчивала уже четвертую лепешку. Тайвира снова сидела возле печки. Сойвин снял с полки маленькую металлическую кружку, дунул в нее, затем налил воды и поставил рядом с ребенком.

– Попей, не стоит есть всухомятку, – сказал он и сел обратно на свое место, снова лязгая и бряцая своими клинками.

– Спасибо, – ответила Элен и выпила сразу же половину кружки. У нее мелькнула мысль о возможной нечистоте воды, но она не стала придавать этому значения. Она решила, что у нее все равно нет другого выбора. Да и лепешки неизвестно из чего сделаны, все-таки совершенно другая планета, возможны самые невероятные изменения в структуре даже обычных продуктов с непредсказуемыми последствиями на организм человека из другого мира. Это они еще в

школе проходили. Но делать было нечего, никаких анализаторов у нее не было, а пить и есть хотелось. И она просто махнула на все рукой. Если ты все-таки рискнул жить, говорил дедушка, то тебе придется и дальше рисковать.

– А зачем вам столько оружия? – Спросила девочка.

Молодой человек поставил локти на стол, сплел пальцы и посмотрел поверх них на маленькую гостью.

– Я люблю оружие. Оно вернее людей.

38.

Беседа продолжалась часа полтора и в целом Мастон Лург был доволен ее результатом. Он получил свежих лошадей и главное он заручился поддержкой Хишена против возможных преследователей. Правда, все же пришлось напомнить мивару что он, судья, спас от виселицы в числе прочих и его драгоценного белокурого помощника. И кроме того Лург был вынужден солгать, объясняя почему его и племянницу могут преследовать разного рода темные, и может быть даже несколько необычные личности. Некоторое время судья размышлял стоит или нет рассказывать разбойнику о металлическом псе, предупредить его, ибо кто предупрежден – тот вооружен, но все-таки не стал этого делать. Во-первых, скорей всего пес остался навсегда похороненным в яме в центре Туила, а во-вторых Хишен все равно не поверит что бывают псы из металла ведущие себя как живые.

Итак, мивар пообещал, что всякий кто будет интересоваться синеглазой черноволосой девочкой по имени Элен навсегда останется в Гроанбурге или... или в его окрестностях. Живым или мертвым Мастон Лург не уточнял, оставив этот вопрос на усмотрение Хишена. И судья не сомневался, что мивар выполнит свое обещание, ибо разбойник был в долгу перед ним и этот долг даже для такого негодяя как он кое-что значил. А кроме того для Хишена это были такие пустяки, по крайней мере в тот момент мивар в этом не сомневался, ну разве для него составит затруднение организовать исчезновение в этих глухих лесах двух-трех человек и даже целого отряда. Лург со своей стороны заверил, что он не забудет о повелителе Гроанбурга, он прямо так и сказал "о повелителе", зная как падок на лесть глупый головорез, в столице королевства. Судья намекнул, что его ждет повышение и он может стать важным человеком в Акануране.

Наконец Лург попросил привести свою племянницу, ибо они не хотят злоупотреблять гостеприимством славных гроанбуржцев и кроме того у них впереди еще долгий путь.

Хишен велел Манкруду послать кого-нибудь за девочкой.

39.

В сопровождении Сойвина и Тайвиры, Элен шла обратной дорогой к Цитадели. Молодой бриод где-то на середине пути вдруг тихо спросил девочку:

– А что ты имела ввиду, когда говорила, что тебе не хватило смелости сказать нашему главарю все что ты о нем думаешь? – И не дав ей ответить, продолжил: – Я надеюсь ты не намерена сказать ему все что ты недавно сказала у меня дома?

Он пристально поглядел на девочку. Синие глаза Элен встретились с его глазами.

– Даже не думай об этом, – покачав головой, предупредил Сойвин. – Ни в коем случае. Хишен может быть абсолютно безумным и тогда ему будет наплевать на то кто твой дядя и всё остальное. Он может зарубить своей саблей десяток человек и весело смеяться при этом или реветь от восторга.

Элен отвела взгляд от молодого человека и снова стала смотреть на дорогу.

40.

Они встретили судью, Хишена и Манкруда у входа в Цитадель. Лург смотрел на Элен и так ласково улыбался, словно и вправду был добрым, заботливым дядюшкой.

– Ну как, ты хорошо отдохнула? – Спросил он девочку.

– Вполне, – кратко ответила Элен. Она чувствовала на себе внимательный взгляд главаря разбойников и это нервировало ее.

– Тебе понравилось у дяди Сойвина? – С улыбкой поинтересовался Хишен.

Элен некуда было деваться и она подняла глаза на мивара. Ей было страшно, ей казалось что и без всяких необычных способностей бандит сможет увидеть как она боится и презирает его.

– Нет, – сухо ответила она.

– Почему нет? – Не отставал Хишен.

Сойвин напрягся, его левая ладонь непроизвольно легла на рукоять левого меча. Нет, он не собирался в случае чего вступаться за племянницу судьи, но его охватило отчаяние, когда он подумал что девочка сейчас начнет свои страстные речи о низости и ничтожестве разбойников. Хишен не пощадит никого, если выйдет из себя.

– Слишком простовато для меня, – по-прежнему сухо сказала девочка.

Хишен громко рассмеялся и у молодого бриода отлегло от сердца.

– Ну извини, малая, он у нас парень простой. Хотя вот сейчас заимел себе... э-э, подругу, и может быть что и поменяется в его доме. Заезжай к нам через пару месяцев посмотришь.

– Непременно. Благодарю вас за гостеприимство, господин Хишен, – сказала девочка и перевела взгляд на судью. – Дядя Мاستон я хочу в карету. – Тон девочки звучал капризно, Элен сочла, что он вполне подходит к той роли, которую она играла: родственница инрэ и кроме того возможно дочь богатых и влиятельных родителей.

– Конечно, дитя, – подхватил судья. – Идем.

Через десять минут они благополучно покинули Гроанбург.

41.

Когда Сойвин со своей русоволосой подопечной вернулся домой, он с порога расстегнул пояс с оружием и бросил всю свою амуницию прямо на пол. После чего уселся на лавку, поставил локти на стол, крепко обхватил правый кулак левой ладонью и мрачно уставился в окно. Он совершенно не обращал внимания на девушку, которая осторожно вошла за ним в комнату и тихо остановилась возле пояса с оружием.

На душе у разбойника было очень скверно. То, что как он считал давно похоронил и даже вырастил поверх травку и цветочки, вмиг было разворошено, раскопано и вынута на поверхность. Эта глупая болтливая девчонка мимоходом раздула давно погасшее пламя. Он никак не мог добиться мира внутри себя, согласия с самим собой, а жить так невероятно трудно. Но разве он виноват в этом, его вынудили к этому, его поставили в такие невыносимые условия. Что он должен был сделать? Сдаться и сдохнуть?

– Невозможно сидеть на двух лошадях сразу, – негромко произнесла прекрасная дочь купца, неотрывно глядя на молодого мужчину. – Невозможно.

– Надоело все до смерти, – вырвалось у Сойвина.

– Девочка задела тебя за живое?

– Эта девочка просто наивный, ничего не понимающий ребенок, – сердито ответил разбойник. – Она думает что в мире есть Добро и Зло, четко разграниченное и четко обозначенное, и Добро хорошее, а Зло плохое. А на самом деле все не так, нет черного и белого, есть одна мутная засасывающая серость.

– Это очень старое и избитое оправдание для всех негодяев и злодеев.

Сойвин резко повернул голову и девушка почти отшатнулась от его дикого пронзительного взгляда. Но она заставила себя продолжить:

– Если ты убиваешь невиновных людей это зло. Если ты нападаешь на честных людей чтобы ограбить их это зло. Совершенно определенное. И не важно что заставило тебя сделать это. У тебя всегда есть выбор.

– Выбор? О, конечно, выбор всегда есть. Эту мудрость я знаю с детства: нет нерешаемых проблем, есть неприятные решения. Да? – Он успокоился. – У твоих ног лежит два меча и два кинжала. По-твоему я олицетворение зла? Тогда возьми клинок и убей меня. Сделай свой выбор.

Девушка посмотрела на оружие у своих ног, перешагнула через него, подошла к столу и села на лавку рядом с Сойвиным.

– Я не хочу чтоб ты умер, – сказала она, спокойно глядя на него.

Мужчина усмехнулся.

– Почему же? Ведь я злодей, совершенно определенно это будет актом добра.

– Но тогда я попаду в руки Хишена, – медленно проговорила девушка.

– Молодец, – насмешливо одобрил Сойвин, повернув к ней голову. – Прямо и откровенно. Но тогда скажи, оставлять меня в живых, это Добро или Зло? Это хорошо для тебя, но плохо для других, тех кого я завтра убью. А?

– Ты передергиваешь. Во-первых, ты бы не дал мне убить себя. Во-вторых, никто не знает что будет в будущем. Может быть скоро случится так, что однажды ты всю ночь пролежишь без сна, глядя в тьму над твоей головой, а утром встанешь, возьмешь лошадь и навсегда уедешь из Гроанбурга и никогда в жизни больше не прикоснешься к оружию. А в-третьих, я не смогла бы убить тебя просто потому что не хочу тебя убивать. – И она чуть улыбнулась, глядя на него.

Взгляд Сойвина помрачнел.

– Я думаю, я знаю что творится в твоей голове, – холодно произнес он. – Ты надеешься на свои женские чары. Думаешь охмурю этого подонка и уговорю его вывести меня из Гроанбурга.

– Серьезно? Я так думаю?

– Да. Возможно сейчас тебя пока еще в какой-то степени волнует судьба той дюжины человек из твоего каравана, что сейчас сидят в подвалах у Хишена. Но через пару дней это пройдет. И это будет правильно. Они все равно обречены и тебе нет смысла о них задумываться. Ты же понимаешь, что твой отец принесет выкуп только за тебя. С какой стати ему выкупать остальных, они получали хорошее жалование и знали на что шли, когда соглашались ехать в караване. Хишен за каждого запросит как минимум ту цену, что дали бы за них шинжунские работорговцы. Тем более четыре человек из них это охранники «Бонры», и твоему отцу точно уж нет никакого дела до этих наемников. А у «Бонры», как ты наверно знаешь такое правило: никогда не выкупать своих людей, угодивших в плен, ибо раз это случилось значит они плохо сражались. Они должны были либо победить, либо умереть в бою. А насчет остальных. Ты можешь убить меня во сне и я не захочу покинуть Гроанбург, ибо за его стенами я вне закона, за меня назначена награда, я дичь для красноголовых и охотников за людьми, ну а что касается третьего, то не сомневайся ты захочешь убить меня, как только я окажусь на твоем пути к свободе. – Сойвин замолчал и отвернулся.

– Как же я убью тебя во сне, ты же собираешься держать меня в подполе? – Спокойно поинтересовалась девушка.

– Не по ночам. Ночью ты будешь спать между мной и стеной, вон там. Да и знаешь, я вообще не собираюсь ограничивать тебя ни в чем. Не будет ни подвала, ни цепи с кандалами. Ты девушка разумная и понимаешь, что тебе лучше держаться меня и этого дома, пока не вернется твой отец. Но если хочешь попытаться бежать, пытайся себе на здоровье, если хочешь попытаться убить меня, пытайся сколько влезет.

– Я должна быть благодарна тебе? – Спросила Тайвира и больше не было никаких намеков на улыбку на ее лице.

Только Сойвин открыл рот чтобы ответить, как вдруг у него зашекетало в носу и он, дернув головой, громко чихнул, в сложенные чашкой ладони.

– Точно, – сказал он, усмехнувшись, – должна. Но правда особенно не за что. Ты же, я думаю, достаточно сообразительна, чтобы понять, помогая тебе, я действовал не из великодушия или благородства, а просто поддался импульсу либидо. – Он посмотрел на девушку и насмешливо поинтересовался: – Ты знаешь что такое импульс и что такое либидо?

– Полагаю это голос из того места, которое зачастую управляет поведением мужчин, – холодно ответила Тайвира.

– Ты вполне умна для дочери купца.

– Зато ты что-то слишком глуп даже для разбойника, – обиженного проговорила девушка. Сойвин ничего не ответил и снова принялся смотреть в окно.

42.

Ташунг пребывал в некотором раздражении. Взмыленная, храпящая лошадь под ним выдохлась и уже с трудом переставляла ноги. 7024-ре даже чуть не заговорил с животным, желая убедить его поднапрячься, однако вовремя вспомнил что лошадь и люди все-таки разнятся по своему умственному развитию. Лошади вроде как намного глупее.

Было очень раннее утро и Суора находилась где-то среди бескрайних лесов и полей этой страны, смутно в общем представляя где именно. Тем не менее она не сомневалась что по-прежнему находится на центральном тракте, пересекающем королевство из конца в конец. Девушка порядком устала от стремительной ночной скачки, ей хотелось пить, есть и спать.

Ташунг все время забывал, что он теперь обладатель довольно нежного тела, которое очень быстро устает и требует отдыха и пищи. Но он пришел в Туил с запада и совершенно не представлял, что находится на востоке от города и когда он сможет встретить какое-нибудь поселение, где можно будет достать еду.

Суора остановила лошадь, перекинула ногу и спрыгнула вниз. Девушка хотела размяться. Очень ныла спина и кроме того она натерла паховую область и чувствовала себя несколько некомфортно. Впрочем, это ее не очень волновало. Она умела пользоваться удивительными для остальных людей, но такими естественными для нее, способностями своего тела, как самоисцеление. Ей нужно было особым образом сосредоточить внимание на нездоровой области и направить туда потоки энергии чтобы подстегнуть процесс самовосстановления. Но сейчас она была так измотана, что ни о какой концентрации и думать не хотела. Она сделала несколько поворотов и наклонов, после чего взяла поводья и неторопливо пошла вперед, ведя лошадь в поводу.

Странные все-таки существа эти люди, размышлял Ташунг, шагая по утрамбованному грунту тракта. Несомненно они больше чем животные. Весьма развитые полушария головного мозга, удачное строение ладони с противопоставленным большим пальцем дали им огромные преимущества, подняли их над остальным животным миром. Но и все. Дальше они не двигаются. Используют эти свои преимущества, свои способности исключительно в животных целях. Чтобы не происходило, всегда каждый за себя. Никакого конструктивного созидательного объединения. Главное уничтожить другого и стать выше остальных.

У него конечно еще весьма небольшой опыт наблюдения, чуть больше сорока местных суток, но за все это время он не видел ничего, что можно было записать в достоинства этого вида. Они руководствуются основными инстинктами и практически не способны справиться со своими желаниями. Нет, конечно, проблема не в отсутствии способности подавить свои желания. Это даже наверно неправильно и может пагубно отразиться на психическом, да и физическом состоянии. Презрения заслуживает тот факт, что эти желания так бесконечно примитивны. Вот как у этой лошади. Она хочет отдыха, корма и воды. И ей абсолютно все равно куда и зачем она идет, она не задается вопросом что ее вообще заставляет двигаться в этом

направлении. Разве можно так жить? И они еще называют себя мыслящими существами. Да, вероятно, он пока проводит свои наблюдения в таких местах где в основном собираются самые примитивные особи данного вида. На инструкторских занятиях ему рассказывали, что среди них есть действительно интересные мыслители и творцы. Вот это и обескураживает. В своей массе просто животные с несколько усложненными рефлексами и поведенческими стереотипами, но и тем не менее эта масса рождает ярких представителей, настолько ярких что Старшие Уровни заинтересованы в доскональном изучении этого вида. Хотя тут конечно Ташунг немного лукавил, он прекрасно понимал что в первую очередь людей изучают, ради возможности реинкарнации «спящих» сородичей.

7024-ре усмехнулся. Да, по началу его новое тело казалось ему омерзительным, неудобным, слабым и неуклюжим. Но вот прошло всего четыре месяца и он уже начал привыкать к своей "метаформе". Хотя он по-прежнему с содроганием выполнял процессы дефекации и мочеиспускания и его всего выворачивало на изнанку при мысли о половом акте, этого к счастью ему еще не довелось испытать, хотя Старшие Уровни и настаивали на этом весьма, с их точки зрения, ценном опыте, он уже начал относиться с некоторой симпатией к доступным ему теперь ощущениям. Ему нравилось проводить своими тонкими пальчиками по идеально гладкой поверхности клинков. Он испытывал удовольствие от тонких ароматов некоторых растений, от ощущения нежного прикосновения слабого ветерка. Еще с некоторых пор он стал получать удовольствие от утоления острого голода, это было так приятно жутко хотеть есть и наконец взять первый сладкий кусочек в рот и начать жевать его. А еще один раз он слышал как бродячий музыкант искусно играл на гитаре. Ташунг был потрясен. Эта удивительно подобранная согласованность звуковых волн настолько пришлась ему по вкусу, что он кажется даже прослезился. Опять же, непонятно как такие примитивные существа вдруг могут изобрести такое.

Ташунг в основном перемещался пешком или со случайными караванами и обозами, от одного города или деревни до другого, из одного постоялого двора в третий. И что он видел? Злобу, подлость, алчность, похоть, воровство, грабежи, даже убийства. А также непобедимую лень, беспробудное дикое пьянство, нищету, всепожирающее и развращающее властолюбие, презрение так называемых богатых к бедным, бесконечная ненависть этих самых бедных к этим богатым, ненависть и зависть ко всем кто успешней тебя и самые низменные и пошлые разговоры какие и вообразить невозможно. А еще работорговля, животные продают животных, непередаваемо искаженное правосудие, основанное на словоблудии, взяточничестве, закулисном переплетении разных интересов. И ведь главное они то ли не хотят, то ли почему-то боятся думать, применять эти свои развитые полушария головного мозга. Делают все что угодно только бы заглушить голос своего разума. Упорно учатся не напрягать мозг. Порой кажется остановись, просто остановись на несколько минут и все обдумай. Спроси себя кто ты, куда ты идешь и попытайся изо всех сил сам найти ответ. И всё и большего не надо, ты поймешь что это неправильно и лучше будет поступить иначе. И ты сумеешь избежать каких-то неприятностей. Но нет, лучше глупые бесконечные пересуды, опьянение себя чем угодно, какая-нибудь жуткая, доводящая до отупения работа, только бы не использовать разум, только бы не утруждать себя мыслительным процессом. Почему они так поступают? 7024 – ре пока не знал ответа на этот вопрос. И честно говоря он был даже рад тому, что наблюдение теперь не первоочередная задача для него. Синеглазая странная девочка сейчас его основное задание.

Суора остановилась. Впереди была развилка рядом с которой в землю был вкопан столб. На его вершине белел человеческий череп с черной повязкой на глазницах, под черепом была приколочена доска с выцветшей надписью «Гроанбургский хутор». Внизу, раскинув ноги и небрежно привалившись к столбу сидел молодой загорелый мужчина в зеленых штанах, бледно-серой рубашке и кожаной коричневой куртке. В зубах он держал красную травинку и оценивающе глядел на прекрасную белокурую незнакомку.

Наконец удовлетворившись осмотром, он выплюнул травинку и поднялся на ноги. Он отряхнул заднюю часть штанов и демонстративно поправил широкий черный ремень, на котором разместились два кинжала и меч с прямым клинком. Уверенной походкой мужчина направился к молодой женщине.

– Привет, красотка, – развязано сказал он и с улыбкой, оценивающе оглядел стройное тело незнакомки.

Ташунг снова напомнил себе свою же легенду. Он часто повторял ее детали про себя, желая ни на шаг не отступить от нее. Он считал это залогом успешного исполнения своей роли, дабы ни у кого из представителей этого примитивного вида не возникло и тени сомнения в его естественности.

Суора холодно посмотрела на этого жалкого разбойника. Она конечно зафиксировала ментальные сгустки других его сообщников, прячущихся в глубине леса. На первый взгляд их было человек десять. Но особого страха девушка не испытывала. Она была достаточно уверена в себе и своих клинках. А кроме того она просто презирала их. Она, дочь храброго сайтонского генерала, происходившего из древнего знатного рода, считала для себя просто неприемлемым пугаться такого отребья. И хотя род ее обеднел, своего достоинства и мастерского владения мечом его представители не растеряли. Такова была в двух словах легенда, полученная Ташунгом. Но кроме этого имелось множество имен, титулов, названий мест, дат и прочего. Чтобы все выглядело правдоподобно.

– Ты как разговариваешь, тварь? – Резко произнесла девушка. – Я разрублю тебя на куски быстрее чем ты вспомнишь свое имя. – Она отпустила поводья лошади и выразительным жестом откинула полы своего длинного черного плаща. Две искусно выполненные рукояти мечей тускло отразили вечерний свет.

– Я тебе не тварь, – проговорил гроанбуржец. Он хотел добавить «сучка», но в последний момент передумал.

Гивелту было двадцать шесть лет и среди своих товарищей он славился своей лихостью и ловкостью. Однако сейчас он немного поубавил прыти, ибо два меча на поясе незнакомки выглядели куда как вполне реально.

Да он знал, что в лесу находятся еще десяток ребят и часть из них прямо сейчас пристально следят за ним и девушкой и их стрелы уже лежат на тугих тетивах луков. Так полагалось и он знал, что так оно и было. Ремесло большой дороги очень быстро наказывает за любую халатность. Но все-таки самоуверенности в нем чуть поуменьшилось. Естественно внешне это никак не отразилось, он не мог себе этого позволить.

– Я свободный человек, – заявил Гивелт.

Суора усмехнулась.

– Что ты можешь знать о свободе? Свобода это ответственность и осознанность. А тебе даже эти слова наверно незнакомы. Живешь, наверное, как животное в какой-нибудь землянке здесь в чащобе и думаешь что ты свободен?! Не смей меня. Чего ты хочешь?

Гивелту определенно не понравились слова незнакомки.

– Я хочу знать куда и зачем ты идешь.

Суора снова усмехнулась с удивлением и возмущением.

– А с какой стати мне давать тебе отчет? Ты думаешь, что если нацепил на себя кучу ножей и расставил своих приятелей за каждым деревом, ты стал выше и значительней и теперь вправе задавать вопросы таким как я? Должна огорчить тебя, это не так. Как были вы жалким отребьем так и остались.

Гивелт побледнел и сделал шаг вперед.

Но Суора взглянула на него с таким ледяным презрением, что молодой человек не решился ударить ее. Он взял себя в руки и постарался успокоиться. Он подумал о том, что она как-то заметила его товарищей и однако это не напугало ее.

– Ты смелая девушка, – сказал он и даже чуть улыбнулся.

– Это тебе не поможет. – Отрезала Суора. – Просто уйди с моей дороги. Для своего же блага.

Гивелт засунул большие пальцы рук за свой ремень и сделал несколько шагов назад.

– Боюсь все не так просто, – уже совершенно спокойно проговорил он.

– А что тут сложного? Возьми и вернись обратно к столбу, откуда ты вылез. И все. Или для тебя это слишком сложно?

Гивелт видел, что девушка откровенно насмехается над ним, но он решил не поддаваться на провокацию, если это конечно была провокация. Может быть она просто развлекается.

– Ты знаешь что такое Гроанбург? – Спросил он.

– Это слово написано на той доске и я так полагаю что это название какой-то деревни.

– Города, – поправил Гивелт.

– Видимо весьма жалкого города, если у него такая вывеска.

– И тем не менее это город, город мимо которого просто так не проходят.

– Неужели? А я вот возьму и пройду.

– Не советую, на тебя направлено два десятка стрел и поверь, те, кто держит их в руках великолепные лучники.

Суора некоторое время молчала.

Ташунг подумал что он, пожалуй, слишком увлекся исполнением своей роли. Он вспомнил металлического пса Элен. Этот робот казался непобедимым, что могли противопоставить ему в таком примитивном мире. И все же пес оказался в ловушке и у него из-под носа украли хозяйку. Не стоит повторять его ошибку и вести себя слишком самонадеянно.

Девушка медленно отошла назад под защиту своего жеребца. Молодой человек прекрасно понял ее маневр.

– Как тебя зовут? – спокойно спросила она.

– Зачем тебе это знать?

– Если ты хочешь говорить со мной, назови свое имя. Я не разговариваю с теми, у кого даже нет имени или кто так труслив, что боится назвать его.

Молодому человеку снова пришлось призвать на помощь свое самообладание, чтобы удержаться от какого-нибудь необдуманного поступка.

– Меня зовут Гивелт.

Девушка взяла поводья своего коня и сделала несколько шагов вперед вместе с ним, укрываясь его телом как заслоном от лесных стрелков.

– Я баронесса Суора Эрмейнег, дочь барона Альвара Миниса. Так что тебе надо от меня, человек по имени Гивелт?

– В этих лесах титулы ничего не значат, – проговорил молодой разбойник. – Будь ты даже дочерью короля Агрона, здесь, возле этого столба, мы просто два равных свободных человека. Поэтому мне все-равно.

– Ты ошибаешься, тварь, – неожиданно даже для самой себя негромко, но очень внятно произнесла девушка.

Молодой человек стал бледным как полотно.

– Никогда, слышишь, никогда и нигде в этом мире, ты не будешь равным мне. – «Стоп, стоп, стоп. Я кажется, собиралась поубавить гонору», напомнил себе Ташунг. Но к его удивлению, как только он становился Суорой, все эти напоминания переставали иметь для него значения. (Где-то на фоне его сознания промелькнула удивленная мысль, что он думает о себе в женском роде. Любопытно.) Как будто эта высокомерная аристократка из гордой военной семьи и вправду существовала, а не была выдумана наставниками Ташунга. Может первый раз за все свое путешествие, 7024-ре отчетливо понял, что его метаформа, эта гордая заносчивая

белокурая девушка становится частью его личности или наоборот, он становится ее частью. В общем, бред какой-то, решил он.

Суора отпустила поводья своего коня, медленно опустила руку и немного передвинулась вправо. Ее голубые глаза сверкали ледяным огнем.

Гивелт стоял, окаменев. С какой-то небывалой отчетливостью он вдруг понял, что сейчас его убьют. Быстро, четко и безжалостно. И если он сделает хотя бы только попытку какого-либо движения, это лишь ускорит развязку. Разве его утешит, что потом его товарищи будут посылать стрелы в высокомерную аристократку и может быть даже сумеют ранить ее. Его тело, разрубленное и обезображенное представилось ему так ярко, что он едва не вздрогнул.

– Ты ищешь девочку? – Почти выкрикнул он.

Наваждение смертельного ужаса оставило молодого человека, и он, как будто освобожденный от железной хватки, отступил назад.

– О чем это ты? – Подозрительно спросила девушка.

– Ребенок. Шести лет. Короткие черные волосы, большие синие глаза. – Он неожиданно замолк, ошеломленно уставившись в глаза надменной аристократки. На её лице вспыхнула какая-то дикая эмоция, которую он не понял.

– Где она? – Резко спросила Суора.

Гивелт осознал её острую заинтересованность и это сделало ее еще опасней.

– Я не знаю. Наш мивар Хишен велел приводить к нему всех людей, которые ищут эту девочку, – быстро проговорил молодой человек. – У него важные сведения для них.

– Какие сведения?

– Я не знаю, – со всей возможной для него искренностью сказал Гивелт.

Суора видела, что он не лжет.

– Она была здесь?

Гивелт сглотнул. Хишен запретил им рассказывать о девочке что-то большее, кроме того, что у главы Гроанбурга есть важные сведения о ней.

– Нам запретили говорить о ней, – честно признался он. – Позволь мне отвести тебя к мивару. Он сам тебе все расскажет.

Повисло молчание. Суора размышляла. Войти в логово этих разбойников может быть небезопасно. Но с другой стороны чего ей бояться. Если она захочет она сможет вырезать весь этот жалкий город. Непременно нужно узнать, что известно этому мивару об Элен. Ташунг чувствовал, что поступает неразумно, он был полон сомнений. Но не Суора Эрмейнег, дочь барона Альвара Миниса.

– Идем, – сказала она и, взяв поводья, решительно направилась на дорогу, ведущую в чашу.

43.

Хишен сидел в главной зале Цитадели и с интересом большого ценителя разглядывал авшаирские гравюры фривольного содержания. Он перевернул очередной лист и принялся детально изучать следующую картинку.

Женщина лежала на спине, запрокинув голову назад. Мужчина находился со стороны ее темени. Женщина удовлетворяла мужчину ртом. Нарисовано все было предельно реалистично.

«Однако! – С одобрением подумал Хишен. – Замысловато. Вроде бы ничего особенного. Ну сосет и сосет, а все-таки, есть что-то такое». Он собрался перевернуть страницу, но тут открылась дверь главного входа в Цитадель, и разбойник, с сожалением оторвавшись от занимательной книги, неодобрительно посмотрел на вошедшего.

Конечно это был белокурый гигант Манкруд. Кто бы еще посмел войти сюда?

Боци, подошел к столу и, спокойно глядя на недовольное лицо мивара, сказал:

– Ребята привели женщину. Она ищет девочку.

Шишен выпятил губы. Ну да, девочка. Он обещал этому пройдохе судье, позаботиться о всех возможных преследователях. Ладно, судейский, долг платежом красен, так и быть.

– Закопайте ее во дворе, – равнодушно проговорил мивар.

Боци, не сказав ни слова, развернулся и зашагал к выходу. Приказ был предельно ясен. Женщину следовало вкопать по голову в землю заднего двора Цитадели, чтобы позже хозяин мог поиграть в свою любимую игру.

Шишен задумчиво посмотрел на фривольную картинку изобретательных авшаирцев.

– Погоди, – сказал главарь разбойников.

Манкруд остановился и повернулся лицом к своему господину.

– А что за женщина? Кто она?

Боци пожал плечами.

– Она представилась как Суора Эрмейнег, дочь барона Альвара Миниса.

– Вот как, – усмехнулся мивар и откинулся на спинку стула, явно весьма заинтересованный.

– Благородная сайтонка, в нашей глуши, совсем одна, – произнес он медленно. Затем уточнил: – Она одна?

– Если не считать ее жеребца, – ответил Манкруд.

Шишен, впрочем как и все остальные в Гроанбурге, был не в состоянии понять, когда боци шутит, а когда говорит серьезно. Белокурый гигант с большими задумчивыми голубыми глазами всегда говорил абсолютно серьезно, но Шишен подозревал что про себя он частенько посмеивается и некоторые его слова определенно отзвуки этих насмешек.

– А какая она из себя?

– Прекрасна как небо, – ответил Манкруд.

– Вот даже как. – Шишен был действительно удивлен. Его помощник раньше никогда так не отзывался о женщинах. – Ну что ж, если она произвела впечатление даже на тебя, то мне определенно следует на нее взглянуть, прежде чем отправлять ее на задний двор. Приведи ее сюда.

– Она вооружена, – предупредил Манкруд.

– Я тоже, – усмехнулся мивар.

Суора стояла почти в центре площади перед Цитаделью. Стояла она в гордом одиночестве. Около полутора десятка мужчин расположились у деревянной ограды, опоясывающей площадь по периметру. Четверо сопровождали девушку от самой развилки, в числе их был и Гивелт. Остальные любопытные подошли либо увидев незнакомку на улицах Гроанбурга, либо услышав слух о ней, который распространился по городку со скоростью лесного пожара.

Жеребца у Суоры увели под предлогом напоить и накормить. Девушка почти не сомневалась, что они лгут. Но конь все равно был измотанным и уставшим. Ей был нужен новый и она решила что добудет его себе, когда будет покидать разбойничье логово.

Дверь открылась и на крыльцо вышел белокурый гигант. Суору уже представили ему и как она поняла Манкруд был правой рукой местного главаря. Быстро просканировав ауру Манкруда, она убедилась что он абсолютная мразь. Ташунг снова удивился себе. Определение «абсолютная мразь» было явно ненаучным и не из его лексикона.

– Входи, – сказал боци.

Девушка, совершенно не стесненная прикованными к ее фигуре взглядами пятнадцати мужчин, покачивая бедрами, полная достоинства, направилась к Цитадели.

Шишен, продолжая сидеть, внимательно и бесцеремонно изучал гостью, ни сделав никакой попытки как-то поприветствовать ее. Он полагал что девушка, войдя со света в полутемное помещение, некоторое время будет дезориентирована. Но Суора прекрасно все видела. Она услышала как сзади закрылась дверь и высокий светловолосый мужчина замер где-то у нее за спиной. Она не посмотрела назад. Приблизившись к столу, она внимательно оглядела сидящего

напротив человека и разложенные на столе вещи. Два вычурных тяжелых канделябра с тремя горящими свечами в каждом, большой хрустальный графин, наполовину заполненный темно-красной жидкостью, пустой бокал, ваза с фруктами, длинная изогнутая сабля, боевой топор и огромная раскрытая книга с яркими сочными иллюстрациями. Суора на какое-то мгновение задержала взгляд на рисунке в книге, затем посмотрела в темные глаза Хишена. Девушка испытала глубокое отвращение к этому человеку. Его ментальный слепок не оставлял никакого шанса на мирный исход их встречи. Похоть, жестокость, злоба, безумие сплелись в этом человеке в жуткую ядовитую смесь, буквально испускающую тяжелое зловоние и смрад для всякого кто мог это чувствовать. Если девочка могла, а 7024-ре начинал подозревать что да, и если она была здесь, то она должна была пережить настоящий шок.

– Ты и вправду просто красотка, – плотоядно улыбнувшись, заметил Хишен. Он считал себя привлекательным для женщин. Мужественный, brutальный, буквально излучавший мужскую силу. И потому практически не сомневался, что прекрасная гостья испытывала к нему тоже определенный интерес.

– У нас есть два пути, – спокойно сказала девушка.

– Неужели только два, – усмехнулся Хишен. Кивнув на фривольную книжицу, он добавил: – Если нам не хватит фантазии на большее, мы всегда можем обратиться к литературе. Но спешу тебя заверить со мной ты получишь удовольствие на любом пути, который бы ты не выбрала.

Суора сделал шаг назад. Она внимательно смотрела на главаря разбойников.

– Нет, пожалуй я ошиблась, – медленно проговорила она. – У нас есть только один путь.

– Как скажешь, красавица, – почти ласково ответил Хишен.

– Меня интересует что ты знаешь о девочке. Шесть лет, черные короткие волосы, синие глаза, скорей всего была в сопровождении королевского судьи.

– Ну, допустим, я что-то знаю о ней, – всё так же насмешливо ответил Хишен. Его очень забавляла эта ситуация. Такая гордая высокомерная красавица, (а Манкруд был прав, неожиданная гостья просто сказочно очаровательна), ведет себя столь независимо, столь уверенно, а на самом деле глупа как пробка. Совершенно очевидно, что как только она переступила порог этого здания, для нее все стало кончено. Но видимо для гордой сайтонки это было не так очевидно, что явно не говорило в пользу ее умственных способностей. Впрочем, подумал глава Гроанбурга, при такой красоте ум уже в принципе не нужен.

– Где она? – Спросила девушка.

Спросила вроде бы тихо, вроде бы спокойно, но Хишен почувствовал что она напряжена как струна, что этот вопрос чрезвычайно важен для нее. И разбойник подумал что возможно стоит солгать, сказать что девочка здесь, где-нибудь в подвале и посмотреть как поведет себя прекрасная гостья. Может захочет пойти на сделку. Хишен представил ее голую на своем столе, раздвинувшую ноги. Воображаемая картина почти возбудила его, но он решил что спешить не стоит. Откинувшись на спинку кресла, он проговорил:

– А я что-то не припомню чтобы у барона Альвара Миниса Эрмейнег были дочери твоего возраста. Насколько я знаю у него было только два сына.

Суора застыла. Она никак не ожидала такого поворота в беседе.

– Значит твоя память подводит тебя.

– Неужели? Я восемь лет служил начальником стражи у барона Глуба. Он был хорошим знакомым барона Эрмейнег, насколько это конечно возможно для Глубы. Ибо он вообще отличался крайней мизантропией. Так что я знал об Альваре Минисе можно сказать из первых рук. И за все восемь лет я не слышал ни слова о том что у него столь необыкновенно красивая дочь. А Глуба кстати был большой охотник до женских прелестей и думаю он не преминул бы упомянуть о такой соблазнительной особе как ты.

7024-ре быстро просканировал полученную от инструкторов информацию о своей легенде. Что ж, барон Глуба там действительно присутствовал.

– Вряд ли мой отец стал был разговаривать о своей любимой дочери с таким законченным ублюдком как твой хозяин. Глуба просто бешенный пес, которого либо боялись, либо презирали, и уж обсуждать с ним семейные дела не стали бы даже самые близкие соседи.

– Что есть, то есть, – с усмешкой согласился Хишен. – И тем не менее, я вполне уверен, что у Альвара не было дочерей.

– Может ты удивишься, но мне глубоко наплевать на твою уверенность. Я росла вдалеке от дома, меня воспитывали и обучали в Храме Тибора, так что в родовом замке отца я провела совсем немного времени.

– Храм Тибора, Храм Красных деревьев, надо же. Так ты должно быть настоящий мастер меча.

– Именно так. И как раз по этой причине меня выбрали в хранители маленькой Элен. Так что поверь, в твоих же интересах, сказать мне где она сейчас.

– Знаешь, все что не делается в Гроанбурге, все делается в моих интересах. Но я конечно напуган. И я сейчас же выложу все что я знаю о девочке и затем отпущу тебя, полный благоговения и уважения к тебе и твоей знаменитой семье.

Суора усмехнулась на явно издевательский тон хозяина Цитадели. Она развернулась и не спеша прошла по комнате.

– Это было бы разумно с твоей стороны, – бросила она через плечо. – Но как я уже сказала у нас есть только один путь и он не включает никаких разумных действий с твоей стороны.

Девушка приблизилась к стене и принялась разглядывать огромные яркие гобелены.

Усмешка наконец покинула лицо Хишена и впервые некая нечеткая легкая тень тревоги коснулась его сердца. Уж слишком сайгонка была спокойна и уверена в себе. Может он поспешил отнести это на счет ее недалекого ума и безграничной заносчивости, может за ней действительно скрывалась какая-то сила. Но пусть даже ее действительно обучали в Храме Тибора, Хишена это несколько не пугало. Хотя скорей всего она лжет об этом, также как она лжет о том что она дочь Миниса.

– Я слышал в Храме Красных деревьев процветает мужеложство. Тебя тоже приучили делать это через зад?

Девушка ничего не ответила. Она окончательно поняла что никакого конструктивного диалога с этим человеком не получится.

– Резня в Халиане, – произнесла Суора, кивнув на гобелен. – Очень реалистично. Я слышала что Глуба отличился там. Сажал людей на колья, подвешивал за крюки и насиловал полубезумевших женщин прямо посреди всей этой кровавой вакханалии. – Девушка резко повернулась к Хишену. – Ты ведь там тоже был?

Главарь разбойников ничего не ответил. Он внимательно наблюдал за молодой женщиной.

Тем временем Суора отошла от стены и передвигаясь по комнате оказалась перед Манкрудом. Она встала лицом к белокурому боци и встретила с ним глазами.

Ташунг неторопливо изучал находящееся перед ним существо. Он уже вполне отдавал себе отчет в том что прийти к компромиссу с двумя этими животными у него не получится. И на том, кто имел для него второстепенное значение он решил опробовать так называемый метод кокона, в котором он все еще не был достаточно силен. Суть метода сводилась к тому что трепещущее эфирное тело живого субъекта помещалось в ментальный кокон. Эта преграда, непроницаемая и абсолютно цельная, полностью лишала эфирное тело связи с окружающим миром, с энергетическими полями Вселенной. Это приводило к моментальному коллапсу. Субъект просто отключался, этот жуткий вакуум был непереносим для хрупкого неразвитого сознания и оно спасало себя закукливанием, прекращением почти всякой деятельности.

Животное не погибало, это не приводило ни к каким пагубным последствиям, по крайней мере физическим, и вернуть субъекта к полноценному нормальному функционированию было достаточно несложно. Прелесть метода заключалась в том что выйти из этого состояния самостоятельно животное не могло и таким образом оно оставалось отключенным столько сколько необходимо.

Хишен тем временем продолжил упражняться в похабностях.

– Я думаю нам следует начать с того что ты мне отсосешь. Я знаю что благородные сайтонские аристократки мастерицы в этом деле. И если ты действительно дочь барона, то я намереваюсь получить массу удовольствия.

«Забавно, – думал Ташунг, изучая светловолосого мужчину, стоявшего перед ним. – Они до такой степени не выносят одиночества, что приходят в отчаянье и коллапсируют. Как все-таки они глупы и примитивны. Размышление, созерцание, самосовершенствование, покой и безмятежность или концентрация и устремленность, ведь это все так прекрасно и интересно, в этом столько вдохновения и радости, а они только и думают о бессмысленном общении с себе подобными и конечно же об удовлетворении своего жалкого эго, прилагая массу усилий чтобы добиться хоть какого-то признания от окружающих. Непонятно зачем им это нужно. Какая разница как тебя оценивают другие, тебе ведь и так все известно о самом себе и ты сам знаешь чего ты стоишь. И еще это странное понятие “любовь”. Впрочем, ничего в нем странного нет, обычное половое влечение, инстинкт и ничего больше. Но они нагромоздили столько нелепиц, лжи и сложностей вокруг этого что в конец сами себя запутали.»

7024-ре нахмурился. Ему никак не удавалось обуздать эфирные колебания субъекта. Ташунг усилил концентрацию своего ментального натиска, обволакивая и подавляя энергетические движения жертвы. Белокурый самец уже осознал что происходит что-то непонятное и страшное. Несмотря на всю его выдержку он был сильно напуган. Его сознание металось и пыталось заставить тело удалиться от источника опасности, но контроль над членами тела был потерян, ибо передача нервных импульсов была практически полностью блокирована.

– Потом ты разденешься, – говорил Хишен. – Снимешь с себя все что на тебе есть, но неторопливо, так чтобы это было изящно и волнующе. Затем ты ляжешь на стол, на спину, запрокинешь голову и снова будешь сосать. Потом перевернешься на живот и раздвинешь ноги как можно шире...

Манкруд без единого звука рухнул на пол. Он упал на бок и лежал не шевелясь. Суора, не бросив ни единого взгляда на хозяина Цитадели, пошла вперед, перешагнула через тело боци и направилась к входной двери.

Хишен пребывал в некотором ошеломлении. Он прекрасно видел, что девушка стояла метрах в двух от его первого помощника. Она не прикасалась к нему, она даже не сделала ни одного жеста в его сторону и тем не менее светловолосый гигант теперь лежал распластавшись по полу и не подавал никаких признаков жизни.

Наконец вожак разбойников пришел в себя.

– Э-эй, ты куда собралась? – Сказал он, вставая из-за стола.

Суора не остановилась и продолжила свой путь.

Хишен перемахнул через стол, едва не сбив при этом вазу с фруктами, и встал на ноги уже с другой стороны.

– Ты думаешь ты так просто уйдешь отсюда? – Проговорил он.

Хишен вроде бы хотел устремиться за девушкой, но в его движениях явно сквозила то ли растерянность, то ли неуверенность. Но чтобы это ни было, он справился с этим и резко бросился вперед.

– погоди, ты ведь еще не отсосала у меня, – с деланным весельем крикнул он.

Но Суора уже была возле входной двери. Однако совершенно неожиданно для Хишена, она взялась за массивный засов, который одним концом был прикреплен к стене, а другой

свободно вращался и перевела его из вертикального положения в горизонтальное. Тяжелый мощный брус упал в специальные стальные петли, намертво заблокировав входную дверь.

Хишен, осознав что она сделала, замер посреди залы.

Девушка повернулась к нему лицом и улыбнулась.

– Ну вот, теперь нам никто не помешает, – сказала она.

Величественно, полная достоинства, высоко подняв подбородок, держа спину прямой как струна, девушка начала медленно шагать по направлению к главарю разбойников. Она столь нарочито соблазнительно покачивала бедрами, что казалось сам воздух начал вибрировать от наполнявшего его желания. Однако буйная натура Хишена сейчас пребывала в некотором смятении. Он воцелел этой женщины, но страх холодной змеей уже проник внутрь и сжимал его сердце в дурном предчувствии. Нехотя, практически против своей воли, почти неосознанно он начал отступать. Нет, он ни в коем случае не поддавался этому страху. Большую часть своей жизни он ходил бок о бок со смертью и можно сказать привык к этому ощущению. Он не боялся настолько, чтобы перестать контролировать ситуацию. Но теперь он понимал что эта женщина может представлять угрозу. Когда он увидел ее входящей в Цитадель, он тут же решил что она абсолютная идиотка, если сама по доброй воле пришла в Гроанбург. С ее внешними данными ей здесь была уготована лишь одна участь. Ее будут насиловать, по долгу и очень многие. Сначала сам вожак, потом, когда она ему надоест, он отдаст ее своим ребятам. А вот теперь он с запоздалым раскаяньем думал что это может быть ни она дура, а он дурак. Нет, он несколько не сомневался в себе. Он без труда справится с десятком, даже с двумя десятками обычных воинов, а может быть и не совсем обычных. Но эта женщина уложила Манкруда на пол одним взглядом. Кем она может быть? Она заперла дверь, чтобы остаться с ним наедине. Она не боится его, ни капли не боится и вот это действительно пугало его. Последние годы он стал несколько халатно относиться к своей безопасности. А ведь врагов у него было предостаточно. Он наверно не смог бы припомнить и половины тех кто по-настоящему желал ему смерти. Но он помнил как некоторые из них клялись что наймут лучших убийц на свете, чтобы они добрались до него. В большинстве случаев Хишен не предавал значения этим угрозам, иногда потому что те, кто клялись, умирали раньше, чем успевали исполнить свое обещание, но чаще он просто не верил что какие бы то ни было хитроумные наемники смогут добраться до него. Конечно он повидал немало на своем веку и знал что на свете действительно существует мастера боевых искусств, способные на невероятные вещи, но ему казалось маловероятным что подобные люди станут утруждать себя охотой за деньгами на кого бы то ни было. Еще этот проклятый Храм Тибора. Да нет, это не серьезно, думал Хишен. Они там без конца машут палками, оттачивают каллиграфию, читают тяжеленные фолианты, а по ночам всяким непотребными способами улаживают себя. По большей части они все там просто размазни. Но эта девка идет прямо на него и усмежается. Она не боится его. Несколько. Ладно сука, еще не вечер. Он отступал к столу, но правда только для того чтобы взять свою ужасную саблю.

Ташунг внимательно следил за эмоциональными переживаниями лысого самца. К своему сожалению, он видел что тот если и напуган, то лишь ровно настолько чтобы стать более собранным, благоразумным и опасным. Ташунг хотел только получить информацию о девочке и он полагал что предпочтительней обойтись без физического воздействия. Не потому что его хоть в какой-то степени смущала мысль о причинении боли этому животному, нет, просто он считал что добыть нужные сведения без пыток будет более профессионально. Нет, надо было попытаться напугать его.

Хишен продолжал отступать. Наконец он уперся в стол и замер. Девушка тоже остановилась и внимательно смотрела на него.

– Если ты думаешь, что меня пугают твои храмовые фокусы, то ты ошибаешься, – спокойно проговорил главарь разбойников и незаметно положил правую ладонь на стол.

Суора очень искренне рассмеялась.

– Храмовые фокусы?... Нет, никаких храмовых фокусов. Ты был прав, я не имею никакого отношения к барону Альвару Минису и я никогда не была в Храме Красных деревьев.

– Неужели? Тогда кто ты?

– Ты конечно решил, что я заносчивая аристократичная дура, которая не в силах понять в какое место ее занесло и что ее тут ждет.

Хишен молча ждал продолжения.

– Но ты ошибся, – насмешливый холодный голос девушки совсем не нравился мивару.

– Можешь даже не пытаться, – очень спокойно ответил Хишен. – Твой блеф здесь не пройдет.

– Блеф?! Ты что совсем дурак? Неужели ты думаешь, что я вошла бы в этот убогий городишко, если бы не была уверена что я могу в любой момент покинуть его. Да ты и весь твой сброд просто насекомые для меня. Я в состоянии лишить вас ваших никчемных жизней десятком разных способов. Или я могу просто отключить ваши жалкие мозги одним взглядом, как я сделала с ним, – девушка кивнула в сторону бездвижного тела Манкруда.

– Звучит устрашающе, – насмешливо проговорил Хишен.

– А выглядит, поверь мне, еще более ужасно.

– И что, я должен поверить что ты великая волшебница... или кто?

– Волшебница? Да я смотрю ты тут в своей норе совсем впал в детство. – Суора откинула полы плаща выставляя напоказ рукояти мечей. – Никакого волшебства. Я просто изрублю тебя и любого кто встанет у меня на пути.

– Вот как. Так ты у нас мастер меча. – Пальцы Хишена наконец коснулись стали клинка.

Ташунг сдался. Он понял что ему не напугать этого человека словами. Наверно она просто не знает правильных слов.

– Ладно, – устало произнесла Суора, – я вижу ты полный идиот и разговор с тобой смысла не имеет. Да возьми ты свою саблю. Хоть мне и глубоко наплевать на всю эту страну и все ее население, но так и быть я окажу им услугу и избавлю их от тебя.

Хишен стоял и не шевелился.

Она конечно блефует, думал он. Но ведь она заперла дверь и Манкруд возможно уже в стране праотцов и может быть ей только и нужно чтобы он взял клинок. Может быть ей нужен только какой-нибудь формальный повод чтобы убить его?

– Кто ты такая и что тебе надо? – Наконец спросил мивар.

– Бери саблю.

– Ты хочешь напасть на меня?

– Нет, это ты хочешь напасть на меня. Но ты боишься. А я хочу по быстрее со всем этим закончить.

– Я ничего не боюсь.

– Да мне наплевать боишься ты или нет. Ты для меня просто животное и я собираюсь причинять тебе боль пока ты не скажешь то что мне нужно. Только поэтому я не отключила тебя как этого подонка.

– А что тебе нужно чтоб я сказал?

– Я кажется уже говорила тебе. Все что тебе известно о маленькой девочке. Лет шесть, черные волосы, большие синие глаза, такие запоминаешь.

– Элен? Ты говоришь о ней?

– Отлично, ты знаешь ее имя. Продолжай.

– Она здесь, в Гроанбурге. Но тебе никогда не найти ее.

Суора улыбнулась.

– Ты даже не представляешь как тебе повезло что ты лжешь. Если бы ты хотя бы даже волосок покачнул на ее голове, я бы уже разрезала тебя на части. Бедный глупый Хишен. Судья провел тебя. Но не расстраивайся. Этот убогий чинуша еще более глуп чем ты. И его судьба

уже предрешена. Скажи, ты ведь даже не понял кто эта девочка? Конечно нет. А судья понял и решил выкрасть ее. Безумнейший поступок. Не иди по его пути. Скажи мне все что ты знаешь и я отпущу тебя. И просто уйду.

Хишен взялся за лезвие своего любимого оружия, подвинул клинок к себе и поднял саблю со стола.

– Да нет, я думаю, так просто ты не уйдешь.

Суора спокойно смотрела на него.

– Ну что ж нападай. Ты не бойся. Я пока не буду тебя убивать. Мне сначала нужно узнать все что ты знаешь об Элен.

Хишен крепко сжимал рукоять своей страшной сабли. Он убил ей столько людей что сейчас не смог бы вспомнить и трети из них. Но эта женщина не блефовала, теперь он почти не сомневался в этом. Либо она полностью безумна, либо у нее действительно есть какая-то сила, которая позволяет ей так уверенно вести себя. Но Хишена смущало то что у нее были мечи. А раз так, то значит все вполне по земному, по-человечески. Если она использует мечи, то и сама несомненно может погибнуть от клинка. Если вся ее уверенность основывается на том что она себя считает мастером меча, то ее ждет неприятный сюрприз. Хишен отправил на тот свет немало тех, кто полагал себя непревзойденным в искусстве фехтования. Но ведь Манкруда она даже не касалась. Но она долго глядела на него. Значит просто не нужно смотреть ей в глаза. Хишен почувствовал как внутри него растет уверенность в победе. А вместе с тем и сладкое чувство предвкушения того что он сделает с этой надменной красоткой, когда она окажется у его ног. Да нет, конечно же она блефовала. Она заперла дверь, понимая что лучше попытаться справиться с одним разбойником чем со всей шайкой. Когда она поняла куда она попала, то решила что единственный путь к спасению это держать себя уверенно и нагло, идти напролом, отчаянно блефуя и импровизируя. Это же было очевидно.

Хишен оттолкнулся от стола.

Могучий разбойник рубил с такой быстротой и искусством, что полотно клинка разрезало воздух с приглушенным свистом. От этого бешеного стального круговорота невозможно было укрыться, ему невозможно было противостоять. Страшная сабля буквально заполняла собой пространство во всех измерениях.

Суора уходила с траектории лезвия довольно легко и даже успевала с удивлением размышлять о том как же можно так неэффективно использовать свое тело. Самец вне всяких сомнений был великолепно развит физически, но это развитие было очень примитивным. Очень каким-то односторонним. Многие группы мышц оставались в рудиментарном состоянии, двигался он довольно прямолинейно и очень предсказуемо. Девушка без усилий просчитывала его следующее действие, причем иногда ей даже приходилось тормозить себя чтобы дождаться своего противника и не выбиться из гармоничной согласованности с его движениями. Он почти смешил ее. Инерционность не учитывает, рефлекс вялые, никакого анализа топологии системы, которую они вдвоем представляли, никакого предвиденья, никакой подстройки. Девушка совершенно не напрягалась, она совершала минимально необходимые движения чтобы совсем чуть-чуть отклониться от клинка, который проходил мимо нее буквально в одном-двух сантиметрах.

Хишен просто не мог в это поверить. Казалось бы вот она цель, руби не хочю. Но ничего не получалось. Все удары проходили мимо. Девушка изгибалась, выворачивалась, наклонялась столь ловко и умело, что казалось сабля обходит ее со всех сторон, но не смеет прикоснуться. Через несколько минут этой пародии на бой, кроме порубленного на куски воздуха, никаких других достижений Хишен не имел. Только он было решил отступить и попытаться как-то осмыслить происходящее, как вдруг что-то изменилось. Он даже не сразу понял что. Девушка оказалась совсем рядом с ним. Он поспешно попытался ударить ее в голову рукоятью сабли, ударил куда-то в пустоту и в следующий миг колено Суоры врезалось в его грудную клетку

немного сбоку. Могучее тело, обладавшее крепостью наковальни и в прошлом стойко выдерживающее удары, которые могли бы убить и быка, буквально взорвалось от боли. Ребра сломались, сосуды лопнули, сознание на долю секунды померкло. Нелепо согнувшись, Хишен отпрянул в сторону, на миг совершенно потеряв ориентацию. Этого мига для Суоры было достаточно чтобы сделать с ним все что угодно. Она ударила его локтем по руке с саблей, после чего рука превратилась в безвольную плеть, затем ударила голенью по бедру мгновенно отсушив ногу и Хишен просто начал падать, но Суора, пока он еще стоял, взлетела в воздух и правой ступней с широким амплитудным замахом ударила его в лицо.

Разбойник отлетел назад, его ноги на пару секунд зависли в воздухе, после чего его тяжелое сильное тело грузно и жестко припечталось спиной к каменному полу. Как ни удивительно он все еще пребывал в сознании. В определённой степени конечно. Он тупо смотрел куда-то вверх, его голова дергалась, он давился собственной кровью, выталкивал языком выбитые зубы, правую руку била мелкая дрожь, левая нога не шевелилась. На рубашке, в том месте куда угодило колено девушки, расплывалось темное пятно.

Суора некоторое время рассматривала поверженного врага. Затем она сделала шаг вперед, нагнулась, подобрала саблю мивара и подошла к его телу. Она поставила острие клинка ему на живот и слегка нажала. Взгляд Хишена начал приобретать осмысленность.

Мужчина захрипел, закашлялся и дергая головой начал выплевывать кровь. Немного придя в себя, он снова положил голову на пол.

– Я все скажу, – негромко проговорил он.

Суора нажала на саблю чуть сильнее.

– Не надо. Я скажу все что ты хочешь знать. Не надо, – торопливо произнес Хишен.

Он всегда считал себя человеком разумным. А сейчас все его благоразумие в один голос советовало ему спрятать по дальше всю его гордыню и надменность и выказать абсолютную готовность к сотрудничеству. Он честно признался себе, что ошибся на счет этой девицы. Ну что ж, философски подумал Хишен, и на старуху бывает проруха. Кем бы ни была его гостья, она определённо не является обычной человеческой женщиной. В этом он не сомневался, ибо был твердо уверен что ни одна нормальная девушка не способна таким образом расправиться с ним, пусть ее хоть с рождения тренируют в Храме Красных деревьев. Эта девица обладала невероятной скоростью и силой, по истине нечеловеческими. И потому это никак не должно ущемлять его мужское самолюбие, говорил он себе.

Суора нажала еще сильнее на саблю и Хишен даже слегка вскрикнул, мгновенно оторвавшись от мыслей о самолюбии.

– Не делай этого. Я же сказал, спрашивай.

– Я просто хочу чтоб ты понял. Другого предупреждения не будет. Я и так потеряла с тобой много времени. Запомни, я могу видеть лжет человек или нет. – Ташунг все больше и больше приходил к мысли что это вранье определенно полезно, жаль только что он действительно не обладал этой способностью. Эта мысль в очередной раз подстегнула в нем любопытство как все-таки это делает странный человеческий детеныш, которого он искал. – Если ты мне солжешь хотя бы раз, я проткну твоё брюхо твоей же саблей. Ты понял меня?

– Да-да я понял, – поспешно сказал мивар.

«Врет конечно, тварь», мимолетно подумал Хишен об заявленной ею способности видеть правду и ложь. Но он понял, что не решится солгать после такой угрозы. Но впрочем это было неважно, потому что он и не собирался что-то придумывать, он готов был сказать всю правду.

– Где девочка?

– Она уехала вместе с судьей. Насколько я понял в Акануран.

– Когда?

– Утром. Поздним утром.

– Что она здесь делала?

– Ничего. Судье нужны были свежие лошади. А девочку он попросил накормить, напоить. Представил ее как свою племянницу.

– С какой стати ты помогаешь судье? И почему он вообще не побоялся заехать сюда?

– Нас связывают давние отношения, – нехотя пробурчал мивар.

– Что это значит?

– Он спас некоторых моих парней от виселицы.

– Зачем?

– Ну, такой он человек. Прозорливый. Впередсмотрящий. Решил что в будущем это может быть для него полезно. По крайней мере я так думаю. А что там твориться в голове у Лурга на самом деле я не знаю.

– Почему ты просто не убил его сейчас, когда он к тебе приехал.

Шишен с искренним удивлением воззрился на прекрасную гостью.

– Зачем мне это? Вся добыча четыре лошади и карета. А проблем... Чтобы палата потом своих красноголовых карателей сюда прислала. Кому это нужно? Да кроме того знакомство с судьей всегда может оказаться полезным.

– Ясно. – Девушка убрала саблю с живота мивара. – Что с девочкой?

– А что с ней?

– Как она себя чувствовала? Как выглядела? С ней все в порядке?

– Нормально выглядела. Ходит, болтает, глазами сверкает.

Шишен думал о ноже в своем правом сапоге. «Отвернись, сука. Отвернись лишь на миг», горячо просил он про себя. Правая рука постепенно обретала чувствительность и он потихоньку шевелил пальцами. Он так ясно ощущал то невыразимое удовольствие, которое он почувствует когда нож войдет в тело этой стервы, что его буквально била дрожь от предвкушения. Она стояла совсем рядом, но все еще продолжала задумчиво глядеть на него. Учитывая скорость ее реакции сейчас он не имел ни одного шанса.

– Что-то беспокоит тебя? – Спросила Суора. – Обдумываешь план мести?

– Да ну что ты, – Шишен даже изобразил кривую улыбку окровавленным ртом. – Просто не решаюсь попросить тебя позволить мне сесть за стол, а то как-то не привык валяться на каменном полу с разбитой рожей.

– Неужели? Иди садись.

Суора отошла в сторону, продолжая держать саблю в правой руке. Шанс на удар с ножом испарился, но зато появился другой, более реальный.

Кряхтя, сплевывая кровь, Шишен с трудом сначала сел, затем с еще большим трудом поднялся на ноги и медленно заковылял к столу, где до сих пор в свете свечей блестела яркая иллюстрация фривольной книги.

При каждом движении отзывались болью сломанные ребра. Он приблизился к стулу и с облегчением оперся о его спинку. Он посмотрел на топор лежавший на столе и затем на стоявшую в центре залы девушку.

Суора раздумывала о том как ей быть дальше. Она узнала все что хотела. Она видела что разбойник сказал ей правду и теперь ей надо двигаться дальше на восток. Но ей нужна свежая лошадь. Да и поесть не мешало бы, мягко говоря. 7024-ре все время забывал что этому телу необходима энергия, получаемая из переработки грубых пищевых ресурсов. Это была все еще не очень приятная процедура для него, хотя то удовольствие, которое он испытывал когда утолял первый самый острый голод начинало ему нравиться, или по крайней мере начинало примирять его с этим убогим актом поглощения пищи. Но впрочем у Ташунга тут же промелькнула мысль об омерзительнейшем процессе дефекации и он содрогнулся от отвращения. Однако он понимал что есть необходимо и к нынешнему моменту Суора очень и очень проголодалась.

Только она собралась завести речь о лошади, пожалуй проще всего будет если Шишен прикажет своим подручным привести животное прямо ко входу в Цитадель, как вдруг заметила

резкую перемену в эмоциональном фоне разбойника. Он воспрянул духом, повеселел, осмелел, надменность и дерзость снова вернулись к нему. Суора быстро осмотрелась по сторонам, но ни увидела ничего что могло бы послужить причиной этого.

– У меня для тебя сюрприз, сука, – громко проговорил Хишен.

Девушка внимательно поглядела на разбойника. Она скользнула взглядом по топору, лежавшему на столе. Топор был средних размеров и мивар, учитывая его богатырское телосложение, вполне мог метнуть его быстро и наверно относительно прицельно. Но неужели он действительно рассчитывал на это.

Окровавленный рот Хишена расплылся в хищной улыбке.

Он проворно повернулся к стене и с большим усилием нажал левой рукой на один из темно-красных кирпичей. Тот неожиданно поддался и ушел в глубь стены, при этом один из соседних, наоборот, выступил из нее почти на четверть метра.

Какой-то механизм, мелькнула мысль в голове Суоры. Что-нибудь упадет с потолка? Сеть? Раскрывающийся пол? Тут же припомнился недотепа робот, провалившийся в примитивную ловушку в тюрьме Туила. Или возможно сработают самострелы, спрятанные в стенах. Все это пронеслось в голове Суоры в один миг. И в этот же самый миг она уже взвилась в воздух, сделала сальто назад, при этом она не выпустила сабли разбойника из рук и приземлилась метрах в пяти от того места где только что была, припав к полу, согнув левую ногу и отставив правую. Она быстро огляделась.

В левой и правой по отношению к главному входу стенах квадратные куски кирпичной кладки размерами примерно метр на метр медленно ушли куда-то вглубь, образовав чернильно-черные дыры.

Суора быстро посмотрела на разбойника. Хишен жутко улыбался, глядя на нее.

– Что ж, ублюдочная сайтонская шлюха, я думаю пора несколько поменять расстановку сил.

Чуткий слух девушки различил клацанье когтей по камням. Она смотрела то влево, то вправо, ожидая появления гостей. Суора крепко сжала рукоять сабли. Прекрасно видя в темноте, она наконец разглядела две массивные туши выдвинувшиеся из черных провалов стены.

– Теперь тебе, сука, ничто не поможет, – надрывался Хишен. – Знаешь кто это? Это бейхоры. Слышала когда-нибудь о них? Адские псы Гируанских гор. Пещерные медведи обходят их стороной и даже могучие Туру уходят из тех мест где они появляются. Бейхоры могут разгрызать камни и разрывать когтями огромные деревья. Они ничего не боятся и никого не слушают, кроме своего вожака.

Девушка продолжала рассматривать приближающихся к ней зверей. Большие лобастые головы, широкие грудные клетки, могучие лапы, короткие челюсти полные клыков, какого-то грязно серого цвета, буро-зеленая шкура, никакого хвоста, маленькие подвижные уши.

Хишен продолжал свою экспрессивную речь, все более и более входя в раж.

– Вэлуонские маги, используя свои чары, забирают их к себе щенками и выращивают из них ужасных стражей. Один из этих чернокнижников дал мне щенков и научил, как их приручить к себе. Их надо кормить своей кровью. Да, сука, я резал себе плечи и ноги и смешивал их пищу со своей кровью. Они кусали и грызли меня, но теперь они мои. Всем своим существом. Ибо их ведет голос крови, моей крови, я их вожак. И сейчас, блядь, тебе не помогут никакие твои выкрутасы и изгибы, в каком бы гребанном храме тебя не обучали. Мои бейхоры разорвут тебя на части. Они разломают твои кости, отгрызут тебе руки и ноги. И знаешь что, я может все равно тебя трахну, если от твоей задницы останется что-нибудь.

Звери приближались к девушке, не сводя с нее глаз и не издавая ни звука. Лишь когти по-прежнему клацали по каменному полу Цитадели. Бейхоры действительно были большими. Их круглые головы находились почти на уровне бедер Суоры. Два огромных беспощадных зверя готовились к нападению.

– Они не щадят никого. Они убивают любого в ком течет кровь. Мне даже не нужно им ничего говорить. И их ничто не остановит.

В первую минуту появления животных, Ташунг вообще не мог понять с чего этот лысый самец пришел в такое возбуждение. Его прямо распирало от радостного предвкушения. Но 7024-ре никак не мог уразуметь что такого в этих бейхорах и почему этот убогий разбойник придает им такое решающее значение. И лишь спустя какое-то время Ташунг с досадой на свою несообразительность осознал, вернее вспомнил, что ментальные способности этого вида еще в чрезвычайно зачаточном состоянии. Настолько зачаточном, что они даже не способны подчинить себе волю таких примитивных существ как эти бейхоры. Это конечно было просто смешотворно. Все-таки их мозг обладал таким внушительным потенциалом, но до сих пор был так удручающе не развит. Впрочем, для народа Ташунга это было только на пользу.

Очень легко, без всякого напряжения 7024-ре быстро накрыл ментальной завесой жалкое сознание одного из животных. Убогое примитивнейшее сознание жалобно затрепыхалось и тут же сдалось чужой могучей воле. Ташунг установил себя как главную доминанту для зверя и стал для него верховным существом. Причем эта доминанта была настолько всеобъемлющей и непререкаемой, что стала для слабого разума зверя даже важнее инстинкта самосохранения. Тоже самое 7024-ре проделал и со вторым животным, полностью подчинив его своей воле.

– Они сожрут твои кишки, сучье отродье, – тем временем провозглашал Хишен, яростно сверкая глазами в пламени свечей. – Раскусят твой череп, съедят твой мозг и завтра к утру вся твоя шлюшья надменность и высокомерие станут просто бейхорским дерьмом. Это все чего ты заслуживаешь.

Огромные ужасные звери подошли к девушке и преданно уселись возле ее ног. Суора положила ладони на их лобастые головы и бейхоры радостно высунули раздвоенные языки и даже слегка зажмурились от удовольствия.

Экспрессия, наполнявшая буйную речь Хишена, тут же пошла на спад. Он просто не верил своим глазам. Настолько не верил, что все еще по инерции продолжал произносить свои мерзкие угрозы. Наконец невообразимость происходящего достучалась до его разума и просто повергла его в немой шок. Он смолк.

В зале повисла тишина. Девушка слегка почесывала затылки жутких бейхоров и молча смотрела на мивара. Затем она медленно пошла вперед. Теперь могучий лысый разбойник и странная белокурая женщина неотрывно глядели в глаза друг друга.

– Есть голос сильнее голоса крови, – негромко сказала девушка. – Это голос Бога.

Хишен растерянно усмехнулся. Странная вялость и апатия охватили его. Впервые в жизни. Всегда, с самого раннего детства он сражался. Он знал, он верил, он привык к тому что нужно бить. Изо всей силы, как можно больнее, исподтишка ли, прямо ли, не важно. Бить чтобы разбить, чтобы сломать, чтобы убить своего врага. Главное это победа, любой ценой. И у него действительно это получалось. Пока другие тратили драгоценные мгновения на колебания, нерешительность, сомнения, он бил, мечом, топором, ножом, палкой, рукой. И он побеждал. И он твердо верил что никогда нельзя сдаваться, как бы тяжело не было, как бы не складывалась ситуация, бороться нужно до конца. Все может измениться в один миг. Всегда есть шанс. Но сегодня, сейчас он почему-то чувствовал только растерянность. Эта девица определенно выбила его из колеи. Мягко говоря. Она просто не оставляла ему ни единого шанса.

– Это не честно, – пробормотал Хишен. В этот миг в его голове промелькнули образы людей из его прошлого. Связанные, подвешенные за крюки, с поломанными руками и ногами, закопанные по плечи в землю, ослепленные, избитые до полусмерти и он стоящий рядом с топором или саблей. У них тоже не было ни единого шанса, подумалось ему, ни единого, когда он без всякой пощады и колебаний добивал их. Мало кто из них принимал последний удар достойно, многие визжали, извивались и умоляли, брызгая слюнями и соплями. Ну нет,

яростно подумал он, нет. Они были слабаками. Они сами лишали себя всех шансов. Я буду сражаться.

Хишен дернулся вперед, схватил со стола топор и снова отпрянул к стене.

– Кто бы ты ни была, мразь, я достану тебя, – прошипел он.

Суора приблизилась к противоположному краю стола и остановилась. Ее вдруг охватило чувство безмерного отвращения и брезгливости. Это ведь просто животное. Животное с чуть боле развитыми полушариями мозга. Его интересуют только три вещи: секс, пища и насилие. И все. Все остальное выше и дальше его примитивного сознания. Это животное руководствуется только желанием удовлетворения своих убогих потребностей. И на пути реализации этого удовлетворения оно и применяет свой чуть более развитый мозг, выказывая некую изобретательность и сообразительность. Почему Дагатор 35 и остальные Владыки и Хранители считают этот вид одним из самых опасных для нашего существования? Ведь они так ничтожны и слабы и, учитывая их примитивность, легко управляемы. Мне ничего не стоит стать вождем этого города. Я без труда расправлюсь со всеми главарями и займу их место. И принимая во внимания мой тотальный контроль над бейхорами, я буду абсолютным повелителем для этих жалких существ. Секс, пища и насилие. Но зачем насилие? Для собственного утверждения, для демонстрации своей силы как доказательства права на власть? Но ведь не только. Это животное получает какое-то жуткое удовольствие от этого. Непостижимо. Уродовать, калечить, умертвлять своих сородичей, своих соплеменников, представителей своего вида и получать от этого удовольствие! Или оно получает удовольствие от ощущения страха своих жертв. Да, его бояться и это делает его великим и ужасным, возносит над остальными. Как же он жалок. Получает удовлетворение от страдания других. Хранитель Мернок говорит, что надо просто стирать у них память и превращать в орудия труда и послушных слуг. Ни на что другое они не годятся, ибо в них заложено зерно самоуничтожения, проростаемое древом всепоглощающего эгоизма. Удовлетворение своей похоти и голода и все. Тогда им просто не нужен такой сложный мозг. Он для них лишь обуза, они просто сходят с ума не в силах совместить огромный потенциал, заложенный в их разуме со своими примитивными потребностями. Почти все из них уже больные, разодранные на части непрерывным внутренним конфликтом между этим потенциалом, вызывающим у них чувство бесконечного томления по чему-то большему и совершенному и их жалкой животной природой, требующей и выставляющей единственным смыслом существования удовлетворение убогих своих потребностей.

Суора легко запрыгнула на стол. Теперь она смотрела на разбойника сверху вниз. И чувство омерзения к нему отчетливо читалось на ее прекрасном лице.

Расталкивая свою апатию как толщу воды, Хишен нанес удар. Он стоял вплотную к стене и потому не мог сделать широкий замах, но с его силой ему это было и не нужно. Держа топор двумя руками, он сделал резкое короткое движение, послав широкое полотно топора в горизонтальной плоскости. Страшное лезвие устремилось точно в торс девушки.

Суора, развернувшись влево и немного подавшись назад, встретила прямым ударом правой ступни деревянное топориче, отбросив его назад. А в следующий миг этой же ногой ударила ребром ступни в открытый лоб разбойника.

Хишен практически ничего не успел понять. Девушка двигалась настолько быстро, что глаз почти не мог различить ее движения. Разбойник только почувствовал как топор налетел на что-то и отскочил назад, выворачивая ему ладони, а в следующее мгновение ему словно бревно в лоб врезалось. Его голова как мячик отпрыгнула к стене и он крепко приложился затылком к кирпичам позади себя.

Как ни удивительно, но мивар остался в сознании, по крайней мере наполовину. Он медленно сползал по стене, ничего не соображая и совершенно дезориентированный. Разбитый затылок оставлял за собой кровавый след.

Девушка спрыгнула со стола и встала практически вплотную к Хишену. Она пристально смотрела на него. Ей было любопытно. Животное все еще продолжало бороться. Она видела как разбойник медленно приходит в себя, хотя честно говоря она была уверена что ее последний удар, будет действительно последним. Нет, она не хотела его убить, но рассчитывала что его сознательная деятельность на какое-то время прекратится.

Хишен тупо глядел перед собой и думал только о ноже в своем правом сапоге. Топор куда-то пропал из его рук. Он видел затянутую в черные одежды соблазнительную женскую фигуру перед собой, но он думал только о ноже. Он собирался с силами.

Хишен поднял левую руку и махнул куда-то влево. Всем своим существом он желал, он верил, что она посмотрит на то что он показывает.

Суора усмехнулась про себя. Как же он жалок со своими убогими уловками. Она послушно повернула голову и поглядела в правую от себя сторону. Она легко ощутила эмоциональный всплеск рядом с собой и в следующий миг легко прикоснулась левой ладонью ко лбу Хишена. Это был удар концентрированной энергии. От Владык, Хранителей и опытных наблюдателей Ташунг знал что некоторые из вида Homo Sapiens были способны делать тоже самое. Это конечно настораживало. Энергетическая волна буквально взорвала человеческое сознание, мгновенно погасив всю его деятельность и погрузив разбойника в глубокое беспмятство. Применение концентрации внутренних энергий было гораздо проще чем «метод кокона», но зато последний давал полный контроль над состоянием субъекта. Выбраться из кокона самостоятельно жертва не могла, а после энергетического удара она могла прийти в себя и через несколько минут, и через несколько часов. Все зависело от индивидуальных особенностей.

Суора посмотрела на нож в правой руке поверженного врага. Глаза ее сузились, она присела на корточки и положила пальцы левой ладони на безвольно склоненную голову мивара. Из рта у него текла кровавая слюна. Просто животное, подумала девушка и взяла нож из ослабленной руки Хишена.

44.

Минлу Такулада Хин занималась упражнениями с мечом. Наступала, наносила удары, уходила с линии атаки, парировала и уклонялась. Делала она это четко и по внешнему виду легко и изящно. Талгаро сидел, привалившись спиной к дереву и хмуро наблюдал за девушкой. По его лицу явно читалось что он не одобряет ее занятие. Наконец он спросил:

– У вас что, в Кирме все женщины, вместо того чтобы заниматься детьми и обедом, махают мечами?

Девушка сделала еще три удара клинком, остановилась и медленно, почти ритуально, вложила оружие в ножны, на поясе слева. После чего повернулась лицом к маленькому лоя.

– Тебе это не нравится? – Чуть улыбаясь, поинтересовалась она.

– Это противоестественно, – заявил Талгаро.

– Также как и ношение штанов?

Лоя еще больше нахмурился. Конечно он припомнил глупого священника, яростно придиравшегося на суде к штанам Минлу. Талгаро не понравился намек на то что он ведет себя также.

– Ты не ответила на вопрос, – сказал он.

– М-м-м, я не могу говорить за всех женщин Кирма, но большинство тех кого я видела занимаются обедом и детьми. Ты удовлетворен?

– Я рад за Кирм.

Минлу ничего не ответила. Она прошла по ласковой красно-коричневой траве и подняв голову, посмотрела на красноватый диск солнца.

– Волнуешься о времени? – Спросил Талгаро.

Минлу не отвечала.

– Если ты так торопишься, то почему идешь в Акануран пешком, почему не на лошади? – Не унимался маленький лоя.

– У меня была лошадь. Ее украли.

– Как же у такой грозной воительницы смогли увести лошадь?

– Лоя обманули меня, – спокойно сказала девушка, смотря куда-то в даль.

Талгаро застыл с открытым ртом.

– Ты это специально сказала, – побледнев от гнева, вымолвил он наконец.

– С какой стати? – Возразила девушка, по-прежнему смотря куда-то в сторону. – Так оно и было на самом деле. Завлекли меня голосами плачущих детей, а когда я вернулась назад, коня как не бывало.

– Лжешь! – Раздраженно проговорил Талгаро. – Вся Шатгалла знает, что вы кирмианцы первые лгуны на свете. Вы лжете даже когда у вас нет причин для этого, просто из любви к этому занятию. У вас даже есть конкурс лгунов, кто кого переверет.

Минлу наконец повернулась к своему маленькому собеседнику.

– Если ты имеешь в виду Балинское состязание рассказчиков небылиц, – все еще спокойно, но уже с ледяной ноткой в голосе, произнесла девушка, – то это конкурс на человеческую фантазию и воображение. И я не понимаю почему ты злишься. Вся Шатгалла знает, что вы, лоя, первые конокрады на свете.

– Что?! – Пронзительно вскрикнул Талгаро, задетый за живое.

– А что? Вы ведь большие любители конины.

Талгаро сделал глубокий вдох и заявил:

– Но в отличие от вас мы не скачем на них голыми и не пьем их кровь. А кроме того вы едите собак. Хорошо что Кит из металла, а то неизвестно чем бы все кончилось.

– Ты очень остроумен, – постепенно выходя из себя ответила девушка. – Наверно за это тебя и изгнал твой народ.

– Что?! – Закричал Талгаро. Его глаза запылали, а лицо побледнело еще больше, хотя уже казалось дальше некуда.

– Все знают, – насмешливо продолжила девушка, – что вы лоя вымачиваете в яде не только ваши плетки, но и ваши языки. А что касается конокрадства и воровства, то ведь всем известно, что равных в этом вам нет. Разве в Риволе не стоит памятник вору из народа Лоя?

– Но он спас город! – задыхаясь от гнева провозгласил Талгаро.

– Ну да, применив свое невероятное мастерство в воровстве.

– А вы... вы поклоняетесь ящерицам.

– Не ящерицам, а драконам, – спокойно возразила Минлу, – и не поклоняемся, а чтим. А вот вы разговариваете с камнями, думаете что они божки и еще вы делаете шляпы из скорлупы яиц вонючей ящерицы ахунда.

Талгаро немного успокоился, словно подготавливаясь к масштабной атаке.

– А у вас, кирмианцев, два языка растет во рту. И что касается воровства, то может быть мы и первые, да только после вас. Все знают, что вы даже за общим столом друг у друга из тарелок воруете. А глаза у вас узкие потому что ваши предки, когда ввали, постоянно прищуривались, да так и остались навсегда.

Кровь прилила к лицу девушки. Она старалась держать себя в руках, но этот человек определенно начинал бесить ее.

– Вы, лоя, сами ни на что не можете решиться. За вас всё решают эти ваши гилменги, а все свои решения они принимают, подбрасывая монету.

Талгаро конечно не стал утруждать себя ответом, а выдал новый факт:

– А у кирмианцев борода и усы растут у женщин, а не у мужчин.

– Ты видишь у меня усы? – Мрачно поинтересовалась Минлу.

– Сбрила, – с усмешкой сказал Талгаро.

Девушка лихорадочно вспоминала что-нибудь обидное про лоя.

– Вы можете заниматься сексом, только когда у вас течка один месяц в году, – заявила она. – Как животные. И вообще вы ни то ни сё, ни мужчины, ни женщины.

– А у вас кирмианцев сексом занимаются женщины с женщинами и мужчины с мужчинами, – почти спокойно ответил Талгаро. – Просто мерзость.

– А вы, лоя, едите падаль.

– А вы, кирмианцы, едите руками. И еще вы едите нас, лоя.

– Что за бред?! – Воскликнула девушка. – То что ты говоришь просто чушь. Возможно тебе и твоим сородичам надо меньше нюхать порошок баалма, а?

– А вам возможно пошло бы на пользу если бы вы по реже курили свою траву, – тут же парировал Талгаро. – И неплохо было бы вам перестать жевать эту вонючую кхуру, которой вы потом повсюду харкаете. Знаешь, выглядит просто отвратительно.

– Я думаю жевание кхуру не идет ни в какое сравнение с тем что вы воруете наших младенцев, чтобы приносить их в жертву вашим подземным божкам, – с тихой яростью проговорила Минлу.

Маленький лоя снова стал раздражаться. Это избитое обвинение глубоко задело его.

– Как известно вы жулики, каких свет не видывал, – медленно проговорил он, – а ваша алчность не знает границ. Вы даже своих детей продаете. Может поэтому вы и придумали байку, что мы ворует ваших младенцев, а?

– Может это вы наших детей продаете?! За какую-нибудь блестяшку. Вы же просто с ума сходите от всего блестящего. За яркие бусы и королеву свою продадите.

– Думай, что говоришь! – Взорвался Талгаро. Он яростно искал новое обвинение и нашел. – И вообще вы настолько гнусны, что заставляете ваших жен совокупляться с любым зашедшим в гости путником.

– Что ты несешь?! Вот уж правду говорят что лоя самые великие сплетники на свете.

– И кто это интересно говорит? Уж не вы ли? А сами облизываете свои руки после еды.

– А вы, лоя, мочитесь прямо под стол, за которым едите. И моетесь всего два раза в год.

– А вы, кирмианцы, когда нервничаете грызете свои ногти.

– А вы когда нервничаете стучите зубами, вот так, – и девушка красочно изобразила этот процесс.

Наконец оба замолчали, переводя дыхание. Запас обвинений на некоторое время иссяк и они просто смотрели друг на друга пылающими глазами.

Мозги обоих работали только в одном направлении, изо всех сил пытались найти как можно более обидный выпад, дабы уязвить противника как можно глубже. Два взрослых человека совершенно потеряли способность трезво осмысливать ситуацию.

Талгаро не в силах ни припомнить, ни сочинить чего-нибудь еще унижительного, уже собиравшись сказать, что если бы не Минлу, с Элен сейчас все было бы в порядке. Краем сознания он понимал, что это удар ниже пояса, но сейчас ему было наплевать. Однако подумав о девочке, он мысленно замер. Ему тут же припомнился их разговор, когда Элен пыталась убедить его, что кирмианка ни в чем не виновата. Лишь на секунду представив что девочка услышала бы все что они тут наговорили, он пришел в ужас. Его словно окатили ледяной водой, мгновенно вернув ему абсолютную ясность мышления и он отчетливо увидел себя и девушку со стороны. Ему стало стыдно. Он опустил глаза.

Минлу, конечно, заметила, что ее маленький противник как-то потух и сник. И это тут же передалось ей. Она вдруг до конца осознала, что они тут наговорили друг другу, сколько мерзости и низости было в их словах. Она вспомнила своего наставника из Храма Падающих Звезд мастера Киадо. У нее просто комок встал в горле. Ее плечи опустились и руки расслабились. Сердце стало биться реже и взор уперся в землю.

Оба продолжали молчать, но теперь это было совершенно другое молчание чем минуту назад. Воздух вокруг них больше не дрожал от напряжения и ярости, все успокоилось и улеглось. Тишина теперь почти доставляла наслаждение обоим людям, они чувствовали облегчение, как будто нечто темное огромное и злобное пронеслось над ними и исчезло, оставив их растерянными и опустошенными.

Они заговорили одновременно:

– Послушай, Талгаро...

– Я хочу извиниться...

Также одновременно они смущенно замолчали.

Несколько минут назад они были отвратительны словно две огромных разбухших злобных кучи злобы и раздражения, а сейчас они были прекрасны как ангелы. Им было неловко и тяжело говорить, но в тоже время они очень хотели дать понять, что они глубоко раскаиваются.

И снова они начали одновременно.

– С моей стороны было просто омерзительно..., – начал Талгаро.

– Я вела себя просто как последняя..., – начала Минлу.

И снова они замолчали, но на это раз они оба рискнули улыбнуться друг другу.

– Слушай, давай просто забудем, – предложила девушка.

– Нет, нет, я не могу, – запротестовал Талгаро, – это все моя вина. Я начал этот безобразный диалог и к тому же я должен попросить прощение за моих негодяев соплеменников, укравших твою лошадь.

– Даже не вздумай. Причем тут ты?! Если бы я начала просить прощение за все что сотворили Омо, мне бы жизни не хватило. А что касается, как ты выразился, безобразного диалога, то мы оба в нем участвовали и вина поровну на обоих.

– И все же мне кажется..., – начал Талгаро, но вдруг замолчал и посмотрел куда-то вправо. Потом поглядел обеспокоено на девушку и сказал:

– Кто-то идет. Я думаю Кит возвращается.

На лице Минлу также промелькнуло беспокойство. Сама она еще ничего не слышала, но прекрасно знала что слух лоя во много раз острее чем у нее и в этом вопросе ему вполне можно доверять. Она смотрела на Талгаро и видела что ему также не по себе как и ей. Как будто Кит мог каким-то образом узнать, что здесь только что произошло. При одной мысли, что металлический пес мог бы быть свидетелем недавней сцены, ей стало нехорошо. Стыдно.

Кит вышел на опушку леса и оглядел своих товарищей. Родерик Атинховский, создатель собакообразного робота, очень старался придать своему творению способность психологического анализа, дабы тот мог чутко реагировать на настроение его любимой внучки.

Пёс мгновенно проанализировал всю информацию, которую ему удалось считать с двух субъектов. Поза, мимика, пульс, давление, химический состав запаха, биотоки мозга, температура различных участков кожи и ее цвет. И пришел к выводу, что люди напряжены и обеспокоены.

– Что случилось? – Спросил Кит, усевшись на траву.

Минлу посмотрела на него и фальшиво улыбнулась.

– Ничего не случилось, – сказала она почти через силу. – Тебя ждем. Как все прошло?

– Ты лукавишь, – мягко сказал пёс. – Твоя улыбка не совсем искренняя.

Девушка перестала улыбаться. По правде говоря, ей все еще было не просто видеть перед собой это металлическое создание и сознавать что оно обладает разумом и душой человека. И она отдавала себе отчет, что конечно же она не представляет до конца на что он способен. Его хозяйка могла безошибочно определять лжет человек или нет, а что умеет он?

Пёс перевел взгляд на маленького лоя.

– Тал, я вижу что вы напряжены и обеспокоены, – дружелюбно проговорил Кит. – Что произошло? Если это касается Элен, то я хотел бы знать.

Лоя поднял глаза на собаку.

– Да нет, Кит, не переживай, – сказал он вполне спокойно. – Мы просто немного поспорили с Минлу. Старые противоречия между кирмианцами и лоя дали о себе знать. Мисс Элен и тебя это никак не касается.

Кит посмотрел на девушку. Та пожала плечами и снова улыбнулась.

– Не обращай внимания, – сказала она. – Мы уже все выяснили и возвращаться к этому не собираемся. Честное слово, Кит, теперь я улыбаюсь по-настоящему.

Робот усмехнулся, чем поверг девушку в легкое смятение, ибо она все никак не могла привыкнуть к тому, что эта металлическая морда способна на тонкую мимику и выражение различных эмоций. Талгаро, казалось, относился к этому вполне спокойно и легко принимал все как есть.

– Я вижу, – сказал Кит.

– Ну что, ты добрался до Касаша? – Спросил лоя. Ему действительно было очень интересно, а кроме того он хотел как можно быстрее покончить со все этой историей про «безобразный диалог».

– Да, – ответил Кит, совершенно по собачий улегся на землю и скрестил передние лапы.

– И что он сказал? – Нетерпеливо любопытствовал Талгаро.

Кит моргнул и его, до этого черные глаза, запылали темно-синим огнем. Девушка и лоя, не зная чего ожидать, непроизвольно попятнулись.

– Не пугайтесь, – попросил Кит, – это всего лишь записанное мной изображение секретаря.

Его слова мало что прояснили в головах его товарищей. В следующий миг в метре от морды собаки возникло голографическое изображение Касаша, ростом немногим ниже Талгаро, которое шевелилось и говорило.

Девушка и лоя, потрясенные, шарахнулись назад.

«Судья Мاستон Лург увез ее в Акануран», – сказала изображение молодого человека. «Зачем?» – Спросил голос Кита. «Точно я этого не знаю, но почти уверен он собирается предложить девочку Верховному претору в обмен на деньги или более высокую должность. Или и то и другое», – торопливо ответил Касаш. «На чем они уехали?» – Спросил невидимый Кит. «Черный мощный экипаж с красно-золотистой эмблемой Судебной палаты на дверях. Запряжен четверкой лошадей», – все так же поспешно и с усердием отвечало маленькое изображение. При этом девушка и лоя отчетливо видели напряжение и страх на лице судебного секретаря, украшенное огромным синяком. «Судья один?» – Последовал очередной вопрос. «Нет, с ним головорез по имени Галкут», – сказал Касаш. «За сколько они смогут добраться до Аканурана?» Изображение Касаша пожало плечами и произнесло: «Откуда мне знать. Если будут гнать без остановок, загоняя лошадей и меняя их на постоянных дворах, то наверно суток за пять».

Затем молодой человек исчез и глаза пса вернулись к своему обычному состоянию.

Кирмианка и лоя стояли, не смея шелохнуться. Ошеломление вперемешку с испугом отчетливо читались на их лицах.

– Это то что он сказал, – наконец произнес Кит, не дождавшись от них реакции.

– Что это было? – Почти прошептал Талгаро.

– Это называется «голограмма». Изображение того что я видел я могу записать себе в память, а потом воспроизвести. – Кит уже начал досадовать на то что просто не передал им слова судебного секретаря, а воспользовался встроенным в него голопроектором.

– Ты забрал его дух и заставил служить себе, – уверенно произнесла девушка и Кит понял что его последние слова ушли в пустоту.

– Ты могучий чародей, – все также полупшепотом объявил Талгаро.

– Э, ребята, стоп. Это никакое не волшебство. Я просто показал вам картинку, изображающую то что я видел.

– Но он был здесь, – возразила девушка, – мы видели его и слышали его голос.

– Это я нарисовал его в воздухе и воспроизвел его голос, – Кит начал уже не досадовать, а крупно сожалеть о своей выходке. – То что я видел и слышал в прошлом я могу показать и дать услышать другим позже, если я это записал. С Касашем все в порядке. Он в Туиле, жив и здоров. Ясно?

Лоя и девушка молчали, пытаясь осмыслить услышанное.

– То есть ты можешь вот так показать все что ты когда-либо видел? – Уточнил Талгаро.

– Не все. Только выборочно, только то что я записал, ну то есть сохранил себе в память со всеми подробностями. – Кит понял что вступает на зыбкую почву. Он будет просто не в силах объяснить им сложные принципы функционирования своей памяти.

Он постоянно анализировал все массивы данных поступающие к нему из внешнего мира и классифицировал по степени важности. Что-то он сохранял просто как текстовые данные, что-то он сохранял полностью, вместе с видеорядом и звуковым сопровождением. Система классификации была весьма разветвлённой и изощрённой, включая в себя и его собственные эмоции и пожелания, а также конечно учитывая интересы его хозяйки.

– Вот, например, суд над тобой, Минлу, я не могу так показать, потому что я хоть и помню все про него, но я не записывал его настолько подробно чтобы я его мог нарисовать в воздухе со всеми деталями.

– Ничего не понимаю, – призналась девушка.

Кит тяжело вздохнул.

– Ну думайте об этом как о портрете. – Устало проговорил он. – Я показал вам несколько портретов Касаши и сопровождал их своим голосом, при этом имитируя голос Касаши. Я думал так будет нагляднее и быстрее.

– Ты показываешь нам свою память, – медленно произнес Талгаро, – это понятно. Кстати мы, лоя, тоже умеем повторять голоса и звуки так что их не отличишь от оригинала. Непонятно как ты заставил Касаши появиться перед нами.

– Это называется «голограмма», – повторил Кит. – В стране где Элен и я живем это умеют почти все. В этом нет никакой магии и вам не нужно бояться. Вы видели когда-нибудь театр теней?

– Конечно, – приходя в себя ответила Минлу, – в Кирме он очень популярен.

– Ну вот, – обрадовался Кит. – Голограмма и есть тот же самый театр теней, где с помощью световых лучей создаются объёмные и цветные картинки. И давайте остановимся на этом. Я беспокоюсь за Элен и хочу узнать что вы думаете о том что сказал Касаш.

Слова собаки вернули обоих людей к действительности. Талгаро и Минлу посмотрели друг на друга, решая кто начнет первым. Лоя сделал жест рукой, как бы приглашая девушку вступить в разговор.

Минлу посмотрела на металлического пса.

– Ну что ж, – сказала она, – до Аканурана пять – шесть дней пути, на очень хороших лошадях и с остановками не более четыре-пять часов в сутки. И к сожалению, у судьбы несомненно будут только лучшие лошади.

– Акануран это что? – Спросил Кит.

– О, – удивленно воскликнула Минлу, – прости, я просто не знаю что тебе точно известно... Акануран это столица Агрона – королевства в котором мы в данный момент находимся. – Она чуть помолчала, собираясь с мыслями. – А Агрон находится на Шатгалле – так называется вся эта земля, вернее наш мир, ну то есть тот громадный материк на котором мы все живем. Этот материк омывается бескрайними океанами и морями.

– Понятно, – сказал Кит. – А верховный претор это ...?

– Это главный негодяй Агрона, – сказала Минлу и покосилась на Талгаро, ибо ее слова были подсудным делом.

– Он глава Судебной палаты – самой могущественной организации в этой стране, – объяснил Талгаро. – В свою очередь сам верховный претор – после короля самый влиятельный человек Агрона.

– А как же королева? – Поинтересовалась Минлу.

– Я не думаю, что агронская королева обладает и десятой долей того могущества, что сосредоточено в руках ее министра правопорядка, – сказал лоя. – Вообще у этого человека много титулов и имен. Зовут его Томас Раушер Халид. Он верховный претор, глава Судебной Палаты, министр правопорядка, первый судья королевства, председатель Собрания веларов, а также он герцог Этенгорский и майдмирэ. – Не дожидаясь вопроса, Талгаро объяснил. – Майдмирэ – это официальный статус претора. В Агроне есть утвержденный королем кво-перечень, который распределяет всех состоящих на государственной службе в зависимости от их должности и аристократического титула по статусам. Майдмирэ соответствует верховному претору с титулом герцога и такой статус только у одного человека.

– Ясно, – сказал Кит. – Похоже этот человек сумел занять все высшие должности этого государства.

– Не совсем, – возразила Минлу. – Король все-таки сумел удержать за собой должности Верховного главнокомандующего и Верховного судьи, который может отменить любое решение Палаты.

– А как верховный главнокомандующий, – вставил лоя, – король естественно возглавляет всю армию и флот, в то время как герцогу Этенгорскому подчиняется вся судебная гвардия или как их еще называют "красноголовые" из-за их шапочек. Надо заметить, что армейские маршалы и генералы не симпатизируют претору, по их мнению, да и не только их, он слишком много на себя взял, слишком много власти в его руках.

– Это придворная грызня постоянная тема сплетен, – сказала Минлу. – Как видишь, даже я и Талгаро, совсем не будучи гражданами Агрона и по большому счету не особо им интересуюсь, прекрасно осведомлены об этом.

– И судья Туила решил играть по-крупному, раз собрался торговаться с претором, – заметил лоя. – Я уверен, что глава Палаты заинтересуется мисс Элен и ее способностями и конечно же захочет заполучить ее.

Кит молчал, осмысливая услышанное.

– Я могу перемещаться со скоростью до 80 километров в час, в зависимости конечно от пересеченности местности, – сказал он. – Мне не нужно отдыхать, есть и пить, я могу двигаться круглые сутки. У меня есть шанс перехватить судью и Элен до того как они доберутся до претора?

– Трудно сказать, – медленно проговорила Минлу.

– Получается твоя скорость примерно в два раза выше чем у экипажа с четверкой отличных лошадей, – сказал Талгаро, – и если тебе не надо отдыхать нисколько, то наверно ты мог бы нагнать судью. Но ведь ты не знаешь дороги.

– Вы мне покажите дорогу на карте, – предложил Кит.

– На карте..., – удивленно проговорил лоя. – Как же это возможно? Это должна быть невероятно большая и подробная карта. Но даже если бы такая и существовала, нельзя провести на ней дорогу совершенно точно.

Кит решил, что Талгаро прав. Конечно пёс Элен имел загруженные в память карты материка, который местные жители называли Шатгалла и мог бы вывести их изображение, как и голограмму Касаша. Часть этих карт была получена из общей базы данных планет, когда они с Элен искали информацию о Каунаме, а часть во время их сумбурной посадки. Но это все было

не нужно. Киту достаточно знать месторасположение Аканурана и он сможет сам сориентироваться куда и по какой дороге ему идти.

– Это не важно, просто покажите мне на карте где находится Акануран, – сказал Кит. – Только прошу вас не пугайтесь.

Глаза собаки снова вспыхнули синим пламенем и перед Талгаро возникло большое плоское прямоугольное изображение географической карты.

На этот раз девушка и лоя восприняли появление в воздухе картинки гораздо спокойнее.

– Просто укажи пальцем, где Акануран, – попросил Кит.

Талгаро храбро приблизился к голограмме и принялся изучать нанесенные реки и горы. Минлу тоже подошла ближе, с интересом разглядывая удивительное зрелище. Конечно она видела карты и раньше. В Храме Падающих Звезд их было немало. И вышитые на ткани, и рисованные на пергаменте, и выложенные мозаикой на стенах. А одна из самых подробных была даже у неё с собой. Но они не шли ни в какое сравнение по точности исполнения с той что она видела сейчас.

– Вот здесь, – уверенно сказал Талгаро. Он с опаской приблизил указательный палец к голограмме в нужном месте. Когда палец легко прошел сквозь изображение, маленький лоя на миг окаменел. Придя в себя, он продолжил: – Вот серповидный залив Старый Джо, который выходит в Радужное море. Вот это река Мая, впадающая в залив, здесь где река входит в залив на северном берегу и лежит Акануран.

– Благодарю, – сказал Кит и карта исчезла. – Теперь я сумею добраться туда, даже если и собьюсь с основной дороги.

Лоя и девушка некоторое время молчали. Судя по всему они ожидали другого, им обоим казалось очевидным, что следует идти на восток всем вместе, ну или по крайней мере самого себя каждый видел спутником металлического пса. Наконец Минлу осторожно произнесла:

– Послушай, Кит, мне тоже очень нужно как можно скорее попасть в Акануран, это вопрос жизни и смерти, и раз уж наши пути совпадают я бы очень хотела хоть как-то помочь тебе и мисс Элен. Вы спасли мне жизнь. Поэтому я надеялась что мы пойдем вместе.

Черные миндалевидные глаза собаки пристально посмотрели на кирмианку.

– Прости, Минлу, но я должен спешить. Моя главная задача быть рядом с Элен и защищать ее. Любая задержка на пути в Акануран мешает моей задаче. А ты, как бы ни старалась, будешь задерживать меня. Сейчас для меня это неприемлемо. Надеюсь ты понимаешь это.

– Я понимаю это, – согласилась девушка, – но вот ты, Кит, прости если это грубо звучит, кажется многого не понимаешь. Одному тебе будет очень трудно. Да, ты очень сильный и вообще такой могучий, что наверно мало что может представлять для тебя опасность. Но тебя просто могут обмануть. Насколько я поняла, ты и Элен ничего, или почти ничего не знаете о Шатгалле в целом и о Агроне в частности. То что судья везёт мисс Элен в Акануран мы знаем только со слов Касаша. Касаш мог солгать тебе или сам судья мог солгать Касашу, не важно. Так или иначе, я думаю, будет необходимо интересоваться у всех встречных видели они или нет черный экипаж Судебной палаты, запряженный четверкой лошадей, а может быть даже судью и девочку. Это обязательно надо делать, чтобы убедиться что ты идешь по правильному пути. Теперь представь себе жителей агронских деревень и городов, представь себе путников, владельцев постоянных дворов и так далее. Разве они будут с доверием относиться к металлическому созданию? Да, многие видели двигающиеся механизмы из шестеренок и проволочек, всякие там часы, шкатулки, кукол, которые порой даже произносят отдельные слова или проигрывают мелодии, но никто никак не ожидает что подобный механизм вдруг заговорит с ними осмысленно. Они просто не сумеют понять, что ты такое есть и что с тобой вообще можно разговаривать как с человеком. Тебе придётся или запугивать их до смерти или тратить кучу времени чтобы добиться от них хоть какого-то приемлемого диалога.

Талгаро поглядел на девушку и на его лице промелькнуло нечто похожее на уважение.

Кит же внимательно смотрел на кирмианку, казалось ее слова заставили его крепко задуматься.

– К тому же, что касается судьи, Мастона Лурга, – продолжила Минлу, – я думаю он очень непростой человек. Неизвестно что у него в голове. Допустим он считает что с тобой покончено и ты навсегда остался в той яме, то и в этом случае, я не думаю, что он будет вести себя беспечно. Если же он имеет хоть тень подозрения о том что ты преследуешь его, то он конечно постарается обмануть тебя. Он может поехать в другой город или как-то изменить свой путь. Возможно он захочет предложить мисс Элен не верховному претору, а самому королю, который в данный момент может находиться не в столице, а в одной из своих многочисленных резиденций. А кроме того, Кит, как по-твоему поведет себя судья, когда увидит тебя. Думаешь он отдаст тебе мисс Элен по-хорошему и вы спокойно уйдете? Я так не думаю. Что если он приставит нож к ее горлу и прикажет тебе не подходить ближе, или прикажет тебе спрыгнуть с обрыва или, ну я не знаю, прикажет тебе отправляться обратно в Туил и что, мол, пока он не получит вестей от Касаша, что ты в Туиле, он не отпустит девочку. Да все что угодно. Мне кажется он готов пойти на все. Для него это такой невероятный шанс стать богатым и влиятельным, шанс всей его жизни. Поэтому тебе лучше не приближаться к нему в открытую. А как ты сделаешь это скрытно? Один, ты везде будешь привлекать к себе большое внимание, не говоря уже о самом Акануране. Ты собираешься взять его штурмом или как? Ты наделаешь столько шуму, что о тебе узнают все, и Мастон Лург, и верховный претор, а ты же в свою очередь ничего не сможешь узнать, даже просто где находится дворец герцога Этенгорского. – Минлу перевела дыхание. Оба ее собеседника внимательно слушали ее и прерывать судя по всему не собирались. – По правде говоря, Кит, я думаю гораздо целесообразней, только прошу пойми меня правильно, дать ему время передать мисс Элен в руки верховного претора. Тогда мне кажется всё станет проще. Если, допустим мы пойдем с тобой и ты не будешь ни с кем разговаривать, не будешь выделять эти невероятные голограммы и прочее, то ты вполне можешь сойти за один из механизмов лоя. Правда конечно очень уж совершенный. А все разговоры мы возьмем на себя. Тогда мы спокойно войдем в город, узнаем где живет претор, узнаем где держат мисс Элен и в одну из ночей ты выкрадешь ее. Думаю это не составит для тебя труда. Я все это говорю потому что очень хочу помочь тебе и мне кажется очевидным что нам надо держаться вместе. Да, мы задержим тебя в пути, но я думаю в конечном итоге мы будем полезны тебе.

– Говоря мы, ты имеешь ввиду себя и Талгаро? – Спросил Кит.

– Ну..., – девушка несколько растеряно посмотрела на лоя, – да. Я так поняла Талгаро хотел присоединиться к тебе.

Пес посмотрел на маленького лоя.

– Тал, ты же шел на запад, совсем в другую сторону, – сказал Кит. – Ты радовался что твое длинное трудное путешествие близко к завершению. Тебе совсем не нужно влезать во все это.

– Это надо понимать так, что ты согласен с Минлу и решил не идти один? – Спокойно спросил лоя.

Кит посмотрел куда-то в сторону. Его квантово-волновой мозг работал изо всех сил, стараясь принять правильное решение. Альфа доминантой его поведения, заложенной в него его создателями, было находиться в непосредственной близости от Элен Акари и делать всё что бы избавить девочку от любых негативных воздействий. И сейчас альфа доминанта требовала немедленно отправляться на восток чтобы воссоединиться с Элен как можно быстрее, но Родерик Атинховский оставил ему возможность выбора. В каких-то чрезвычайных обстоятельствах Кит мог пойти против своей главной доминанты поведения, если он сочтет это нужным. Металлический пёс не был слепым орудием с неизменной программой, действующий строго по заданному алгоритму. Он действительно мог принимать решения исходя из своих предпочтений, эмоций и желаний. Он знал в чем смысл его жизни, но реализовывать его мог по своему выбору. Отец Линды Рейлих изо всех сил стремился сделать собакообразного робота человек-

ным. В первое время Валентин Акари был очень недоволен таким своеобразным подарком для Элен. Не говоря о том что Кит стоил просто астрономическую сумму денег, Валентин не понимал зачем вообще девочке давать электронного друга, когда ей конечно полезней общаться со своими сверстниками и заводить нормальных друзей. Но дед Элен был непреклонен, он очень любил свою единственную внучку, дочь его единственного ребенка и хотел дать ей надежнейшего телохранителя и спутника. Спор между отцом девочки и ее дедом был долгим и тяжелым, но в конце концов Валентин уступил, а потом конечно привык и даже в какой-то мере привязался к Киту.

Сейчас пёс взвешивал все за и против, пытался рассчитать вероятности, но данных было слишком мало и все они были весьма зыбкими. Отложить встречу с хозяйкой, чтобы затем иметь более надежную возможность выручить ее, либо устремится к ней немедленно, но возможно подвергнуть её более высокому риску при встрече, а также возможно потерять ее след, ибо конечно Минлу была права, мало кто захочет сотрудничать с таким странным для этого мира существом как он.

– Да, – наконец ответил Кит. – Я решил идти вместе с Минлу.

– Ну тогда, я вне всяких сомнений должен присоединиться к вам, – сказал маленький лоя.

– Но Тал, – возразил пёс, – я не хочу чтобы ты из-за меня и Элен так кардинально менял свой путь.

Лоя очень серьезно поглядел на металлическую собаку.

– Кит, неужели ты думаешь, что я вот так вот развернусь и пойду себе спокойно на запад, оставив маленького ребенка в беде. Я считаю мисс Элен своим другом, но кроме того, она всего лишь маленькая девочка, и взрослые жестокие негодяи хотят использовать ее в своих целях. Неужели ты думаешь, я смогу спокойно оставить это, вернуться к своей семье и жить дальше как будто ничего не случилось. Да я лучше еще десять раз обойду этот мир. И прошу, давай больше не возвращаться к этому. Даже если ты не возьмешь меня с собой, я сам пойду в Акануран.

Кит вздохнул.

– Прости, Тал, я не хотел как-то обидеть тебя.

– Я ничуть не обижаюсь, – улыбнулся лоя. – Вы с мисс Элен ведь словно с неба свалились и вам определённо нужна помощь чтобы разобраться с этим миром и его обитателями.

– Да уж, – медленно протянул Кит, – определенно.

Он некоторое время помолчал и затем словно нехотя произнес:

– Когда ты, Минлу, говорила о том что мой внешний вид может вызвать некоторый ажиотаж у неподготовленного зрителя, я подумал что возможно делу поможет, если я буду выглядеть более, так сказать, реалистично. Как вы думаете?

– Что ты имеешь в виду? – С любопытством глядя на металлическую собаку, тут же спросила девушка.

Талгаро, дабы блеснуть умственными способностями, поспешил предположить:

– Ты что ли и себя можешь превратить в эту... голограмму?

– Ну что-то вроде. Я могу превратиться в обычную собаку. Я сейчас покажу, вы только, пожалуйста, не пугайтесь.

Однако по мгновенно застывшим лицам Минлу и Талгаро было ясно, что они оба напряглись. Впрочем, по их горящим глазам робот также видел, что они явно с нетерпением ждут очередного ошеломляющего фокуса.

Кит встал на все четыре лапы, ободряюще улыбнулся своим товарищам и включил элвату. В следующий миг по его металлической поверхности словно прошла легкая рябь. Зрелище всколыхнувшегося металла, словно он вдруг стал жидким, было настолько странным и противоестественным, что оба зрителя скорее поверили бы что это у них двоится в глазах, чем в то, что твердый стальной корпус вдруг задрожал как полотнище знамени на ветру. Через

секунду вибрирующая поверхность видоизменилась, нанопроводниковые волокна метаморфного полиматериала корпуса робота идеально смоделировали обычный собачий шерстяной покров, симитировав каждый отдельный волосок и густого подшерстка и прямые длинные остевые волосы покровной шерсти темно-серого окраса со светлыми кремовыми подпалинами возле брюха и почти черной мордой. Глаза робота обрели белки, карие радужные оболочки и зрачки, черный нос увлажнился, на розовом языке появилась слюна.

Минлу и Талгаро безмолвствовали, во все глаза разглядывая возникшего перед ними зверя. Теперь Кит выглядел абсолютно живым созданием. Огромная чудовищная собака с широкой грудной клеткой, могучими лапами, длинным пушистым хвостом и живыми добрыми глазами. И тем не менее никакого сомнения в том что это всё-таки обычное животное не возникало. Ничего металлического не осталось и в помине. Треугольные уши торчком, влажный темный нос и самая настоящая шерсть от носа до хвоста.

– Невероятно, – прошептала девушка и улыбнулась словно бы с некоторой робостью. При всей силе своего ума и той массы знаний, что она получила от своих учителей, она была всё же не в состоянии даже отдаленно представить кем или чем является Кит.

Талгаро с окаменевшим лицом и распахнутыми глазами вытянул руку вперед и приблизился к собаке. Очень осторожно он потрогал переднюю лапу. На ощупь это была обычная короткая гладкая шерсть. Лоя поднял голову и с восторженным потрясением поглядел на собачью морду.

– Но ведь это не иллюзия, – проговорил он ошарашено.

– Нет, – подтвердил Кит. – По своей фактуре шерсть самая что ни на есть настоящая, абсолютно совершенная имитация. Ну так что скажите, так будет более естественно?

– Конечно! – Радостно отозвалась Минлу и бросилась вперед. Но в последний момент замешкалась и смущенно спросила: – Можно погладить?

Кит улыбнулся:

– Ну, конечно, можно.

Девушка сначала провела ладонью по его боку, потом потрепала густую и толстую, как и полагается, складку на шее, потом осторожно погладила его лобастую голову между ушами. Минлу улыбнулась:

– Ты совсем настоящий. И такой хорошенький!

Кит усмехнулся. Однако Талгаро почему-то почувствовал легкий приступ неудовольствия. Ему вроде как показалось, что когда Кит был металлическим это как-то больше связывало собаку с лоя. И в глазах окружающих, и в его собственных. А теперь Кит словно бы стал ближе к кирмианке, ласкающей его как какую-то мягкую девчачью игрушку.

– А почему ты не всегда в этом виде? – Поинтересовался Талгаро.

– Ну это требует дополнительных затрат энергии, – туманно пояснил он, – да и вообще мне больше нравится мой, так сказать, естественный, металлический вид.

– Ты также легко можешь превратить обратно? – Спросил Талгаро.

– Конечно, – сказал Кит и тут же продемонстрировал.

Минлу испуганно отдернула руку, когда шерсть под ее ладонью словно слиплась и затвердела.

– Ну нет, – капризно и почти разочарованно произнесла она, потрогав твердый гладкий металл, – тебе так идет твоя мохнатость. – Девушка улыбнулась.

– Тебе же сказали, – строго осадил её Талгаро, – это требует лишней энергии.

Однако Кит снова включил элвату и покрылся шерстью.

Минлу торжествующе покосилась на маленького человечка, заодно подумав, что тот вряд ли вообще понимает слово «энергия». После чего заметила:

– Я думаю что в таком, естественном, если так можно выразиться, виде, тебе Кит будет гораздо проще на Шатгалле.

– По-вашему в таком виде я буду более приятным собеседником для незнакомцев?
Кирмианка и лоя переглянулись.

– Вряд ли, – чуть смущенно ответила девушка.

– Тебя примут за оборотня, – добавил Талгаро, который тоже собрался с духом и погрузил свою ладошку в шерсть робота, изумляясь её естественности, а ведь недавно здесь был только сплошной металл.

– Но ведь говорим будем мы, – бодро сказала девушка. – Ты будешь просто стоять рядом и всё будет хорошо. В шерсти ты выглядишь совершенно обычно, просто большой добрый пес. Кит клацнул страшными клыками из «алмазной» стали и глухо зарычал.

– Я могу выглядеть и недобрым. Если нужно.

– Я думаю ты пока вполне можешь оставаться металлическим, – быстро сказал лоя. – А вот при входе в какой-нибудь город или деревню пожалуй стоит ... ээ-э

– Мы с Элен называем это «включить картинку», – подсказал Кит.

– Ну да, включать картинку. Я согласен с Минлу, – и Талгаро сделал ударение на этих словах, словно пытаясь показать насколько он великодушен, – что людям будет гораздо проще тебя воспринять как обычную, пусть и очень большую, собаку. Это несколько не удивит их и они вряд ли обратят на тебя особое внимание. Тем более, например, у туру тоже есть пастушьи породы собак, которые по размерам вполне под стать тебе. Только у них морда более тупая и уши висячие.

– Ну это пока ты не заговоришь, – весело сказала Минлу. – А как только ты скажешь хоть слово, люди уж точно не забудут тебя.

– Ну это еще проще, чем включать картинку, – улыбнулся Кит. – Я умею быть молчаливым.

– Весьма, кстати, похвальное умение, – заметил Талгаро и пристально поглядел на кирмианку.

Но девушка не обратила внимания на его взгляд и оживленно сказала:

– Ну что ж, теперь я думаю нам нужна хорошая лошадь.

Пёс и лоя посмотрели на девушку.

– Есть какие-нибудь мысли где ее взять? – Поинтересовался Талгаро.

– Э-э, ну, наверно можно купить, – неуверенно проговорила Минлу.

– Приличная лошадь стоит приличных денег, – заметил лоя и затем обратился к девушке: – У тебя есть деньги?

– Я боюсь что сумма, которой я располагаю...

– Ясно, – бесцеремонно прервал ее Талгаро. – А у тебя Кит?

– Нет. Честно говоря, я даже еще никогда и не видел денег этой страны.

– Ну что ж, – Талгаро слегка подбросил тощий кошелек на своем поясе, – у меня только монеты лоя и несколько агронских, три серебряных и немного меди, этого возможно хватило бы на половину какой-нибудь старой клячи, но для хорошего скакуна это несерьезно.

– Я думаю проблему можно решить проще, – сказал Кит. – Я вернусь в Туил и позаимствую коня у Касаши и доблестной судебной гвардии. Это не составит для меня большого труда.

Лоя и девушка уставились на собаку.

– Мысль интересная, – с некоторым сомнением в голосе произнес Талгаро. – А как ты поведешь коня?

– Возьму зубами за узду и поведу.

– Кстати, – сказала Минлу, – мне интересно, а как вы принесли меня в лес?

– О, это было незабываемое зрелище, – улыбнулся лоя.

– Я могу идти на задних лапах, и что-нибудь нести в передних, – объяснил Кит. – Но в таком положении скорость моего перемещения очень низкая.

– Не совсем по собачий, – улыбнулась девушка.

– Это мой секрет, – улыбнулся в ответ Кит.

– Тебе придется применить насилие или по крайней мере угрозу насилия, – сказал Талгаро, возвращая своих товарищей к лошадиной теме.

– Я так не думаю, – возразил пес. – Мне кажется моей настойчивой просьбы будет вполне достаточно, чтобы Касаш пошел мне навстречу. Кроме того, после всего что он сделал, я не испытываю к нему симпатии и не собираюсь щадить его чувств.

– Это ты синяк ему поставил? – Спросила Минлу.

– Нет, видимо без симпатии к нему относится кто-то еще.

Талгаро сделал два шага вперед.

– Мне думается есть способ обойтись без шума и излишнего напряжения, – как бы нехотя проговорил он.

– Каким образом? – Спросил Кит.

Талгаро закашлялся.

– Ну-у, я мог бы..., – он снова закашлялся и покосился на девушку. – То есть ..., ну в общем, я мог бы украсть у них лошадь. Тихо, незаметно.

Повисла некая неясная тишина.

– Почему ты думаешь что у тебя получится? – С некоторым недоумением поинтересовался Кит.

– Гм, ну видишь ли, – неуверенно начал Талгаро и снова покосился на Минлу, – я маленького роста, люди не обращают на меня внимание, я умею подделывать любые голоса. – Он сделал вдох и вдруг заговорил более низким и глухим, но в тоже время обладающим некоторой певучестью, голосом: – К тому же большинство людей абсолютно не наблюдательны.

Это был голос Кита.

Пес улыбнулся и заговорил точной копией голоса Талгаро:

– У тебя большие способности. Но, прости, я думаю будет гораздо быстрее если я просто схожу и попрошу. – Кит вернулся к своему нормальному голосу: – Вы просто выдвигайтесь по дороге на восток, а я скоро догоню вас.

Талгаро вздохнул и сказал:

– Хорошо, ты прав, ты сможешь быстрее добраться до центральной площади и думаю у тебя не займет много времени чтобы убедить Касаша расстаться с одним из коней. Но тебе все же лучше взять меня с собой. Мало ли что, Касаша ли нет, или всех лошадей разобрали, я если что может быть подскажу дельную мысль. В конце концов, это Минлу не стоит появляться в городе, ибо она сбежавшая преступница и ее ищут. А меня и тебя никто не ищет и мы можем гулять по Туилу сколько нам заблагорассудится.

– Талгаро прав, – сказала Минлу. – Может возникнуть какая-нибудь непредвиденная ситуация и тогда лучше иметь кого-то кто в курсе местных дел. Я пойду потихоньку на восток, а вы догоните меня.

Кит посмотрел на маленького лоя и тому показалось что пес все еще сомневается.

– Я могу ездить верхом на большой взрослой лошади, – быстро сказал Талгаро. – А в город я могу поехать на тебе.

– Поверь, это будет не очень удобно для тебя, вернее даже очень неудобно. Элен иногда пытается покататься на мне, но ее хватает метров на сто, максимум двести. Я твердый, скользкий и тебе будет не за что держаться.

– Мы ездим верхом на ящерицах ахунду, – с гордостью произнес лоя, – и удержаться на них, поверь мне, тоже весьма непросто.

– А ты возьми в зубы ремень и пусть Талгаро держится за него, – предложила девушка. Потом чуть смутившись, добавила: – Если это конечно никак не оскорбит тебя.

Кит улыбнулся.

– Нет, не оскорбит, – сказал он. – Разве форма определяет содержание? – Кит на секунду задумался. – Впрочем, по-всякому бывает, но это уже философия.

45

Касаш сидел в приемной перед кабинетом главного королевского судьи города и покачивая пальцами тяжелую стеклянную чернильницу, лениво наблюдал как внутри перетекает темная вязкая жидкость. Ему было скучно и тоскливо. Двадцать два года, столичная Судебная академия ничуть не ближе чем три года назад, девушка которую он считал своей любовью на всю жизнь бросила его, заявив что он бесперспективный и он все чаще и чаще прикладывался к спасительной семейской настойке. В общем ясно что жизнь не удалась. Бес-пер-спек-тивный, она так и сказала по слогам. Мысли молодого человека, ничем особо не занятые, перескакивали с одной темы на другую. «Может быть все-таки попробовать стать поэтом?», неторопливо раздумывал Касаш. В жуткой тайне от всех, под покровом глухой непроглядной ночи, он иногда занимался тем, что записывал в блокнот рифмованные строки собственного сочинения. Делал он это исключительно для души и стихи у него рождались, как он заметил, почти всегда в те моменты, когда его одолевало плохое настроение. Он слышал что столичные поэты, добившиеся популярности, живут просто припеваючи. Их приглашают на званые вечера, за свои выступления они получают солидные гонорары, они любимцы женщин и аристократии, а книгоиздатели платят им такие деньжищи, что это просто неприлично. «Или все-таки купить эти черно-коричневые ботинки со шнуровкой?», в очередной раз скакнула непоседливая мысль. Ботинки ему очень понравились, но только не ценой. Хозяин магазина запросил такую сумму, что Касаш в начале подумал что ослышался. Однако он не ослышался, а продавец не оговорился. Придётся ходить в старых, жизнь несправедлива.

Молодой человек подумал о предстоящем обеде. Совершать трапезу здесь, в столовой Судебного дома, не хотелось. Во-первых, сама пища не вызывала особого восторга, во-вторых гвардейцы не относились к нему с должным почтением. В строгой иерархии Судебной палаты имелось две основных касты: законники, к коим относились непосредственно судьи всех рангов, а также их помощники, секретари, дознаватели, палачи, курьеры и прочее, и гвардейцы, офицеры и рядовые. Иерархия выстраивалась в четком соответствии с кво-перечнем, но в Палате статусы распределялись так, что рядовой гвардеец, «красноголовый» в простонародье, имел статус ниже чем любой представитель, даже самый незначительный, из касты законников. Так что Касаш, не имеющий никакого аристократического титула, но тем не менее занимающего должность Судебного секретаря городского судьи, в кво-перечне был на несколько ступенек выше чем рядовой гвардеец. Более того, на данный момент капитан Свадо и молодой человек обладали одинаковым статусом – дэли, несмотря на то что гвардейский офицер был лет на двадцать старше секретаря. Но несмотря на это, подчиненные Свадо относились к Касашу довольно небрежно, не особенно утруждая себя выказыванием какого-то уважения, считая его молодым, неопытным, слабохарактерным и вообще чернильной душой и бумажной крысой. Хотя, наверное, главным образом дело здесь было не в личных качествах Касаша, а в тех стереотипах, что были распространены среди гвардейцев. Те кто носили мечи всегда относились прохладно к людям, работающим с бумагами. Но так или иначе, Касашу не очень хотелось сидеть в общей зале с гвардейцами и слушать их соленые шуточки, напрягаясь всякий раз, когда ему казалось что очередное остроумное замечание направлено в его адрес. Но с другой стороны, он всегда сидел за столом с капитаном Свадо, который ему очень нравился и которого гвардейцы очень уважали и боялись. Офицер как бы распространял вокруг себя ауру силы, под защитой которой Касаш чувствовал себя вполне уверенно. Но иногда капитан предпочитал обедать дома, в кругу семьи, хотя это и противоречило уставу, согласно которому, во время приема пищи он должен был находиться с личным составом и нельзя было знать заранее как поступит капитан.

Можно было пообедать в столовой мэрии, среди мелких чиновников и таких же секретарей как и он. Но там было столько негативной энергетики по отношению к любому представителю Палаты, что просто кусок в горло не лез. Законников не любили. Причины этой застарелой нелюбви брали свои истоки в таком нехорошем чувстве как зависть. Всякий, кто прошел соответствующие экзамены и проверки и вступил в доблестные ряды Судебной Палаты, сразу перепрыгивал через несколько ступенек в кво-перечне по сравнению с обычными чиновниками, вельможами, армейскими офицерами и прочими. Также любой в Агроне прекрасно знал что законники получают просто немислимое жалование. Естественно все это делало их объектами зависти, а иногда и просто ненависти, абсолютно незаслуженной, по крайней мере так считали сами люди Палаты.

Можно было пойти домой. Мэри Бэтрин прекрасно готовила, настолько хорошо, что Касаш просто не мог остановить себя пока не съедал все что было. А потом с раздутым животом он просто не мог встать из-за стола. Однако у этих трапез имелся один существенный минус, в отличии от столовых. Они стоили денег, тогда как в Судебном доме или в мэрии Касаш мог получить, пусть и весьма неприятную, но тем не менее абсолютно бесплатную еду. А добропорядочная и богобоязненная сэви Бэтрин в конце месяца выставляла такой счет за каждую съеденную порцию, тщательно учтенную дотошной женщиной, что Касаш всякий раз клялся себе что он больше никогда не сядет за стол хозяйки дома.

Конечно можно было просто пойти в какую-нибудь таверну. В «Черную Румму» например. На этом моменте Касаш задержался подробнее. Ему пришло в голову что он мог бы между делом заказать себе на вечер Тиру. Эта мысль вызвала у него массу приятных эмоций. Эта милая девушка ему очень нравилась. Ему вполне хватало средств чтобы покупать ее у Виво на целую ночь и это были необыкновенные ночи. Когда он просыпался утром и смотрел на спящую Тиру, в его голове даже проскальзывали некие шальные мысли. Но нет, нет, он конечно не обезумел на столько чтобы жениться на проститутке. Это просто смешно. В Судебной Палате не потерпят таких вольностей, по крайней мере от законника столь мелкого и ничтожного уровня. Да и отец, который хвала Небесам, остался в своем родном городишке, откуда до Туила было почти полмесяца пути, узнай об этом, орал бы пока не потерял голос и рвал бы на голове волосы пока те не закончились. Да мы с матерью всю жизнь горбатились, чтобы вас с Сарой в люди вывести, света белого не видели, с утра до ночи, не разгибаясь, как проклятые, не доедали, не досыпали и так далее. На самом деле заслуга отца состояла лишь в том, что он приложил некоторые усилия, в основном при помощи ремня и подзатыльников, чтобы научить сына и дочь читать и писать. После чего сразу же отдал их в подмастерья книжникам из городской библиотеки и всю плату за их совсем недетский труд забирал себе. И уж Касаш сам, в свободное время, которого кстати оставалось не так уж и много после уборки пыли с книг, мытья полов, работы на кухне, склеивании манускриптов, приготовления чернил, и еще кучи хозяйственных задач, в основном по ночам корпел над томами по законоведению и праву, готовясь к ужасным экзаменам в Судебную Палату.

Ну или можно просто пойти на рынок и купить пару сладких гречневых лепешек, подумал Касаш, с тоской вспомнив о своем синячище на пол-лица. Вне всяких сомнений это бы не имело значения для Тиры, но тем не менее ему не хотелось представлять перед ней в подобном виде. Мысль о синяке напомнила ему о ночной визитерше и об утренней встрече с металлическим псом. «Пожалуй, – решил Касаш, – я еще легко отделался. Любой из них мог меня запросто отправить на тот свет». И вообще, сказал себе молодой человек, все не так уж и плохо. Он получает весьма приличное жалование для его лет, правда размер оного приходилось катастрофически преуменьшать в письмах отцу и матери, иначе в ответ посыпались бы послания с тонкими намеками на то, что вот мы, ради вас с Сарой, не разгибались, не доедали, не досыпали и так далее. Сестра конечно не смогла устроиться также хорошо как он, ибо путь для женщин в Судебную Палату был заказан, но отец с матерью крепко надеялись на прибыль-

ное замужество для дочери, уповая на ее грамотность и считая что это должно привлечь приличных женихов. Так вот, все не так уж и плохо. Судья отбыл в Акануран, и Касаш по сути дела остался предоставленный самому себе. Пресечение преступлений и водворение преступных элементов в городскую тюрьму возлагалось на армейские патрули, которые подчинялись только своим армейским офицерам и мэру. Сейчас, во время отсутствия главного королевского судьи города, в обязанности Касаша входил лишь надзор за должным содержанием под стражей доставленных солдатами преступников, коих на данный момент не было ни одного. Только законник, обладающий статусом судьи, мог проводить суд или назначать дознание по тому или иному обвинению, которое могло быть выдвинуто любым гражданином Агрона против любого другого гражданина или не гражданина, как например в случае с этой кирмианкой. Таким образом, получалось, что пока в Туил не пришлют нового судью, Касаш мог с чистой совестью предаваться безделью, своему любимому занятию. Молодой человек не сомневался что Мاستон Лург, выгорит ли у него дело с девочкой или нет, в город уже не вернется и сюда пришлют нового законника.

Касаш оставил чернильницу в покое. «Нет причин для тоски и уныния, – бодро сказал он себе, – все идет отлично. Я молод, обеспечен, прекрасный любовник, гм, по словам Тиры. Я умен, образован, у меня блестящее будущее, я живу в роскошных апартаментах и скоро у меня будут самые красивые ботинки в городе».

Раздался стук в дверь и молодой человек вздрогнул. От неожиданности стук показался ему громким и грозным, словно сам Фатум явился за ним. Жизнерадостное выражение на лице Касаша увяло, холодная тень мрачного предчувствия накрыло его душу.

Дверь приоткрылась и в щель просунулась голова, на которой немного наискось сидела красная шапка с черными полосками. Увидев, что секретарь на месте, гвардеец без особых церемоний вошел в приемную.

Касаш несколько растерянно взирал на подчиненного Свадо. Плохо выбритая физиономия, черные круги под глазами, какие-то крошки, застрявшие на щетине подбородка, общая помятость формы и торчавшая портянка из левого сапога почему-то вызвали у молодого человека сомнения в судьбоносности этого субъекта.

– К вам пришли, – пробурчал гвардеец.

Растерянность Касаша медленно трансформировалась в раздражение.

– Кто? – Спросил он холодно.

– Какой-то лоя и эта, – гвардеец посмотрел куда-то в сторону и закончил, – собака.

– Какая собака? – Не понял молодой человек.

– Ну эта, с которой вы разговаривали по утру, – сказал гвардеец и вдруг закашлялся.

Касаш понял что он пытается скрыть смех. Видимо среди доблестных подчиненных капитана Свадо утренняя сцена стала причиной для шуток, судя по всему они были далеки от понимания того что из себя представляет на самом деле металлический пес и им казалось диким что взрослый человек мог беседовать с ним.

Однако глупый гвардеец сразу же отбыл на второй план, как только молодой человек понял о какой собаке идет речь. Сердце бешено забилося и страх заворочался в животе. Первой мыслью было бежать.

– Ты сказал им что я здесь?

– Я сказал что пойду спрошу вас, – немного невпопад ответил гвардеец.

– Спросишь что?

Воин пожал плечами.

– Просто спрошу. Лоя сказал можно ли повидать судебного секретаря и я ответил что сейчас пойду спрошу его.

Касаш лихорадочно соображал. Все просто, сейчас он спустится на первый этаж и через заднюю дверь выйдет во двор. Потом в конюшню Судебного дома. Там конечно же будет конюх

Замбу, который по сути дела жил при конюшне, оккупировав маленькую комнатку и прилегающую к ней кухню с кирпичной печью. Касаш прикажет Замбу оседлать лошадь, это дело пяти минут. Куда дальше? Прочь из города? На восток, на запад?

Молодой человек наконец взял себя в руки. Какой побег, о чем он думает? Да и вряд ли пес пришел чтобы убить его. Вот так вот, среди бела дня, в компании с маленьким лоя и осведомляясь у дежуривших гвардейцев можно ли повидать судебного секретаря? Нет, это нелепо.

– Они сказали что им нужно? – Требовательно спросил Касаш.

– Сказали, – равнодушно произнес гвардеец. – Вас увидеть.

Молодой человек пристально посмотрел на стоявшего перед ним мужчину. На какой-то момент ему показалось что гвардеец издевается над ним.

– Где капитан Свадо? – Холодно поинтересовался Касаш.

Взор вояки как-то затуманился, а лицо приняло отстраненное выражение, впрочем и до этого оно было не слишком сосредоточенным.

– Он... он отошел на недолго, – нехотя проговорил гвардеец.

– Куда? – Спросил молодой человек, прекрасно понимая что капитан уже ушел домой на обед. Также как и сам Касаш, Свадо, во время отсутствия своего непосредственного начальника, ощущал некоторую эйфорию от бесконтрольности своих действий.

– Я не знаю, – распахнув глаза, молвил гвардеец.

Касаш почувствовал отвращение. Мужик в два раза старше его и стоит лепечет жалкую ложь как ребенок.

В следующий миг он вдруг почувствовал что очень устал. Нервное напряжение последних суток, эмоциональные перепады, от ужаса и отчаяния, до внушения себе что все просто отлично, вымотали его. «Да идите вы все куда подальше, – со злостью подумал Касаш. – Я пойду на обед к себе домой и не просто пойду, а поеду верхом».

– Сейчас ты пойдешь в конюшню, – медленно проговорил Касаш тоном не терпящим возражений, – и скажешь Замбу чтобы он оседлал хорошую лошадь и подвел ее к крыльцу. Ясно?

– А если Замбу нет?

– Значит ты сделаешь это сам. Всё, свободен.

Гвардеец стоял и не шевелился. Для него было необычно слышать подобный тон от рохли секретаря. Но как он не напрягался, достойного способа поставить юнца на место он не придумал. Впрямую грубить он не решался, не сомневаясь что эта бумажная душонка нажалуется капитану и тогда уж не жди ничего хорошего. Свадо заставит весь взвод в полном обмундировании бегать вокруг себя, пока сам он будет совершать неспешный променад, или еще что похуже изобретет. Соответственно, думать о том, что позже с ним сделают товарищи, ему совсем уже не хотелось.

– А что с лоя и собакой? – Хмуро спросил гвардеец.

Касаша так и подмывало сказать, чтобы мрачный воин пошел и объяснил собаке, что, мол, господин секретарь сейчас занят и принять их не сможет. Но он удержался, разумно рассудив, что это может привести к конфликту, в результате которого дежурные гвардейцы могут пострадать, ибо несомненно пес в этом случае просто пройдет внутрь силой. Не то чтобы здоровье гвардейцев особенно волновало молодого человека, но все же они были ближе ему, чем жуткое металлическое создание.

– Пусть войдут.

Гвардеец ушел, а Касаш встал и пошел к окну, выходящему на площадь. Собаки и лоя он не увидел, видимо они уже были в дежурке. Молодой человек сдвинул задвижки, освобождая раму со стеклом, но само окно открывать не стал. Второй этаж был невысоким и если что он вполне может успеть выпрыгнуть и удачно приземлиться.

Когда лоя и пес вошли в кабинет, молодой человек, не сводя с них взгляда, приблизился к своему столу, на котором стоял пятисветный канделябр. Близость этого тяжелого металлического изделия помогало молодому человеку чувствовать себя чуть более уверенным.

Гвардеец закрыл за посетителями дверь и удалился.

Пес совершенно по собачий уселся на попу возле стены, а маленький лоя вышел вперед и откинул за спину свою смешную конусовидную шляпу синего цвета.

Радужные глаза маленького человека пристально взирали на судебного секретаря.

– Нам нужна лошадь, – спокойно сказал Талгаро.

Касаш растерялся.

– Лошадь? – Не понял он. Чуть помедлив, он добавил: – Чтобы съесть?

– Я бы посоветовал вам приберечь ваше остроумие для более подходящего случая, – сказал лоя.

Однако завуалированная угроза в словах Талгаро не произвела должного впечатления на молодого человека. И даже наоборот, подстегнула каверзный дух противоречия в душе судебного секретаря.

– Если вам нужна лошадь, то почему вы пришли ко мне. Я не торгую лошадьми.

– Я знаю, вы торгуете людьми. – Талгаро сделал шаг вперед. – Позвольте я внесу некоторую ясность в ситуацию, дабы не терять напрасно время. Вы мелкий, жалкий, ничтожный, безвольный пособник более сильных и властных негодяев, таких как ваш городской судья. Сами вы практически ни на что не способны. Я понимаю, вы скорее всего воображаете себя совсем не таким, но вы ошибаетесь. Вы бедный юноша из бедной семьи, который каким-то образом добрался до должности судебного секретаря. И теперь вы пойдете на все лишь бы только удержаться в Палате и может даже подняться на более высокую ступеньку. Поэтому вы готовы исполнять любую волю тех кто выше вас, в надежде что рано или поздно это поможет и вам подняться. По моему мнению кроме презрения вы ничего не заслуживаете, но так как вы все-таки довольно сообразительный и проницательный субъект, то мы с моим другом, – Талгаро повернул голову в сторону Кита, – решили что самый простой и безболезненный путь получения лошади это разговор с вами. Я думаю вы достаточно умны чтобы согласиться с этим?

Лоя вопросительно поглядел на молодого человека.

Касаш ничего не отвечал. Мягко говоря ему было неприятно все то что сказал этот лоя. Судебный секретарь пытался найти аргументы чтобы возразить, не вслух конечно, а в глубине души. Он искал аргументы для себя, но не находил.

В этот момент порыв ветра ударил в окно и оно со стуком приоткрылось.

Талгаро повернул голову, посмотрел на окно и проговорил:

– Готовились к побегу? В этом нет необходимости. Вы свободны идти куда угодно, мы не собираемся никак препятствовать вам. В этом случае мы посетим вашу конюшню сами и выберем понравившуюся нам лошадь самостоятельно.

Молодой человек подошел к окну, резко захлопнул его и закрыл задвижки. При этом он увидел что у крыльца уже стоит приготовленная для него лошадь.

– Значит вы решили что самый простой и безболезненный путь это запугать меня, – медленно произнес Касаш.

– Нет, – возразил Талгаро. – Мы не собираемся вас запугивать, как я уже освещал выше вы слишком ничтожны для этого. Мы просто сочли что вы достаточно благоразумны чтобы пойти нам навстречу, понимая что результатом возможного конфликта с вашей доблестной гвардией будут потери только с вашей стороны.

Касаш посмотрел на него.

– Ну а лошадь вам нужна для этой кирмианской преступницы, я полагаю?

– Вы можете не утруждать себя употреблением термина «преступница», ибо вы сейчас не на вашем клоунском процессе и вам нет нужды выслуживаться перед вашим начальником.

Касаш усмехнулся.

– Лоя вдруг стали симпатизировать кирмианцам?

– Молодой человек, мы теряем время, – вдруг вмешался в разговор Кит.

Он встал и сделав шаг вперед, замер рядом с Талгаро. Черные глаза робота буквально вонзились в глаза Касаша и тот отвел взгляд, чувствуя как страх завладевает его душой. Молодой человек ничего не мог с этим поделать. Металлическое создание было слишком непостижимо для его разума и пугало его на каком-то животном уровне.

– Ваша лошадь ждет вас внизу, у крыльца, – пробормотал Касаш.

– Что? – Почти одновременно спросили Талгаро и Кит.

– Но у меня к вам одна просьба, – сказал молодой человек, не утруждая себя ответом на их удивление. – Позвольте я сам уеду на лошади из города и уже там передам ее вам. В противном случае мне будет трудно объяснить с какой стати я отдал имущество Судебной Палаты двум чужеземцам.

Лоя и пес некоторое время молчали, оба подозревая, что секретарь заманивает их в ловушку. Касаш правильно истолковал их молчание.

– Вам не стоит опасаться того что я пытаюсь заманить вас в западню. Как вы уже отметили выше, – Талгаро показалось что его передразнивают, – я достаточно сообразителен чтобы понять что мне не стоит идти против вас. А позже я смогу сказать что лошадь у меня украли. Например, дикая кирмианка сбежавшая из тюрьмы напала на меня и отняла лошадь. Это будет вполне правдоподобно.

– У крыльца действительно уже стоит лошадь? – Поинтересовался Кит.

– Да, как раз перед вашим приходом, я собирался съездить домой на обед.

Пес и лоя переглянулись. Затем Талгаро посмотрел на молодого человека и проговорил:

– Ну что ж, я думаю мы можем пойти вам навстречу, но с одним условием. Я сделаю вам небольшой надрез своей пуной, чтобы яд попал в вашу кровь. Когда мы встретимся за городом и вы передадите нам лошадь, я дам вам противоядие. Иначе через несколько часов вы умрете в судорогах и с пеной у рта.

Касаш ошеломленно переводил взгляд с собаки на лоя. Он не мог понять шутит маленький человек или говорит серьезно.

– В этом нет необходимости, – пробормотал он наконец.

– Должны же мы подстраховаться, – спокойно возразил Талгаро.

Кит не сомневался, что лоя говорит это не в серьез и просто хочет попугать секретаря. Пес не возражал.

– Но мы спустимся вниз вместе, я сяду на лошадь и скажу дежурным гвардейцам что уезжаю на обед. И уеду. Вы будете свидетелями того что я не отдавал им никаких приказов об организации засады или что-нибудь в этом роде.

– Это смешно, – сказал Талгаро. – Вы можете вернуться, или у вас может быть какой-нибудь тайный знак, но, – лоя вспомнил что Кит беспокоится о времени, – ладно, я думаю мы рискнем вам поверить. Скачите на восточную дорогу. Ждите нас примерно в трех километрах от городской стелы. Если мы вас не найдем там, то вам лучше покинуть Туил навсегда, потому что в этом случае какое противоядие вам уже не поможет.

46.

Минлу быстро шла по утрамбованному грунту дороги, ведущей из города на восток. Девушка чутко прислушивалась к окружающим звукам, готовая в любой момент ринуться в чащу леса.

Шивтак, Ключ Синей бездны, вот единственное, что должно волновать ее. Это было смыслом ее жизни последние четырнадцать лет. Но это странное стремительное путешествие, которое длилось уже десять месяцев, что-то изменило в ней. Нет, конечно она не забыла о

своем долге, о своем предназначении, об ужасной опасности, нависшей над миром и в первую очередь над ее родной страной. Но здесь, сейчас, всё это казалось необычайно далеким и почти сказочным. Древний Урум, Сердце Океана, Обитель Темной воды или Чертог Вал-Амана, жуткие савгулы, всё как бы отошло на второй план, потеряло свой вес и объем. Даже образ мастера Киадо потускнел и отступил на второй план. Уже больше трех месяцев ее учитель не связывался с ней. Что-то изменилось, и в первую очередь конечно в ней самой. Все эти удивительные места, в которых она побывала, все эти странные разные люди, которых она встретила, внесли смятение в ее душу. Мир огромен, многообразен, причудлив и непредсказуем.

Когда она покидала Храм Падающих звезд, она была просто ребенком, просто чистой наивной девочкой, не смотря на то что ей недавно исполнился двадцать один год.

Она владела искусством каллиграфии и была способна за одну минуту метровой кистью начертать четыре знака Стихий и пятый знак Единения. Она владела искусством чайной церемонии и была способна приготовить и Чай Утреннего Солнца, и Чай Зимнего Ветра. Она владела искусством меча и могла тремя движениями расцедь три одновременно падающих яблока. Она владела искусством вышивания, вышитые ею, к примеру, бабочки махали крыльями и готовились упорхнуть. Она владела искусством составления букетов и ее композиции могли заставить биться сердце медленнее или быстрее. Она умела читать по звездам, слушать ветер и разговаривать на языках Авра, Туру и Лоя. Она владела искусством игры на сиане, древнем струнном кирмианском инструменте, и извлекала мелодии, которые заставляли остановиться мысль и можно было слышать только голос сердца. Она знала математику, астрономию и географию. Она была способна исполнять птичьи танцы и танец волн, на таком уровне что видящее ее впадало в транс. Она владела акупрессурой и искусством До Шу, древней дисциплиной, сочетающей в себе отточенную систему движений, систему дыхательных и гимнастических упражнений, систему медитативных и энергетических практик, призванной помочь человеку обрести гармонию. Но главное, конечно, чему обучали и к чему готовили Минлу это конечно быть Хранителем Ключа Синей бездны. Ключ сам выбирал своих Хранителей и четырнадцать лет назад он выбрал Минлу. С тех пор она изучала искусство взаимодействия с древним могучим инструментом, управляющим таинственным источником энергии – Сердцем Океана.

Но несмотря на все эти многочисленные знания и умения, когда она впервые вошла в портовую таверну первого агронского города, куда она приплыла на корабле из Кирма, и пьяный матрос попытался засунуть свою руку между ее ног, она растерялась. Растерялась настолько, что даже некоторое время позволила этому странному широкоглазому мужчине с грязно-золотистыми волосами ощупывать ее промежность. Она просто не понимала, что это значит и зачем он это делает. О межполовых отношениях она знала только на примерах мужа и жены соединяющихся с целью зачать ребенка. Ей было прекрасно известно строение мужских и женских гениталий, ибо она изучала анатомию и биологию человеческого тела и знала как происходит процесс совокупления. Но никакие другие многочисленные нюансы отношений мужчины и женщины наставники ей не открыли. Никто никогда не предполагал, что она покинет Храм Падающих звезд, где с глубокой древности хранился Ключ Синей бездны. Она должна была жить рядом с Ключом, управляя им и слушая его и при этом оставаясь девственной и чистой. Но случилось так что Ключ украли и единственным человеком, который мог найти его и вернуть в храм была только она.

Минлу удивлялась почему ее отправляют одну, но единственный ответ, который она получила от своих наставников: «Это только твой путь и пройти его можешь только ты одна». Она много думала об этом и решила, что кажется догадалась в чем дело. Наставники ошиблись и поняли это. Хранитель Ключа не должен быть нежной прекрасной розой, выращенной под стеклом на солнечном окне. Но уже было слишком поздно что-то менять, ей придется войти в реальный мир самой и без всякой подготовки. Образно говоря они нуждались в том чтобы она научилась плавать немедленно, ибо времени не осталось. И наставники бросили ее в воду.

А может они просто не знали кого ей дать в спутники, никто из них не мог покинуть храм, (или, возможно, как подозревала, девушка не решался), а людям из внешнего мира доверия было мало.

Да, конечно, через пару минут этот пьяный матрос стонал и валялся на полу скрючившись от боли, но как же Минлу было стыдно и противно, когда она покидала эту грязную таверну с ее ужасными запахами и такими же ужасными посетителями. Ибо она наконец поняла смысл действий этого странного, как ей тогда казалось, мужчины и почему другие смотрели на нее с такими гадкими ухмылками.

И вот теперь прошло десять месяцев. Десять месяцев дорог, портов, кораблей, городов, деревень, таверн, постоянных дворов, рынков, караванов и прочего. Она шла по следу похитителей, которые конечно даже не знали что она преследует их. Связь между ней и Ключом была неразрывна. Она всегда чувствовала его, словно теплое прикосновение ласковой воды к ее телу с той стороны где находился ключ. Восток, запад, юг, север, она всегда знала куда идти. Но кроме этого она часто видела отрывочные образы тех мест где находился Ключ и в ее голове даже возникали слова, обычно географические названия, а иногда и чьи-то имена, насколько она понимала. Ключ говорил с ней, Ключ хотел вернуться к своей Хранительнице, воссоединиться с ней, чтоб все было как прежде.

Теперь это был Акануран. И теперь она уже не была той наивной девочкой, что взирала со скромной улыбкой на приближающегося к ней матроса с грязно-золотистыми волосами. Она по-прежнему оставалась девственницей, ибо другого пути для Хранителя Шивтака не было, но сейчас она уже прекрасно понимала те нехитрые моменты что происходили между мужчиной и женщиной, даже когда они не являлись мужем и женой. Разных людей она встречала на своем пути. Мошенников, негодяев, подонков, но и открытых, щедрых, сильных, благородных мужчин и женщин, которые помогали ей и иногда между делом объясняли ей хитросплетения и нюансы устройства мироздания. Вот теперь она встретила удивительную девочку с большими синими глазами, способную видеть людей насквозь, не менее удивительного металлического пса с человеческой душой и маленького лоя с черной лентой на шее, что, как она знала, означает что ее хозяин совершил тяжкое преступление и изгнан из мира своего народа.

И раз уж так случилось, что беспринципный судья везет малышку Элен в Акануран и Ключ Синей бездны находится там же, Минлу была полна решимости сделать все что в ее силах чтобы помочь освободить девочку.

Она глянула на левую сторону своего живота, где еще недавно была глубокая резанная рана, а сейчас даже не осталось белесой ниточки шрама. Они спасли ее, спасли просто так, потому что посчитали это правильным, бросились освободить совершенно незнакомого им человека, потому что увидели что он в беде. Темные глаза Минлу стали еще темнее, когда она подумала о Мастоне Лурге. Но она верила что этот человек уже обречен на неминуемое возмездие за свои дела.

Она снова посмотрела на свой плоский живот, на это раз припомнив то странное вещество, которым накормил ее Кит. Она до сих пор не чувствовала голода. Удивительно. Следующей ее мыслью было то, что пожалуй не следует разгуливать по свету с голым животом. Верхнюю одежду у нее отобрали храбрые гвардейцы и теперь на ней были только брюки и лиф с плечевыми лямками. И ей явно не помешало бы в той или иной степени восстановить свой гардероб. Во-первых, по ночам было слишком холодно для подобного туалета, во-вторых, подобная демонстрация женского тела могла привести некоторых мужчин в излишне возбужденное состояние. В этом она уже успела многократно убедиться за время своего путешествия. Иногда она, смущенно улыбаясь про себя, думала: наверно она всё-таки симпатичная девушка. И потом, затаив дыхание, она додумывала эту дерзкую мысль до конца: может быть даже соблазнительная. Хотя, конечно это было смешно. Она очень отличалась от большинства женщин, которых она встречала в Агроне и Сайтоне. Стройная, почти хрупкая, с маленькой грудью и

узкими бедрами, она думала что не должна вызывать особого интереса у представителей сильного пола. Тем более ее необычный разрез глаз и несколько иные черты лица должны были наверно вызывать у них неприятие. Но чаще всего этого не происходило. А если она и вызывала у кого-то неприязнь, то только как представитель своего народа. Многие относились к кирмианцам с недоверием и даже ненавистью, как например лоя. Но в общении с мужчинами она скоро стала понимать, что те проявляют к ней явный интерес как к возможной сексуальной партнерше. По началу сама мысль об этом казалось ей просто дикой. Но потом она привыкла и стала понимать, что мужчины так ведут себя почти со всеми более-менее симпатичными женщинами и ничего такого особенного в ней нет. Это просто физическое желание, животные инстинкты, древние силы, заложенные природой в самцов и самок, дабы обезопасить вид от вымирания, объясняла она себе. Но когда она пару раз ловила и себя на том, что испытывает какой-то необъяснимый интерес к определенному мужчине, то это приводило ее в трепет и безотчетный ужас. Это было невыносимо. Это ни в коем случае не должно было касаться ее. Так было всегда. Она Хранитель Ключа, все остальное для нее не существовало. Но с другой стороны, раз уж она представитель этого же вида, то природа наверно и в нее заложила те же животные инстинкты что и в прочих, размышляла она, ужасаясь того что она вообще об этом размышляет. И хотя конечно она не имела никакого опыта взаимодействия с мужчинами на таком уровне, женская интуиция, сообразительность и открытость характера быстро помогли ей научиться справляться почти со всеми проявлениями межполового влечения со стороны представителей сильного пола. Нормальные мужчины сразу понимали что продолжения не будет и оставляли девушку в покое или переводили отношения на другой уровень. В большинстве случаев это даже не вызывало у нее никаких отрицательных эмоций. Скорее даже наоборот, легкий флирт был как утренний морской бриз, бодрил, освежал и приятно волновал, впрочем она себе до конца не признавалась в этом. С ненормальными же мужчинами ей на выручку приходило искусство До Шу, ну а в совсем крайних случаях меч мастера Юн Фая. И возможно войди она сейчас в ту портовую таверну, матросу повезло бы больше, и он бы не катался по полу с рукой сломанной в кистевом суставе. Минлу вполне смогла бы поставить его на место словами. Но матросу не повезло, десять месяцев назад она уже умела ломать руки, но не умела еще разговаривать с зарвавшимися мужиками. Нет, конечно и сейчас она не стала бы претендовать на то что владеет этим искусством на высшем уровне, как допустим портовые проститутки или рыночные торговки. Но все же она могла, по крайней мере, сначала сказать хотя бы пару подходящих случаю слов, чтобы попытаться привести возбужденного самца в чувство, прежде чем поражать его болевые точки и ломать ему кости.

Минлу замерла. В тишину окружавшего дорогу леса, вплелся ясный стук копыт, идущий с запада. Девушка обернулась. Насколько было видно дорога пока еще была пуста. Молодая кирминка бросилась к деревьям слева от себя. Подлеска здесь почти не было и она отбежала довольно далеко. Спрятавшись за толстый зеленый ствол, она стала следить за дорогой. Конечно, вполне возможно, что это Кит и Талгаро, по ее прикидкам им уже пора появиться, но кроме них это также мог быть кто угодно. Рисковать не следовало.

Появился всадник. Конь шел легкой рысью, человек явно не спешил и не выглядел озабоченным каким-либо делом. Какого же было удивление Минлу, когда она опознала в неозабоченном всаднике не кого-нибудь, а судебного секретаря, первого помощника ненавистного Мастона Лурга. Это просто судьба, решила девушка и не тратя ни секунды на дальнейшие размышления, устремилась вперед. Она передвигалась бесшумно, прячась за деревьями, изо всех сил стараясь остаться незамеченной как можно дольше.

Кирмианцы невероятно привычны к лошадям. Лошадь это часть их жизни, зачастую для многих из них главная часть. Другие народы говорят, что кирмианцев даже вскармливают лошадиным молоком и ездить верхом они учатся прежде чем научатся ходить.

Без всякого замешательства или сомнения девушка выскочила навстречу скачущей лошади. Минлу стала хлопать в ладоши и издавать громкие короткие звучные крики, состоявшие из одних гласных. Возможно на тренированного боевого коня это бы и не подействовало, но на гнедого молодого жеребца из конюшни Судебного дома это произвело сильное впечатление. Животное испугалось, шарахнулось в сторону и встало на дыбы. Его наездник испугался не меньше, если не больше. С выпученными глазами он резко наклонился вперед, изо всех сил прижимаясь к шее лошади.

Когда конь снова встал на все четыре ноги, девушка уже была рядом. Подпрыгнув, она схватила ошарашенного наездника за грудки и буквально выкорчевала его из седла и бросила спиной на утрамбованный грунт дороги. После чего, выхватив меч, шагнула вперед.

До смерти перепуганный молодой человек отползал в сторону, выставив перед собой правую руку. Кое как справившись с дыханием, он быстро произнес хриплым голосом:

– Пойдите, прошу вас, пойдите. Госпожа Минлу, все нормально, честное слово. Эта лошадь для вас.

Девушка замерла, с непониманием взирая на барахтающегося на земле врага.

– Для вас, – еле слышно повторил Касаш. – Она ваша.

Затем настала тишина. Жеребец, уже вполне успокоившись, стоял возле края дороги, опустив голову и наверно размышляя о том, какие все-таки эти люди странные. Минлу застыла с обнаженным мечом в руках и думала о том, что могли значить слова судебного секретаря, а Касаш лежал на земле, упервшись в нее левым локтем, не шевелился и радовался что остался жив.

Минлу решила что это совпадение. Секретарь конечно узнал ее, и решив, что она собирается убить его, пытался выкупить свою жизнь, отдав ей лошадь. Минлу сделала шаг вперед и зловеще проговорила:

– Предварительным разбирательством было выяснено, что он способен говорить на человеческом языке и имеет свои примитивные понятия о добре и зле.

Девушка пристально смотрела в карие глаза Касаша, поверх своего клинка.

– Чтобы ты там себе не думал, судейский, я не собиралась лишать тебя жизни. – Сказала она. – Мне действительно нужна лошадь, и раз уж ты так быстро согласился отдать ее, то вопрос исчерпан. Можешь подняться на ноги и идти своей дорогой.

Касаш еще некоторое время глядел на девушку, как бы убеждаясь, что она говорит искренне, а затем медленно начал подниматься. Сначала на четвереньки, потом на колени и затем уже встал в полный рост. Он попытался привести свое одеяние в надлежащий вид, поправив камзол и пояс, отряхнув пыль и грязь. После чего он посмотрел на кирмианку.

Девушка стояла с обнаженным мечом в руках и внимательно следила за молодым человеком.

Касаш прокашлялся и заговорил:

– Это лошадь предназначалась для вас с самого начала. Мы договорились с вашими друзьями, что я приведу ее на восточную дорогу сам. Иначе, если бы я передал ее им возле Судебного дома, то это могло бы вызвать законные подозрения со стороны моих людей. Понимаете?

Минлу продолжала смотреть на секретаря с недоверием, но клинок все же опустила к земле.

– А где мои друзья? – Спросила она.

– Они следуют за мной, чуть позади. И скоро, я думаю, будут здесь.

Выглядело вполне правдоподобно.

– Ну что ж, тогда ты можешь возвращаться в город. Здесь тебе делать больше нечего.

Но молодой человек продолжал стоять и уходить не спешил. Он снова прокашлялся и произнес:

– Я просто хотел сказать, этот суд... в общем, я считаю что вы невиновны.

– Неужели, – усмехнулась девушка. – Боюсь это вряд ли помогло бы мне избежать виселицы.

– Но вы же понимаете, я был бессилен.

– Почему бессилен? Ты мог взять ключ, открыть дверь камеры и выпустить меня.

– Но они узнали бы.

– Ну и что. Зато ты бы спас того кого ты, по твоим словам, считаешь невиновным.

Касаш не нашел что ответить. И хотя казалось, что разговаривать больше не о чем, уходить он не хотел. Он смотрел на черноволосую девушку и где-то на заднем фоне его сознания, у него почему-то проскальзывала мысль, что он упускает в своей жизни нечто очень важное. В этой хрупкой, стройной девушке было что-то очень настоящее, искреннее и сильное. Что-то такое ради чего стоило жить. Хотя, с другой стороны, возможно все дело было в том, что она просто была очень милой. Так бывает, глубокомысленно подумал Касаш, нагромождят кучу философских неясных намеков на некие сакральные сущности и принципы, тогда как все дело в банальном влечении между мужчиной и женщиной.

У Минлу вдруг мелькнула шальная мысль, что это ее голый живот не дает молодому человеку уйти. Она усмехнулась про себя этой мысли.

– Что-то еще? – Поинтересовалась девушка.

– Э-э, я думаю, что возможно... ну то есть, было бы более правдоподобно, если бы как то..., – Касаш неопределенно помахал правой ладонью перед своим лицом и наконец собравшись с духом, закончил: – если бы остались какие-то следы нападения.

Честно говоря, он бы и сам не смог объяснить зачем он это только что сказал. Определенно он не стремился испытать боль от возможных побоев.

Минлу не сдержалась и улыбнулась.

– А этот след нападения у тебя откуда? – Спросила она. – Еще одну лошадь кому-то подарил?

– Да нет, это личное, – пробормотал молодой человек и слабая улыбка тронула его губы.

Минлу почувствовала раздражение, причиной которого была она сама. Что еще за улыбочки в общении с этим человеком, он враг, человек, который участвовал в этом судейском фарсе, по сути дела участвовал в попытке убить ее.

– Я могу отсечь тебе голову, – неожиданно жестко проговорила Минлу, – такой след нападения тебя устроит?

Касаш тут же перестал улыбаться.

– Я думаю это будет излишне наглядно, – пробормотал он.

– Зато вполне заслуженно.

– Может быть, – неожиданно для девушки согласился Касаш.

Минлу холодно произнесла:

– Твое раскаянье не впечатляет.

– Это не раскаянье, – возразил молодой человек. – Это... это...

Взгляд Касаша скользнул по голому животу девушки чуть ниже пупка и он окончательно растерялся, совершенно не представляя как закончить фразу.

Теперь Минлу не сомневалась, что наглый секретарь посмотрел на низ ее живота. Она усмехнулась про себя. «О, конечно это не раскаянье, – подумала она. Это что-то совсем другое, неправда ли, господин Касаш?». Тут ей в голову пришла мысль, связанная с ее обнаженным торсом.

– А ты у нас довольно стройный молодой человек, – заметила девушка.

– Что? – Не понял Касаш.

– Я говорю, что ты худенький.

– Спасибо, – несколько неуверенно произнес Касаш и снова слабая улыбка осветила его лицо.

– Не за что, – спокойно сказала девушка. – Снимай камзол.

И опять свет улыбки моментально померк на лице Касаша. Его карие глаза удивленно взирали на кирмианку. Однако он снова посмотрел на ее талию, задержал свой взгляд и растерянность исчезла с его лица.

Не торопясь, молодой человек принялся расстегивать многочисленные пуговицы своего камзола.

– Хорошее идинское сукно, – сказал он, – с парчовыми вставками здесь и здесь. Вставки, как вы можете видеть, украшены тонкой серебряной вязью. Пуговицы из черной древесины священного дерева Брод. Говорят оно что отгоняет злых духов. Возможно вам будет немного великоват, так как я выше вас и вы все таки гораздо стройнее меня.

Касаш снял камзол и держа его на вытянутой руке, сделал шаг по направлению к девушке.

– К сожалению, во время падения, он немного испачкался, – проговорил он, не сводя глаз с собеседницы. Он остановился в опасной близости от ее клинка. Минлу смотрела на молодого человека задумчиво и казалось чуть-чуть насмешливо.

– Иди к лошади и положи камзол на седло, – приказала она.

– Вам не нужно опасаться меня, – дружелюбно произнес Касаш, – вы можете убрать меч и взять камзол.

– Положи камзол на седло, – повторила девушка.

Молодой человек осторожно обошел кирмианку, подошел к некогда своему коню и аккуратно положил камзол поперек седла.

Минлу неотрывно следила за судебным секретарем.

– Что-нибудь еще? – Спросил тот.

– Да. Рубашку тоже снимай, – сказала девушка.

Без единого возражения молодой человек принялся развязывать тесемки на своей груди.

– Это нежная шийгорская шерсть. Прекрасная выделка. Ткань мягкая, но в тоже время достаточно плотная, в холодную погоду в ней тепло, в жаркую не жарко. Вам очень понравится.

Девушка против воли усмехнулась.

– Тебе бы не судебным секретарем, а торговцем одеждой надо быть.

– Просто мой отец портной и мы с сестрой с детства хорошо разбираемся в тканях, фасонах и пуговицах. – Касаш положил рубашку вместе с камзолом.

Теперь он был по пояс обнажен. Он стоял рядом с лошадей, сжав ладони в кулаки и смотрел на девушку.

– Может быть теперь ты все-таки уйдешь? – Спросила она.

– Вам больше от меня ничего не нужно?

– Штаны и сапоги у меня есть, так что думаю больше ничего.

Молодой человек посмотрел на широкий ремень у себя на поясе. Там же болтался пухленький кожаный кошель.

– У меня есть деньги, – осторожно проговорил Касаш, вообще уже не понимая, что с ним происходит.

– Оставь их себе, – спокойно сказала девушка. – И отойди от лошади.

Касаш отошел и девушка, не спуская с него взгляд, приблизилась к седлу.

– Неужели ты чувствуешь себя виноватым? – Поинтересовалась она.

– Нет. Просто вы мне нравитесь, – честно признался Касаш.

Минлу усмехнулась.

– Удивительно нахальство, если принять во внимание, что сложишься все иначе, ты бы сегодня утром руководил моей казней.

– Я рад, что мне не пришлось, – сказал Касаш.

Вдруг они оба посмотрели на запад. На дороге появился огромный металлический пес на спине которого сидел маленький человечек в синей конусовидной шляпе.

Кит стремительно мчался вперед. В своей пасти он держал черный ремешок, оба конца которого сжимали побелевшие кулачки Талгаро. На лице лоя застыло отчаянье. Он подпрыгивал как мячик на твердой бронированной поверхности робота и каждое приземление отзывалось болью в истерзанном сиденье маленького наездника.

Пес подлетел к девушке и сходу ринулся в пространство между ней и полуголым судебным секретарем.

– Все в порядке? – Громко поинтересовался Кит, быстро поворачиваясь головой к молодому человеку. Последний, явно оробев, попятился назад. Металлический пес и так представлял из себя внушительное зрелище, но когда вся эта масса еще и стремительно двигалась, для неподготовленного наблюдателя зрелище становилось просто пугающим.

Пес уселся на задние лапы и Талгаро осторожно съехал к собачьему хвосту.

– О-хо-ох, – прокряхтел лоя, медленно, с кучей болезненных ощущений выпрямился и поправил шляпу и ремни, державшие чехлы пун.

– Ты как, Тал? – Спросил Кит, не спуская своих черных глаз с застывшего молодого человека.

– Бывало и получше, – честно признался лоя. – Такое ощущение будто меня гнали пинками под зад от самой западной границы Агрона.

Кит и девушка усмехнулись.

– Извини, Тал, я предупреждал, что в качестве верхового животного я не очень гожусь.

– Да все нормально, – пробормотал лоя и огляделся. – А что тут у вас происходит? Почему он голый?

Девушка улыбнулась и объяснила:

– Судебный секретарь, обратив внимание на некоторую скудность моего туалета, выразил желание поделится со мной некоторыми предметами своего одеяния.

– Это очень любезно с его стороны, – проговорил Кит. – Но зачем ты тогда обнажила меч?

– Ну, чтобы несколько подогреть его желание. Тем более вы же знаете как двуличны законники, одной рукой дают, другой нож втыкают.

– Это уж точно, – согласился Талгаро.

Он вышел вперед, при этом шагал он как-то неуверенно как будто ему что-то мешало где-то в районе пониже спины и встал рядом с правым плечом металлического пса.

– Ну что ж, господин секретарь, – сказал лоя, – думаю на этом мы можем закончить наше знакомство и разойтись.

Минлу тем временем убрала меч в ножны, сняла с себя пояс с оружием и надела рубаху. Завязывая тесемки, она проговорила:

– Не спеши, Тал. Господин секретарь также выразил желание, чтобы ему были нанесены некоторые следы нападения для правдоподобия. Я предложила отсечь ему голову, но он отказался. Так что Кит, может быть ты его немного помнешь, так чтобы понатуральней выглядело?

Касаш хоть и понимал, что девушка шутит, все равно ощутил тревогу.

– Конечно, – отозвался Кит. – Могу изобразить нападение медведя. Скажем, оторванное ухо, располосованное лицо, сломанные ребра, откушенные пальцы на руке. Как вам?

– Я думаю вполне, – сказала девушка, надевая камзол.

– А я могу нанести сотню тонких порезов, – предложил Талгаро, – он будет весь истекать кровью, но не умрет. Выглядеть будет очень устрашающе. Или могу дать ему яд вербуса. Через час, как раз успеет дойти до города, его начнет трясти, он покроется красно-синими пятнами, судороги будут корезить его тело, он будет кататься по земле с расширенными зрачками, с пеной у рта, и с такой зверской физиономией, что Его Преосвященство отец Буртус тут же решит что в него вселились демоны и начнет обряд экзорцизма.

Талгаро улыбнулся.

– Его Преосвященство останется доволен, – пообещал он.

Девушка застегнула последнюю пуговицу камзола, немного закатала рукава и одела пояс с оружием.

– Если к делу подключать отца Буртуса, – рассудительно проговорила она, – то тогда можно просто оглушить его, снять с него штаны и одеть юбку. Когда его найдут в таком виде и отец Буртус прознает об этом, он начнет вопить во все горло: «О-го-го! Э-ге-гей! А-й-й-й! Бог повелел всем мужчинам ходить в штанах, а этот напялил юбку! Он еретик и вероотступник, в него вселился демон». И мы получим тот же обряд экзорцизма, что и в случае с ядом вербуса.

– Да, это может сработать, – согласился Талгаро.

Касаш усмехнулся.

– Я оценил ваш юмор, – заверил он. – Но, пожалуй, я прихожу к мысли, что мне лучше воздержаться от дополнительных следов нападения.

– Зря, зря, – сокрушенно качая головой, посетовал Талгаро. – У меня кстати родилась блестящая идея, а что если не побояться и соединить вместе вариант с ядом вербуса и вариант с юбкой. Что скажешь Минлу?

– Думаю отец Буртус по достоинству оценит подобную находку, – откликнулась девушка.

– Может быть хватит? – Попросил Касаш.

– О, господин судебный секретарь кажется обиделся, – удивился Талгаро. – Чем же мы могли его обидеть?

– Я думаю вам пора уходить, молодой человек, – сказал Кит.

Касаш посмотрел на пса, немного помедлил и спросил:

– Знаете откуда у меня этот синяк? – Он указал на левую сторону своего лица.

– Неужели акт самобичевания? – Воскликнул Талгаро.

Минлу улыбнулась. Но Касаш, продолжая глядеть исключительно на Кита и не обращая внимание на насмешки лоя, проговорил:

– Этой ночью ко мне в дом забралась женщина, съездила мне по физиономии ногой, приставила нож к горлу и потребовала рассказать куда увезли девочку. – Касаш почувствовал удовлетворение, когда увидел как в один миг лица девушки и лоя стали серьезными.

Кит пристально смотрел на него и казалось ждал продолжение.

– Она предупредила, что если я скажу что не знаю или солгу, она убьет меня. Еще она сказала, что тоже умеет определять говорит человек правду или лжет. Как и госпожа Элен. – Касаш сделал паузу. Внимание всех троих было сосредоточено на нем. – Я сказал ей все что знал, куда везут девочку и для чего. Потом она ушла. Честно говоря, я думал она одна из ваших и был удивлен, когда утром вы задавали мне те же вопросы что и эта женщина. Получается, что она не с вами. Кто-то еще охотится за госпожой Элен.

Ответом ему было абсолютное молчание. Касаш ощутил на миг упоение от своей жалкой мести.

– Откуда нам знать что он говорит правду? – Хмуро спросил Талгаро. – Может он просто пытается напугать нас, чтобы таким образом утешить свое жалкое самолюбие?

– Не думаю, – проговорил Кит. – Тогда в тюрьме, когда я вышел через задний двор на улицу, я встретил молодую женщину. Мне совершенно непонятно кто она такая и что там делала. – Пес обратился к Касашу. – Кстати как выглядела твоя ночная гостья?

– Была почти полная тьма. Я не мог видеть ее, только неясную тень. А вот она меня кажется хорошо видела, по крайней мере у меня создалось такое ощущение. Судя по ее бархатному голосу она молода и я думаю красива.

Талгаро насмешливо хмыкнул, а Минлу произнесла:

– Да вы, господин советник, романтик.

– И еще от нее очень приятно пахло, – продолжил Касаш, – это были духи с запахом Кен-Альдо, я уверен.

– Кен-Альдо? – Спросил Кит.

– Цветок такой, – объяснил Талгаро, – очень редкий. Цветет по ночам на непроходимых болотах или прудах. Многие приписывают ему волшебные свойства. А запах действительно просто чудесный.

– А духи из него невероятно дорогие, – добавила Минлу. – Один бутылек стоит как средней величины дом.

– Это все? – Уточнил Кит.

– Да, – ответил Касаш.

– Тогда я прошу вас уйти, – проговорил пес. – Прощайте.

Молодой человек оглядел всех троих. На миг ему жутко захотелось не расставаться с ними. В голове даже промелькнула бредовая мысль все бросить и попросить их взять его с собой.

– Прощайте, – вымолвил Касаш, развернулся и медленно побрел прочь.

Пес, лоя и девушка смотрели ему в спину. Высокая, худая, чуть сутуловатая фигура судебного секретаря сейчас казалась грустной. Полуголый, в одних штанах, он выглядел каким-то брошенным и забытым. Он уходил и ни разу не оглянулся.

– Честное слово, мне почему-то жалко его, – негромко проговорила Минлу.

– Это потому что ты женщина, – сказал Талгаро. – Рано или поздно вы начинаете жалеть любого негодяя.

– О, ты оказывается у нас большой знаток женщин.

– Да уж, – с какой-то затаенной печалью вздохнул лоя. – Ты забываешь что во мне и женское и мужское начало. И у меня девять братьев или сестер и я прожил вместе с ними почти шестьдесят лет.

Кит покосился на него.

– Ты не выглядишь таким старым, – сказал он.

– Ну что ты, по меркам лоя, я еще очень молод.

– Ладно нам пора в путь, – сказал Кит, поднимаясь. – Хочешь ехать на мне, Тал?

– О, клянусь красной бородой Динжуса, нет, – воскликнул лоя. – Надеюсь, ты не обижаешься?

Кит усмехнулся.

– Конечно нет. Я думаю на этой прекрасном гнедом жеребце тебе будет гораздо удобнее.

– Конечно, – согласился Талгаро и посмотрел на девушку. – Но, если только госпожа Минлу Такулада Хин сочтет это возможным.

Молодая кирмианка уже стояла возле коня.

– Ну о чем вы говорите, господин Талгаро, – с улыбкой произнесла она. – Я почту это за честь.

47.

Гроанбург гудел как потревоженный улей. Сбор уже трубили три раза. Рядовые разбойники спешно натягивали разношерстное обмундирование, кольчуги, доспехи, стеганные войлочные куртки, с пришитыми к ним металлическими пластинами, застегивали многочисленные ремни и ремешки, матерились, пыхтели и нервничали. Сигнал, которым протрубили сбор, означал что опасность внутри городских стен, такого уже не было в течении нескольких лет. Мужчины хватали оружие и устремлялись к центральной площади перед Цитаделью. Жены и дети, сжимая ножи, кинжалы и копья, запирались в домах.

Слухи, расползавшиеся по городу, были самыми дикими. Хишен убит наемным убийцей из организации «Черный ветер». Манкруд убит тоже. Манкруд жив, но ему отрубили ноги. Хишен убит таинственной сайтонкой, пришедшей сюда отомстить за какое-то жуткое преступление из бурного прошлого мивара. Хишен и Манкруд разорваны вышедшими из-под контроля бейхорами. Сейчас бейхоры носятся по улицам, убивая каждого кого встретят. Последний слух

был особенно пугающим и весь путь до Цитадели разбойники проделывали в жуткой тревоге, хватаясь за оружие при виде каждой неясной тени.

Все десять бриодов уже были на площади. Они стояли в стороне от остальных разбойников и обсуждали сложившуюся ситуацию.

Новоприбывшие либо бросались с расспросами к тем кто уже был здесь до них, либо на какое-то время замирали на месте, неотрывно глядя на огромного буро-зеленого зверя с широкой лобастой головой, вольготно развалившегося на крыльце входа в Цитадель. Бейхор лежал совершенно по собачий, раскрыв пасть, высунув раздвоенный язык и равнодушно поглядывая по сторонам, не обращая никакого особого внимания на толпившихся на площади людей.

– И что? – Спросил самый высокий бриод, сухопарый, сутулый очень тощий человек по имени Горик. Он был довольно хорошо одет, даже проскальзывала некоторая франтовость в его туалете. Его длинная шея была замотана в несколько оборотов тонким черным шарфиком, который не был дополнительным штрихом его аристократичного образа, а исполнял практическую цель, скрывая уродливые шрамы, оставшиеся после того как кирмианский воин протащил Горика на аркане.

Некоторое время остальные десять мужчин молчали. Наконец широкоплечий круглоголовый со стрижкой под ежика бриод, по имени Банагодо, проговорил неторопливо:

– Боюсь, Кушаф, тебе придется повторить свой рассказ.

Тот к кому он обратился, невысокий плохо выбритый очень смуглый разбойник, с красной косынкой на голове, стоял засунув руки в карманы штанов и глядел на прибывающих на площадь людей.

Услышав обращенную к нему просьбу, он оторопело уставился на своих товарищей.

– Что, опять?! – Воскликнул он, изображая крайнее неудовольствие.

– Ну теперь, точно в последний раз, – успокоил его Банагодо, – все уже здесь. Давай, не лмайся.

По лицу Кушафа можно было прочесть что он крайне неохотно уступает просьбе. Но эта была лишь видимость. Вне всяких сомнений, ему доставляло удовольствие быть в центре столь пристального внимания всех его товарищей. И не заставляя себя больше упрашивать, он заговорил:

– Ну, когда баба пришла, я и еще с дюжину ребят остались здесь, на площади. Манкруд сказал торчать тут, на всякий случай. Баба все-таки с двумя мечами на поясе и смотрит на всех так будто она королева Сайтоны. Хотя всем было ясно что Голова ее быстро обломает, но сказали остаться здесь, мы и остались. Через некоторое время дверь в Цитадель заперли, ну ясно деваху оприходовали и тыкать начали. Стоим, ждем, бродяги зубоскалят, я жрать хочу. Потом внутри шум какой-то, ну ясно Голова в раж вошел, но странно девица вроде не кричит, молчаливая видно попалась, подумал я. Времени уже порядком прошло, я про себя думаю что там уже наверно и Манкруд к телу пристроился. И тут на тебе, дверь распаивается и эта красотка выходит на крыльцо, в руках у нее сабля Хишена, а слева и справа эти твари, ласться к ней, смотрят на нее как на богиню. Ну, у нас конечно челюсти поотпадывали, застыли мы, словно леший нас понюхал. Стоим дюжина придурков, рты раззявив, понять ниче не можем. Деваха высокомерно так разглядывает нас. А краля, я вам доложу, просто обалдеть. Таких красоток днем с огнем не сыскать в нашей задрипендии. Блондинка, стройная, волосы роскошные, глаза большущие голубые, грудь вперед, ноги такие, что по члену будто ветер проходит, когда их видишь. Ну вот, оглядела она нас и говорит, а голос у нее такой бархатный, что у тебя от одного голоса встает, даже если не видеть ее. Говорит, а кто мол из вас чуханцев здесь решения принимать способен. Вопрос странный, ну да что уж, выхожу вперед. Она смотрит на меня так пристально своими глазами и верите ли нет, ни до ее прелестных ножек мне теперь, вся спина в мурашках, не по себе мне в общем. Кто ты такой, она спрашивает. Да вроде как старшой я здесь, отвечаю. Она снова долго смотрит на меня, потом говорит, ну ближе что ли

подойди, старшой, что мне через пол площади орать. А я так глянул на сабельку Хишена в ее правой ручке, на бейхоров, которые уже не на деваху, а на меня смотрят и чувствую жареным запахло. Оборачиваюсь, одного из бродяг подзываю и тихо ему так говорю, а несись-ка ты, голубь ясный, за Старым и тащи его сюда за бороду, ибо у нас тут явно херня какая-то нездоровая происходит. Ну, бродяга не дурак, сразу к Старому домой, знает что тот вечно у себя на печи, ест калачи, – говоря эти слова Кушаф с улыбкой глядел на одного из бриодов, высокого пожилого мужчину, с густой бородой и усами, порядком тронутых сединой. Это был Ронберг, но по имени его почти никто не называл, предпочитая кличку Старый, за его солидный возраст и такой же боевой опыт. Хотя все бриоды вроде как были равны между собой, но не стовариваясь, все они признавали старого разбойника старшим над ними и Хишен часто обращался к нему как главному среди бриодов. Лицо Ронберга, покрытое шрамами, морщинами и вьевшимся загаром почти всегда выглядело дружелюбным, он был очень спокойным и малоразговорчивым человеком и практически никак не реагировал на все подтрунивания над собственной персоной. Даже в теплую погоду он носил толстую вязанную шапку, любил проводить время у теплой печи и есть лепешки и калачи с хрустящей корочкой. Но в Гроанбурге все знали что за этим образом добродушного деда скрывается жесткий, храбрый и очень умелый воин, способный один выстоять против десятка врагов, несмотря на все свои годы, а может быть как раз и благодаря им.

Кушаф продолжал:

– А сам я к этой красотке приближаюсь и в животе у меня словно кусок льда застыл. Бейхоры с меня глаз не сводят. Деваха смотрит на меня и усмехается, да ты, говорит, старшой, не трясись так, они тебя не тронут, пока я этого не захочу. А я ей в обратку, да ну что вы, сэви, это я не от страха, а от красоты вашей неземной трепещу. Она снова усмехается, ну, говорит, ваш лысый тоже трепетал, да так растрепетался, что успокаивать пришлось. Я на сабельку покосился и думаю неужто Хишен к праотцам отбыл. И так вежливо, что самому тошно, вворачиваю, а не соблаговолит ли, мол, благородная госпожа, просветить меня насчет судьбы главы нашего города. Краля отвечает, мол, ты не волнуйся, старшой, лысый ваш и этот белобрысый, живы, пока, просто в несколько бессознательном состоянии пребывают. Рад, мол, что все хорошо закончилось, говорю, а сам и не знаю что говорить-то вообще. Тут бейхоры делают шаг вперед и глядят на меня так, что ясно сейчас бросятся. У меня аж жопа вспотела. Стою пошевелиться не могу, язык как каменный. А ничего еще не закончилось, говорит деваха, и сейчас только от тебя зависит как оно все закончится. Я смотрю на нее, сказать ничего не могу. Так вот, старшой, говорит она, мне нужен конь, хороший конь, под седлом. Пусть его сюда приведут, а если нет, то я ... И тут, слава Крайте и трем ее кобылам, на площадь Старый вылетает и сразу к нам, – Кушаф с благодарной улыбкой посмотрел на Ронберга, – подходит и встает рядом со мной и у меня словно камень с плеч упал. Полегчало. А это что за ком с бугра, с бородой до бедра, спрашивает девица. Это, говорю, тоже старшой, только еще по старше меня будет. Деваха помрачнела, выходит я зря тут с тобой время тратила, говорит. И снова мне поплохело. Бейхоры эти треклятые словно ее мысли слушают. Промелькнул в ней гнев и они уже готовы к атаке. Да тут, благодарение небесам, Старый влез. И давай заливать, да ты, мол, матушка-государыня, не сердчай, этот олух молодой сразу за мной послал, а пока тебя разговором развлекал, чтобы не скучала ты. Краля усмехается, ну ладно старшой, но еще постарше, тогда слушай ты. Нужен мне конь, самый лучший какой есть у вас, пусть его сюда по-быстрому приведут, если же нет, то тогда я спускаю этих псов с цепи и иду в конюшню сама, вот этой саблей налево и направо размахивая. За что ж немилость-то такая, о сэви досточтимая, восклицает Старый, будто поп на моление, чем же мы, крестьяне богобоязненные, прогневали тебя. А она ему в ответ, слушай, мурло бородатое, ты тут не заливайся птицей райской, крестьянин богобоязненный нашелся. Вы все разбойники, висельники, плуты и негодяи. Лысую морду вашу я утихомирила, и если надо то и остальных научу как гостей встречать. Не

надо тут козлиную рожу строить и бородой трясти, раз эта размазня в косынке, это она про меня, сука, позвал тебя, значит надеюсь ты человек серьезный. Так и веди себя достойно. Мне нужен конь, и если ты не хочешь ошметков тел и отрубленных голов, то тебе лучше пойти мне навстречу. – Все бриоды слушали Кушафа как замороженные, даже те кто уже слышали этот рассказ. – Ну, доложу, я вам, стоим мы и рта не можем раскрыть. Благо, Старый быстро в себя пришел, смекнул что к чему, перестал жопой вертеть и спокойно так спрашивает, что, мол, с Хишеном. Краля ему также спокойно, бошку, мол, ему разбила, сейчас лежит отдыхает, живой пока. Ну, Старый глянул еще раз на бейхоров, и говорит мне, ступай Кушаф, скажи бродягам, пусть оседланного коня приведут, хорошего свежего. Да по-быстроу.

– И что, привели? – Спросил Горик.

– Конечно, привели, – недовольно ответил Кушаф, – а что надо было делать? Гроанбург этой ведьме и ее псам на растерзание отдать? Села она и поехала. Одному бейхору велела здесь на крыльце остаться, а другой с ней пошел и сейчас посреди городских ворот лежит и что с ними делать хер его знает.

– Может не стоило ей давать уехать? – Спросил самый молодой бриод по имени Альче. – Позвали бы лучников.

– И что? – Насмешливо поинтересовался Кушаф. – Стрелять в эту деваху, от которой колдовством за километр несет. Неужели ты думаешь что простая баба может прийти в Гроанбург, расправиться с Хишеном и подчинить себе его псов?! А прикажи она бейхорам рвать всех на части, что тогда?

– В конце концов, их тоже можно стрелами нашпиговать так, что они свалятся, – не сдавался Альче.

– Ты не задаешь главного вопроса, – спокойно проговорил Ронберг, обращаясь к молодому бриоду. – А зачем?

– Что зачем? – Не понял Альче.

– Зачем, нам стрелять в эту женщину, рискуя тем, что в результате этого мы можем потерять многих наших людей, – объяснил старый разбойник. – Ради чего нам рисковать? Она не караван с мешками золота.

– А если она убила Хишена? – Воскликнул Альче. – Что если он лежит там сейчас мертвый, с разбитой головой?!

– И что? – Спокойно спросил Сойвин.

– Как что?! – Уставился на него с изумлением молодой бриод.

Мелис, коренастый плотно сбитый мужчина, с непропорционально длинными руками, вступил в разговор:

– Если Голова мертв, нам этого уже не исправить. Мстить его убийце, подвергая опасности погрузить Гроанбург в жуткую резню, я не вижу причин. Мы должны решить вопрос бейхоров как можно меньшей кровью, а потом уже все вместе мы сможем подумать как мы могли бы добраться до этой девки. Если же Хишен жив, то он все решит сам, когда придет в себя.

– К тому же это был честный бой, – вставил Сойвин. – Она была одна против двух здоровых вооруженных воинов.

– Честный бой? – Запальчиво сказал Альче. – Какой честный бой, если она колдунья?

– Если она колдунья, то какого рожна, ты предлагаешь стрелять в нее? – Раздраженно проговорил Кушаф. – Да и бейхоров убить стрелами непросто.

Вархо, пожилой бриод, с огромной золотой цепью на шее и страшный рубцом на левой щеке, добавил:

– Я из Вэлуонна, я видел сражение с бейхорами на Гирамской арене, и скажу вам так: стрелами их не возьмешь, я видел как в них стреляли даже горящими стрелами, толку нет. Они лишь в большую ярость приходят, да и шкура у них как кора дерева. Да хоть бы ты их вместо стрел столько же раз мечом пронзил, мало шансов что они сдохнут. У них три сердца и убить

их очень трудно. Даже когда их ослепляли, они сражались по запаху и слуху, и легче от этого их врагам не становилось. Самый верный способ убить бейхора это бошку ему отрубить. Да что тут говорить, они же ни божьи твари, говорят их в древности чернокнижники специально вывели из волков, змей и пещерных медведей, чтобы замки охранять.

– Ну конечно, – скептически усмехнулся Горик, – скрестили медведя со змеей? Хотел бы я на это посмотреть.

– Вон, на крыльце можешь посмотреть, – ответил Кушаф.

– Кто же она вообще такая? – Спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, бриод по имени Харзе, кирмианец, который когда-то был монахом в знаменитом монастыре Алшидан, «Обитель ветров» или как его еще называли Храм Белой горы.

Кушаф, пожав плечами, произнес:

– Гивелт, который встретил ее у дороги и привел сюда, сказал что она назвалась баронессой Суорой Эрмейнег, дочью барона Альвара Миниса.

– Сайгонская аристократка? – Удивился Харзе.

– Ну, конечно, тогда я святой Азур Водолей, – насмешливо проговорил горец Эрим, высокий темноволосый мужчина, с огромным двуручным мечом за спиной. – Клянусь грудью мученицы Ироны, она из Вэлуонна, проклятой страны чернокнижников и демонов. Не обижайся, Вархо.

– Да стану я обижаться на дикаря с гор, который до сих пор думает, что чтение это могущественная магия, – проворчал Вархо.

– Ничего я так не думаю, – возмутился горец. – А уж насчет дикарей ты бы помолчал, мы по крайней мере своих мертвых просто сжигаем, а вы их сушите, коптите, на части режете, кровь и желчь по бутылочкам, зубы, ногти, кости, кишки по коробочкам, тьфу, мерзость одна.

– Да стойте вы, – прервал начинающуюся перебранку Банагодо. – Что делать дальше будем?

– А что нам делать? Ждать конечно, – сказал Мелис.

– И сколько ждать? – Поинтересовался Банагодо. – До трех лун?

– По-моему, надо как-то в залу пробраться, – заметил Альче, но уже с большой осторожностью, чем он недавно призывал расстрелять таинственную гостью и бейхоров.

Вархо усмехнулся и оглядев товарищей, проговорил:

– Ну что ж, вход открыт. Кто рискнет войти?

Добровольцев не нашлось.

– А что насчет второй двери, из залы в коридор? – Спросил Эрим. – Мы можем ее сломать.

– Она же толстая как ляжка жены Мелиса, – возразил Кушаф.

– Оставь мою жену в покое, тебе, дураку все равно не понять что такое настоящая женская красота, – беззлобно отозвался Мелис.

Кушаф ослабился.

– Может и не понять, но если бы ты видел эту сучку баронессу, ты бы понял что жизнь прожил зря, – сказал он. – Хотел бы я пощупать ее ляжечки.

– Хишен тоже наверно хотел, теперь не знаем жив он или мертв, – остудил его пыл Горик. – Дверь можно снести тараном.

– Каким тараном, там коридорчик такой что не развернешься, – сказал Харзе.

– Ну хорошо, возьмем двух бродяг покрепче и пусть топорами ее разнесут по щепкам, – предложил Горик.

– Правильно, – поддержал Ронберг, – но думаю сначала все-таки лучше подождать. Спешить нам некуда. Если через пару часов Хишен не появится, значит дело худо, тогда возьмемся за дверь. Но надо иметь ввиду, что эта тварь, – старый разбойник кивнул головой в сторону крыльца, – может броситься на тех, кто попытается войти с заднего входа.

– Тогда Кушафа пошлем, его не жалко, – весело предложил Мелис.

– Это почему это? – Возмутился Кушаф.

– Да ты все равно только языком чесать мастер, а как до дела дошло, так такую кралю упустил, – улыбаясь, произнес Банагодо.

Кушаф усмехнулся.

– Чтоб такую деваху заполучить, надо быть отчаянным храбрецом, вон как наш Альче, – сказал он. – Ему одну стрелу дай, можно даже без лука, он и на колдунью пойдет, и на бейхоров.

Молодой бриод лишь сверкнул глазами и ничего не ответил.

– Нет, в самом деле, надо чтобы в залу один из нас пошел, мало ли что там, тут нужен человек с головой, – сказал Горик.

– Тогда пусть Сойвин идет, он все время молчит, значит очень умный, – с улыбкой проговорил Эрим.

– Нет, Сойвина нельзя, он только что такую красотку заполучил, что у него мысли явно другим заняты, – с усмешкой возразил Банагодо.

– Конечно, нельзя, – поддержал Кушаф, – он только и думает как шишку запарить да свою девку потыкать. Нет, тут нужен человек, который устал от жизни и уже ничего не боится и ничего не ждет. Такой как Мелис. После десяти лет со своей супругой, я думаю он готов на все.

Бриоды, хоть и стараясь не делать этого слишком явно, дабы не обидеть Мелиса, заулыбались, припоминая тяжелый сварливый характер его жены. Впрочем, он относился довольно спокойно к подначкам Кушафа, не принимая их всерьез и считая смуглого любителя косынок шутом и балаболом. Но сейчас он все же вставил свое слово:

– Нет, все-таки надо послать Кушафа. Если что, он сможет бейхорам так уши засрать что те забудут что хотели.

– Да он только рот раскроет, ему уже полжопы откусят, – пробурчал Вархо.

– Тогда он потеряет способность думать, – усмехнулся Мелис.

– И стану как ты, нет уж спасибо, – быстро сказал Кушаф.

48.

Хишен открыл глаза. Он лежал на спине возле стены, справа возвышался знакомый стол.

«Жив, – с упоением подумал он». Как же хотелось жить, нет, тридцать восемь лет это слишком рано для последнего путешествия. Сердце радостно билось в его широкой груди и он чувствовал необъяснимое удовлетворение и приятное возбуждение, как будто только что одержал невероятно трудную победу. Он жив, это главное, это и есть победа. Он все исправит, все расставит по своим местам, заплатит по всем счетам. Самое важное было остаться живым и он сделал это. Хишен даже попытался улыбнуться и в следующий миг его лицо и голову заволокло болью. Он переждал приступ, внимательно прислушиваясь к своему внутреннему состоянию. Нет, ничего страшного, естественно что голова болит, это сука два раза заехала ему ногой в лицо и кроме того он врезался затылком в стену. Ерунда, до свадьбы заживет, надо лишь отлежаться пару деньков и все пройдет, он будет как новенький.

Хишен собрался с духом и начал подниматься. Боль, как стая волков, набросилась на него, раздирая его тело. Он застонал и на его глазах навернулись слезы. Он не ожидал такого.

У Хишена был разбит затылок, выбито три зуба, центр лба и область лица вокруг носа и рта представляли собой один жуткий багровый синяк. Кровь, залившая поврежденный затылок и рот, сейчас засохла, образовав твердую корку.

Разбойник сжимал губы, сдерживая крик. С правой стороны груди у него было сломано три нижних ребра и образовался огромный кровоподтек. По левому бедру словно лошадиное копыто заехало, при любом движении ногой, бедро взрывалось болью отдаваясь куда-то в поясницу. Правое перебитое предплечье практически не слушалось и пальцы на правой ладони казались бесконечно далекими и чужими, они были словно онемевшими и едва шевелились.

Хишен левой рукой схватился за край стола. Боль багровой палкой стучала прямо в череп.

Но Хишен не испытывал жалости ни к кому в этом мире, в том числе и к самому себе. Стиснув зубы, он начал подниматься. Здоровая левая рука и здоровая правая нога! Это просто прекрасно. Можно жить, можно сражаться.

Стараясь вес тела сосредоточить на правой ноге и упираясь левой ладонью о стол, он в конце концов поднялся. Боль ударила куда-то в лоб над переносицей, кровь отлила от головы, в глазах заплясали фиолетовые пятна, сознание потускнело. Он упер подбородок в грудь и стойко перенес приступ слабости. Постепенно головокружение прошло и взор прояснился. Он огляделся.

Таинственная блондинка исчезла. Уже хорошо, решил мивар. Хотя, конечно, неизвестно что творится за стенами Цитадели, может она уже весь Гроанбург вырезала. Однако, эта мысль не сильно взволновала Хишена. Он был жив и это главное.

Судя по оплавившимся свечам, он провалялся часа два-три. Наконец он посмотрел на распахнутую дверь главного входа и замер. В проеме он увидел заднюю часть туловища бейхора. Измученный мозг тут же пронзила мысль, что эта сука тоже стоит там, на улице. Впрочем, дальше за крыльцом, на приличном расстоянии, практически у противоположного края площади он увидел толпящихся разбойников. Некоторые из них кажется заметили движение внутри залы и что-то кричали.

Хишен поискал какое-нибудь оружие. Сабля и нож пропали, но его любимый топор лежал на полу, недалеко от него.

Он понимал что ситуация очень сложная. Если эта девка там на улице и его бейхоры по-прежнему за нее, то ему и его людям придется очень плохо. Но так или иначе нужно было выходить.

Кое-как он доковылял до топора и приложив массу весьма болезненных усилий, поднял его с пола. Взяв оружие левой рукой, он обошел стол и тут увидел своего первого помощника, о котором честно говоря до этого момента и не вспоминал.

Манкруд сидел, прижавшись спиной и головой к стене, и положив ладони на колени, пустым взором смотрел куда-то вдаль.

Искренне удивляясь тому факт, что боци все еще жив, Хишен поспешно заковылял в его сторону.

Добравшись до Манкруда, Хишен с трудом склонился над ним. На миг его ошеломленный взгляд застыл на поседевших волосах боци, после чего он посмотрел в его пустые глаза.

– Ты как, старый пес? – С тревогой спросил мивар и выяснил, что говорить ему очень тяжело и больно, кроме того мешала засохшая кровь.

Его обеспокоенность состоянием Манкруда была искренней. Тот был, пожалуй, единственным человеком в Гроанбурге, к которому Хишен испытывал хоть какую-то привязанность. Слишком много они пережили вместе еще со времен службы у безумного барона Глуба. Не то чтобы Хишен стал бы лить слезы, найди он белокурого гиганта мертвым, но определенно расстроился бы будь это так. Несколько раз Манкруд спасал ему жизнь и несколько раз Хишен возвращал этот долг.

Боци не отвечал и не смотрел на своего старого товарища.

– Ты слышишь меня? – Прокряхтел мивар.

– Я был в аду, – проговорил Манкруд таким безжизненным голосом, что Хишену стало не по себе.

Но лысый разбойник заставил себя усмехнуться, преодолевая боль в разбитом лице и ломая коросты засохшей крови.

– Что-то я не видел тебя там, – весело сказал он.

– Это потому что ад у каждого свой, – тихо произнес Манкруд.

Хишен не нашелся что ответить на это.

– Ладно, ты посиди здесь, а я пойду посмотрю что снаружи творится, – сказал он наконец и медленно зашагал к главному входу в залу.

Он уже ступал на левую ногу чуть уверенней, свикнувшись и притерпевшись к очагу боли в поврежденном бедре.

Хишен осторожно вышел на крыльцо, не спуская глаз с лежавшего рядом зверя. Бейхор поднялся на ноги, подошел к нему и доверчиво ткнулся лобастой головой в его ладонь. Хишен ощутил громадное облегчение.

После этого он оглядел площадь, над которой вмиг воцарилась тишина. Все взгляды были прикованы к человеческой фигуре на крыльце.

Увидев практически все свое войско в целостности и сохранности, Хишен в очередной раз почувствовал облегчение. Значит он не потерял ни свою жизнь, ни свой город. Совсем не плохо. Однако где второй бейхор и куда же все-таки делась сама девка? Он посмотрел в сторону маленькой группы из десяти человек. Надо было приказать им войти внутрь и объясниться. Но он был очень измотан и боялся что голос подведет его, ему очень не хотелось перед своими воинами выглядеть немощно.

Хишен собрался с силами и выкрикнул в сторону бриодов: «Зайдите!». Как он и опасался, голос прозвучал сухо и слабо, напряженно и надсадно. Плюнув на это, мивар развернулся и вошел в Цитадель, ведя за собой бейхора.

– Кряхтит, словно у него запор, – отозвался на приказ Хишена горец Эрим.

– Ничего, сейчас войдем, понос начнется, – мрачно пообещал взлуоннец Вархо.

– Мать честная, а уделали–то его как! – Восхитился Банагодо. – Словно он не с бабой, а с пещерным медведем встречался.

– А может она и умеет медведем оборачиваться, – попытался пошутить Альче.

– Не-е, это только жена Мелиса умеет, когда он на бровях домой приползает, – тут же отозвался Кушаф.

– Ты бы поберег свое остроумие, – беззлобно посоветовал Мелис, – сейчас будешь перед Хишеном выступать, там и блеснешь.

– С чего это вдруг? – Нахмурившись, поинтересовался Кушаф.

– Ну а как же, – усмехнулся Мелис, – ты в этом деле с самого начала, тебе и ответ держать. Вот и расскажешь Хишену, как стоял тут на площади жопу чесал, пока эта девица его башкой там стены обстукивала, расскажешь как потом ей на крыльце глазки строил, как коня ей привел, как ее под попу в седло подсаживал.

– Старый там тоже был, – гневно воскликнул Кушаф, которому действительно стало не по себе, когда он представил себя перед мрачным взором мивара.

– А что Старый? Старый на то и Старый, что с него спросу нет, – спокойно сказал Мелис. – Скажет: «А что я? Ну пришел, этот балабол в красной косынке говорит надо бабе коня подогнуть, ну мы и подогнули». Так что Кушаф, готовься. А ты что думал в сказку опять попал? Думал опять ведром говорящим прикинешься и делу конец?

– Да пошел ты! – Злобно огрызнулся Кушаф.

Бриоды улыбались.

Это была старая и весьма болезненная для Кушафа история. За свою бурную жизнь он побывал во многих ипостасях, в том числе какое-то время он зарабатывал себе на хлеб как актер в одной из бродячих трупп. И по началу он очень любил хвастаться, рассказывая о своем невероятном таланте и о том, что однажды они даже давали представление для Его Величества, венценосной семьи и приближенных. И, мол, даже сам король восхищался им. Все это Кушаф описывал живо и в подробностях и многие ему верили. Однако на его беду, около года назад, в Гроанбург забрела та самая бродячая труппа. Артисты дали небольшое представление и получили достойное вознаграждение, разбойники были весьма охочи до зрелищ. А

между делом бриоды также выяснили, что на том самом достопамятном выступлении перед Его Величеством Кушаф исполнял роль говорящего ведра. Это была сказочная пьеса про злого волшебника и прекрасную принцессу. В замке у волшебника были разные говорящие предметы, оживленные им при помощи колдовства. Шкаф, часы, камин, а также кухонное ведро. В ведро кидали огрызки, кости, в общем всякий мусор и оно постоянно охало, стенало и жаловалось на свою тяжкую долю. Бриоды пришли в неопишуемый восторг от этого открытия. Без усталости и при всяком удобном и неудобном случае они упражнялись в остроумии, подначивая и измываясь над беднягой Кушафом. Тот просто не знал куда ему деваться. Дошло до того что он начал хвататься за нож, грозя убить всякого кто осмелится еще раз поинтересоваться о его непростой ведреной судьбе или спросить почему ему не дали роль шкафа, где он вне всякого сомнения смог бы глубже раскрыть свой талант. Позже страсти поутихли и только Мелис время от времени припоминал Кушафу его достижение на поприще лицедейства. Но бывший актер не бросался на Мелису с ножом, а только огрызался, видимо потому что Кушаф и сам частенько подначивал своего товарища на счет жены и прочего, порой явно переступая черту. В общем в большинстве случаев они не обижались друг на друга, по крайней мере, всерьез.

Но сейчас Кушаф явно пребывал в расстроенных чувствах и Мелис оставил его в покое.

Шишен направлялся к столу, неся в левой руке топор, а правую держа на загривке могучего зверя. Вдруг мивар замер, оторопело уставившись на стену за столом. Там, метрах в трех от пола, по кирпичной кладке было выцарапано: «Шишен животное». «Вот же сука», – с яростью подумал мивар. Внутри заворочалось жгучее пламя, алчущее мести. Но сейчас он был бессилен, он почти забыл это ощущение, которое всегда приводило его в бешенство. А голос разума подсказывал ему что этой женщине он никогда не сможет отомстить, он должен принять это и смириться. Легче от этого не становилось. Впрочем, для начала надо было разобраться что здесь случилось после того как он потерял сознание. Шишен обошел стол, поднял стул, с трудом уселся, положил топор на стол перед собой. Бейхор послушно улегся у ног своего вожака.

Бриоды осторожно заходили в залу, с жадным вниманием оглядываясь вокруг. Они видели сидевшего на полу, привалившись спиной стене, Манкруда с седыми волосами и с отсутствующим взглядом, они замечали квадратные проемы справа и слева, ведущие в подвальное жилище жутких бейхоров, они отмечали про себя темные пятна на стенах и в конце концов они останавливались у стола с противоположной от мивара стороны.

Шишен хмуро взирал на своих офицеров, в одежде и амуниции которых такое понятие как однообразие отсутствовало начисто. Однако десять мужчин не смотрели на него, вместо этого они уставились на стену над его головой.

– Кажись этого раньше здесь не было, – заметил Эрим, кивая на надпись.

Для большинства из присутствующих эти черточки и закорючки не несли никакого смысла. Они понимали что это надпись, но прочесть ее были не в состоянии, ибо никогда не утруждали себя изучением грамоты. За исключением Сойвина и Кушафа. Первый был бывшим офицером королевских пограничных войск и незнание чтения и письма было для него невыносимо. Второй же, благодаря чрезвычайной разносторонности своей натуры начинал и бросал много разных наук за свою жизнь. В том числе он коснулся и чтения. Но правда только коснулся и хотя он разбирал буквы, складывал их в слова и извлекал смысл, делал он это с большим трудом. Впрочем, сам он был об этом другого мнения и очень даже гордился этим своим умением, особенно среди практически поголовно неграмотного окружения. Не теряя времени даром, Кушаф решил продемонстрировать свои незаурядные способности.

– Хи, – бодро начал он. – Хи...ш-ш, хиш... хиш... е, хи-ше ... н...

Мивар внимательно смотрел на смуглого, невысокого бриода и не говорил ни слова.

– Шишен, – радостно объявил Кушаф, упоенный своим мастерством и не замечая тяжелого взгляда повелителя Гроанбурга.

– Жи..., – также бодро продолжил Кушаф, не отрывая взора от стены, – жи ... жи ..., вот деревня пишут как курица лапой, – возмутился он, – жи... во, живо... не, жидо, жидо ... не живо...

– Животное, – не выдержал Сойвин.

– Точно, животное, – с улыбкой подтвердил Кушаф и посмотрел на своих товарищей.

Кушаф увидел серьезные лица других бриодов и как-то сник. Он медленно перевел взгляд на человека, сидящего за столом и на миг почувствовал себя так будто стоит у края бездонной пропасти, подумав о том что его последняя фраза прозвучала несколько двусмысленно.

– Благодарю тебя, Сойвин, – не сводя глаз с Кушафа, спокойно проговорил Хишен. – Я знал что могу положиться на тебя.

Силы возвращались к мивару, его голос больше не звучал слабо и надсадно, обретая былую мощь и глубину.

– Я надеюсь вы закончили или кто-то еще хочет что-нибудь нам почитать?

Бриоды молчали, некоторые опустили глаза. Они чувствовали как в воздухе растет напряжение и прекрасно знали на что способен Хишен.

– Ты вообще как? – Поинтересовался Ронберг, пытаясь как-то разрядить обстановку.

– А что по мне не видно? Цвету как розовощекий выпускник семинарии, – холодно произнёс мивар. – Я хочу знать где эта девка.

Ответом ему было абсолютное молчание.

Хишен переводил взгляд с одного лица на другое, ожидая объяснений. Наконец Банагодо, стоявший слева от Кушафа, пихнул последнего. Это не укрылось от мивара и он тут же уставился на Кушафа. Тот, посмотрев с ненавистью на Банагодо, нехотя проговорил:

– Уехала она.

– То есть?

– Мы дали ей коня, она села на него и уехала, – совсем уж мрачно произнес Кушаф, со страхом осознавая, что начинают исполняться слова Мелиса.

– Кто это мы? – Спросил Хишен и его голос был подобен стали его топора, безжизненный и угрожающий.

– В тот момент там были я и Кушаф, – спокойно сказал Ронберг, принеся громаднейшее облегчение в смятенную душу Кушафа. Впрочем, не только его, остальные бриоды тоже были рады, что старый разбойник взял разговор в свои руки. – Мы решили что это лучший выход. Она сказала что ты с Манкрудом в отключке, рядом с ней твои бейхоры, чуть ей ноги не облизывают, в руках твоя сабля. Мы не знали что думать. Она потребовала коня, угрожая что если ей откажут, то она спустит с цепи псов и будет срубать нам бошки твоей саблей по пути на конюшню. Мы решили не рисковать, не понимая, честно говоря, с кем мы вообще имеем дело.

Ронберг замолчал и в зале снова повисла тишина. Хишен внимательно смотрел на старого разбойника.

– Где второй бейхор? – Спросил мивар.

– Он лежит среди городских ворот, – сказал Горик. – Мои ребята сейчас дежурят на стенах и я как раз был там. Когда эта женщина проезжала через ворота, она что-то сказала псу. Тот лег на землю и лежит некуда не уходит, только по сторонам смотрит. По крайней мере когда я уходил оттуда. И саблю твою она там же бросила.

Теперь в принципе все было ясно. Хишен отчетливо чувствовал зияющую пустоту неудовлетворенности. Его левая рука беспокойно поглаживала рукоять боевого топора. Под прикрытием бейхоров девка уехала из города, на прощание швырнув на землю его саблю. Она смеялась над ним. Не понятно на что он надеялся. Где-то в глубине души, где-то очень глубоко, почти иррационально. Что его ребята расстреляли ее из луков? Поймали ее сетями или арканами? Загоптали лошаадьми? Глупо, она не о зубам ни ему, ни тем более этим бродягам. Что ж, так иногда бывает. Кое с чем приходится мириться. Кое-что не в его силах. И хотя это просто

бесило его, он заставлял себя продолжать спокойно сидеть на стуле и разглядывать своих ничемных офицеров. Сейчас они его тоже раздражали. Своей расхлябанностью, своей мягкотелостью, своей глупостью и приземленностью. В них не было ничего от безумной отваги барона Глуба и несгибаемого упорства и ярости его храбрых рыцарей. Гордый сумасшедший барон и его верные воины, одним из которых когда-то был и Хишен, были способны утопить в крови целые области, вырезать целые деревни за любое неповиновение, дерзость или злоумышление, они преследовали своих врагов через полмира и сражались сутками с любыми армиями, будь то кровожадные орды первобытных дикарей или дисциплинированные вымуштрованные подразделения регулярный войск. Они не боялись никого и ничего, ни Бога, ни короля, ни Церкви. Это было славное время. А теперь он смотрит на десятерых баранов, которые опускают глаза в пол, прячут свои козлиные улыбочки и думают только о том как побыстрее смыться пожираться и завалиться на кровать. Где-то на заднем фоне своего сознания он понимал, что несколько перегибает палку, что его бриоды тоже неробкого десятка и не полные идиоты (иначе он бы просто не сделал их бриодами). Но все же сейчас они вызывали в нем только глухое недовольство. А также и неясную тревогу. Он всегда был уверен, что по одиночке с легкостью справится с любым из них, а приложив достаточные усилия, то и со всеми десятью сразу. Но теперь, в его нынешнем состоянии, с одной здоровой рукой и с одной здоровой ногой, на что он способен? Он уверял себя, что даже и в таком положении, он сумеет одержать верх над любым из них. Он хотел чтобы у него не было ни малейшего сомнения на этот счет. И у них конечно тоже. О, да, эта девка выбила его из колеи. Она заставила его почувствовать себя слабым, беспомощным, то что уже давно было просто невыносимо для него. Наверно ему нужен был какой-то реванш, но разум подсказывал ему что не сейчас. Он безмерно устал и измотан. Сейчас не нужно ничего придумывать и изобретать. Он должен просто отдать разумные распоряжения и идти отдыхать и восстанавливать силы. Он знал свое природное естество, свою живучесть и крепость и не сомневался что он очень быстро придет в себя. В этот миг его поразил мощный приступ головной боли, где-то во лбу заломило так, что он едва не застонал, глаза на миг застило багровой пеленой. Однако он сумел сдержаться и лишь поморщился и на короткий миг закрыл глаза. «Видимо здорово это сука приложила меня по голове», подумал он.

Молчание главы Гроанбурга затягивалось. Бриоды нервничали. Они знали тяжелый и непредсказуемый нрав своего вожака. Не раз они были свидетелями его жестоких безумных выходок. Жизнь и смерть других людей значили для него очень мало. Он убивал и пытал иногда совершенно без какой-либо видимой причины. Но он никогда не трогал своих без серьезного на то основания. Тех кто сражался с ним плечом к плечу он считал почти братьями, однако если у него возникала хоть тень подозрения, что один из его людей предал его, как-то подвел его своими поступками или бездействием, пусть даже без умысла, то с таким человеком он расправлялся беспощадно и обычно молниеносно. Хотя иногда случалось что особо провинившегося, по его мнению, перед ним бедолагу он доводил до смерти несколькими днями мучений и издевательств. Они прекрасно знали это и тем больше у них было оснований переживать. Что если Хишен, также как и Альче, решит что им следовало приложить хоть какие-то усилия чтобы попытаться остановить странную женщину? Что если он сочтет их невмешательство откровенной трусостью и предательством? Что тогда? Естественно первыми под удар должны были попасть Кушаф и Ронберг, и еще Горик, который дежурил у ворот и, по сути дела, беспрепятственно позволил незнакомке покинуть город. Такие мысли немного успокаивали остальных. Здесь сейчас каждый был за себя. Все понимали что Хишен страшно унижен и озлоблен своим поражением и если он захочет выместить на ком-нибудь свою ярость, то главное было спасти собственную шкуру, принеся в жертву кого-нибудь другого. Если он прикажет посадить Кушафа и Ронберга на кол, то так оно и будет сделано. Некоторые из них, даже сочтут это справедливым, чтобы дать себе хоть какое-то оправдание. Но он может пойти еще дальше и попытаться расправиться со всеми десятью. Спустит своего жуткого пса на них и начнет махать

топором. Они до мелочей знали насколько мивар опасен в бою и пусть сейчас он здорово избит, это мало что меняло. Он будет драться дико и яростно, и абсолютно безжалостно, нисколько не думая о своей жизни, точно также как и бейхор. Совершенно бесстрашно, без единой мысли о том что он может погибнуть. Справятся ли они с двумя этими кровожадными существами: лютым псом, созданным жуткой магией безбожных вэлуоннских чернокнижников, и жестоким человеком, воспитанным и возвращённым безумным бароном Глубой, который, как говорили, питался исключительно сырым мясом и чьим отцом был его родной дед? Определенно никто из бриодов не хотел узнать точный ответ на это вопрос эмпирическим путем.

Хишен сжал рукоять своего топора.

– Ронберг, – глухо обратился он к старому разбойнику.

Бриоды почти перестали дышать, ожидая окончательного безжалостного приговора.

– Иди и скажи бродягам чтобы расходились. – Приказал Хишен. – Передай им что все в порядке и со мной и с Манкрудом и со всем городом. Горик. Распорядись чтобы ко входу подогнали телегу, я съезжу за вторым бейхором. Кушаф. Отведи Манкруда домой, пусть о нем позаботятся, скажи бабе Габе, пусть она зайдет к нему, даст ему что ли каких-нибудь трав, чтобы он уснул и пришел в себя. После этого отправь ее ко мне. Это все. Проваливайте.

Бриоды почти не могли поверить своим ушам. Что случилось с этим миром? Их вожак вел себя совершенно спокойно. И это после того как была пролита его кровь. Это было невероятно. Разбойники ожидали террора и репрессий и весь вопрос был только в том, на кого они будут направлены. Но ничего не произошло. Самые прозорливые из них, конечно, полагали что это еще не конец, что мивар просто очень устал и решил отложить утоление своей злобы до тех пор, пока не оправится от побоев, поэтому и зовет к себе знахарку бабу Габу. Но, так или иначе, на сегодня кажется, все было закончено и можно было расходиться по домам, снимать броню и пояс с оружием и начинать думать об ужине.

Когда все ушли и Хишен остался один, не считая жуткого зверя, развалившегося у его ног, он остался сидеть за столом, уставившись неподвижным взглядом на собственные руки. Он удивил не только своих бриодов, но и самого себя. Может быть он стареет? Снова пришел приступ головной боли, резкий и разламывающий череп. Хишен скривился. Да что же это такое? Не первый раз он получал удары в голову, но боль всегда была снаружи в месте ушиба, а тут она приходила как будто изнутри, словно кто-то хотел вырваться наружу. Приступ, внезапный и сильный как удар меча, оглушал его, застилая взор и отдавался где-то чуть выше переносицы. Но вот боль ушла и Хишен тут же забыл о ней. Он никогда не переживал о собственных ранах, он свято верил что силен как бык и что его тело выдержит любые удары. Нет, его волновали другие мысли, не стал ли он более слаб духом чем раньше, более мягкотелым и чувствительным. Какой вздор. Он такой же как раньше, решительный, бескомпромиссный, жесткий, безжалостный. Сильный и твердый как камень. Просто эта девка немного выбила его из колеи и ему необходимо немного отдохнуть. Совсем немного. Просто побыть одному, в тишине и покое. Какой-то бред, тишина и покой. Никогда он не хотел ничего подобного. Он подумал о дочке купца, которую он отдал этому заносчивому Сойвину, и почти с ужасом осознал что даже ее он сейчас не хочет. Он усмехнулся и почувствовал засохшую кровь на лице. Для начала надо хотя бы умыться, решил он.

49.

Громми Хаг, владелец постоялого двора «Одинокий пастух», расположенного почти ровно посередине между Туилом и Аканураном, сегодняшним утром пребывал в отличнейшем расположении духа. Вчера он неплохо наварился, продав очередной свой «небесный камень» какому-то простофиле из Сайтоны. У того случались головные боли и Хаг горячо заверил его, что «небесный камень» лучшее средство против подагры, ипохондрии, разжижения мозга, болезней сосудов и головы. Необходимо только носить камешек на цепочке в районе затылка

или лба, как будет удобнее. Доверчивый покупатель был счастлив приобрести такое замечательное средство и искренне благодарил хозяина «Одинокого пастуха». Громми Хаг криво улыбался, вспоминая глупого постояльца. Однако улыбка медленно сползла с его лица, когда он увидел как во двор въезжает большая черная карета, запряженная четверкой лошадей. Красно-золотая эмблема Судебной Палаты грозно пылала на темной поверхности. Хаг досадливо поморщился: "Только этого еще не хватало". Он пристально разглядывал из окна своего кабинета зловещий экипаж. На козлах сидел некий небритый, абсолютно не внушающий ему доверия субъект в широкополой шляпе. Висельник какой-то, раздражено подумал он. Когда из кареты вышел высокий мужчина, затянутый в черно-красные одеяния, трактирщик осмотрел его наметанным взглядом.

Хагу пришлось напрячь память, чтобы вспомнить это круглое выразительное лицо с широким носом и большими глазами.

Род деятельности Громми Хага подпадал под королевский указ, по которому ему вменялось в обязанность неукоснительно исполнять ряд определенных требований. Этот указ в народе именовали "брильянтовым", ибо вне всяких сомнений он был инициирован первым судьей королевства Томасом Раушером Халидом, герцогом Этенгорским, которого в свою очередь в народе также именовали "брильянтовым герцогом" за его неумную, граничившую по слухам с безумием, страсть к драгоценным камням в целом и бриллиантам в частности. Рассказывали, что аристократы и вельможи королевства вообще стараются не появляться при нем с каким-нибудь украшением, в котором присутствует хороший самоцвет. Ибо герцог тут же захочет приобрести его, и если он не получит камень у хозяина за деньги по-хорошему, то хозяин рано или поздно окажется в жутких подземельях Дома Ронга и герцог все равно в конце концов получит свой камень.

По "брильянтовому" указу, среди прочего, владелец постоялого двора был обязан знать основных представителей Судебной палаты в лицо. Для этого ему раз в год присылались достоверные портреты судей с именем и должностью.

И Громми Хаг сумел вспомнить имя этого человека. Мастоун Лург, – произнес он очень тихо и мысленно добавил. – Та еще сволочь.

Затем из кареты вышла маленькая девочка.

А это еще кто, спросил себя трактирщик. Его дочь что ли? Да нет, он же у нас вдовец. Застукал жену за прелюбодейством, собственноручно сделал ей клеймо на руке и продал шинжунским работорговцам, безбожникам и людоедам. Что случилось с любовником жены история умалчивает. Просто куда-то исчез. Такой человек способен на все, тоскливо подумал Громми Хаг.

В следующий миг он понял, что теряет драгоценное время и бросился вниз. Нужно было организовать достойную встречу господину судье, будь он не ладен.

На первом этаже, он первым делом навестил кухню, где дал быстрые и четкие инструкции своей супруге Глории, кухарке Сесилии, а также своему нерадивому отпрыску сыну Мелигу. Никаких разговоров о налоговой политике Его Величества. Воздержаться от употребления привычных прозвищ первых лиц королевства. Ни слова о Доме Ронга и засилье Судебной Палаты. Никаких игр в Черную Румму, пиратов и темных рыцарей Абаура.

Он внимательно поглядел на Сесилию. Девушка стояла, опустив глаза, с каменным выражением на лице. Хаг прекрасно знал трагическую историю ее родного брата. Молодой человек был влюблен в дочь кузнеца, которая была уличена в черном колдовстве и злоумышлении против короны. Хаг конечно слышал через третьи руки и менее официальную версию, о том что деревне кое кто очень желал зла сильному и гордому кузнецу и этот некто добился своего, оговорив несчастную девушку. Так или иначе, когда команда «красноголовых» приехала за молоденькой ведьмой, ее отец ничтоже сумняшеся, взял огромный меч и вышел защищать своё чадо. И даже гвардейцы Судебной Палаты, чье воинское мастерство оттачивалось

бесконечными тренировками и муштрой, поначалу вынуждены были отступить, обескураженные столь яростным сопротивлением. Однако в конце концов они справились с кузнецом, но тут ему на подмогу с топором в руках примчался брат Сесилии. Молодой человек не сумел пролить ни единой капли крови гвардейцев, но те, уже и так порядком взбешенные битвой с кузнецом, в которой они потеряли трех своих товарищей, обошлись с парнем очень сурово, а говоря проще они забили его до смерти. Причем навир, младший судья сопровождающий каждый отряд судебной гвардии, практически санкционировал и одобрил это убийство, возложив всю вину на приспешника ведьмы. Естественно, после всего этого, Хаг не ожидал что Сесилия будет относиться к судебским по крайней мере равнодушно. Но она была довольно спокойная и молчаливая девушка и трактирщик верил, что с ее стороны никаких неожиданных фортелей ожидать не приходится. У него мелькнула мысль про тихий омут и тех кто в них водится, но он не стал на ней задерживаться, считая что это не тот случай.

После этого, для пущей убедительности взяв сына за левое ухо и потянув вверх, он веско, с расстановкой произнес:

– И не вздумай что-нибудь спереть у судьи. Иначе, клянусь грудями синеокой Миранды Тулунской, вскормившей четырнадцать богатырей Тулуна, я запрю тебя в подвале на пять дней. – Немного подумав, Хаг добавил: – И не смей клясться грудями синеокой Миранды.

Впрочем, с досадой сказал себе трактирщик, у судьей и спереть-то нечего. Им ведь ничего не нужно иметь при себе, они все могут взять у кого угодно. Сволота.

Он отпустил отпрыска. Мелиг, потирая ухо, с мрачным видом отошел в угол.

Слова о грудях Миранды Тулунской, героини народного эпоса, напомнили Громми Хагу о Розе – его молодой служанке, в чьи обязанности входило разносить еду и питье гостям, убирать со стола и мыть посуду.

– Так, а где Роза? – Поинтересовался хозяин «Одинокого пастуха».

– В зале, – ответила его супруга.

– Вернется, доходчиво ей объяснить чтоб при судье вела себя как святой агнец. Ляжками не сверкать, задом не вертеть, грудь на стол не вываливать. Свою жену этот судья собственноручно заклеил и продал шинжунским работаровцам.

– Да ну, а за что? – Воскликнула Глория.

– За то что вертела задом.

Элен Акари и ее похититель стояли во дворе постоялого двора. Мاستон Лург задумчиво смотрел на девочку.

– Послушай, – наконец сказал он, – мы собираемся провести некоторое время в общественном месте. Я надеюсь все пройдет без эксцессов.

Ярко-синие глаза девочки встретились с зелеными глазами судьи.

– С чьей стороны? – Дерзко спросила она.

– С твоей, Элен, с твоей. – Усталым голосом ответил судья. – В своем поведении я вполне уверен.

– Я бы на вашем месте не была столь уверена. Вдруг вам приглянется кто-нибудь еще. Вы наброситесь на него, свяжите и тоже повезете его на продажу к Верховному претору.

– Послушай, Элен, я бы очень хотел чтобы ты воздержалась..., – раздраженные слова Лурга были прерваны появлением хозяина постоялого двора.

Спустившись с крыльца, Громми Хаг бросился навстречу гостям. Весь его вид однозначно говорил о том насколько он потрясен, рад и взволнован неожиданной встречей с таким прекрасным человеком, как королевский судья города Туила.

– Господин инрэ, – восторженно проворковал он. При этом трактирщик невероятным образом умудрился в интонацию своего голоса вплести тонкую нотку презрительной усмешки, означавшей естественно только одно: «Какой же ты все-таки жалкий Лург, без рода, без имени,

без какого-нибудь пусть даже самого завалящегося титула». Такое мимолетное чувство возникло у главы правосудия Туила. Ну конечно же так оно и было на самом деле, ведь не зря же трактирщик назвал его не господин судья, а именно господин инрэ – таким, согласно квоперечню, был статус человека, занимавшего должность главного королевского судьи целого города, но при этом не имеющего никакого аристократического титула. «Да, да, – говорили улыбающиеся глаза Громми Хага, – ты такой же босяк как и все мы. Бывший чернопузый крестьянин с соломой в волосах и не знающий нижнего белья».

Мастон Лург приказал себе взять себя в руки. Он вполне отдавал себе отчет, что все это лишь в его воображении. Просто это всегда было большим вопросом для него. Как бы он ни старался, но высшие круги общества, куда были вхожи лишь потомственные аристократы, для него всегда были закрыты. Впрочем, он надеялся скоро это изменить. Он правда еще не решил, что он попросит у верховного претора: герцогство или графство.

– Я очень рад видеть вас и ваших спутников, – между тем продолжал трактирщик, – в моей гостинице. Это такая честь для нас. Вы не представляете как обрадовалась моя жена. Клянусь..., – тут Громми Хаг на миг споткнулся, ибо чуть было снова не поклялся грудями народной героини, – шляпой святого Патрика, мы все так взволнованы, господин судья.

Эта откровенная лесть вызвала у Мастона Лурга чувство отвращения. Он покосился на девочку, которая конечно же прекрасно видела всю лживость этих слов и вне всякого сомнения усмехалась про себя.

– Да-да, я тоже рад что мы заехали к тебе Громми, – поспешно ответил судья. – Надеюсь «Одинокий пастух» процветает?

Трактирщик открыл было рот чтобы сказать, что раз уж сюда заезжают такие гости как уважаемый господин судья, то конечно же гостиница процветает, но Мастон Лург не дожидаясь его ответа, продолжил:

– Это моя двоюродная племянница, госпожа Элен и мой слуга Галкут. Мы желаем хорошей трапезы, несколько часов сна и свежих лошадей.

– Конечно, господин судья, – ответил Громми Хаг уже не столь жизнерадостно и посмотрел в сторону четырех прекрасных коней, запряженных в черную карету с эмблемой Судебной палаты.

Глава туилского правосудия заметил этот осторожный взгляд.

– В чем дело? – Подозрительно спросил он.

Согласно “бриллиантовому” указу, трактирщик должен был в обязательном порядке держать у себя как минимум восемь свежих лошадей для неотложных государственных нужд, в число коих входили и нужды людей Судебной палаты. За это королевские налоги для владельца постоянного двора снижались на некоторую величину, впрочем весьма незначительную.

Трактирщик жалобно поглядел на королевского чиновника.

– Господин судья, сразу целых четыре лошади..., – промолвил Хаг.

– Целых четыре?! – Воскликнул Лург. – Если не ошибаюсь, на такое заведение как твое возлагается обязанность держать наготове сразу целых восемь лошадей для нужд Его Величества и государства. Разве не так?

– Господин судья, но сейчас в разгаре полевые работы, крестьяне бедствуют.

– Неужели? И поэтому ты, охваченный христианским милосердием, спешишь нажиться на их бедствиях, сдавая им втридорога в аренду лошадей. Так что ли?

– Господин судья, ну как вы можете говорить такое? – Чуть ли не всплеснув руками, горестно воскликнул трактирщик. – Я отдал им лошадей, движимый лишь состраданием и человеколюбием, прекрасно зная как тяжок и изнурителен труд наших добрых землепашцев. И конечно не ожидая никакой награды взамен.

– Перестань. Лживость твоих слов очевидна даже ребенку, не правда ли Элен? – Лург усмехнулся про себя.

Девочка ничего не ответила, она безучастно глядела по сторонам, делая вид что разговор ее не интересует. Хотя на самом деле ей было очень любопытно.

– Знаешь что, Громми Хаг, – продолжил судья, – Палата давно уже следит за тобою. Последний раз когда я видел папку с перечнем твоих «достижений» она была толщиной с мое запястье. Торговля краденным, торговля «веселыми» сигарами, торговля «небесными камнями», участие в поставке наркотиков из Кирма, махинации со строительством «Кольцевого пути». А кто разъезжал по городам со скелетами, выдавая их за мощи восемнадцати мучеников Эсгина? Кто пытался продавать мешки, наполненные якобы исцеляющим дыханием Девы Хрустальной горы? Кто пытался выдать дрессированных котов за новую расу разумных существ? Кто продавал карты пиратских сокровищ и карты по которым якобы можно было добраться в запретный город Астум – последний город "Первых"?

Элен уже не делала вид что ей не интересно, а во все глаза смотрела на Громми Хага.

– Господин судья, но ведь это все лишь домыслы, так ничего и не было доказано, – ответил немного озадаченный Хаг. Он никак не ожидал что человек, в общем-то весьма далекий и от него и от этих мест, так хорошо знает его историю.

– Просто никто так и не взялся за это серьезно. Но я думаю пора поменять к тебе отношение. Тем более на это раз ты совершил преступление против Его Величества, вероломно и целенаправленно нарушив Его указ и свидетелем этого стал королевский судья.

Громми Хаг вдруг действительно почувствовал беспокойство. Много раз за свою жизнь он играл в кошки мышки с законом, но никогда особенно не волновался, ибо считал себя человеком очень умным и осторожным, он всегда старался не задевать государственные интересы и вовремя платить нужным людям. Но сейчас, этот упертый судейский может действительно довести дело до логического завершения. Ему ничего не стоит повернуть всю эту пустяковую историю как преступление против Короны. И тогда пиши пропало. Скоро здесь появится отряд «красноголовых» и умный и осторожный трактирщик окажется либо в Доме Ронга на крюках палачей, либо, если ему очень повезет, за пределами Агрона и до конца своих дней он будет беглецом. Палата не забывает и не прощает ничего. А жена, сын?...

– Господин судья, вам совершенно не стоит беспокоиться. За те несколько часов что вы проведете в «Одиноком пастухе» мы вычистим, выскоблим, отмоем ваших лошадок. Напоим их хрустальной родниковой водой. Накормим их отменным зерном с удивительными добавками из Вэлуонна, придающими бодрость духа, ясность ума и душевный подъем. Когда вы соберетесь продолжить путь, они будут как новенькие, вы их просто не узнаете. Тем более у вас такие прекрасные кони. Восемь моих не стоят одного вашего. Они домчат вас быстрее ветра, ибо...

– Хватит, – перебил трактирщика Лург. – Мы очень устали. Так и быть я закрою глаза на твои махинации, если мы получим здесь достойное обслуживание. Занимайся лошадьми, делай их как новенькими. Но не вздумай давать им наркотики. Если они упадут посреди дороги от разрыва сердца, ты можешь у себя во дворе начинать строить виселицу для себя. Мы поняли друг друга?

– Вполне, господин судья, – радостно заверил его Хаг. – И поверьте, такого радушного приема как здесь вы нигде больше не найдете.

– Ладно, ладно, – устало отмахнулся Лург. Он действительно очень устал, ибо почти не спал последние трое суток, мало ел и постоянно был в напряжении из-за этой девчонки. – Кто у тебя сейчас на постое?

– Постояльцев совсем немного, господин инрэ, вам не о чем волноваться. Правда у нас сейчас в зале один туру и один шоти, но я надеюсь, господин судья, вы терпимы к этим чудовищам, которых бог лепил явно в плохом настроении. Если нет, то я могу проводить вас через черный ход, прямо в один из моих самых роскошных номеров, где вы...

– Ни к чему всё это, войдём как все, – отрезал Лург. Потом покосился на девочку. – Вот только моя племянница никогда не видела туру или шоти. Она может получить неприятные ощущения при виде этих созданий.

– Не волнуйтесь, дядя, – ответила Элен, – после вас уже никакие создания не вызовут у меня неприятных ощущений.

Громми Хаг удивленно воззрился на девочку. Может быть он не верно понял смысл ее слов, подумалось ему.

– Веди нас внутрь, – резко приказал судья. Вспомнив о Галкуте, он бросил через плечо: – Расседлай лошадей, передай их на попечение трактирщика и приходи.

Громми уже взбежал на крыльцо, торопясь открыть двери перед гостями.

Элен бодро последовала за ним, обогнав судью. Ей было очень любопытно взглянуть на Туру и Шоти. Она припомнила лекцию Кита о Каунаме и о сосуществующих здесь сразу нескольких разумных видах. Лоя она уже видела, к Омо принадлежала сама, а теперь должна увидеть Туру и Шоти.

Громми Хаг гостеприимно распахнул дверь, пропуская девочку внутрь.

– Благодарю, – вежливо произнесла она и трактирщик улыбнулся.

Элен на несколько мгновений задержала взгляд на Громми. Судья сумел вызвать у нее кое какой интерес к этому человеку. Высокий, худой, загорелый, с глубокими светло-голубыми глазами, он имел довольно приятную внешность и в целом явно умел расположить к себе. «Авантюрист», почему-то вдруг подумала о нем девочка. Она вдруг представила его в черном приталенном камзоле, широкополой шляпе с пером, с широкой вышитой золотыми нитями перевязью, на которой висела тяжелая длинная шпага, в черных перчатках и высоких ботфортах. Воображение пошло дальше и она увидела его за огромным штурвалом трехмачтового фрегата. Морской ветер треплет кудри парика и ажурные складки белоснежного воротника и манжет. К шпаге добавились пистолет и подзорная труба. Наконец девочка поняла, что она вспоминает рисунки из книг о капитане Бладе.

– Что-то не так, госпожа? – Спросил трактирщик, несколько озадаченный пристальным взглядом удивительно ярких синих глаз ребенка.

– Вы были когда-нибудь пиратом? – Поинтересовалась Элен.

– Э-э... – Громми Хаг обеспокоено посмотрел на приближавшегося судью. – Не понимаю, госпожа, что могло заставить вас подумать, что я имел что-то общее с этим гнусным ремеслом.

– Элен, оставь его в покое, – попросил Мاستон Лург. – А ты не забудь про наших лошадей.

– Конечно, господин инрэ. Позвольте только разместить вас и распорядиться о вашей трапезе.

– Да, и... если можно, подальше от...

– О-о, я все понял, господин судья, – с легкой улыбкой произнес трактирщик.

Элен вошла в залу и огляделась.

Присутствующих было немного. Почти все они так или иначе бросили взгляды в ее сторону. Конечно, девочка для них выглядела несколько необычно. На Элен были черные узкие брючки, белоснежная облегающая водолазка, высокие ботинки с липучками и толстой подошвой, имитирующими знаменитые астроботинки звездных десантников, и синяя куртка-трансформер, способная превращаться в плащ, пиджак, непосредственно куртку-жакет или почти что в топик. В данный момент она была в своей основной исходной позиции: куртка-жакет, только девочка подняла рукава выше локтей. Но кроме странного для жителей королевства одеяния, им казалось необычным ее очень короткая стрижка, ни одна нормальная девочка по собственной воле не стала бы так стричься, значит либо наказание, либо болезнь.

Зала имела довольно высокий потолок, подпираемый редкими колоннами, между которыми в строгом порядке стояли столы на шесть человек и плетеные стулья. В правом от входа

конце залы в стену был вделан большой камин, в котором весело трещал огонь. Рядом лежала аккуратная поленница, и висели три кочерги разных размеров. Во фронтальной стене помещения были прорублены широкие окна, застекленные и наполовину закрытые однотонными светло-сиреневыми занавесками. Вообще здесь было довольно уютно и приятно. Чисто выметенный пол, скатерти на столах, гобелены с нейтральными ландшафтными пейзажами, стойка сверкающая отполированным лакированным красным деревом, все говорило о том что хозяин любит и радеет за свое заведение.

Элен скользнула взглядом по присутствующим. Молодая женщина и молодой человек довольно бедно одетые, по крайней мере девочке так показалось, двое мужчин среднего возраста, один бородатый и лысый, другой с тонкими усиками претендующими на аристократичность, их одежда была некогда дорогой и изящной, но сейчас уже порядком поистрепалась и износилась, оба были вооружены и о чем-то тихо переговаривались. Еще один явный представитель знати, аккуратно расчесанный и изысканно одетый, сидел в одиночестве. Также присутствовал некий господин в длинном желто-белом халате, рядом с ним сидела черноволосая женщина, от шей до пят укутанная в черный балахон. За соседним от них столике в одиночестве расположился некий неопределённый дед, морщинистый и худющий, сжимающий обеими руками большую деревянную кружку и был еще один молодой пронирливый субъект, так о нем почему-то подумала Элен, который вертел в пальцах маленький ножик и иногда тыкал им в тарелку, нацепляя на него кусок какой-то еды. Но конечно все эти персоны мало заинтересовали девочку. Она позволила себе задержать взгляд, хотя и осознавала что это не вежливо, на огромном невероятно широкоплечем гуманоидном существе, покрытом темно серой шерстью и облаченным в некое подобие длинных шорт. Элен поняла что это и есть Туру.

Но все это конечно она увидела и подумала потом. Ибо первое к чему устремился ее взор, как только она вошла, было бесформенное, густое, абсолютно черное облако, повисшее возле камина. Это был Шоти. Да, она видела за свою недолгую жизнь разные виды негуманоидных инопланетян, и в живую, и по телевиденью, но все же этот парящий сгусток поразил ее. Она даже не сразу осознала, что это живое существо, несмотря на то что видела цветные переливы и колебания его ауры. Существо время от времени выбрасывало из себя черные протуберанцы по направлению к пламени и то, казалось отвечало ему, подаваясь навстречу. Элен каким-то образом почувствовала, что существу очень приятно и хорошо, оно расслабленно и можно даже сказать блаженствует. И эту информацию она извлекла не из анализа переливов его ауры, которые ей ничего не говорили, поскольку очень отличались от человеческих. Чтобы научиться понимать его ауру, да и любого другого существа отличного от Homo Sapiens, ей нужно было провести месяцы, а то и годы в близком контакте с этим существом, запоминая, привыкая, изучая и сопоставляя эмоции, настроения, поступки с цветовыми изменениями и рисунками ауры. Хотя, насколько она успела понять, были некоторые общие моменты для всех живых существ и эти общие моменты объединяли и носителей разума, в человеческом его понимании, и тех кто оным не обладал. «Разум вещь относительная», любил говаривать дедушка, большую часть своей долгой жизни занимающийся созданием и совершенствованием искусственного интеллекта. В общем, так или иначе настрой шоти она почувствовала почти сразу и даже больше. Ей показалось, что он обратил на нее внимание, хотя совершенно было невозможно понять куда он смотрит и смотрит ли вообще. Есть ли у него глаза?

– Вот сюда, вот сюда прошу вас, госпожа, – ележно ворковал трактирщик и Элен очнулась от своих мыслей.

Такое чрезмерно вежливое обращение со странной обстриженной девчонкой, надо заметить, что некоторые могли принять ее и за очень симпатичного мальчишку, но большинство все же, видя ее огромные синие глаза, ни на секунду не сомневались что перед ними девочка, пусть и с мальчугановой стрижкой, вызвало некоторое недоумение у постояльцев, но впрочем как только в залу вошел судья в своих черных со вставками багрово-красного одеяниях,

недоумение тут же сменилось напряженностью. Казалось в один миг все немного притихли и замерли. Неопределённый дед отпустил свою кружку, пронырливый субъект перестал вращать ножик, а лысый бородач и владелец аристократичных усиков оборвали свой тихий разговор.

Судья быстро оглядел присутствующих, просто так, на всякий случай, все-таки все они сегодня стали свидетелями того, что он и похищенная им девочка были здесь. И ему хотелось знать кто эти свидетели. Его взгляд ни на ком не задержался, за исключением двух человек. Первым был аккуратно расчесанный и хорошо одетый представитель знати. Он сам поймал взгляд судьи, поприветствовал его легким поклоном и негромко произнес:

– Господин инрэ.

Он сумел прочитать статус судьи по его серебряным нашивкам на одежде. Не то чтобы это о многом говорило, но все же умение распознавать статусные нашивки, гербовые рисунки и армейские знаки, по крайней мере давало понять что человек хотя бы мало-мальски образован и может быть вращался в кругах чуть выше чем крестьяне, ремесленники и мастеровые.

Мастон Лург едва заметно поклонился в ответ и также тихо ответил:

– Господин барон.

Нашивка титула и маленький герб скромно светились белыми и золотыми нитями на левой стороне темного камзола неизвестного аристократа.

Вторым же человеком был тот самый неопределённый дед. Тот упрямо смотрел куда-то перед собой, хотя наверняка чувствовал взгляд судьи. Наблюдательный Лург заметил тонкое черное кольцо на левом мизинце старика. Это было несколько странно, ибо внешний, немного неряшливый вид пожилого постояльца никак не соответствовал этому знаку.

– Сюда, господин судья, – позвал Громми Хаг, указывая на один из столиков в левой части зала.

Так уж получилось что все остальные постояльцы разместились по правую сторону от главного входа зала. И трактирщик, памятуя о просьбе Лурга быть подальше, привел его и девочку к одному из столов в левой части.

Элен тут же заняла место, так чтобы сидеть лицом ко всем присутствующим. Судья было хотел сесть напротив, но в последний момент решил, что сидеть спиной к остальным не годится, нужно видеть что происходит, и потому занял место по левую руку от Элен.

Говоря по правде, девочка просто умирала с голоду и потому пока не уделяла особого внимания другим постояльцам, а с нетерпением ждала, когда Громми Хаг предложит меню.

– Вас все устраивает, господин судья? – Поинтересовался хозяин «Одинокого пастуха».

– Вполне, – ответил Мастон Лург. – Моего слугу посадишь вон там.

Он указал на соседний столик, который стоял между ними и остальными присутствующими.

– Как прикажете, господин судья, – сказал трактирщик и собрался уходить.

– Простите, а я могу увидеть меню? – Уже ему в спину сказала девочка.

Громми Хаг вернулся к столику и посмотрел на Элен. Все-таки было в этой девчонке что-то странное, подумалось ему. На вид лет шесть, но по замашкам все двадцать шесть.

– О, моя госпожа, вы слишком высокого мнения о моем скромном заведении, – чуть улыбаясь, проговорил он. – Лишь столичные рестораны имеют множественный перечень блюд для удовлетворения самого изысканного вкуса. У нас же в «Одиноком пастухе» все гораздо проще. Но если вы желаете чего-нибудь особенного и мы в состоянии это приготовить, я немедленно распоряжусь.

– Не надо ничего особенного, – вмешался судья. – Давай суп, мясо с гарниром на второе, салат, хорошего красного вина мне и морс девочке.

Громми еще несколько секунд смотрел на Элен, ожидая что она что-нибудь скажет. И дождался на свою голову.

– Я бы хотела перед трапезой совершить омовение рук, – пристально глядя в глаза Хагу, твердо произнесла девочка.

Оба мужчины немного растерялись.

Хозяин «Одинокого пастуха» просто не знал как поступить. Во дворе рядом с дровяным сараем, стояла большая грязная лохань, а над ней прибитый к стене умывальник. Все кому не терпелось совершить омовение рук или чего-то еще делали это там. Но кроме этого кто-то там также мыл сапоги, мог по-быстрому состирнуть платок, сморкался, отхаркивался. Там повсюду была грязная жижа и от лохани несколько пахло. Посылать туда племянницу королевского судьи явно не следовало.

Мастон Лург тоже не знал как поступить. Девочка явно намерена удалиться из зала. Если бы здесь был Галкут, он бы приказал ему сопровождать ее, но тот еще не вернулся. Пойти же самому с ней, значит поставить себя в глупое положение, он будет выглядеть смешно и подозрительно. Его племянница явно вполне самостоятельный ребенок чтобы помыть руки без дядюшкиного надзора. Вот неугомонная девчонка, раздраженно подумал судья.

– Если вы сочтете это возможным, я бы мог распорядиться чтобы вам принесли таз с водой для умывания, прямо сюда, – неуверенно предложил трактирщик.

«Ага, – обрадовался судья, – это выход».

– Ну что вы, мистер Громми, ни я, ни мой дядя не позволили бы себе так бесцеремонно утруждать вас.

Судья недовольно посмотрел на Элен.

– Могу ли я узнать, что значит слово «мистер», моя госпожа, – спросил совсем сбитый с толку трактирщик.

– Это принятая в моей родной стране форма уважительного обращения к взрослому мужчине, – сказала девочка и поглядела на судью. – Если он конечно заслуживает этого обращения.

Громми Хаг, который на своем веку побывал во многих местах, никогда о таком не слышал. Вообще этот ребенок довольно странный, в который уж раз подумал он. Но вместе с тем он не мог избавиться от ощущения, что эта малышка ему явно нравится, пусть даже она и родственница ненавистного судейского. Тут ему на ум пришло еще одно возможное разрешение ситуации. В целом оно было не слишком ему по душе, но проблему в конце концов надо было как-то решать.

– Тогда, моя госпожа, вы быть может сочтете уместным, пройти со мною на кухню и умыть руки там?

– Конечно, с удовольствием, – тут же откликнулась девочка и встала со стула.

Судья мрачно взирал на нее.

– Постарайся сократить свое отсутствие до минимума, – проговорил он и это прозвучало как угроза, а потому Лург почти через силу добавил: – Дитя мое.

– Хорошо, дядюшка, я не заставлю вас ждать.

Против воли Мастон Лург усмехнулся. Это ребенок определенно умел играть в игры, подумалось ему. Затем он обратился к трактирщику:

– А ты будь добр, проследи чтобы с малышкой ничего не случилось. – И чуть помедлив, добавил: – Мистер.

– Не волнуйтесь, господин инрэ. Глаз не спущу с вашей очаровательной племянницы, – пообещал Громми. – Прошу вас, госпожа, вот сюда.

Когда Элен в сопровождении хозяина «Одинокого пастуха» вошла в большое, жарко натопленное помещение кухни, там воцарилось молчание. Красавица Глория, полнотелая Сесилия, розовощекая Роза и любознательный Мелиг уставились на гостью, не понимая кто она такая и что ей здесь может быть нужно.

– Доброе утро всем, – поздоровалась Элен и улыбнулась.

Громми Хаг делал большие страшные глаза, сигнализируя о том что ситуация непростая. Однако его многозначительной мимики все же было недостаточно, чтобы дать понять своим домашним, что перед ними родная племянница королевского судьи целого города, что обращаться с ней нужно вежливо и предупредительно и что в ее присутствии следует воздержаться от свободомыслия и вольнодумства в словах и выражениях.

– Привет, – наконец ответил сын трактирщика.

– Я тебе дам "привет", – прикрикнул на него Громми. – Ты как разговариваешь с племянницей господина судьи?! – И затем уже чрезвычайно обходительно обратился к девочке: – Простите его, госпожа. Он у меня немного диковатый, растет тут без должного внимания. Мы с моей женой, вот кстати, это моя жена Глория, не успеваем за всем, ему бы ремня побольше...

Элен приветливо смотрела на женщину. Она была еще совсем молода, лет двадцать восемь, стройная, загорелая, с длинными волнистыми светло-каштановыми волосами, зелеными веселыми глазами, тонкими руками и белоснежной улыбкой.

– У вас так все замечательно устроено, миссис Хаг, – сказала девочка.

Глория вопросительно поглядела на мужа, никогда она еще не слышала подобного обращения. Тот опять сделал большие страшные глаза, хотя уже и сам не знал о чем он собственно сигнализирует.

– Такие чудесные занавески на окнах, они создают удивительно мягкое освещение залы, уютное и теплое. И ваши гобелены подобраны с таким отменным вкусом. Они вроде как приносят дополнительный простор в помещение и в тоже время так умиротворены и созерцательны, – продолжила Элен.

Глория улыбнулась странному ребенку.

– Благодарю вас, госпожа, – сказала женщина и в самом деле польщенная, но все же немного озадаченная, что слышит подобные речи от такой крохи.

– Ну вы даете, госпожа, – восхитилась Роза, совершенно не замечая мечущего молнии взгляда хозяина постоянного двора. – Вы такая красавица, что у вас должно быть женихов целая армия, а вы успеваете гобелены разглядывать.

– Какие еще женихи, клуша ты твердолобая! – Гневно воскликнул Громми. – Не видишь что ли дитя перед тобой?

И затем елейно и торопливо, склонившись к девочке:

– Не обращайтесь внимания, моя госпожа. Это Роза, в свои двадцать два, она еще не замужем, а потому женихи это единственное о чем она может думать и говорить. Прошу, вот сюда, вот умывальник. – И затем снова обращаясь к Розе. – Ступай сервируй стол господина судьи.

– Что стол? – Не поняла девушка.

«Дура», – одними губами произнес Хаг, пока Элен приближалась к умывальнику.

– Иди на стол накрывай, – сказала он уже вслух. – Мелиг подай полотенце. Да не это, дурак, им со стола вытирают. Чистое возьми в шкафу наверху.

Роза удалилась, яростно виляя бедрами.

Девочка вымыла руки и взяла чистое белое полотенце из рук мальчика.

– Спасибо, – сказала она Мелигу и улыбнулась. Тот ничего не ответил.

Элен Акари заметила странное напряжение в ауре невысокой полной светловолосой девушки, стоявшей возле стола и резавшей редис. Девочка без труда расшифровала, что незнакомка испытывает неприязнь или даже почти ненависть к ней. Это конечно озадачило ребенка. Она вернула полотенце Мелигу и приблизилась к Сесилии. Та прекратила шинковать овощи и замерев с ножом в руке, посмотрела на девочку.

– По какой-то причине я вам неприятна? – Спросила Элен напрямик.

– А что ты должна всем нравиться? – Сказала Сесилия и лицо трактирщика вытянулось от такой неучтивости.

Он было бросился вперед, чтобы как-то сгладить столь резкий ответ, но также как Сойвин, был остановлен царственным, властным жестом маленькой ручки, означавшим только одно: «Не вмешивайся». Девочка делала это неосознанно и уж точно без всякого высокомерия внутри себя. У Валентина Акари, увидев он этот жест своей дочери, екнуло бы сердце и вздрогнула бы душа. Ибо точно таким же движением прекрасная Линда Рейлих останавливала его самого, когда она хотела с чем-нибудь справиться без его помощи.

– Конечно же нет, – ответила девочка, спокойно глядя в серые глаза девушки. – Просто мне непонятна ваша неприязнь. Ведь мы же впервые сейчас с вами встретились и ничего не знаем друг о друге. Мне кажется при первом знакомстве люди должны быть настроены дружелюбно друг к другу.

– С какой стати мне быть дружелюбной с племянницей королевского судьи? – Негромко, но очень отчетливо произнесла Сесилия и если до этого она стояла к девочке левым боком, то сейчас повернулась к ней грудью. При этом продолжая держать в правой руке длинный кухонный нож.

Почти полгода прошло со дня смерти ее брата и кто знает какие мысли за это время посетили голову этой тихой сероглазой деревенской девушки.

– Сесилия, я думаю..., – начала было Глория, но девочка остановила и ее.

– Прошу вас, миссис Хаг, не надо, – сказала Элен. – Я уже привыкла к тому, что как только люди узнают что я племянница судьи, их отношение ко мне резко меняется и не в лучшую сторону. – Девочка снова обратилась к кухарке. – Вы пострадали от произвола Судебной Палаты?

В кухне повисла напряженная тишина. Громми Хаг окаменел. Он представил на миг, как Сесилия, не стесняясь в выражениях, сообщает девчонке все что она на самом деле думает о Палате и судьях, и синеглазый ребенок, прелестно улыбаясь, идет и всё в подробностях передает своему дядюшке. Когда в Доме Ронга умирал кто-нибудь из заключенных, в башенке на самом верху здания один раз били в тяжелый черный колокол. Хаг бывал не раз в Акануране и лично слышал этот жуткий звон, якобы призванный напоминать всем, что за всякое преступление рано или поздно приходит возмездие. Открой Сесилия рот и может статься что вскоре Черный колокол ударит и в его честь.

Но неожиданно заговорила сама племянница судьи.

– Прошу простите меня за этот вопрос, – тихо произнесла она. Элен действительно была недовольна собой. Просто ей стало интересно, что случилось с Сесилией, но конечно она должна была сдерживать свое любопытство и не ставить людей в неудобное положение. Но все-таки девочка испытывала некую неясную обиду. Тоже самое она недавно пыталась объяснить Талгаро. Тот относился с предубеждением к кирмианской девушке только потому что она кирмианка, и вот сейчас к Элен относились с неприязнью только за то что она родственница человека служащего в Судебной Палате. Дочь Валентина Акари вдруг подумала о том что она слишком уж глубоко вошла в образ и даже испытывает эмоции, которые могла бы переживать настоящая племянница судьи. Это было немного забавно. Может я будущая актриса, мелькнула у нее мысль.

– Ну что вы, госпожа, – заговорил наконец Громми Хаг, – это вы простите нас.

– Нет-нет, не говорите так, мне не за что вас прощать, – быстро сказала Элен. – А вы Сесилия, если вам так легче, продолжайте ненавидеть меня только за то что брат моего отца служит в Судебной Палате.

Девочка повернулась к трактирщику.

– Благодарю вас за то что вы предоставили мне возможность умыть руки. Я возвращаюсь к дяде. Нет, провожать меня не надо. Лучше поторопите наш завтрак. – И улыбнувшись она, добавила: – Зловещая племянница судьи очень проголодалась.

Элен вышла из кухни. Хаг проводил ее глазами, затем повернулся к молодой кухарке и задумчиво посмотрел на нее. Та снова стояла опустив глаза и с окаменевшим лицом.

– Громми, сейчас не нужно ничего говорить, – мягко произнесла Глория.

– А я думаю кое-что сказать нужно, – медленно проговорил трактирщик. – Сесилия, мне очень жаль что твой брат погиб, я соболезнаю твоей потери, но как бы ни было глубоко твое горе, пойми, что ты сама и люди вокруг тебя все еще живые. А ты сейчас, поддавшись скорби и гневу, десятком неосторожных слов, очень просто могла перечеркнуть наши жизни. Эта девочка пойдет, наплетет своему дяде с три короба и привет, полный ататуй, панихида с танцами. Этот судья, Мастон Лург, тот еще поборник справедливости, – Громми Хаг покосился на своего отпрыска, наверно стоит быть поосторожней в выражениях, а то малый начнет болтать где-нибудь что ни попадя, – да и права эта девочка, какой смысл на нее бочку катить, она-то тут причем. Давай тогда и Глорию будем ненавидеть, брат мужа ее сестры служит в Судебной гвардии, проклятый «красноголовый», – трактирщик снова посмотрел на сына и вздохнул. – В общем давайте впредь быть более осторожными.

Элен вышла из кухни в залу. Выход располагался почти возле самого камина, однако девочка даже не посмотрела в сторону наслаждающегося огнем Шоти. Сейчас она пребывала в несколько взвинченном состоянии, проказливо раздраженное настроение бурлило в ее душе, и она вполне могла сделать что-нибудь такое о чем впоследствии конечно пожалеет. В целом это было не характерное для нее поведение, но время от времени такое случалось, когда она, пропитавшись горькой смесью озорства и обиды, совершала поступки, за которые потом ей было стыдно.

Однажды, сосед по ее родной улице, мистер Тачер, сильно наорал на нее, за то что она, играя с Китом в войны трансформеров, повредила его чудесную цветочную изгородь. Какого же было удивление мистера Тачера, когда утром он обнаружил, что все цветы на его изгороди завяли, засохли и осыпались. Элен и Кит полночи усердно трудились, опрыскивая их убийственными химикалиями. Был грандиозный скандал. Даже приезжала полиция, но ничего доказать было невозможно, ибо странная дымовая завеса ночью накрыла двор соседа и внешние камеры ничего не зафиксировали. Потом Элен было очень стыдно. Отец спросил ее напрямую, ее ли это рук дело, и девочка во всем призналась, впрочем всячески отрицая участие Кита. Валентин Акари потратил кучу денег на восстановление изгороди, в которой было много очень редких цветов, а затем сказал дочери, что в наказание Кит будет на месяц отправлен обратно к дедушке. Но Элен так разревелась, что сердце отца не выдержало и он отменил свое решение. Однако предупредил, что раз уж она и Кит теперь составляют преступное сообщество, надзор за ним будет усилен.

В другой раз, в супермаркете, один очень хорошо одетый господин обидел Элен, наговорив ей кучу гадостей, о том что она якобы и некультурная, и невоспитанная, и вообще дикарка, и все за то, что она, оседлав товарную тележку, устроила гонки со своим роботом по проходам магазина. Девочка молча выслушала поток незаслуженных с ее точки зрения обвинений, развернулась и ушла. Однако какого же было удивление хорошо одетого господина, когда на выходе из супермаркета его заблокировала система безопасности магазина. Взыла сирена и его окружили парящие роботы-охранники. Господин принялся было громко скандалить, заявляя что он известный адвокат, но вдруг увидел черноволосую девочку с большим синими глазами, которая смотрела на него, осуждающе качала головой и что-то говорила стоявшей рядом женщине, и смолк, догадавшись откуда дует ветер. Как выяснилось недобросовестный покупатель пытался вынести в кармане брюк маленькую упаковку пилюль от газов в кишечнике, за которую он не пожелал расплатиться. С запоздалым раскаяньем адвокат вспомнил как удивленно глядел на собакообразного робота, танцующего нечто вроде джиги. Видимо в этот момент

коробочка и перекочевала из рук маленькой негодницы в его карман. Впрочем, за тот случай Элен не особо переживала, ибо считала что этот человек получил то что заслуживал.

Гораздо больше ее расстроила собственная выходка на вечеринке, которую папа устроил у них дома. Вообще это был очень редкий случай, когда отец приглашал к ним гостей. Пришли его коллеги по полицейскому департаменту, отмечали десятилетний юбилей службы Валентина Акари. Девочка нарядилась в красивое платье и даже одела сережки, чего практически никогда еще не делала. В начале было очень весело, Элен была в центре внимания, все говорили ей кучу комплиментов и девочка просто сияла от счастья. Однако потом отец заявил что ей пора идти спать и попросил ее удалиться наверх в спальню. Это было абсолютно нечестно. Элен пыталась протестовать, но тщетно, отец был неумолим, настаивая на том что маленькие дети должны рано ложиться спать. У девочки на глазах навернулись слезы, и в сердцах она выпалила, что если она уж такая помеха для него, то он мог бы так это прямо и сказать. Она поднялась к себе в спальню и выключила свет. Вечеринка продолжилась. Час спустя, Валентин Акари поднялся наверх, чтобы проверить как там поживает его ребенок. Какого же было его удивление, когда вместо мирно спящего дитя он обнаружил на ее постели записку: «Я ушла. Не пытайся искать меня. Живи в свое удовольствие. Элен». Вечеринка была безнадежно испорчена. Отец и его гости бросились на поиски девочки. Но это оказалось не так-то просто. Выяснилось, что из гаража пропал миниховер, а за час Элен могла на нем уехать на порядочное расстояние. Это еще было до Кита, и потому девочка теперь была абсолютно одна. Коллеги Валентина в поисках девочки разъехались на своих машинах в разные стороны, сам он помчался в полицейский участок чтобы организовать более масштабное прочесывание местности. И лишь Ирина Вольганг поднялась в комнату Элен и некоторое время провела там, привычно анализируя доступную ей информацию. Впрочем, на это раз для получения вероятной версии ей не понадобилось много времени. Она нашла чрезвычайно красочную карту местности, на которой были обозначены самой Элен некоторые маршруты. После недолгого размышления она остановилась на том что вел в пустыню Ахаш, место довольно живописное, но вместе с тем таящее в себе опасные сюрпризы. Хотя в целом планета Макора и считалась не представляющей угрозы для человека, все же это было конечно довольно относительно, ибо дикая природа даже самых райских уголков Вселенной порою могла причинить вред неопытным путешественникам. Ирина спустилась вниз вместе с картой, завела свой мощный флайер «Хайтер 10», стоивший огромную кучу денег и ради которого приходилось себе во многом отказывать, поднялась в воздух и направилась в сторону пустыни. Дочь своего друга она обнаружила довольно быстро. Спустилась вниз, осторожно перегородив ей дорогу. Элен конечно узнала машину мисс Вольганг и тоже остановилась, понимая что побег закончен. Ирина вышла из флайера, открыла багажник и поглядела на девочку. Та покорно сложила свой миниховер и втолкнула его в багажник.

– Садись вперед, – сказала Ирина.

Заняв водительское место, коллега Валентина Акари внимательно посмотрела на его дочь. Та сидела, опустив глаза.

– Хочешь печеных гребешков с толикайским соусом? – Спросила Ирина.

Это было невероятное лакомство. Элен несмело подняла глаза на молодую женщину.

– Мисс Вольганг..., – начала девочка.

– Ну-ну, – перебила маленькую беглянку, хозяйка флайера, – никаких мисс Вольганг, я для тебя тетя Ира. Или нет, что еще за тетя, я молодая привлекательная интересная женщина, не так ли?

– Конечно, – улыбнулась девочка.

– Так что так и быть зови меня Ира, договорились?

– Договорились.

– Ну так что насчет гребешков?

– Вы серьезно?

– Конечно. Сейчас только позвоним твоему папе, чтобы успокоить его, а то он просто с ума там сходит.

Это было сказано довольно легко, но улыбка тут же исчезла с лица девочки и ей стало очень скверно на душе.

Ирина сообщила Валентину Акари, что с его дочерью все в порядке и через час она привезет ее домой.

– Почему через час? – Спросил отец Элен, чувствуя как жуткое напряжение, вызванное тревогой за дочь медленно отпускает его.

– Мы едем в ресторан на маленький девичий кутеж, если ты не против.

Валентин некоторое время молчал. Ирина посмотрела на Элен и подмигнула ей.

– Будете обсуждать мужчин? – Наконец спросил Валентин.

– Ну а о что еще обсуждать двум красивым, молодым, незамужним? – С улыбкой ответила Ирина Вольганг.

– Ладно, сообщу остальным что беглянка нашлась. Кстати передай беглянке, что она устроила мне просто незабываемый праздник.

Никогда еще Элен не было так стыдно перед отцом. Когда они с мисс Вольганг возвращались из ресторана, девочка просто не знала куда девать руки и на что смотреть. Так редко папа устраивал вечеринки у себя дома и на тебе, пожалуйста, неблагодарная, эгоистичная дочь умудрилась всё испортить. Ирина очень мягко и ненавязчиво попыталась подбодрить девочку. «Знаешь, Элен, – сказала она, – даже между людьми которые любят друг друга сильно-сильно порою случаются размолвки, непонимание и обиды. Но они и случаются лишь потому что люди очень любят друг друга и воспринимают каждый жест, каждое слово, каждое движение души другого так нестерпимо остро и глубоко, очень эмоционально и близко к сердцу. Это и есть горько-сладкий привкус настоящей любви, Элен».

Отец тогда ничего не сказал, а просто уложил ее спать и поцеловал в лоб. А утром на столе рядом с кроватью девочка нашла две записки. Первую свою и вторую: «В моей жизни нет никакого удовольствия без тебя. И если ты уйдешь, я буду искать тебя до последнего вздоха. Твой папа». И Элен заплакала, переполненная любовью и нежностью к своему отцу и пронзительным чувством раскаянья за то что она сделала вчера.

Но в другой раз Валентин Акари все же кое-что высказал своей дочери. Случилось так что папа Элен вроде как всерьез заинтересовался какой-то незнакомой его дочери женщиной. Девочка была просто вне себя. Ей это казалось каким-то немыслимым безумием и почти предательством. Кит пытался как-то урезонить ее и даже делал какие-то смутные неясные намеки на некие желания, якобы присутствовавшие в каждом мужчине, но Элен не слушала его. Единственная кого она видела в роли своей возможной мачехи была Александра Уэйлер и всё. Но отец упорно отказывался признавать очевидное, хоть и проводил кучу времени с этой молодой женщиной, делая ей комплименты и искренне радуясь ее присутствию. Но когда Элен заводила об этом разговоры, отец обычно хватал дочь на руки и начинал кружить ее по комнате, со смехом заверяя её, что с тетей Сашей они просто друзья. Девочка сердилась, но отец принимался щекотать ее и тискать и она против воли начинала смеяться и дурачиться, забывая о своей своднической миссии. Однако когда папа, весь взволнованный и надушенный готовился к третьему свиданию с ненавистной незнакомкой, терпение Элен лопнуло и она, несмотря на все попытки Кита остановить ее, безжалостно искромсала ножом лучший костюм отца, который он собирался надеть на сегодняшнее свидание. Увидев это, отец просто окаменел. Он стоял бледный и молчаливый и неотрывно смотрел на истерзанный пиджак. Гнев Элен тут же испарился и она бросилась к папе, прося у него прощения. Но тот отстранил ее от себя и медленно как сумел натянул на себя безобразные лохмотья, некогда бывшие его лучшим костюмом.

– Папа, что ты делаешь? – С замирающим сердцем спросила девочка.

– Иду на свидание.

– Папа, перестань, – со слезами в глазах проговорила девочка. Снова предприняв попытку обнять его.

– Не трогай меня. Если ты хочешь чтобы твой отец выглядел так, то пусть так оно и будет. Поговорим об этом позже. Сейчас меня ждут.

И он ушел.

Элен стояла оглушенная и пристыженная посреди комнаты и не могла пошевелиться.

Отец вернулся очень поздно и обнаружил что дочь не ложилась спать, дожидаясь его. На Валентине был новый костюм.

– Моя подруга подарила мне его, – объяснил он. – Но ты конечно можешь тоже разрезать и его, если хочешь. – Валентин помолчал немного, затем продолжил. – Элен, ты должна понять, что ты не можешь управлять мыслями и чувствами других людей. И как бы тебе не хотелось многое в этом мире будет не так как ты хочешь. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя. В свои шесть лет ты даже представить себе не можешь как я любил твою маму и как я люблю тебя. Но тебе следует уяснить, что некоторые вещи могут меняться. И кроме тебя и твоей мамы, может появиться еще один человек, который будет мне тоже очень дорог. Но это вовсе не значит, что моя любовь к тебе уменьшилась или что я забыл о той женщине, которая подарила мне тебя. Просто такова природа человеческого естества и эта природа рождает чувства, которые не зависят от нашей воли. Ты понимаешь о чем я говорю?

– Да, папа.

– Неужели?

– Да, не волнуйся. Кит записывает тебя. Потом трудные места я прослушаю еще раз.

Валентин усмехнулся.

– Вы как всегда работаете в паре, да?

Элен оставила этот вопрос без ответа.

– Так что, я должна готовиться к тому что в нашем доме появится еще один человек, который будет тебе дорог?

Валентин внимательно посмотрел на дочь.

– В данный момент ты должна готовиться ко сну и ни к чему больше.

Синие глаза Элен также внимательно глядели на отца.

– Прости меня за костюм, – сказала она. – Это просто были чувства, которые не зависят от нашей воли.

– Спокойной ночи, Элен.

– Спокойной ночи, папа.

Молодой человек, недавно вертевший маленький ножик в пальцах и которого девочка обозначила про себя как «пронырливый», сидел, вальяжно развалившись на стуле и смотрел по сторонам. Случайно он встретился с Элен взглядами.

– Привет, малышка, – весело сказал он.

– Здравствуйте, – вежливо ответила девочка.

– Хочешь настоящий пушунский трехслойный леденец? – Предложил он и полез в один из мешочков, пристегнутых к его поясу. – У меня кажется осталось еще пару штук.

Девочка видела, что парень вполне искренне хотел угостить ее, в его ауре не наблюдалось никаких темных завихрений, которые могли бы сказать о каких-нибудь подлых мыслях. Но у девочки просто было неподходящее настроение. «Если ты хочешь, чтобы ты владела ситуацией, а не она тобой, ты должна быть не в ситуации, а рядом с ней», говорил ей мистер Таругу, но сейчас эти мудрые слова не всплыли в ее памяти и она спокойно отдалась потоку своего настроения.

– Знаете, молодой человек, я бы рекомендовала вам, не делать столь неоднозначных предложений маленьким несовершеннолетним детям, – очень серьезно сказала Элен. – А то может статься, что в следующий раз вы уже будете предлагать свои пушунские сладости в Доме Ронга.

Парень оставил в покое свой мешочек и сел прямо, веселое выражение его лица несколько поблекло.

– Как я должен это понимать?

– Мой дядя, королевский судья города Туила, много раз говорил мне никогда не брать ничего у незнакомцев, потому что незнакомый мужчина, предлагающий маленькому ребенку конфеты, скорее всего грязный извращенец с кучей омерзительных желаний.

Молодой человек ошарашенно глядел на девочку.

– Я надеюсь мы поняли друг друга? – Спросила она.

– Вполне.

Парень проводил взглядом Элен до стола судьи, затем повернулся в другую сторону и встретился глазами со стариком, носившем черное кольцо на левом мизинце.

– Вот это да, – криво усмехнувшись, поделился он со стариком. Тот ничего не ответил и снова вернулся к содержимому своей кружки.

– Что так долго? – Поинтересовался судья, когда девочка заняла свое место. – Руки слишком грязные?

– Ну, свои-то вам вообще никогда не отмыть, – тут же откликнулась Элен.

Однако судья спокойно перенес ее дерзость.

– Что тебе сказал тот парень? – Полюбопытствовал он.

– Спрашивал почему сегодня правосудие в Агроне.

– Неужели? И что ты ответила?

– Сказала не знаю как во всем Агроне, а в Туиле берут недорого.

Судья ничего на это не ответил, он был уставшим и ему совсем не хотелось словесных баталий. Через некоторое время он довольно миролюбиво заметил:

– Вообще нужно быть осторожным вступая в беседу с незнакомыми людьми. Вот к примеру видишь того старика в коричневом жилете, знаешь кто он такой?

– Откуда мне знать?

– Он профессиональный убийца.

Элен посмотрела на судью, пытаясь понять не разыгрывает ли он ее.

– Я не шучу, – ответил на ее взгляд Мастоу Лург. – Он принадлежит к преступной организации «Черный ветер» – это сообщество в котором людей годами учат убивать и за деньги они принимают заказы на кого угодно. У них жуткие внутренние законы и нравы. Ты ведь видишь что я говорю правду или по крайней мере ты видишь что я верю что это правда.

– Вижу, – согласилась Элен. – Но как вы узнали кто он такой?

– У него на левом мизинце черное кольцо, это знак этой организации. Но они правда еще как-то друг друга определяют, так что если чужак наденет такое кольцо на мизинец и это увидит истинный член клана, этому чужаку не жить.

– Но если все знают про этот знак, почему их всех не арестуют?

– Ну, во-первых, не все, только разного рода преступные элементы, вращающиеся во всяких злочных местах, иначе как бы «Черный ветер» получал свои заказы, ну и члены Судебной Палаты, достигшие определенного ранга. А во-вторых, за что его арестовать? Подойти к нему и сказать что он подлый убийца и он арестован потому что у него на мизинце какое-то там кольцо? Да он рассмеется тебе в лицо и все.

– Рассмеется в лицо человеку могущественной Палаты? – Насмешливо поинтересовалась Элен.

– Перестань. Ты же понимаешь, что Судебная Палата это не преступный клан, мы действуем в рамках закона и не можем сажать в тюрьмы людей просто так, без доказательств совершенного преступления.

– Вы говорите это с таким серьезным и честным лицом, что я просто в шоке от вашего двуличия.

– Ты все время пытаешься меня задеть, но поверь я уже готов к твоим выходкам.

– Да не пытаюсь я никого задеть. Я действительно поражена тем, что вы, гораздо более жуткий злодей и преступник чем любой убийца из этого «Черного ветра», ибо вы оборотень, сидите и с честным лицом разглагольствуете о законе и правосудие.

Над столом повисла тишина. Судье мягко говоря было неприятно.

В этот момент появился Галкут в сопровождении Хага. Трактирщик указал слуге Лурга его место и сказал, обращаясь к судье.

– Вашими лошадьми уже занимаются, господин инрэ. Не извольте беспокоиться, к вашему отъезду они будут как новенькие.

– Хорошо. Приготовь еще две комнаты, мы посним несколько часов. Одну с двумя кроватями, для меня и племянницы. И еще, пожалуй, приготовь умыться с дороги.

– Все будет сделано, господин судья.

– И наконец подай нам завтрак, сил уже нет смотреть на пустые тарелки и ложки.

– Один момент, господин судья. Поверьте, мы стараемся изо всех сил, чтоб все было в лучшем виде. Позвольте мне удалиться на кухню?

– Иди.

Громми Хаг ушел и вскоре появилась Роза с подносом заставленным кушаньями. От запаха свежеприготовленной еды у девочки потекли слюни. Горящими глазами она смотрела на блюда, которые Роза расставляла на их столе.

Первым делом перед ребенком поставили суп.

Элен некоторое время с сомнением взирала на густое зеленовато-желтое содержимое в неширокой глубокой тарелке. Девочка взяла ложку и помешала суп, вылавливая плавающие в нем объекты. Из всего что ей удалось выловить, она признала только волокнистые куски мяса. Все остальное, крупные, бесформенные, желтые и зеленые частицы, было ей неизвестно. Очевидно, какие-то местные овощи, подумала она.

– Что-то не так? – Спросил судья, расправляя у себя на коленях салфетку.

– Из чего это? – Поинтересовалась Элен, поднимая на ложке очередной ярко-желтый кусок, который немного проседал под собственным весом.

– Мясо, картошка, ражен, пряности, какие-нибудь травяные специи. А что?

– Это картофель? – Девочка кивнула на желтый кусок в ложке.

– Да. Ты никогда не видела картофеля?

– А ражен что такое?

– Ну овощ такой. Вот эти зеленые дольки. У вас что он не растет?

Элен посмотрела на судью.

– Приятного аппетита, – проговорила она и осторожно попробовала содержимое ложки.

Суп оказался отменным. Пряным, наваристым, очень вкусным. Местная картошка видимо мутировала из тех образцов что привезли с собой звездные переселенцы, обычное дело, подумала девочка, вспоминая уроки биологии. Но хотя картошка стала менее плотной, чуть студенистой, зато приобрела приятный сладковатый привкус, который очень удачно сочетался в супе с пряностями.

– Вкусно, – сказала Элен, улыбаясь.

– Приятного аппетита, – ответил судья и энергично принялся за еду.

Дальнейшая трапеза проходила в молчании. И девочка, и Масто́н Лург, и сидевший за соседним столом Галкут были увлечены утолением голода. Если Элен хотя бы перекусила в Гроанбурге, то ее похитители почти ничего не ели с самого Туила.

Когда с первым и вторым было покончено, девочка почти забыла свое недавнее раздражение и взвинченность. Сейчас она была вполне спокойна и держа в правой ладошке высокий стакан с ягодным морсом, она с любопытством глядела на гостей постоянного двора. Из-за колонн ей было почти не видно Туру, зато черное облако висевшее возле камина ничего не загораживало. Элен хотелось поговорить. И хотя судья был ее враг, она решила что это не имеет значения, ведь она хочет получить информацию об окружающем ее мире, а значит надо использовать любые доступные ей источники.

Она посмотрела на Масто́на Лурга. Тот как раз вытирал рот салфеткой и заметив ее взгляд, поинтересовался:

– Как завтрак? Удался?

– Вполне, – сдержанно ответила девочка. И чуть поколебавшись, продолжила: – Я хотела спросить не могли бы вы мне рассказать о них. – Она неопределённо кивнула куда-то в сторону противоположного конца залы, но судья кажется ее понял.

– Ты никогда не видела ни Шоти, ни Туру?

Элен отрицательно покачала головой.

– Это, мягко говоря, странно. Я просто не представляю где твоя страна должна находиться, потому что уж Шоти кажется повсюду летают.

Элен ничего не говорила и молча ждала продолжения.

Судья понял, что девочка не собирается никак реагировать на его замечание, вздохнул и спросил:

– Ну а что ты хочешь знать?

– Возле камина это ...?

– Шоти. Знаешь, у меня такое ощущения, что ты вообще не представляешь мироустройство на Шатгалле. Так что позволь я сделаю небольшое вступление.

Элен усмехнулась про себя. Судье явно нравилось учительствовать, так сказать преподносить материал, преподавать. И если бы он не был злобным властным подонком, то он наверно мог бы стать школьным учителем, подумала девочка.

– На Шатгалле живут пять рас или народов. Омо – это мы с тобой, Лоя ты знаешь, по крайней мере уже встречалась с ними. Есть еще три. Туру, вон тот волосатый амбал один из них. Шоти, который у камина. И есть еще Авра – хищные ящерицы, ростом с человека. Шоти конечно самая поразительная из всех рас. Если все остальные боле-менее схожи, о двух руках, о двух ногах и ходят по земле, то Шоти это конечно нечто невероятное. Они стоят особняком от всех остальных и это неудивительно. Их интересы, их цели, их реалии почти не пересекаются с остальными расами. Говоря по правде, не так уж много мы знаем о них. Как видишь, они бесформенные и бесплотные. Они как дым могут просачиваться в щели и отверстия. Но при этом, они способны менять свое состояние, то есть становиться плотными и принимать какую угодно форму.

– А насколько плотными? – Спросила девочка, действительно увлеченная рассказом судьи.

– Хм, хороший вопрос. Да практически такими же твердыми как дерево или камень. И это просто непостижимо, согласись. Вот они как пар и бах уже как скала. Ну вернее не совсем бах, им необходимо некоторое время чтобы обрести плотность и к тому же они по каким-то причинам не могут долго удерживать это состояние. Зато обратный переход, то есть от твёрдого к бесплотному они совершают практически мгновенно.

– А как долго они могут оставаться твердыми?

– Недолго, может быть максимум минут десять. Но с другой стороны, наши знания о них весьма поверхностны. Просто мы никогда не видели чтобы они оставались непроницаемыми дольше, но может быть если бы они захотели то могли бы остаться в этом состоянии и час и сутки, кто знает? Однако есть слухи что Шоти просто не любят этого состояния, потому что в нем они очень уязвимы. Якобы если их повредить в этом состоянии или даже разбить на части, то они уже не смогут при обратном переходе слиться в одно целое или та часть которая будет повреждена не сможет снова стать бесплотной. Но это все слухи. Точно никто не знает. К тому же насколько известно Шоти иногда становились плотными чтобы вступить в противоборство с другими расами или же наоборот прийти кому-то на помощь.

– Были войны с ними? – Спросила девочка, не сводя глаз с судьи. Ей было жутко интересно.

– Нет, – усмехнулся Лург. – Ты должна понимать что это было бы чистым безумием. Как кто-то может сражаться с воздухом? А ведь я еще не сказал тебе что они могут стрелять молниями.

– Стрелять молниями?... – Недоверчиво проговорила девочка и посмотрела на черное облако у камина.

– Да. Это вообще почти что магия. Но тем не менее это абсолютная правда. Они способны испускать сине-белые молнии, которые сжигают и оглушают любое живое существо. Правда опять же Шоти не способны делать это долго и очень быстро устают. Они становятся вялыми, опускаются к земле и еле перемещаются. Так что они используют эту свою способность только в исключительных случаях. В целом они очень миролюбивы, хотя возможно и нет, но просто, как я сказал выше, их интересы не пересекаются с интересами остальных рас. Питаются они чистой энергией.

– Чистой энергией? Что это значит? – Элен была удивлена, что судье вообще знакомо такое понятие как энергия.

– Они питаются солнечным светом, жаром огня, – Лург кивнул в сторону камина, – ну или теплом других существ.

– Как это?

– Не знаю. Но они могут высосать тепло из человека, как вампир высасывает кровь. До такой степени, что человек превратится в окоченелый труп.

– Есть свидетельства этому?

Судья усмехнулся, девочка снова говорила слишком по-взрослому.

– Ну, наверно можно сказать, что достоверных нет, лишь слухи, но если находится рядом с ними достаточно продолжительное время, ты начнешь ощущать что тебе холодно даже в самый жаркий день. Это факт.

– А вообще они когда-нибудь нападали на представителей других рас?

– Бывало, но насколько известно почти всегда это было вызвано не агрессорскими причинами.

– То есть?

Судья пожал плечами.

– Они что-нибудь или кого-нибудь защищали. Как ты понимаешь себя им не приходится особо защищать, по большому счету никто на свете не может причинить им вреда. Так что все конфликты, в которых принимали участие Шоти были вызваны тем что они вставали на защиту интересов кого-то другого. Но, впрочем, тут полно сказочных слухов и правду от вымысла отделить невозможно. Да, еще я не сказал что всем Шоти обязательно, хотя бы раз в сутки, надо окунаться в воду. Они погружаются в воду и кажется выпивают ее. Затем выходят из нее и некоторое время они представляют из себя некую такую желеобразную массу, переливающуюся абсолютной чернотой, как слюда. Но через четверть часа, они бодрые и веселые снова

парят над землей. Живут они кстати преимущественно там, где более-менее тепло, холод они кажется переносят плохо.

– А как они размножаются?

Судья покосился на ребенка.

– Разве маленьким девочкам полагается задавать такие вопросы?

– Почему нет? – искренне удивилась Элен.

– Да, действительно, почему бы и нет. Ну, насколько известно, они напитываются энергией до предела и затем опускаются на продолжительное время в воду, где они каким-то образом разделяют себя на две части.

– Деление, ясно.

– Неужели. Мне это не представляется таким уж ясным, но в конце концов это тоже слухи, никто я думаю не видел что действительно происходит под водой. Просто погрузился один Шоти, а появилось два.

– А они говорят на нашем языке?

– Сие мне неизвестно, я вообще не слышал сам ни от других чтобы они издавали какие-нибудь звуки.

– А как вы с ними общаетесь?

Судья усмехнулся.

– Да мы как-то особо и не общаемся. Слишком уж мы разные, ты не находишь?

Элен посмотрела на Мастона Лурга.

– Мы тоже с вами очень разные, но все-таки тем не менее ведем диалог.

– Я думаю ты поняла что я хотел сказать. Мы с ними живем в по истине разных мирах. Я просто не представляю как они видят и слышат, как они вообще воспринимают окружающую действительность.

– Так что не было ни одного информационного контакта с ними?

Судья внимательно посмотрел на девочку, в который уж раз удивляясь словам, которые она использовала.

– Ну почему же, было и очень много. Ты тоже можешь вступить с ними в информационный контакт, если захочешь. Каким-то образом они видят и слышат тебя, а самое главное понимают.

– А как же они отвечают? – Удивилась девочка.

– Они создают образы. Лепят любые фигуры из той черной материи из которой они состоят. Причем делают это мастерки и очень быстро. В один момент любой из них может превратиться в твою точную копию. Точно такая же маленькая девочка, в такой же одежде, но только полностью чернильно-черная.

– Вот это да, – восхитилась девочка. – А цвета они не меняют?

– Нет, о таком не слышал.

После некоторой паузы, Элен сказала:

– А что на счет других?

– Туру..., – судья поглядел куда-то в сторону, – знаешь я думаю на сегодня достаточно. У нас не так много времени, а нам с Галкутом определенно нужно поспать хотя бы часа четыре.

– Но я не хочу спать, – капризно возразила девочка. – Я выпалась в карете.

– Просто поваляешься в кровати, это не так уж плохо, полежать без дела, помечтать о чем-нибудь. Или если хочешь почитай книжку. Ты умеешь читать?

– На пяти языках и гораздо быстрее чем вы.

– О, я не сомневался, но так или иначе тебе придется побыть в той же комнате что и я.

– Но я не хочу. Почему я не могу посидеть здесь, может поговорить с кем-нибудь?

– Потому что я тебе не доверяю.

– Неужели?! Почему бы это? Может быть из-за того что вы похитили меня и собираетесь продать как животное?

– Именно поэтому, – жестко ответил судья.

Элен споткнулась на полуслове и на некоторое время замолчала. Затем, собравшись с духом, она проговорила:

– А если, я пообещаю вам что я никуда не убегу, что я не буду предпринимать никаких попыток к бегству пока мы не уедем отсюда?

Судья засмеялся, искренне и весело. Отсмеявшись, он сказал:

– Позволь мне дать тебе один совет, Элен. И тебе лучше запомнить его на всю жизнь. Высеки его на стене в золотом зале своей памяти и всегда следуй ему. Это уберезет тебя от многих несчастий. Никогда, не при каких обстоятельствах не верь тому что говорит женщина.

– О как оригинально.

– Не знаю насколько это оригинально, но ложь неотъемлемая часть женской природы, это не подлежит сомнению. Любая женщина лжет, любая. Дочь, жена, мать, возлюбленная, монахиня, любая. Ложь для женщины совершенно естественна, как дыхание. И так как ты, пусть еще и очень маленькая, но все-таки женщина, я не верю тебе.

– Вы наверно были несчастливы в браке, не так ли? – Язвительно проговорила девочка.

– Да нет, я был вполне счастлив.

– Вы были женаты? – Удивленно спросила Элен.

– А что тебя так изумляет?

– Да нет, ничего. У вас есть дети?

– Нет.

– А где же ваша жена?

– Теперь не знаю.

– Вы развелись?

– Ну можно сказать и так.

Любопытство жгучем пламенем уже пылало в душе ребенка.

– А на самом деле как?

Судья пристально посмотрел на девочку.

– Я продал ее.

– Вы шутите, – пробормотала Элен, хотя и видела, что он говорит правду.

– Разве ты не видишь что не шучу?

– Вижу, но не понимаю.

– А что тут понимать. Выжег ей на шее клеймо рабыни и отдал ее шинжунским работорговцам – самым отвратительным негодьям на свете.

– За что?

– За ее лживую натуру.

– Она изменяла вам с другим мужчиной?

Судья некоторое время молчал. Потом сказал:

– Я иду наверх, умоюсь, побреюсь и вернусь за тобой. Ты можешь пока посидеть здесь под присмотром Галкута. Затем ты пойдешь со мной. – Мاستон Лург поднялся из-за стола, давая понять что разговор окончен.

Элен снова почувствовала раздражение.

– Значит торговля людьми вам не в новинку, – выпалила она.

Судья ничего не ответил, бросил на стол салфетку и ушел.

Девочка посмотрела на сидящего лицом к ней за соседним столом Галкута. Тот казался совершенно безучастным ко всему вокруг и был занят исключительно поглощением пищи. Причем он уже два раза просил добавки у Розы. Ел он неторопливо, но основательно, не остав-

ляя после себя ни крошки, буквально до блеска очищая тарелки, финальным аккордом подбирая все остатки куском хлеба. «Как верблюд, – подумала Элен. – Наедается впрок. Знает что еще раз хорошо поесть не скоро придется». Девочка злилась на судью и ей хотелось сделать что-нибудь ему поперек. В этот момент Галкут допил содержимое стакана и обернулся, видимо в поисках Розы. И девочка, почти не думая об этом, встала со стула и направилась к главному входу. Никого не удостоив ни единым взглядом, она взялась за ручку двери и толкнула тяжелую дверь от себя. Элен вышла на крыльцо и огляделась. Справа и слева стояло по два деревянных стула с высокой спинкой. Она быстро пододвинула один из них к двери и поставив его под уклоном, подперла массивную дверную ручку, надежно заблокировав выход из зала. Затем сбежала по ступенькам во двор и огляделась.

Слева хозяйственные постройки, справа только бревенчатый частокотол возле которого стояла черная карета судьи. Ворота во двор прямо перед девочкой, створки распахнуты, дорога открыта. Элен оглянулась, стул по-прежнему подпирает дверь, окна задернуты занавесками и оттуда пока никто не выглядывал. Кроме того, на окнах первого этажа имелись фигурные решетки, которые не позволили бы воспользоваться окном ни как входом, ни как выходом. По крайней мере взрослому мужчине.

Элен снова посмотрела на ворота, пустырь за ними и красно-зеленый лес вдалеке. Затем она перевела взгляд на карету. Надо взять свои вещи решила она. Сразу после пленения судья забрал все что у нее было, тщательно обыскав её. Она предполагала что он хранит ее походную амуницию в сидении кареты, он пару раз поднимал его, доставая из подлавночного ящика подушку и одеяло. Девочка бросилась к экипажу. Конечно очень жаль что среди ее амуниции не было никакого оружия. Это была непростительная беспечность отправляться в путешествие по совершенно незнакомой планете без какого-нибудь средства самообороны. Правда ей мог служить оправданием тот факт что рядом с ней всегда был Кит. Что могло ей угрожать в его присутствии? Практически ничего. Какая самонадеянность. Как легко судья разделил их и теперь она абсолютно беззащитна перед этим миром и его обитателями. Ей определенно стоило взять с собой ну хоть что-нибудь. Нет, конечно речь не идет о каких-нибудь монстрах разрушителях вроде излучателей, сжигающих и пронзающих практически любую материю, буквально испаряющих живую плоть или баллистических пистолетах, стреляющих минигранатами и разного рода пулями, способными и дом взорвать и разорвать человека на куски. Но ведь кроме этого было множество других вариантов. Иглообразные пистолеты, стреляющие иглами наподобие тех что использовал Кит, электрошокеры, парализаторы, липучки выпускающие обволакивающие сети из тонких нервущихся липких нитей, а разного рода «боксеры», «змеи», «пауки» – кибернетические миниустройства, которые присасывались к телу человека и буквально заставляли его складываться от боли воздействуя на его нервную систему. Возьми она с собой хотя бы что-нибудь из этого и она запросто могла повернуть почти любую сложную ситуацию в свою пользу. По крайней мере уж точно этот заносчивый судья сейчас бы не вез ее на продажу как животное. Да, конечно множество законов Звездного Содружества в один голос запрещали подобное, как они выражались, «технологическое вторжение», но об этом говорить уже было поздно. Она перешагнула через все эти законы, когда вместе с Китом угнала полицейский межзвездный истребитель и посадила его на эту планету. Так что ей стоило вместе с истребителем прихватить и оружие, хотя бы даже из папиного сейфа у них дома. Ладно, какой смысл жалеть о том что не сделано, или о том что сделано, прошлое не изменишь.

Она снова подумала о своих вещах. Там был «юнипад» – многофункциональный биокомпьютер, в простонародье его называли «Юна», небольшой рюкзак-трансформер, являющийся также универсальным спальным мешком, который и согревает и охлаждает и блокирует любые чужеродные организмы, бокс-аптечка со стандартным медицинским набором, пищевые концентраты, энергетические и витаминные капсулы, мембранный комби-термос, универсальные «клинеры» – очень удобные, многоразовые, очищающие и дезинфицирующие салфетки, кото-

рые умели восстанавливать себя, уничтожая любую грязь попавшую на них и подготавливая себя к новому использованию, фонарик, две универсальные батареи, маленький вибронож, способный разрезать практически все что угодно, особенно если не было ограничений по времени и солнцезащитные очки с технологией допреальности, подстраивающиеся под интенсивность освещенности. И конечно там был «клуб» – переносное устройство "нити". Но сейчас Элен главным образом думал об юнипаде, который, кроме всего прочего, являлся еще и стандартным мобильным устройством связи. В нем имелся достаточно сильный приемопередатчик радиоволн, который позволял поддерживать радиосвязь на расстоянии в несколько десятков километров в зависимости, конечно, от пересеченности местности, состоянии среды и пр. В левом ухе Элен по-прежнему прятался крошечный динамик, а в один из ее зубов все так же был вживлен маленький передающий микрофон. Она могла бы общаться со своей "Юной" на расстоянии 10-15 метров, если бы только она не выключила её кнопкой на корпусе перед тем как они пошли вызволять кирмианскую девушку из тюрьмы. Обычно юнипад был включен и находился в режиме сна, практически не потребляя энергии, и постоянно ожидая команды от своей хозяйки, на голос которой он был настроен. Элен могла активировать его просто сказав определенное слово. Но она выключила "Юну" и теперь чтобы включить её нужно было еще раз нажать кнопку на корпусе. Она сделала это чтобы во время ночной операции она случайно не привела юнипад в действие и он не стал бы отвлекать ее какими-нибудь сообщениями. Она держала связь с Китом и этого было достаточно. Без юнипада она могла полноценно общаться с Китом, то есть и говорить и слышать, на расстоянии тех же 10-15 метров, дальше уже она могла только слышать голос Кита, до трехсот метров. На большем расстоянии никакой связи уже не было, но с "Юной" они могли бы общаться с Китом, если повезет на расстоянии почти до 20-30 километров. Нужно было непременно добраться до «Юны», включить её и вызвать Кита. Вдруг он каким-то образом узнал куда ее везут и следует за ней. Элен была бы просто безумно счастлива услышать голос своего пса. Тогда бы она уже почти ничего не боялась. Она не сомневалась что с Китом все в порядке. Никакая дурацкая яма с какими угодно острыми кольями не могли повредить его тело, покрытое сверхпрочным тугоплавким броневым сплавом. А уж его мощные лапы с когтями из «алмазной стали» проруют ему выход откуда угодно. Но все же, ведь он не знал где ее искать и сколько пройдет времени прежде чем он выяснит это неизвестно. И тем не менее попытаться связаться с ним конечно стоило.

Элен приблизилась к карете со стороны невидимой с крыльца постоянного двора и нажав рукоятку дверцы, потянула на себя. Ничего не произошло. Только тут она сообразила, увидев замочную скважину, что видимо дверцы судейской кареты могут запираются на ключ. Это несколько выбило ее из колеи, ибо она уже отчетливо представляла себе как она достает из-под сиденья предметы своей амуниции и включает "Юну".

Девочка быстро обошла карету и посмотрела в сторону входа. Там по-прежнему вроде все было спокойно. Она снова поглядела на призывно распахнутые ворота. Но это было бессмысленно, насколько далеко она уйдет пешком. Элен перевела взгляд на хозяйственные постройки. Конюшня. Она достаточно хорошо умела ездить на лошади. Александра Уэйлер была большой поклонницей конных поездок и частенько брала девочку с собой, постепенно и ей привив любовь к этому занятию. Не раздумывая далее, Элен что было сил бросилась бежать через двор. Она уже представляла себе как Галкут носится по зале, выглядывая из окон, пытается открыть дверь и потом устремляется на кухню или куда-то еще где есть второй выход. Вот-вот он обогнет здание постоянного двора и начнет преследовать ее. Ему, такому длинноногому и худому, не составит большого труда нагнать семилетнего ребенка.

Она выбрала самый высокий и длинный амбар с большими воротами. Уже входя в него она почувствовала специфический запах лошадей и прелого сена.

Влетев внутрь, она застыла натолкнувшись взглядом на босого бородастого мужчину в широкополой шляпе, в рубашке с закатанными рукавами и грубых латанных перелатанных

штанах подвязанных простой веревкой. Мужчина с абсолютно невозмутимым видом, орудуя вилами, перекладывал охапки сена из тележки в кормушки лошадиных загонов.

Только Элен открыла рот, собираясь поведать босому сеноукалдчику правдивую историю о том как любезный Громми Хаг позволил ей, племяннице королевского судьи, покататься на любой понравившейся ей лошади, как вдруг почувствовала что сзади кто-то есть. Резко обернувшись, почти уверенная что это Галкут, она встретилась взглядом с хозяином постоянного двора. На ходу, почти мгновенно, полностью изменив свой план, она бросилась к трактирщику со словами: «Мистер Хаг, я прошу вас, помогите мне» и увлекла его в противоположный конец конюшни, подальше от бородатого рабочего.

Там она, со всем возможным для неё талантом актрисы, разыграла сцену из пьесы «Маленький напуганный (конечно же абсолютно невинный) ребенок в лапах ужасного безжалостного алчного злодея». Она живописала как ее коварно похитили, безжалостно забрав от ее семьи, засунули в мешок, связали, как она чуть не задохнулась. Как ее некоторое время сначала держали в ящике, бросая через щель объедки чтобы она не умерла с голоду, как ей пристегивали на шею цепь и держали на цепи, вода её на цепи даже в туалет. Рассказала о том что судья никакой не судья, а лишь выдает себя за такого, что он преступник и мошенник связанный с гроанбургскими разбойниками и близкий друг Хишена Головы, что он при участии своего верного прихвостня Галкута, жуткого убийцы-душителя, похищает людей и продает их шинжунские работорговцам. Что её он тоже готовит на продажу для какого-то особого покупателя, мерзкого безумного извращенца. Девочка умоляла помочь ей бежать, дать ей лошадь и ничего не говорить её похитителям.

Громми Хаг слушал очень внимательно и серьезно. Элен анализировала его ауру, но честно говоря так и не могла до конца понять верит он ей или нет. Однако какое-то волнение он определенно испытывал. Когда она наконец завершила свой надрывный монолог и поглядела на хозяина постоянного двора громадными прекрасными синими глазами в которых стояли настоящие слезы, Хаг взял ее за руку и сказал: «Идем со мной». Девочка послушно пошла с ним, не смея радоваться раньше времени, но полная надежды что он сейчас подведет ее к одному из стоил с лошадью.

Однако они проследовали мимо выхода, мимо босоного рабочего, мимо всех загонов и дошли почти до противоположного конца здания. Здесь обнаружился большой квадратный проем в полу и там была лестница. Они начали спускаться вниз. Трактирщик крепко держал ее за руку. Девочка начала подозревать, что ее ведут не к лошади. Сойдя с лестницы, они прошли по полутемному подвальному коридору, который уперся в массивную невысокую дверь, запертую на засов. Хаг одной рукой отодвинул засов и толкнул ногой дверь. Та медленно открылась, являя взору большую комнату, заставленную разнокалиберной, старой, ветхой полусломанной мебелью и прочим хламом. В комнату проникал дневной свет из двух узких окошек под самым потолком. Трактирщик потянул Элен вперед, но та воспротивилась.

– Что мне здесь делать? – Холодно спросила она, уже осознав что спасения не будет и её бесподобная актерская игра пропала втуне.

– Вам придется побыть здесь некоторое время, сэви, – спокойно проговорил Громми Хаг.

– С какой стати? – Еще более ледяным тоном поинтересовалась девочка.

– Совсем недолго, моя госпожа, – сказал трактирщик, не глядя на Элен. – Мой сын составит вам компанию.

Хозяйка Кита пристально посмотрела на владельца «Одинокого пастуха». Не оставалось никаких сомнений в его твердой решимости запереть ее тут. Дальнейшее сопротивление привело бы только к еще большему унижению. У Элен внутри все горело от горечи и обиды. Стоящий перед ней человек был подлый предатель. Она доверилась ему, а он... а он... У девочки язык чесался высказать все что она о нем думает. Однако голосу разума все же удалось пробиться сквозь пелену гнева и она не проронив ни слова, отвернулась от ненавистного трактир-

щика и гордо прошествовала внутрь. Дверь за ней закрылась и она услышала как засов вошел в петли, блокируя выход.

Откуда-то справа появился Мелиг. Он кинул на девочку быстрый взгляд, многозначительно приложил палец к губам и бросился к двери. Прижав к ней ухо, он некоторое время прислушивался к тому что происходило в коридоре. Наконец отвернувшись от двери, он вздохнул и удовлетворенно произнес:

– Ушел. – И с удовольствием добавил: – Клянусь грудями синеокой Миранды Тулунской, вскормившей четырнадцать богатырей Тулуна, ушел.

Элен внимательно посмотрела на мальчика и ничего не сказав, отправилась вглубь комнаты. Там она нашла старый маленький диванчик с продранной, протертой и выцветшей обшивкой, некогда темно-красного цвета и медленно села на него. Она сидела очень прямо и держала ладони на коленях, настроение у нее было скверное.

Мелиг прошелся по комнате, искоса поглядывая на неожиданную гостью. Затем он забрался на старый комод с выдвижными ящиками и уселся там, свесив ноги.

Некоторое время он глядел в окошко под потолком. Ему очень хотелось поговорить, но его немного смущал тот факт, что перед ним племянница королевского судьи. Впрочем, долго сопротивляться своему желанию он не мог.

– А тебя за что сюда?

Девочка подняла на него глаза, но отвечать не спешила. Раздражение, кипевшее внутри нее, искало себе выход. Она медленно вздохнула и задержала дыхание. Конечно же этот мальчишка был совершенно здесь ни при чем и язвить и отпускать колкости в его адрес было бы просто ... Она не могла найти подходящее слово. Неподобающе, подло, невоспитанно? Не важно. Разум подскажет чего следует избегать, а сердце подскажет как следует поступить, всплыло у нее в памяти сказанное мистером Таругу. Сейчас и разум и сердце подсказывали ей что к этому человеку надо относиться как к товарищу по несчастью, а не как к сыну злобного, подлого, вероломного трактирщика, совершенно не оценившего талант юной актрисы.

– За желание свободы, – несколько туманно ответила Элен.

Мелиг поразмыслял над ее ответом.

– Ты пыталась убежать?

– В некотором роде, – сказала девочка и чтобы переменить тему, быстро спросила сама: – А тебя за что?

– Отец услышал как я в огороде пел частушки про Герцога, – с гордостью ответил мальчик. – Ну и дал мне по шее и посадил сюда до вечера.

– Про какого герцога?

Мелиг с удивлением поглядел на свою собеседницу.

– Про бриллиантового, про какого же еще, – негромко сказал он.

– Кто это «бриллиантовый герцог»?

Теперь уже мальчик смотрел на нее с подозрением.

– Это что какие-то судейские штучки?

Непонимание, отразившееся на лице девочки, было искренним.

– Что значит «судейские»?

– Ну не знаю... Может у вас учат прикидываться дурочкой чтобы выведывать секреты или ... или ..., – мальчик замолчал, не в силах выразить свое смутное подозрение до конца.

– У кого это у нас? – Спросила Элен и в ее голосе снова потянуло холодком.

– В семьях судей.

Недавнее раздражение, которое все никак не могло оставить ее в покое, тут же начало подбивать девочку поиздеваться над глупым мальчишкой, рассказав ему пугающую историю про семью судьи, где детей учат пытаться и вести допросы. Но Элен не поддавалась. Довольно спокойно она произнесла:

– Я действительно не знаю кто такой “брильянтовый герцог”. Я родом из очень далекой страны и про вашу почти ничего не знаю.

– Как же так, если ты племянница королевского судьи?

– Ну вот так. Сестра моего дяди, моя мама, вышла замуж за человека из другой страны и он увез ее к себе.

– Ты из Сайтоны?

– Нет, еще дальше.

– Куда же еще дальше?

– Моя страна вообще не на этом материке, это большой остров далеко на северо-западе.

– Материке? – Повторил Мелиг незнакомое слово. – Это что?

– Ну планета, материки, океаны знаешь?

Мальчик растерянно покачал головой.

– Не важно. В общем я из очень далекой страны.

– А как она называется?

– Макора.

– И у вас там нет герцогов?

– Брильянтовых нет, – улыбнулась девочка и мальчик тут же улыбнулся в ответ.

– Брильянтовым его называют потому что он очень-очень любит драгоценные камни, всякие там алмазы, рубины, – объяснил он. – А вообще он глава Судебной палаты, самый главный судья королевства.

– А-а, да я слышала о нем от дяди, – произнесла Элен, внезапно искренне заинтересовавшись разговором. – Верховный претор, да?

– Да, герцог Этенгорский. Говорят что он так любит камни, что прямо становится сумасшедшим когда видит какой-нибудь красивый брильянт. И что, мол, даже вельможи и богачи стараются не носить особенно красивые камни в его присутствии. Потому что он тут же захочет камень себе и хозяину придется его отдать, так или иначе. – Мелиг сделал паузу и с каким-то запоздалым раскаяньем добавил: – Только об этом запрещено говорить вслух.

– Можешь не беспокоиться. Я ничего никому не скажу. А что ты еще о нем знаешь?

– О герцоге?

– Да.

– Ну, он самый богатый и могущественный человек королевства.

– Неужели самый? – Девочка насмешливо посмотрела на собеседника. – А как же король?

– Нет, конечно, кроме Его Величества, – испуганно проговорил мальчик.

– Ну а что он за человек?

– Как это?

– Ну добрый или злой, умный или глупый?

– Я не знаю, – растерянно пробормотал Мелиг. – Все боятся его.

– Так боятся, что поют про него частушки? – Улыбнулась Элен.

Ее улыбка творила чудеса с сыном трактирщика. Мальчик тут же забывал свои страхи и опасения.

– Да в народе их очень любят. Хотя это государственное преступлением, – тон Мелига стал почти заговорщическим. – За это можно попасть в Дом Ронга.

Однако девочка явно не была напугана.

– Здорово, – сказала она. – А ты можешь мне спеть их?

Мальчик подался немного назад, как бы отстраняясь от своей собеседницы. Сейчас он взирал на нее с недоверием.

– Откуда мне знать..., – начал он.

Но Элен тут же перебила его.

– Не хочешь не пой, – пожав плечами, равнодушно сказала она. И добавила сакраментальное: – Если боишься.

Мелиг спрыгнул на пол и встал перед сидящей на диване Элен.

– Я не боюсь, – сказал он, глядя на нее сверху вниз. – Я с шести лет везде хожу с ножом и даже когда сенвикс был на таком же расстоянии от меня как и ты сейчас, я не боялся.

Элен внимательно смотрела на него. Сенвикс по-видимому был одним из представителей местной фауны, какой-нибудь хищник, но она решила не уточнять, чтобы не вызывать новых подозрений, да и просто это ей было не интересно в данный момент. Она анализировала ауру собеседника во время его гордой тирады. Про нож правда, про сенвикса на таком же расстоянии не правда, про «я не боялся» тоже не правда. Наверно увидел этого зверя вдалеке и до смерти перепугался, подумала девочка.

– У вас на какую мелодию частушки поют? У нас так. – Очень чистым и пронзительно красивым голосом девочка пропела: – Захотела тётя дядю, Да не знала где искать. Назвалась бы даже..., – тут благовоспитанная дочь лейтенанта Акари всё же сделала паузу, заговорщически улыбнулась и вместо матершинного слова пропела некое «м-м-м» и весело закончила: – Только как такую статью?

Частушка была из репертуара дяди Васи, который увлеченно ремонтируя какой-нибудь агрегат водопроводной системы и позабыв что где-то рядом околачивается ни в меру любопытный ребенок, часто напевал себе под нос песенки или просто четверостишья такого похабного содержания, что Элен застывала как пораженная громом и вся вытягивалась в струнку напряженно вслушиваясь в произносимые непотребства, жадно пытаясь вникнуть в запретный смысл и боясь пропустить хоть слово. Элен трепетала и краснела слушая низкий гудящий голос дяди Васи и ощущая неудобное глухое чувство вины. Такое же какое возникало в ней когда она позволяла себе уделить некоторое внимание весьма фривольному контенту из Старнета. Конечно она тщательно скрывала подобные исследования от отца и Кита, но сама считала что это помогает развиваться ей всесторонне и полноценно.

Мальчик засмеялся. Он легко подставил пропущенное слово. Наверняка смысл о непростой женской судьбе, заключенный в этом четверостишье ускользнул от обоих детей, но использование запретного слова будоражило их гораздо сильнее, чем какой-то глупый, никому ненужный подтекст.

– Да у нас похожая, – подхватил Мелиг и запел: – Сидит герцог на заборе, Да считает камешки. Рядом ходят вор на воре, А народ по краешку. – После этого он добавил залихватское «О-опа!», хлопнул ладонями и даже сделал несколько танцевальных па ногами.

Элен весело засмеялась.

– Говорят в Акануране воров больше чем честных жителей, – пояснил мальчик. – И если ты бросишь монетку себе за плечо ты никогда не услышишь как она упала на тротуар.

– Ясно, – сказала девочка. – А еще.

Мелиг не заставил себя упрашивать.

– Покачнулась в лесу ветка, Улетела птица. Где-то звякнула монетка, герцогу не спиться. О-па!

Мальчик уткнул руки в боки и на этот раз проделал нечто вроде присядки и снова продолжил:

– Друг на друга два соседа Шлют доносы весело. Разбираться время нету, Вместе их повесили. Говорят что доносчиков в Акануране не меньше чем воров. За каждый хороший донос доносчик обязательно получает деньги.

– А что значит хороший? – Поинтересовалась девочка.

– Точно не знаю. Видимо когда есть какая-то польза государству. Вот еще. Герцог чувствует в желудке Как-то все не здорово. В Доме Ронга третьи сутки Рубят людям головы. О-

па! – Хлопок в ладоши. – Говорят что когда у герцога плохое настроение, он идет в Дом Ронга и там у него настроение улучшается.

Элен уже не улыбалась. Выходит что этот претор настоящий зверь, если людские страдания приводят его в благоприятное расположение духа. А Мелиг продолжал:

– Изошелся парень кровью За страны предательство. Мы желаем вам здоровья Ваше блядь сиятельство. О-па! О-па! – Мальчик почти с наслаждением произнёс матерное слово и при этом гордо посмотрел на девочку. Той уже было совсем не до веселья, ибо конечно она чувствовал ту боль что скрывалась за словами этой частушки. Мелиг же совсем разошелся и танцевал и приседал уже во всю. Задыхаясь, он пропел еще одно творение народного творчества: – Лучшее всё впереди, Опа, братцы, опа. Как к судьбе не подходи Всюду одна жопа.

Мальчик замер буквально на середине па. Медленно выпрямился, стараясь не смотреть на девочку. Он решил, что дал маху. Мягко выражаясь. Ведь его собеседница была племянницей королевского судьи. Нападки на верховного претора казались ему совершенно безобидными в этом плане, по его мнению они никак не могли задеть девочку. Но вот прямое упоминание судей дело другое.

Мелиг сел на диванчик сохраняя дистанцию между собой и Элен.

– Ты чего? – Спросила она, хотя конечно догадывалась что он испугался того что частушка о судьях может как-то задеть ее. – Все нормально. Ты здорово поешь. Мне очень понравилось. А танцуешь вообще отпад. Я в восторге.

Мальчик робко улыбнулся.

– Да ладно. – Он чуть помолчал. – Их я и напевал пока работал в огороде. А отец подошел сзади бесшумно. Он умеет так ходить. И как даст мне по голове. Сказал что если меня не запорют до смерти «красноголовые», то он сам так прогуляется ремнем по моей заднице, что мало не покажется.

– А красноголовые это кто?

– Солдаты Судебной палаты. Судебная гвардия. Они защищают судей и ловят преступников. Их специально обучают в судебных школах и говорят что они великие воины. Они носят такие облегающие красные шапочки, которые на уши спускаются и по два меча. Ты никогда не видела их?

Элен отрицательно покачала головой.

– Лучше наверно и не видеть, – вздохнул мальчик. – Сесилия, повариха, которая работает у нас, у нее был брат. Так гвардейцы запинали его до смерти, хотя он ни в чем не был виноват против Его Величества.

Элен посмотрела на мальчика.

– Ты знаешь, ты лучше не пой эти частушки никому. И даже когда один не пой, – тихо сказала она.

Мелиг повернул к ней голову.

– Я не боюсь, – сказал он.

– А я боюсь. Не пой пожалуйста, ладно?

Мальчик отвернулся.

– Не буду, – очень тихо сказал он.

Дети некоторое время молчали.

– А почему у тебя волосы обстрижены? – Неожиданно спросил Мелиг. – У нас девчонки так не делают.

– Почему?

Мальчик пожал плечами.

– Ну, женщина с короткими волосами это как-то неправильно. У нас девчонкам обрезают волосы в наказание за что-нибудь или когда у них какая-нибудь волосяная болезнь.

– Не волнуйся, у меня нет никакой болезни и никто ни за что меня не наказывал. Просто мне так нравится и я считаю что так удобней в путешествии.

– Девчонки из деревни засмеяли бы тебя, – заметил Мелиг.

– Ничего, думаю, я бы пережила, – спокойно ответила Элен Акари.

– Я шучу, – чуть улыбнувшись проговорил мальчик, – конечно же никто не стал бы над тобой смеяться.

– Потому что я племянница судьи?

– Ну да. За любое оскорбление судьи приезжают наказывать красноголовые. Могут дом спалить, могут поколотить, а могут и повесить, если допустим кто-то сошел с ума и ударил судью.

– Но я ведь не судья.

– Какая разница. Кто станет рисковать? Вдруг судья обидится что плохо обошлись с его племянницей и привет, полный аттатуй – панихида с танцами. Остается только собирать вещички и в лес, если жить хочешь.

Элен некоторое время молчала, затем осторожно спросила:

– А почему вы все это терпите?

– Что значит терпим? – Не понял Мелиг. – Судьи борются с преступниками, еретиками и чернокнижниками. Защищают простых людей. Они рискуют за нас.

– Ты серьезно? Или говоришь так потому что я родственница судьи?

Мальчик некоторое время колебался. Видно ему стала неприятна эта тема и он резко перешел на другую:

– А у меня между прочим есть настоящий нож либингов.

Элен тут же вспомнила рассказ Лурга о Черной Румме. Ножи ее конечно не очень интересовали, но она поняла что мальчик не хочет больше говорить о судьях и из вежливости изобразила интерес.

– Врешь! – Сказала она, делая вид что поражена тем фактом, что он обладает оружием легендарного племени.

– А вот и не вру.

Мелиг встал с диванчика и отошел за высокий шкаф.

– Иди сюда, – позвал он. – Здесь нас из окон не видно.

Элен подошла. Мальчик задрал рубаху. Прямо на голый живот у него был застегнут широкий ремень с прикрепленными к нему ножами. Он вынул длинный, немного изогнутый нож и осторожно передал его девочке.

Оружие было тяжелым.

– Видишь на этой стороне лезвия имя владельца, а на этой знак Черной королевы – буква Р в полумесяце. Каждый нож делается для каждого мужчины и каждой женщины из племени либингов, когда он еще ребенок, при этом используют их кровь, а также капельку крови королевы Руммы. – Мелиг говорил негромко, но очень восторженно. Глаза его горели. – Воин либингов ни за что не расстанется со своим ножом. Они лучшие бойцы на ножах во всем мире. С ними могут соперничать только Кайхорские пираты со своим тайным боевым искусством. Нож можно заполучить только убив либинга. Иначе нож кладут в могилу воина когда он умрет. Если либинг теряет нож и остается жив, то это невероятный позор для него и в первой же битве он или она ищет смерти. За один удар сердца, либинг может перерезать горло восьмерым. Их нож так особо отрегулирован по тяжести, что даже легкое движение наносит страшную глубокую рану. Лезвия у всех либингских ножей одинаковы, а вот рукоятки каждый сам украшает. Вот видишь здесь на одной стороне девять синих цветов и три красных птички, а на правой ларо, говорят что он даже опасней пещерных медведей. Все это что-то значит для хозяина ножа.

– Аз-ви-ран, – прочитала девочка имя на лезвии. – И что, ты хочешь сказать что убил этого Азвирана?

– Конечно нет. Один человек отдал этот нож отцу за долг, а откуда он у этого человека появился я не знаю. Может кто-то когда-то украл его у либинга. Такой нож стоит кучу денег. Отец обещал мне подарить его навсегда на мое восемнадцатилетие.

– Что-то ты не очень похож на восемнадцатилетнего, – улыбнулась Элен.

– Нет, нож пока не совсем мой. Я просто берегу его. – Проговорил мальчик очень серьезно. – Рассказывают, что если у тебя есть нож одного из либингов ты можешь без опаски странствовать по Тивеллу – стране либингов. Никто не посмеет причинить тебе вреда. А в тех краях говорят полно золота, драгоценных камней и всяких волшебных животных, которые исполняют желания.

– Ну конечно, – усомнилась Элен, – этот слух наверняка сами либинги и распустили, чтобы те к кому попал нож, сами приходили к ним.

В этот момент за дверь послышались шаги.

– На спрячь, – быстро сказала девочка, возвращая оружие Мелигу. Тот поспешно схватил его, засунул в ножны и только успел опустить и поправить рубаху, как дверь начала открываться.

Элен повернулась лицом к двери, заслоняя спиной мальчика. На пороге появились Хаг и Галкут.

Некоторое время взрослые глядели на детей, которые выглядели так будто их застукали за каким-то запретным занятием. Но впрочем Элен быстро пришла в себя и нацепив маску надменного равнодушия, холодно поинтересовалась:

– Я могу идти, господин Громми Хаг?

– Да, сэви. Простите что пришлось запереть вас здесь.

Элен повернулась к Мелигу. Улыбнулась и быстро и очень тихо проговорила:

– Счастливо и удачи тебе.

– Прощай, – также тихо и с улыбкой ответил мальчик.

Девочка гордо прошествовала мимо мужчин и, полностью проигнорировав протянутую руку Галкута, пошла по коридору к лестнице.

Выйдя из конюшни на открытый воздух, она огляделась. Галкут встал рядом. Элен посмотрела на него. Он был очень высокий и худой. Сейчас его хмурое лицо со впалыми щеками и обветренной кожей пряталось в тени широкополой шляпы.

Элен снова чувствовала как гнев и отвращение к этому тюремщику заворочались в её душе.

– Наверно переволновался пока искал меня? – Насмешливо проговорила она.

Галкут не повернул головы и ответил, глядя куда-то вперед.

– Нисколько.

Элен видела, что он обманывает ее. Это доставило ей удовольствие. Она сумела причинить ему несколько неприятных минут и это грело ей душу.

– Куда мне теперь? – Спросила девочка, также отведя взгляд от Галкута и посмотрев на центральный вход в трактир. Стула подпирающего дверь уже не было.

– Наверх, в комнату господина судьи.

Элен неторопливо зашагала вперед. Галкут последовал за ней.

– А что если когда мы войдем в залу, я начну истошно кричать что меня мучают и истязают два негодяя? – Произнесла девочка.

– Я думаю лучше не стоит этого делать, – очень ровно проговорил слуга Мастона Лурга.

– Почему?

– Мне придется заставить вас замолчать и это может причинить вам боль.

Элен кинула быстрый взгляд на своего тюремщика. Если он думает что напугал ее, то ошибается, со злостью подумала она.

– А я все-таки попробую, – дерзко заявила она.

Мужчина резко обогнал девочку и встал перед ней, опустившись на одно колено и положив правую руку на ее левое плечо. Холодные тусклые бледно-голубые глаза Галкута вонзились в огромные темно-синие глаза ребенка. Длинные сильные пальцы мужчины сжали хрупкое детское плечо очень сильно, почти на грани боли. Девочка обратила внимания что на обоих запястьях мужчины с внутренней стороны присутствуют безобразные ожоги, практически одинаковые по форме и размеру.

– Вы совершаете ошибку, госпожа Элен, – сказал он. – Возможно мне стоит дать вам пример тех ощущений, которые вы можете испытать, если последуете своему плану. Я не думаю что вам в вашей маленькой, уютной жизни доводилось уже испытывать настоящую боль. Я могу выдернуть пучок ваших волос вместе с корнями или сломать один из ваших пальчиков или просто скрутить вашу нежную кожу. – Он сжал пальцы правой руки сильнее и Элен еле сдержала стон. – Я могу просто раздавить ваши хрупкие кости.

– Ты не посмеешь, – прошептала девочка с глазами полными слез. Ей было больно и страшно. По-настоящему страшно. Казалось только сейчас до ее разума окончательно достучался тот факт, что рядом с ней больше нет ни папы, ни бабушки, ни Кита, ни мистера Таруга. Она абсолютно одна, абсолютно незащищена перед этим чужим и жестоким миром. А еще ей было очень горько и обидно. Она понимала, что этот человек видит ее страх и наверно в душе торжествует над нею. Ей хотелось закричать и попытаться вырваться, но она заставляла себя не шевелиться.

– Вам, госпожа Элен, лучше поверить, что посмею, – спокойно сказал Галкут. – Здесь нет ничего что могло бы меня остановить. Господин судья будет только благодарен мне за преподанный вам урок. Вы живете не в том мире, в котором вы реально находитесь, госпожа Элен. Это очень опасно. Совершенно не важно кем вы были в прошлом и кем вы возможно станете в будущем. Сейчас вы абсолютно никто и абсолютно бессильны и для вас же будет лучше, если ваше поведение будет соответствовать вашему положению. Вы меня поняли?

Слезы текли по щекам девочки. Она смотрела в глаза мужчины и ничего не говорила.

– Вам не нужно обижаться на меня, госпожа Элен. Я делаю это для вашего же блага. Так как, вы будете кричать, когда мы войдем в дом или нет?

Элен шмыгнула носом. Она чувствовала себя униженной и совершенно бессильной. Это было почти новое ощущение для нее. Никогда она не чувствовала себя такой жалкой.

– Я не буду кричать, – тихо проговорила она и отвернулась, чтобы не смотреть в глаза ненавистного ей человека.

Галкут больше не сказал ни слова и в полном молчании они дошли до комнаты судьи на втором этаже постоянного двора.

Мастон Лург сидел на кровати и читал всю ту же книгу в темно-красной бархатной обложке. Когда девочка вошла в комнату, он оторвался от чтения, на миг встретился глазами с Галкутом и коротко кивнул ему. Последний закрыл дверь и ушел к себе.

Элен стояла посреди комнаты и не поднимала глаз от пола.

– Иди, садись на свою кровать, – сказал судья довольно спокойным голосом.

Девочка послушно исполнила его просьбу, а может быть приказ. Теперь они находились друг против друга на расстоянии двух метров. Мастон Лург разглядывал ребенка, Элен смотрела в пол.

– Я наверно ошибся в тебе, – наконец проговорил судья, – я думал ты умнее. – Он помолчал, ожидая каких-нибудь замечаний со стороны его подопечной, но та молчала и не поднимала глаз. Судья прочистил горло и продолжил, может быть чуть-чуть удивленный: – А получается ты совсем дурочка. Во-первых, мне казалось что из нашей беседы с Громми Хагом тебе

должно было быть ясно что мы знаем друг друга в лицо. К твоему сведению, многим чиновникам королевства, а также владельцам постоянных дворов, ферм, рудников, караванов и так далее, раз в год присылают детальные портреты всех местных и главных судей чтобы важные люди знали их в лицо. Так что, как ты понимаешь твое заявление, что я самозванец, прозвучало для Хага абсолютно смехотворно. Во-вторых, я, по-моему, уже объяснял тебе, что никто не будет добровольно принимать участие в действиях против королевских судей, ну конечно кроме закоренелых преступников и еретиков. Это весьма чревато. Отряды судебной гвардии четко и быстро реагируют на все подобные действия и должен сказать зачастую это реагирование выливается в очень жесткие формы. – Судья снова ждал каких-нибудь язвительных замечаний со стороны девочки и снова их не последовало. – Ну а в-третьих, чтобы ты делала, если бы Хаг все-таки дал тебе коня? Помчалась бы назад в Туил? Через леса и деревни, через Гранбург? Элен, как ты не понимаешь, ты маленькая красивая девочка, ты представляешь интерес для всех нечистых на руку людей. Ты очень ценный товар. Работоторговцы дали бы за тебя немалые деньги. Не говоря уже о том, – судья хотя и считал что такое малолетнее дитя не может ничего знать о столь мерзкой вещи как изнасилование, тем не менее не мог избавиться от странной уверенности, что Элен его поймёт, и взяв жесткий тон, закончил: – что любой большой ублюдок может изнасиловать тебя или даже съесть. Ты понимаешь о чем я говорю?

Мастон Лург ждал ответа.

– Понимаю, – тихо ответила Элен, не поднимая глаз.

– Я совсем не шучу и не пытаюсь тебя напугать, чтобы предотвратить твой побег. Я совершенно серьезно, как только ты выйдешь из-под моей защиты или из-под защиты своих мифических хранителей, ты сразу будешь в огромной опасности. Как ты этого не понимаешь? У меня такое ощущение что ты по инерции живешь своей старой жизнью, уж не знаю точно какой она была, но думаю очень сытной и безопасной. Но сейчас ты совсем в другой ситуации. И не важно как ты относишься ко мне или Галкуту. Ради своей же безопасности тебе лучше быть с нами. Тот же самый Хаг, очутись ты здесь совершенно одна, с радостью приютил бы и накормил тебя. А через несколько дней продал первым встречным работоторговцам. Тебе ясно это?

Лург пристально глядел на притихшего ребенка. Девочка сидела неподвижно, сложив руки на коленях и не смела посмотреть на мужчину.

– Ты все поняла из того что я тебе сказал? – Снова спросил судья.

– Да.

– Неужели? – С сомнением проговорил Лург. – Что-то ты слишком тихая. Опять что-то замышляешь?

– Нет, – еле слышно ответила девочка.

Судья встал, запер дверь на ключ, вернулся к кровати, переложил книгу на постель девочки.

– Вот можешь почитать, если спать не хочешь. Дверь заперта, окно закрыто, до земли высоко и там за окном опасный и жестокий мир. Так что, надеюсь на твое благоразумие. – Мастон Лург сел на кровать, снял сапоги и начал укладываться.

Завернувшись в одеяло, он еще раз посмотрел на девочку.

– Что это ты такая не разговорчивая? Обиделась что ли?

Элен наконец подняла глаза на судью.

– Я хочу чтобы наше совместное путешествие закончилось как можно быстрее, – сказала она.

Расстегнув липучки на ботинках, она забралась на кровать и с удовольствием растянулась в полный рост.

– Поверь я хочу того же самого, – ответил Мастон Лург, покосившись на невиданные им ранее ботинки, положил голову на подушку и закрыв глаза. Он жутко хотел спать, а потому провалился в сон очень быстро.

Элен лежала на спине, положив голову на ладони и глядела в покрытый штукатуркой потолок.

Покидая в кабине военного истребителя громадную орбитальную станцию «Блик», место работы Валентина Акари, девочка думала что все дело займет несколько часов. Не больше. Все казалось предельно просто. Совершить гиперскачок, опуститься на планету в указанных папой координатах и найти отца. Все. Дальше уже папа все сделает сам. Конечно отец мог наругать ее. Но ведь она сделала правильный выбор. В полицию обращаться нельзя, дедушка и Александра Уэйлер недоступны, самое разумное, как ей казалось, слетать за папой самой. Главное просто найти его. А вырвать его из того враждебного окружения, о котором он говорил в сообщении, имея Кита и настоящий истребитель представлялось ей совершенно пустяшным делом. Любые аборигены и так разбегутся, увидев грозный корабль у себя над головами, а если кто и останется, то с ними разберется Кит. Всё будет очень просто.

По сути дела «Блик», одна из станции Сэйтеранского департамента космической полиции, представляла из себя большой многоуровневый город. Попасть туда со статусом «Посетитель» не представляло особой сложности. Элен несколько раз уже бывала там с отцом. Так что теперь она, в сопровождении Кита, который постоянно ворчал и возмущался, высказывая свое недовольство решением Элен, просто взяла билет на ближайший космобус и без помех прибыла на станцию. В портовом зале ожидания никто не обращал на них внимания.

Элен имела статус «Посетитель», но он еще не был утвержден и поэтому маленький электронный бэйджик прицепленный ей на грудь при выходе из космобуса горит красным светом. Иногда на станции проводились экскурсии для тех кому любопытна работа космической полиции, но в этом месяце экскурсий не было, а девочка не могла ждать подходящего случая. Она поступает гораздо проще. По внутренней связи она вызывает лейтенанта Ирину Вольганг – штатного психолога спецподразделения, в котором работает Валентин Акари. Девочка просит молодую женщину дать ей разрешение на вход. Якобы Элен очень нужно поговорить с ней. Это был скользкий момент. Мисс Вольганг могла предложить встретиться в зале ожидания, но она была очень занята, к тому же отец часто проводил Элен внутрь «Блика» и потому лейтенант Вольганг, не видя никаких причин для отказа, легко дала разрешение, утвердив статус «Посетителя» для Элен Акари с примечанием: «в сопровождении робота-ассистента». Охранники на выходе из зала ожидания сверяются с базой данной и без всяких колебаний пропускают девочку и собакообразного робота внутрь станции. Бэйджик на груди Элен теперь сияет приятным зеленым цветом.

Они идут по коридору, подсвеченному мягким рассеянным светом у пола и потолка. Идут до первого терминала. Там они останавливаются и Элен начинает задумчиво изучать журнал предложений от турфирм, который она взяла в зале ожидания. Кит неподвижно сидит рядом. Проходящие мимо сотрудники Космопола не обращают никакого внимания на эту парочку. Все заняты своими делами, а раз этих двоих пропустили сюда, значит на то есть свои причины. Никому это не интересно. Тем временем Кит по радиоканалу подключается к терминалу. Продвинутому искусственному интеллекту робота не составляет труда просканировать внутреннюю сеть и найти планы помещений. Кит вычисляет путь на взлетно-посадочную палубу. Теперь он и девочка следуют по определенному маршруту. Несколько перемещений на вертикальных и горизонтальных лифтах и вот они возле палубы В15. Ворота ангара приветственно открыты и заблокированы в этом состоянии. Здесь кипит рутина обычного рабочего дня. Техники всех мастей, пилоты, грузчики, роботы снуют туда-сюда. У каждого своя задача, своя проблема, своя головная боль. Девочка и собака не спешат пройти в ворота ангара. Они снова останавливаются у ближайшего к воротам терминала и снова Элен принимается изучать журнал с красочными движущимися картинками. Кит через терминал по радиоадаптеру снова входит в систему. Но его права в сети станции очень ограничены и он может немного. Но они к этому готовы. Задача Кита вывести экран регистрации входа в систему для сотрудника

станции, но при этом необходимо выбрать вид подтверждения идентификации не через биосканеры, для которых нужны отпечатки пальцев или снимок сетчатки глаза или образец голоса, а обычный метод ввода личного кода, причем Кит не может сделать это электронно, система настроена так что нужен непосредственный ввод. Кит быстро находит окно входа, покопавшись в настройках он отключает биосканирование и устанавливает ручной ввод личного кода. «Все готово», слышит Элен у себя в ухе. Она глядит по сторонам, ждет пока пройдут двое мужчин в синих комбинезонах. Затем быстро подходит в терминал. Она вводит имя: «Валентин Акари» и нажимает ввод. Появляется поле «Личный код». Элен выучила его наизусть из папиного сообщения. 5600-8264-1214104677. Код принят, но вместо входа в систему, появляется новое поле «Код авторизации». Элен замирает. Этого она не ожидала. Она не знает никакого кода авторизации. Гадать бессмысленно. Кит сидит как истукан и смотрит в стену, изображая примитивного робота. «Он требует какой-то код авторизации», с отчаяньем шепчет Элен, понимая что вся их затея провалилась. «Аверон», слышит она в левом ухе и с удивлением смотрит на Кита. Тот по-прежнему сидит как истукан. Она быстро вводит подсказанное слово. Вход в систему успешно завершен. Дальше управление снова перехватывает Кит, система больше не отслеживает источник ввода команд и клавиатуру можно оставить в покое.

Аверон – волшебная страна про которую так часто рассказывал ей отец. Но откуда Кит знает это? Оказывается после появления в жизни папы новой женщины, Элен попросила Кита немного присматривать за ним. И хотя робот был абсолютно против этого, он подчинился, ибо он просто не мог не подчиниться согласно заложенным в его программу приоритетам и доминантам поведения. В один из вечеров он наблюдал как отец входил через домашний компьютер в сеть Космопола и хотя символы отражались на экране звездочками, Кит видел движение пальцев Валентина Акари по клавиатуре и конечно без труда вычислил нажимаемые клавиши. Получалось Кит и раньше знал не только код авторизации, но и личный код лейтенанта Акари, но так как раньше в этом не возникало надобности он держал эти сведения при себе.

Элен снова с восторженным видом углубляется в журнал, а Кит шарится по системе, теперь уже наделенный многочисленными правами и привилегиями, доступными координатору спецподразделения. Ему нужно ни много ни мало зарезервировать скоростной межзвездный корабль для срочного вылета. Это входит в права лейтенанта Акари, а потому операция не занимает много времени. Боевой истребитель класса ViT200 зарезервирован и готов к вылету. Естественно Кит постарался чтобы корабль находился на палубе В15 и это ему удалось. Бортовой номер NJ599. Прежде чем отключиться от системы Кит оставляет сообщение для Ирины Вольганг, в котором Элен очень извиняется и говорит о том что передумала встречаться и срочно возвращается назад на Макору. Все это конечно выглядело нелепо, но Элен была уверена, что мисс Вольганг все примет за чистую монету. Дочь Валентина Акари полагала, что ее считают взбалмошным и может быть даже странным ребенком и коллеги отца вполне могли решить что подобное чудачество как раз в ее духе, прилететь на станцию чтобы поговорить, а потом внезапно передумать и улететь. В любом случае, даже если лейтенант Вольганг начнет сомневаться и выяснять в чем дело уже будет поздно. Уже будет поздно.

Элен и Кит входят в ангар. Они двигаются вдоль ряда одинаковых кораблей, Кит совершенно равнодушно, Элен же с восторгом рассматривая межзвездные истребители. Наконец она видит номер NJ599. Но тут кто-то окликает ее. К ней приближается высокий полный мужчина, на оранжевом бэйджике которого горит: «А-полк 06025 Астроинженер класса 3. Генри Михальчук». «А вы чья будете, мисс?» – очень дружелюбным тоном осведомляется он. «Я племянница дяди Сережи» с приветливой улыбкой отвечает Элен. «Дяди Сережи?». «Да, полковника Сергея Васина. Он разрешил посмотреть мне на военные космолеты», с прелестной улыбкой и сияющими большими наивными глазами говорит коварная девочка. Генри Михальчук сразу приосанивается, чисто рефлекторно, и начинает почти ласково рассказывать очаровательному ребенку о грозных боевых истребителях. Но тут кто-то его зовет и он, напутствуя

любопытную девчушку словами «Ну ты тут походи, посмотри, но только ничего не трогай», удаляется.

Элен, задрав голову, обходит истребитель с бортовым номером NJ599. Ее глаза сияют от фальшивого восторга. Наконец сидящий неподалеку Кит дает команду «Можно входить». Девочка и робот ныряют под брюхо корабля. Приемный шлюз приветственно раскрывает автоматическую дверь после нажатия большой и единственной кнопки. Элен и Кит проходят по короткому коридору в рубку. Элен прячется под панель, Кит формирует голограмму Валентина Акари сидящего в кресле после чего внимательно изучает приборную панель. «Тебе придется нажать несколько клавиш», – сообщает он своей хозяйке. Та вылезает из-под панели и они вдвоем приводят в действие бортовой компьютер корабля, после чего запускается серия стандартных тестировочных программ. Все в порядке. Не слишком интеллектуальный компьютер приветствует лейтенанта Акари. Внутреннее освещение приглушается, Кит умудряется запустить процедуру старта. Все автоматизировано до предела. Кит голосом Валентина Акари посылает запрос диспетчеру. Добро получено. Корабль вздрагивает и начинает медленно подниматься вверх к шлюзу, связанному со старт-шахтой. Элен сидит на полу прижавшись спиной к панели и обхватив колени. Ей страшно, но в тоже время она крайне возбуждена. Так как любой терминал может управляться удаленной клавиатурой по радио каналу с определенного расстояния, Киту не составляет труда посылать команды бортовому компьютеру так будто их вводит человек с беспроводной клавиатуры. Корабль входит в шлюз и замирает. Шлюз герметизируется. Старт-шахта открывается. «Быстро садись в кресло и пристегнись», – говорит Кит и Элен послушно выполняет. Сейчас будет ускорение и небольшая перегрузка.

Все оказывается очень просто. Не сложнее чем взять городской аэрокар в городском парке. Диспетчер желает счастливого пути лейтенанту Акари и отключается. Корабль разгоняется в старт-шахте и вылетает из недр огромной станции в открытый космос.

Даже такое удивительное, фантастическое, почти магическое действие как гиперпространственный прыжок не вызывает никаких осложнений у ребенка и ее домашнего робота, который весьма далек от сложнейших навигационных расчетов, включающих трансгрессивные уравнения учитывающих субквантовую природу надпространственных измерений. Бортовому компьютеру корабля просто требуются координаты или название пункта назначения и дальше он все сделает сам. Каунама, вторая планета в системе небольшой красно-желтой звезды Яна, астрономический номер которой эта 18 в созвездии Пальмы.

Через несколько минут истребитель NJ599 пропал с радаров станции «Блик». Диспетчер Мартин Ковалевский сделал дублирующую запись в журнале регистрации об успешном отбытии корабля и с тоской подумал о следующих шести часах дежурства. Но впрочем об этом Элен конечно не знала.

Однако все оказалось далеко не так просто при посадке на планету. Автоматике корабля требовался контроль и корректировка опытного пилота. Выяснилось что совсем недостаточно указать точные координаты на поверхности планеты и нажать кнопку «Посадка». Хотя конечно и кнопки такой не было. Необходимо было учитывать массу дополнительных параметров, некоторые из которых к тому же постоянно менялись и принимать какие-то решения. Движение планеты, различную плотность слоев атмосферы, погодные условия, силу тяжести, аэродинамику корабля, его скорость вхождения, углы наклона, степень нагрузки, рельеф ландшафта. Естественно ни Кит, ни тем более Элен не были к этому готовы. Бортовому компьютеру корабля пришлось принимать большинство решений самому. Автопилот корабля не был предназначен для посадок на поверхности планет. Истребитель был задуман и оптимально сконструирован для боя в межпланетном пространстве. Его можно было конечно посадить на планету, но главная роль тут отводилась опытному пилоту.

Они вошли в атмосферу на слишком высокой скорости. Следовало умело переключиться с реактивных двигателей на гравитроны чтобы плавно опуститься на поверхность. Кит не знал

процедуры посадки. Он взаимодействовал с бортовым компьютером на скорости невозможной для человека, но этого было недостаточно. Крылья, подкрылки и лонжероны были выдвинуты и установлены неправильно. Началась перегрузка. Два стабилизатора сгорели, корабль начало вращать. Элен сидела в кресле, застегнув все страховочные ремни и крепко закрыв глаза. Они падали. Кит как мог корректировал курс, чтобы направить корабль к предполагаемому месту нахождения отца девочки. Переключились на гравитроны. Это также было сделано неправильно. Скорость все еще была слишком велика. Разнонаправленные силы чуть не разорвали корабль. Один из четырех гравитронов взорвался, но все же истребитель удалось посадить на поверхность, разломав и сокрушив лесные заросли на площади примерно равной половине футбольного поля. Корабль замер и в кабине повисла тишина.

Кит чувствовал себя виноватым, Элен было невыносимо стыдно. Все обернулось весьма скверным образом. Вместо того что бы подобрать отца и быстро вернуться назад, они теперь сами застряли на этой планете. Гиперлайн – устройство гиперпространственной связи полностью работоспособно. Достаточно подать сигнал бедствия и спасатели, «усталые ангелы», через два часа будут здесь. Но это значит что космическая полиция тут же получит сообщение об этом, а папа просил этого не делать. К тому же полицейские несомненно сразу же разлучат Элен и Кита, узнав какую роль он играл в угоне истребителя. И для Элен есть только один выход из сложившейся ситуации – идти к папе пешком или на транспорте, который есть на Каунаме. Отремонтировать корабль они не могли. В нынешнем же состоянии истребитель вряд ли можно было заставить взлететь вертикально вверх, хотя функция межзвездного перемещения по-прежнему была исправна. Значит иного выхода нет. И Элен объявляет, что им не остается ничего другого как идти к отцу своим ходом. Кит категорически против. Им придется передвигаться по неизвестной и возможно очень опасной планете. Об этом не может быть и речи. Вне всяких сомнений они должны немедленно связаться с космическими спасателями – "усталыми ангелами" и дожидаться их здесь возле покалеченного истребителя. Девочка не соглашается на это. Она убеждает Кита, что под его защитой ей ничего не угрожает в этом мире, где даже пока еще не открыли порох. Кит по-прежнему против. Конфликт набирает обороты. Девочка плачет, умоляет и даже кричит, но робот неумолим, он объявляет что Элен никуда не пойдет, даже если ему придется применить для этого силу. И тогда она...

Элен остановила поток воспоминаний. Слишком уж и так тяжело у неё на душе. Сейчас ей чудилось что она кругом виновата.

Элен Акари ничего не понимала в технике. К своему стыду она должна была признаться что вообще мало в чем разбиралась досконально. А ведь ей уже почти восемь лет. Другие к восьми годам уже полностью определялись со своим будущим профессиональным выбором. А она до сих пор ничем серьезно не занималась. Она считала себя особой. Не такой как все. И дело даже не в том что её глаза видели ауры. Она считала себя очень умной и проницательной. Элен стало стыдно. Сейчас, лежа на кровати в гостинце «Одинокий пастух», она отчетливо осознала что ничего особенного из себя не представляет. Вместо того чтобы действительно как-то помочь отцу, она сама попала в беду, втравила Кита в крупные неприятности. Учитывая все то что она заставила его сделать, можно не сомневаться что, когда они вернуться, его непременно заберут у неё и даже могут перепрошить его память. Девочке стало безумно тоскливо и страшно за Кита, раскаянье обжигало ей сердце. Нет, она не позволит, она уприсит дедушку. Дедушка. Она послала ему сообщение из дома мистера Таругу. Когда Родерик Атинховский получит его, все будет хорошо. Дедушка очень умный. Он конечно придумает как всё исправить и обязательно спасет папу и ее. Кроме того она послала такое же сообщение Александре Уэйлер. Она офицер Внешней разведки. Кто-нибудь из них обязательно придет к ним на помощь рано или поздно. Рано или поздно. Папа сказал, что он во враждебном окружении и Элен очень переживала за него, но она убеждала себя что отец сумеет о себе позаботиться. Его полжизни учили этому. С Китом тоже все в порядке. Как она и сказала судье, ничто на

этой планете не сможет причинить ему вреда, только на какое-то время задержать, не больше. Его алмазная сталь и бронированный корпус практически несокрушимы. С ним все будет в порядке. Но ей тоже нужно позаботиться о себе, а в данный момент это означает вести себя чуть умнее и не нарываться на неприятности. Сейчас она ничего не может противопоставить своим врагам. Ей нужно научиться терпению. Отвратительный Галкут прав, она ведет себя не совсем адекватно тому положению, в котором очутилась.

Элен легла на правый бок и свернулась калачиком. Засунув ладошки между колен, она с удивлением подумала что кажется засыпает. Вроде бы она достаточно отоспалась в карете, но теперь, сытая и расслабленная, на мягкой просторной постели, без качки и тряски, ее глаза снова закрывались и сознание погружалось в приятное забытие.

50.

Мастон Лург резко открыл глаза. Быстро повернув голову, он с тревогой посмотрел на соседнюю кровать. Девочка была там. Маленькая, безмятежная, светлая. Свернувшись калачиком, она лежала к нему лицом, положив правую ладошку под голову, и мирно спала. Судья долго смотрел на нее. Это было так странно, так непривычно, но где-то в глубине его души определенно проскочила крохотная искра чего-то очень похожего на нежность. Ему нестерпимо захотелось встать, подойти к девочке, укрыть ее одеялом, проявить какую-то заботу о ней. Но усилием воли он заставил себя остаться на месте.

Он снова положил голову на подушку, уставившись в потолок. Кривая полуулыбка блуждала на его губах. Неужели он хоть на миг готов был всерьез верить этому убогому порыву? Какая там к дьяволу нежность, просто пошлое дешевое умиление спящим малышом, да еще может быть блуждающие отзвуки так и нереализованного животного инстинкта отцовства. И ничего больше. В его мире уже очень давно не существовало никакой нежности. Он видел слишком много человеческой мерзости и подлости, и все глупые восторженные иллюзии, рисующие прекрасных людей, проникнутых светлыми идеалами и возвышенными чувствами, давно оставили его. Он считал что практически за любым человеческим действием лежит та или иная своекорыстная подоплека. Сотни раз он убеждался в этом. А может быть даже тысячи. Он определенно не хотел вести этому счет. Достаточно и того что сомнений не осталось, он постиг истинную сущность человеческой природы, надо сказать довольно-таки нехитрой и примитивной природы, вульгарной, низменной и пошлой. И теперь он был твердо убежден что жить стоит только для себя, для своего комфорта и благополучия и во всех поступках руководствоваться исключительно своими интересами и пожеланиями. И это убеждение, надежно и верно оберегавшее его, он успешно воплощал в жизнь уже не гнушаясь никакими средствами. Почти никакими.

Иногда ему казалось что он лишен чего-то важного. Равнодушие фактически стало его натурой, ни особых эмоций, ни великих переживаний. Разве что злость и раздражение из-за всяких дур и дураков, как, например, эта глупая кирмианская девка. Но не более того. Когда-то он испытывал любовь, привязанность и может быть даже эту самую нежность. Сейчас он уже просто не был уверен до конца происходило ли это на самом деле. Теперь он привык быть один, привык быть жестоким, привык быть безразличным. Но порой он задумывался, а что если он совершил ошибку, сознательно иссушив свою душу, сделав ее пустой и холодной. Что если возможность кого-то любить, кому-то помогать была великим даром для человека? Но кого любить, кому помогать? Мерзавцам, мошенникам, шлюхам, лжецам и негодьям, ведомых только своей корыстью? Больше вокруг никого не было. Никого.

А этот ребенок?

Это не в счет. Она просто дитя. Она просто еще не успела стать мерзавкой, шлюхой, лгуньей и негодяйкой. Со временем всё придет.

Судья цинично усмехнулся. Впрочем, никак по-другому он уже и не умел усмехаться.

Но всё же со смутной неприятной тревогой он до сих пор еще чувствовал рваный, саднящий, зудящий след, оставленный в его равнодушном сердце той маленькой искрой нежности.

Что же он делает? До чего докатился? Торгуется беззащитным слабым ребёнком как какой-нибудь мерзкий шинжунский работорогвец, продающий мальчиков и девочек в притоны, гаремы, для всяких непотребств, издевательств или даже кровавых ритуалов, где требуется невинная кровь.

«Но пусть это лучше буду я и пусть лучше покупателем будет верховный претор. Пусть лучше так. Чем какой-нибудь грязный торгаш продаст ее какому-нибудь похотливому ублюдку-извращенцу. По сути дела, я спасаю ее».

Судья закрыл глаза. Он больше не знал что такое муки совести. «Уж это совершенно точно», подумал он.

Лет восемь назад он пожертвовал большую сумму приюту Святой Елены. Там ухаживали за больными и увечными, и Лург считал что помочь монашкам в их бескорыстном труде будет хорошим делом. Теперь ему было смешно и стыдно об этом вспоминать. Позже он узнал что большая часть пожертвований оседала в карманах пяти старших настоятельниц, пока другие тридцать молодых дурочек отчаянно боролись за жизнь и здоровье несчастных людей. Впрочем, некоторые из больных, как он потом выяснил, были всего лишь дармоедами-симулянтами, для которых это был хитроумный с их точки зрения способ совершенно бесплатно получить еду, кров и уход.

Верить нельзя было никому.

Однажды знакомая женщина, которая все никак не могла найти себе мужа, достойного ее большой любви, сказала ему, что лучше верить кому-то и во что-то и быть в очередной раз обманутой, чем жить сухим уродливым деревом, не веря ни во что и никому. Мастон Лург ничего ей не ответил. Он слышал это множество раз. Давайте верить в людей, открываться людям, дарить им свою любовь и дружбу и жестоко ошибаться, и испытывать боль, и молча страдать, когда наша вера будет снова обманута и растоптана, а затем обязательно начинать все сначала. Кроме отвращения, тошноты и брезгливости этот затасканный призыв, ужасно фальшивый и пошлый, не вызывал у него ничего. В каждом конкретном случае всегда был свой совершенно определенный мотив, обычно эгоистичный и меркантильный, но уж точно никак не связанный с верой в человечество. Что касается этой женщины, то просто никто не хотел ее брать замуж, а годы шли, и она переживала, и говорила себе и окружающим что она очень доверчива и открыта и мужчины этим пользуются. А по мнению Мастона Лурга мужчины просто начинали избегать ее, после недолгого знакомства с ней. Ибо она была абсолютно бесшабашная разгильдяйка, очень красивая, но совершенно не женственная, этакая бой-баба. Она не вызывала желания заботиться о ней, ибо была очень самостоятельная и своенравная. Честно говоря, Мастон просто не мог представить себе ее возможного мужа. Так что дело было в ней самой, а не в изменщиках мужчинах. Она лгала себе. Люди лгут окружающим, люди лгут самим себе.

И он считал что лучше не верить никому и ни во что, пусть даже ты и пропустишь одного единственного человека, которому действительно можно было бы довериться, открыться, вложить в его руки своё беззащитное сердце, чем быть обманутым армиями разных проходимцев и подлецов.

Он подумал о своей бывшей жене, хотя давно уже запретил себе это делать. Эта женщина, которая с невероятным ханжеством считала себя честной и чуть ли даже не праведной, умудрялась изменять ему в течении последних полутора лет их совместной жизни, при этом искренне нашептывая ему о любви и как оказалось нашептывая тоже самое еще одному влиятельному мужчине. Это было настолько гнусно и гадко, что тогда он мог с трудом в это поверить, пока в конце концов она во всем не призналась сама, причем тут же придумывая себе

лживые оправдания и причины. В тот день в душе судьи настала тишина, эмоции казалось абсолютно исчезли и остались только почти приятные равнодушие и холод. Люди стали ему не интересны. Теперь он считал что видит их насквозь, все их жалкие устремления и желания. С этого момента он жил только для себя, только для своих интересов, изо всех сил стараясь делать только то что хочется ему. И ему действительно стало хорошо, по крайней мере легче.

А сейчас ему выпал великолепный шанс, шанс подняться на недостижимую для него прежде высоту. Потенциал девочки огромен. И верховный претор, как весьма умный человек, конечно же сразу это поймет. Одним росчерком пера герцог Этенгорский может сделать его главным судьей целой провинции или даже веларом – членом Верховного совета Судебной Палаты. И еще Масто́н Лург намеревался наконец получить аристократический титул, графство или баронство, и солидную сумму денег. Он будет делать всё что в его интересах, не взирая ни на что. А странное чувство на миг промелькнувшее в его душе, при взгляде на спящую девочку, это просто отголосок прошлого, бесполезный сувенир былого, тень того человека которым он кажется был давным-давно, легкий призрак наивных переживаний, которые он к своему стыду когда-то способен был испытывать. Сейчас это уже не имеет никакого значения. Никакого.

51.

Элен Акари и Масто́н Лург сидели за тем же самым столом в главной зале постоянного двора «Одинокий пастух» и пили чай. Судья решил что будет разумно перед отъездом немного перекусить. К чаю им подали фруктовый пирог, маковые печенья и клубничное варенье. Галкут сидел за соседним столиком и поглощал тушенные овощи с мясом, предпочитая лишний раз хорошенько подкрепиться. Кроме них, сейчас, около пяти часов по полудни, в зале присутствовали: сам хозяин заведения, зловещий дед с черным кольцом на мизинце, молодой человек, столь опрометчиво предлагавший маленьким детям пушунские леденцы, господин барон, приветствовавший судью, когда тот вошел внутрь, и возле камина по-прежнему висел в воздухе блаженствующий шоти.

Громми Хаг стоял за барной стойкой возле полок с бутылками и с любовью протирал белоснежным полотенцем и так уже сверкающий высокий фужер. Старик в выцветшей мятой белой рубашке, в коричневом жилете и черных брюках сидел возле лакированной стойки и на этот раз вместо кружки держал маленький стеклянный стакан и задумчиво глядел на его содержимое. Молодой человек в одиночестве расположился за столом. Задрав ноги на стул напротив себя, он сосредоточенно раскладывал карточный пасьянс. Звали его Ринн, ему было двадцать четыре года и он был торговцем сухофруктами. Оставив свой довольно успешный бизнес в Акануране на свою родную сестру, сейчас он направлялся в Вэлуонн, страну колдунов и ведьм, где хотел встретиться с легендарной провидицей и волшебницей Тагивой, чтобы узнать свою судьбу. Последнее время ему все чаще стало казаться, что он занимается не тем для чего рожден, все больше и больше он начинал верить что пришел на свет для великих деяний и теперь он хотел узнать каких именно.

Барон Феир Арвинг, вольготно развалился в кресле качалке возле камина, вытянув ноги к огню. Эта картина показалась Элен очень яркой и символичной. Она бы с удовольствием запечатлела ее и поставила бы себе заставкой на домашний компьютер. Огромный камин с ярким пламенем и с левой стороны безмятежно дремлющий в кресле человек, а рядом с правой стороны невообразимо странное существо в виде бесформенного черного облака, тоже вполне безмятежное и полное покоя и удовлетворения. Образ идиллического сосуществования двух абсолютно разных форм разумной жизни. Это было трогательно и завораживающе.

Феир Арвинг казалось дремал, но на самом деле он просто сидел, закрыв глаза и думал о Самиле, молодой очаровательной женщине, в которую он был влюблен. В прошлом. Он взял ее в жены, а через полгода она сбежала, прихватив все его фамильные драгоценности. Сбе-

жала как ему удалось узнать со своим давним любовником, с которым они и придумали этот план с женитьбой. Однако около полумесяца назад барон получил письмо, в котором Самила слезно умоляла его выкупить ее из рук шинжунского работорговца. В конце письма шла приписка самого шинжунца с печатью и подписью, в которой он обозначал цену. Цена была немалая. Феир Арвинг продал около сотни голов скота и часть своих земель и собрав нужную сумму купил на нее великолепные темный сапфир. Драгоценный камень в маленьком кожаном мешочке он зашил за подкладку своего камзола. Теперь он направлялся в Шинжун. Но он до сих пор не решил как ему поступить. Кроме того он подозревал новую ловушку. Но все чаще и чаще ему представлялась такая сцена. Работорговец, Самила и он стоят на крутом берегу реки солнечным утром. Барон передает камень шинжунцу и тот удостоверяется что самоцвет настоящий и стоит тех денег что он запросил. После этого барон берет камень из жадных рук работорговца, долго смотрит в прекрасные зеленые глаза возлюбленной, бывшей возлюбленной, и затем поворачивается и швыряет камень в воду. После этого уходит прочь, ни разу не оглянувшись. Это было эффектно, это было упоительно, это была сладкая месть, которая конечно же стоила тех денег что он заплатил за сапфир. И сейчас сидя у камина в компании с шоти он в очередной раз прокручивал в голове эту сцену.

Элен Акари чувствовала, что судья смотрит на нее, но достаивать его ответным взглядом не собиралась. Она жевала очень вкусный фруктовый пирог и упрямо глядела в сторону камина.

– Ты сегодня необычайно молчалива, дитя мое, – проговорил Мастон Лург дружелюбным тоном.

Девочка проглотила сладкий кусок и наконец подняла глаза на своего похитителя.

– Перестаньте, – сказала она и при этом постаралась вложить в свой голос всю меру презрения на которую была способна. – Ваше исполнение роли доброго дядюшки просто омерзительно.

Однако Лурга ничуть не задел ее резкий ответ. Он пребывал в отличнейшем расположении духа. Хорошо выспавшийся, сытый и полный радужных надежд на будущее, сейчас он был чрезвычайно благодушен и терпим, тем более к этой юной особе, которая собственно и была его ключом к радужному будущему.

– Ну наконец-то я слышу прежнюю Элен, – с улыбкой проговорил он. – А то я уж подумал не приболела ли ты.

В этот момент дверь, ведущая к гостиничным номерам на первом и втором этаже, расположенная слева от барной стойки, резко распахнулась и в залу буквально влетели парень и девушка, которых Элен уже видела утром. Молодые люди очевидно очень спешили. У обоих были дорожные сумки. Никому не сказав ни слова, они устремились к выходу во двор. В последний момент парень обернулся и махнул рукой Громми Хагу. Тот спокойно кивнул в ответ. Видимо их спешный уход ничуть не взволновал его, из чего можно было сделать вывод что молодые люди расплатились заранее.

Уход двух постояльцев не произвел никакого впечатления на остальных и Мастон Лург вернул свое внимание к своей юной собеседнице.

– Так что, ты хорошо себя чувствуешь?

Девочка пила чай из маленькой изящной кружки и отвечать явно не собиралась.

Это было очень невежливо и это было хорошо. Она видела что у судьи приподнятое настроение и желала досадить ему любым возможным способом. Хотя все больше и больше она с неохотой осознавала, что сейчас держаться поближе к Мастону Лургу единственный разумный способ поведения или даже способ выживания, это ничуть не ослабляло ее обиды и неприязни к нему, а теперь еще и к его садисту-слуге. Элен подумала о том не пожаловаться ли судье на то что Галкут причинял ей боль и угрожал ей. Но девочке тут же пришло в голову, что может быть Лург сам приказал ему сделать это.

– Думаю, хорошо, – ответил судья на свой собственный вопрос. Не обескураженный ее явным нежеланием поддерживать беседу, он продолжил: – Я рассказал тебе о Шоти, может хочешь сейчас послушать про какую-нибудь другую расу? Скажем, Лоя. Я знаю ты знакома с одним из них, но много ли ты знаешь о них? Ты слышала о Черных Лоя? Они страшные существа. Они ненавидят Королеву Лазурных гор и без всякого зазрения травят людей и ...

Неужели он и правда надеется подружится, почти с презрением подумала Элен и, перебивая судью, сказала:

– Вы просто убоги в своей жалкой попытке наладить со мной контакт. Можно только порадоваться за детей, которых у вас никогда не было и не будет.

Улыбка Мастона Лурга наконец-то застыла. Чуть помедлив, он ответил достаточно спокойно:

– Ты умеешь быть жестокой.

– У вас учусь, – тут же откликнулась Элен. – Да и жестокость по отношению к вам это хороший поступок.

– Почему это?

Девочка пожала плечами и бесхитростно ответила:

– Потому что вы негодаяй.

Судья чуть растерялся и словно осел. Будь это сказано любимым другим человеком, взрослым человеком, это не имело бы для него, Мастона Лурга, ни малейшего значения. Но в устах Элен это звучало очень неприятно и пробирало до сердца, ибо совершенно ясно что девочка произносила эти слова ни с целью задеть его или оскорбить, а просто потому что действительно так считала, для неё это было самоочевидным фактом. Это была та самая истина, что глаголют уста младенца. Но судья быстро взял себя в руки и даже усмехнулся про себя: сам виноват, полез к этой противной девчонке со своей фальшивой заботой и закономерно получил щелчок по носу.

В следующий момент страшный могучий рев потряс здание постоянного двора.

На какое-то мгновение девочку охватила радостная надежда, что это Кит с одним из своих ошеломляющих рыков, подобных тому что он продемонстрировал в Туиле. Но нет, в этом жутком реве было что-то воистину животное и первобытное, это был не ее любимый робот.

Страшный звук исходил со стороны гостиничных номеров, откуда-то из-за двери слева от барной стойки. Громми Хаг, нахмурившись, поставил на стол стакан, забросил на левое плечо полотенце и сделал шаг по направлению к двери. Старик с черным кольцом на мизинце, не выпуская из рук свою порцию спиртного, повернул голову влево. Румяная Роза, вытиравшая до этого момента со стола, прижала тряпку к своей роскошной груди и медленно опустилась на лавку. Молодой человек по имени Ринн снял ноги со стула, отложил колоду и повернулся лицом к источнику звука. Барон Феир Арвинг вскочил со своего кресла и с любопытством уставился в сторону рева. Мастон Лург, серьезный и встревоженный, поднялся со своего места, глядя на дверь, ведущую к номерам. Элен Акари отставила кружку с чаем и мельком посмотрела в сторону выхода из гостиницы, путь к нему в принципе был свободен. При этом она заметила, что Галкут отправил себе в рот еще одну порцию мяса и тушеных овощей. Казалось садист-кучер ничуть не взволнован, также как и шоти безмятежно висевший возле камина.

К реву присоединился треск раздираемого дерева. Каков должен быть объем легких у существа способного издавать такой протяжный рык, мелькнуло в голове девочки. Теперь послышались жуткие удары, которые казалось сотрясали всю гостиницу. Из двери кухни выбежала испуганная Сесилия. Рев перерастал в низкий вой и явно приближался. Элен услышала тихие слова молитвы, это была Роза. Галкут отодвинул от себя тарелку. Ринн встал на ноги. Барон подошел ближе.

Старик в жилете слез с высокого стула и поставил пустой стакан на стойку.

– Это Туру, – сказал он.

Громми Хаг, который был в двух метрах от двери, ведущей к гостиничным номерам, на миг замер. Оглянувшись на старика, в этот момент по коридору раздались тяжелые шаги, рев стремительно нарастал, бутылки на полках задрожали. Громми Хаг повернулся к двери и в следующий миг что-то невероятно тяжелое на огромной скорости врезалось в толстое дверное полотно. Казалось что в коридоре выстрелило крупнокалиберное орудие, дверь и окружающие ее косяки просто взорвались. С оглушительным ревом и треском в залу влетела огромная серая туша. Тяжелая разбитая дверь, отброшенная с громадной силой, врезалась в хозяина постоянного двора, буквально смела его с ног, отбросив на полки с посудой и напитками. Дикий визг Розы впился в уши присутствующих, несмотря на то что все уже были немного оглохшие от пронзительного вибрирующего воя. В зале началась суэта.

Хоракс, сорокатрехлетний туру с западных отрогов Багровых гор, сумевший к этому моменту сколотить состояние, оцениваемое в 3245 тон, что было весьма неплохим достижением для его возраста с точки зрения его соплеменников, пребывал в дикой животной ярости. Гнев и злоба, вперемешку с пульсирующей в голове болью, раздирали его на части. Оказавшись в зале, он замер, сжал громадные кулаки и напрягая широкий живот издал такой ужасающий рев, что в окнах полопались стекла.

Громми Хаг врезался в полки своего бара и вместе с бутылками и стаканами приземлился на пол и больше не шевелился.

Старик в жилете резко бросился вправо, направляясь к двери кухни. Дикий рев буквально ударил его в спину, подгоняя в нужную сторону. На своем пути он встретил остолбеневшую и бледную Сесилию и обхватив ее, потащил девушку к кухне.

Мастон Лург быстро обернулся, думая о девочке, как о чем-то что ему дорого и входной двери, как возможном пути спасения. Или все-таки сначала о двери, а потом уже о ребенке, он не был уверен. Его резкий разворот привлек внимание туру. Громадное широкое тело с длинными руками и короткими мощными ногами бросилось на судью.

Элен наблюдала этот бросок не в силах пошевелиться. Ужас в ее глазах заставил Лурга оглянуться. Увидев темно-серую меховую стену, надвигающуюся на него, он с искаженным от страха лицом побежал к выходу.

Хоракс взмахом левой руки с раскрытой ладонью смел ненавистного человечка перед ним, одного из тех кто как он откуда-то знал являлся причиной его боли и ярости. Огромная широкая могучая ладонь ударила Мастона Лурга, легко сбив его с ног и отправив в стремительное падение вправо. Судья врезался в одну из деревянных колонн, отлетел в сторону, упал на стулья, ударился о край стола и свалился на пол.

Элен попыталась отступить прочь от мехового гиганта в длинных красных шортах, заворожено глядя на него. Она начала пятиться назад.

Хоракс тут же заметил крошечного детеныша и без каких-либо колебаний набросился на него, ибо и он был источником боли и гнева для него.

Элен, уклоняясь от правой руки туру, резко дернулась в сторону. Не сумев сохранить равновесие, она начала падать назад, выставляя за себя ладони. Хоракс почти схватил ее, но в последний момент, кто-то проскочил мимо девочки. Элен приземлилась на попу и ладони и увидела Галкута в знакомой клетчатой рубашке. Садист-кучер, держа обеими руками спинку стула, со всего размаха врезал им прямо в лицо обезумевшего туру. Дерево разлетелось в щепки. На какой-то миг Хоракс замер, дернув головой. Элен быстро развернулась и на четвереньках поползла прочь. Галкут, отшвырнув остатки стула, устремился за девочкой.левой рукой он обнял ее и подняв в воздух побежал с ней в сторону камина. В спину ему ударил вибрирующий вой, а затем квадратный стол, пущенный как снаряд могучей рукой туру. Стол сбил слугу судьи с ног и он вместе с прижатым к нему ребенком полетел на пол лицом вперед.

Ринн стоял примерно посредине залы и наблюдал за происходящим. Странное оцепенение охватило его. События, разворачивающиеся перед его взором, были столь необычны и молниеносны, что единственной его реакцией была растерянность. В его голове звенела одна лишь досадная мысль, что ему кажется не удастся закончить так удачно начавшийся сходиться пасьянс. Кроме этого в нем еще присутствовало некоторое восхищение от впечатляющего зрелища того как громадный широченный туру разносит залу постоянного двора на куски. Слева от него где-то под столом визжала насмерть перепуганная Роза. В следующий миг мимо него пробежал барон Феир Арвинг с тяжелой кочергой в правой руке. А сзади, вне поля зрения молодого человека, к нему медленно плыло бесформенное чернильно-черное облако.

Хоракс, почти оглохший от собственного рева и пульсирующего в голове болезненного набата, приближался к распластавшимся на полу самцу и детенышу. Он ненавидел их, ненавидел их столь дико и яростно, что все его тело дрожало от предвкушения скорой расправы. Но кто-то возник на его пути.

Феир Арвинг, видя барахтающихся на полу мужчину и девочку и надвигающуюся на них опасность, бросился навстречу туру. Барон успел нанести два мощных удара тяжелой длинной кочергой, которые могли бы и убить, будь их целью обычный человек.

Хоракс остановился, ощутив вспышки боли в левой стороне черепа и в левом плече. Он увидел нового врага, моментально забыв о двух существах, которых собирался растерзать секунду назад. Его ответный удар был невероятно быстрым. И на этот раз он выпустил из сильных пальцев знаменитые когти туру.

Элен лежала на животе. Она ударилась головой и звон и пелена в мозгу мешали ей сконцентрироваться. Наконец придя в себя, она встала на четвереньки. Справа с пола поднимался Галкут. Девочка на миг задержала на нем взгляд, а потом оглянулась через правое плечо. Она увидела как туру наносит левой рукой скользящий удар стоявшему перед ним человеку.

Барон отпрянул в сторону, но страшные блестящие когти все же достали его, с легкостью распоров камзол, рубашку и плоть. Четыре длинных борозды тут же потемнели от крови. А в следующее мгновение огромный мохнатый кулак врезался в грудь Феира Арвинга, отшвырнув мужчину как тряпичную куклу.

– Бежим на кухню, – прошептал поднимающийся Галкут.

Элен Акари посмотрела в сторону кухни. Там из дверного проема, присев к полу, выглядывал старик в жилете и призывно махал им рукой.

Феир Арвинг приземлился на стулья, ломая и разбрасывая их, метрах в двух перед Ринном. Роза, увидев из-под стола залитое кровью тело, снова завизжала истошным, уже сорванным голосом.

Хоракс устремился вслед за отброшенным врагом. Металлический запах свежей крови буквально пронзил одурманенный мозг туру.

Ринн, не совсем понимая что он делает, бросился к барону. Феир Арвинг лежал на правом боку и кажется был без сознания. Молодой человек схватил барона за шиворот и потащил куда-то назад. Когда он начал двигать его тело, Ринн увидел как из разодранного камзола выпал изящный черный кожаный мешочек, затянутый серебряным шнурком. Молодой человек остановился, протянул руку к мешочку и схватил его. Но затем, подняв глаза, он застыл от ужаса, наблюдая летящего на них туру. И снова он впал в оцепенение, на этот раз не от захватывающего дух зрелища, а от всепоглощающего страха, который заставил его волю и разум сжаться в комок, оставив единственное желание чтобы это все поскорее кончилось, неважно как, только бы кончилось.

Хораксу оставалось от силы метр до ног барона, когда в зале яростно сверкнул первый ломанный зигзаг сине-белой молнии, ударивший его в грудь.

Черное облако, собравшись в более компактную сферическую форму где-то над головой Ринна, атаковало раскаленными разрядами таинственной энергии громадное тело мехового разрушителя.

В воздухе отчетливо запахло паленной шерстью. Туру был отброшен назад. Теперь он не ревел, а злобно пронзительно выл. Роза, спрятав лицо, уткнулась в пол, и тихонько всхлипывала.

Элен, оглядываясь на невероятное зрелище, бежала к двери кухни. Где-то сзади бежал Галкут. По пути он схватил за шиворот сидевшего на полу совершенно потерянного Ринна и потащил его за собой. Молодой человек, сжимая в правом кулаке кожаный мешочек, покорно последовал в нужном направлении. Все трое в конце концов благополучно добрались до кухни, где были встречены Сесилией и стариком с черным кольцом на мизинце.

Шоти усилил свою атаку, превращая отдельные молнии, в сплошной потрескивающий поток. Туру, выставив вперед локти, спрятал голову в кольце рук и отступал, воя от боли и ярости.

Шоти резко устремился вперед и вниз, почти моментально оказавшись в позиции откуда он мог поразить врага в голову, что и не преминул сделать. Еще один шквал синих молний ударил туру прямо в склоненную между могучих рук голову. Голова отлетела назад, руки обвисли. Шоти поднялся выше, на уровень плеч противника и атаковал его еще раз. Резко оборвав вой, содрогаясь и вибрируя, огромный туру повалился на спину. Шоти, который казалось сжался еще больше, тут же устремился к окну и вылетел наружу через разбитое стекло.

В зале наступила тишина, если не считать почти неслышных всхлипываний Розы.

Старик в жилете, наблюдавший происходящее в зале, осторожно высунувшись из-за косяка двери, отступил назад и повернулся к людям, собравшимся в большом помещении кухни.

– Туру вырубился, – негромко объявил он.

Элен Акари сделала шаг к двери. Галкут схватил ее за плечо. Девочка сердито посмотрела на него, резким движением освободилась от его руки и решительно подошла к двери. Старик и Сесилия заметили эту маленькую конфронтацию. Ринн в это время стоял в стороне, прислонившись к стене, сжимал в ладони мешочек и смотрел в пол.

Конечно Элен не забыла как Галкут недавно пытался спасти ее, но это определенно ничего не меняло, ибо она отчетливо понимала, что он пытался сберечь «имущество» хозяйина и только. Воспоминание о хозяине натолкнуло ее на размышление что может быть с ним уже покончено. Мысль о смерти судьи оставила ее совершенно равнодушной и этот факт она восприняла почти с удовольствием. Если это действительно случилось, то единственное что ее беспокоило это как ей поступить теперь, кому она может доверять. Но впрочем еще было слишком рано думать об этом, да она видела что Мاستон Лург крепко приложился головой к колонне, но скорее всего он жив.

Элен подняла глаза на высокого старика. Некоторое время она изучала его ауру. Однако все что она могла бы сказать это то что в данный момент он чрезвычайно спокоен. В его ауре было мало светлых тонов, но такое она часто видела у пожилых людей, задавленных тяжестью прожитых лет, проблемами со здоровьем и осознанием близкой смерти. Впрочем, она встречала и других, например Коана Таругу, чей дом на Макоре располагался по соседству с домом Валентина Акари. Ему было под сто сорок, он выращивал в саду цветы, овощи и травы, практиковал медитацию, гимнастику и какое-то древнее боевое искусство. Так вот вся его аура была невероятно светлой и даже как бы хрустально-прозрачной, что как полагала девочка, говорило о его доброте, умиротворенности, бодрости и силе разума и тела.

– Вы позволите? – Спросила девочка, глядя в темные глаза старика.

– Конечно, – ответил тот, отступая в сторону.

Элен выглянула в залу. Некоторое время она рассматривала учиненный туру погром. Со своего места она видела лежавшего на спине барона, прижавшуюся к полу под укрытием стола Розу в белом платье и короткие толстые ноги туру в длинных красных шортах.

– А где Шоти? – Тихо спросила она.

– В окно улетел, – также тихо ответил старик.

Девочка вспомнила как судья говорил, что эти существа после испускания молний сильно ослабевают. Элен очень хотелось чтобы с ним все было в порядке и чтобы он вернулся. Шоти помог им всем, спас их, и она испытывала благодарность по отношению к нему и попыталась бы передать это ему будь он здесь. Она не представляла как шоти воспринимает окружающий мир и насколько он смог бы понять ее, но с другой стороны он прекрасно понял что людям угрожает опасность и пришел им на помощь, а значит несмотря на удивительную внешность, его мышление возможно не так уж кардинально отличалось от человеческого.

– Туру мертв? – Спросила Элен, пытаясь разобраться, что она чувствует к этому существу. Ненависти она определенно не испытывала, может потому что он крепко приложил негодяя судью, промелькнуло в ее голове веселая мысль, но скорее всего потому что его пылающая вокруг головы багровая аура говорила скорее о каком-то болезненном состоянии, чем о злобном нраве.

Девочка поглядела на окровавленное недвижимое тело барона. Но так или иначе меховое существо в красных шортах принесло боль и страдания. Она вспомнила как барон отважно бросился вперед, прикрывая ее и Галкута. Она видела переливы ауры лежавшего на полу человека и это значило что он жив.

– Нет, – уверенно ответил старик.

Элен удивила его уверенность и она вопросительно поглядела на него.

– Молниями шоти такого монстра на тот свет не отправить. Он оглушен и только.

Ринн, повернувшись спиной к остальным, вытряхнул себе на ладонь содержимое мешочка. Теперь он стоял, зачарованно глядя на большой, огранный мастером-ювелиром сапфир и до него медленно доходило какое огромное богатство у него в руке.

Галкут сделал шаг вперед.

– Надо уходить, – хмуро сказал он.

Элен и старик посмотрели на него. Повернувшись к девушке, слуга судьи спросил:

– Отсюда есть другой выход?

Сесилия на мгновение встретилась с холодными, бледно-голубыми глазами Галкута и тут же отвела взгляд.

– Да, вон та дверь, – махнула она рукой. – Через кладовую в коридор и к выходу на задний двор.

Ринн быстро вернул камень в мешочек, завязал серебряный шнурок и убрал сокровище во внутренний карман куртки. Молодой человек чувствовал легкое возбуждение, ему хотелось побыстрее покинуть постоялый двор, увозя с собой свое новое богатство. Однако в следующий момент он подумал о бароне и его возбуждение слегка спало. Он повернулся лицом к тем кто был в кухне и посмотрел в дверной проем за спинами Элен и старика в жилете. В его голове не было какого-то определенного плана, скорее сумбурные мысли, перескакивающее с одного на другое. Жив ли барон? Видел ли кто-нибудь как он забрал мешочек? Например Роза из своей позиции под столом вполне могла заметить это. Сколько стоит его лавка сухофруктов в Акануране в целом с учетом денег, вложенных в закупки товара на два следующих месяца? Нужно ли ему еще в Вэлуонн на встречу с великой Тагивой? Насколько опасно оставить камень себе? Даже если барон мертв, у него могут быть родственники и друзья, знающие о сапфире. Слишком ли будет рискованно продавать самоцвет в Акануране, где его вполне могли знать, ибо камень достаточно видный. И вообще этот барон откуда, может он и не из Аканурана вовсе?

Элен отвернулась от Галкута.

– А что вообще произошло с туру? – Спросила она у старика. – Почему он так обезумел?

– Я думаю это слайва.

Элен выражением лица и жестом руки, дала понять что не понимает о чем речь и ждет продолжения. Старик чуть усмехнулся, ибо в поведении странного ребенка в диковинной одежде проскальзывали уж слишком взрослые интонации.

– Слайва это маленькое существо, примерно с ваш кулачок, сэви. И этому существу очень нравится кровь туру. Если слайва попадает на тело туру, она тут же присасывается к нему и начинает потихоньку утолять свой голод. Но к сожалению, в отличие от обычных кровососов, эта маленькая тварь заставляет свои жертвы сходить, мягко говоря, с ума. – Старик сделал неопределенный жест рукой. – Никто точно не знает почему так происходит, но слайве по-видимому особо по вкусу кровь, пропитанная яростью и злобой. Причем эта тварь настолько контролирует туру, что может заставлять этих добродушных пастухов, единственный грех которых это вечная страсть к накоплению, творить поистине ужасные вещи. И даже может вводить их в состояние похожего на сон, когда слайва насыщена и желает передохнуть. Однако это случается не часто, ибо это существо прожорливо как сами туру.

– Они нападают только на туру?

– Да, для нас они абсолютно безопасны. Мы им просто не по вкусу.

Элен скользнула взглядом по черному кольцу на мизинце старика.

– И чем это кончается? – Тихо спросила она.

Старик пожал плечами.

– Если слайву не снять, то смертью. Либо бушующего туру убьют те на кого он нападает, либо в конце концов он сдохнет сам от истощения и голода.

Галкут подошел ближе.

– Госпожа Элен, нам нужно уходить, – настойчиво проговорил он. – Здесь нельзя оставаться.

Его поддержал Ринн:

– В самом деле, если этот туру очнется, то у него еще будет достаточно сил чтобы разнести весь этот постоянный двор в щепки. Лучше быть подальше от этого.

Старик поглядел на маленькую девочку.

– А самое интересное, сэви, – сказал он, – что слайвы не живут в этих краях, единственно место где они обитают это леса вокруг Багровых гор, родные земли туру.

– Что вы хотите этим сказать? – Спросила Элен.

– Кто-то сделал это умышленно, – ответил старик.

В кухне повисла тишина.

Галкут сделал еще один шаг вперед.

– Госпожа Элен, мы уходим, – сказал он. – Я отведу вас в безопасное место, а затем вернусь за господином инрэ.

Девочка полностью проигнорировала его слова.

– Зачем? – Спросила она, глядя на старика.

Тот развел руками.

– Откуда мне знать. Когда слайва только попадает на тело жертвы, то туру на некоторое время теряют сознание и находятся в этом состоянии пока маленькая тварь хорошенько не обустроится на новом месте. Возможно кто-то хотел украсть увесистый кошелек этого мехового скряги, возможно кто-то ненавидел этого туру за что-то, возможно кто-то ненавидел Громми Хага и хотел отомстить ему, превратив его заведение в руины. Кто знает? Ясно одно, сама по себе слайва не могла пребыть в «Одинокого пастуха» и жить здесь в ожидании какого-нибудь бродяги с Багровых гор.

– Это наверно сделала та парочка, – вмешался Ринн, – которая так поспешно убралась отсюда перед тем как все это началось.

– Да, они были в комнате туру, – подтвердила Сесилия, – Роза подавала им туда еду.

Элен быстро посмотрела на девушку, на всякий случай убеждаясь что она говорит правду. Затем подумала о молодой служанке.

– Надо вытащить Розу, – сказала девочка, глядя в темные глаза высокого старика. – А то она так и будет сидеть там под столом.

Они оба посмотрели через дверной проем в сторону стола, под которым скрывалась девушка. Последняя сидела на коленях, прижав голову к полу, спрятав лицо в ладонях и не шевелилась.

– Конечно, – согласился старик и сделал шаг, переступая порог кухни.

В следующее мгновение послышался треск дерева и какая-то возня. Старик застыл и посмотрел в сторону откуда шли звуки. Туру медленно поднимался на ноги, раскачивая головой и пытаясь опереться о ближайший стол.

– Назад, – прошептал старик, быстро возвращаясь в кухню и отводя ребенка прочь от проема. – Он очнулся.

Через некоторое время они услышали глухое ворчание. Туру приходил в себя. Он уже прочно стоял на ногах и угрюмо исподлобья смотрел прямо перед собой. Яд впускаемый в его кровь маленьким паразитом возобновлял свое действие.

Вскоре люди на кухне услышали знакомый рев и треск. Могучий кулак ударил по столешнице, разбив ее иломав ножки стола.

Галкут решительно подошел к девочке и взял ее за плечо.

– Уходим, – негромко сказал он.

Элен резко дернулась.

– Оставь меня в покое, – со злостью почти прошипела она.

Галкут отпустил ее плечо, но только чтобы схватить понадежнее ее левое запястье.

– Пусти, – потребовала Элен, упираясь ногами, против его попытки тащить ее за собой.

Старик в жилете сделал шаг вперед и положил свою ладонь на локоть правой руки Галкута, державшей тонкое запястье ребенка.

– Отпусти ее, – тихо приказал он.

Слуга судьи застыл. Медленно он перевел взгляд на старика. Холодные тускло-голубые глаза с ледяной угрозой смотрели в темные глаза пожилого человека.

– Убери свою руку от меня, – негромко произнес Галкут и от каждого слога этой фразы веяло смертельной угрозой.

Элен, глядя на слугу судьи огромными синими глазами, собралась остановить старика. Она видела, что Галкут полон решимости и не сомневалась, что он сейчас попытается убить неожиданного заступника.

Но она не успела ничего сказать.

Правую руку мужчины в клетчатой рубашке пронзила острая боль, предплечье и кисть дернулись словно от разряда электрического тока, пальцы тут же разжались, выпустив запястье Элен.

Галкут еще успел сжать левую ладонь в кулак, а в следующий миг он получил резкий удар в шею, мгновенно лишивший его дыхания. Затем его правую, уже и так покалеченную руку, взяли в цепкий захват и его тело послушно уходя от боли в умело заламываемой конечности, оказалось на полу.

Все произошло беззвучно. Очевидно пожилой человек не хотел шуметь. Уперев колено в позвоночник поверженного врага и прижав ладонью его голову к полу, он наклонился к уху Галкута и прошептал.

– В следующий раз убью.

Затем старик поднялся на ноги. В кухне было тихо. Из залы доносились тяжелые шаги туру, его яростные удары в попадающиеся ему предметы мебели и время от времени глухой рык. Отравленный мозг туру искал цель для своей кровожадной ярости и пока не находил.

Элен некоторое время смотрела на поверженного на пол ненавистного садиста-кучера и испытывала удовлетворение от этого зрелища. Затем она повернулась к старику.

– Благодарю вас, – искренне сказала она.

Тот чуть кивнул, принимая ее благодарность.

– Там люди и мы должны спасти их, – тихо сказала девочка, не сводя глаз со старика, ибо очень надеялась что может считать его своим союзником.

Но тот отрицательно покачал головой.

– Туру разорвет нас на части. Мне кажется он реагирует на движение. Как только он заметит нас, его уже ничто не остановит. – Он посмотрел на Галкута. – Боюсь, сэви, у меня нет шансов одолеть его как этого задиру.

– Но в конце концов он доберется до Розы и остальных, – вмешалась в разговор Сесилия. – Они погибнут.

Старик посмотрел на девушку.

– Что ты предлагаешь? – Он огляделся по сторонам. – Здесь только кухонные ножи, а будь даже у нас хорошее копьё или хаокшитский лук, это бы вряд ли помогло. Туру сейчас в таком состоянии, что остановить его можно, только разрубив его на части.

На лице Сесилии выступил румянец.

– Надо снять с него слайву, – сказала Элен.

– Это безумие, – проговорил Ринн, чувствуя острое желание развернуться и бежать к двери, за которой лежал путь к заднему двору. – Слайва маленькая, ты не знаешь где она присосалась к туру, в его густом мехе найти ее очень трудно. Да тут нужен гребень и полчаса трудов. А думаю сейчас он вряд ли позволит перебирать ворсинки у себя на теле. Надо уходить.

Элен развернулась и устремила к дверному проему.

– Куда?! Стой! – Старик, протянул руку, пытаясь схватить ее.

Но девочка, сев на корточки, ушла от его пальцев, и осторожно выглянула из-за косяка в залу.

Туру бродил где-то в районе входной двери и отсюда его было плохо видно из-за колонн. «Куда бы могли прицепить ему слайву? – размышляла девочка. – Уж конечно вряд ли на грудь. Никто бы в здравом уме не стал бы подходить к туру спереди и пытаться у него на глазах, посадить ему на тело паразита. Кстати слайва скорее всего питается не просто кровью, а особыми гормонами, которые вырабатывает мозг туру во время приступов ярости. Но интересно как слайве удастся заставить туру переживать ярость? И так, скорей всего это спина». Она пыталась разглядеть нужную ей часть тела, но туру как назло передвигался боком к ней. Девочка внимательно изучала его пылающую ауру.

– Что ты там пытаешься увидеть? – Поинтересовался старик, присоединившийся к наблюдению за туру.

Девочка встала в полный рост. Так туру был виден лучше, его не загораживали столы.

– Слайву, – тихо ответила девочка.

Старик наклонил голову, глядя сверху на макушку стоявшего рядом с ним ребенка.

– Как это понимать?

Элен задрала голову встретившись глазами со стариком. У нее промелькнули опасения, что узнай этот человек о ее необычных способностях, у него возникнут желания подобные желаниям Мастона Лурга.

– Шучу, – ответила она с легкой улыбкой и снова стала смотреть на туру.

В следующий момент тот бросился к разбитому окну и заревел в него, словно оповещающая мир за стенами постоянного двора о своей бушующей дикой ярости. Наконец Элен могла

хорошо видеть его широкую спину. Девочка тут же увидела ауру чужеродного организма. Она была как желтое пятно с зелеными прожилками где-то чуть ниже правой лопатки туру. Аура паразита была окружена рваным иссиня-черным кольцом, от которого ответвлялось с дюжину искривленных жгутиков такого же цвета. Не было сомнения, слайва вводила какой-то яд в организм «хозяина».

Элен сделала шаг от косяка. У нее за спиной Галкут медленно принимал сидячее положение. Девочка оглянулась и на мгновение встретилась с ним взглядом. Затем она посмотрела на старика.

– Мне нужно чтобы кто-то привлек его внимание, чтобы я могла подобраться к нему со спины.

Высокий худой старик недоверчиво усмехнулся.

– О чем это вы говорите, сэви? Что вы намерены делать?

– Снять слайву.

Сесилия сделала шаг вперед.

– Госпожа, вы не должны этого делать, – горячо сказала она. – Как бы вы не любили вашего дядю, вы не должны. Он разорвет вас, сломает вас как куклу.

– Недавно ты говорила что мы должны помочь остальным.

– Да что вы госпожа, я же не имела в виду ничего подобного. – Сесилия всплеснула руками, ее неприязнь к племяннице судьи давно уже испарилась. – Я... не знаю, может ... – она поглядела по сторонам, – думала что кто-нибудь из мужчин возьмет скажем эту тяжеленую кастрюлю и огреет его по голове.

Галкут, под внимательным взглядом старика, поднимался на ноги.

– Пусть это будет план Б, – с улыбкой сказала девочка и бросилась вон из кухни.

Сесилия, Галкут и старик рванулись к проему и замерли возле порога, не решаясь сделать шаг в залу.

Элен Акари добралась до ближайшей колонны и замерла там, прижавшись к ней спиной. А в следующий миг она отчетливо осознала почему она так ведет себя. Она настолько привыкла быть в безопасности под надежной охраной своего робота, что просто забыла что может быть как-то иначе. Кит мог защитить ее от чего угодно, от злых людей, от бешенных животных, даже от боевых роботов, если бы это потребовалось. Рядом с ним ей ничто не угрожало, но разве что какие-нибудь стихийные бедствия или болезни, но даже тогда она не сомневалась он вытащил бы ее из лап любого природного катаклизма, а против болезней у него всегда было наготове куча лекарств и прививок в его теплом бронированном теле. Она знала что такое быть в безопасности. Всегда и всюду. И вот теперь, она по инерции вела себя так, будто Кит все еще рядом. Комфорт постоянной безопасности проник в неё до мозга костей, до бессознательный уровня её психики. Она забыла о мире без Кита. Видимо что-то подобное ей и пытался втолковать Галкут в тот раз, когда до боли сжимал ее плечо. И теперь, стоя прижавшись спиной к колонне, она посмотрела назад в дверной проем ведущий на кухню и в ее больших ярко-синих глазах был страх. Но увидев лица двух мужчин и женщины, она тут же отвела взгляд в сторону. Отступать уже было нельзя. Она повернула голову влево, прислушиваясь к движениям туру.

– Клянусь черной душой Кривой Аллы, у этой девчонки мужества хватит на четырех мужиков, – проговорил старик.

Затем он бесшумно выскользнул из кухни и, пригибаясь, быстро, но тихо перебежал к барной стойке. Там он, избегая наступать на осколки стекла и целые бутылки и стаканы, осторожно пробрался еще дальше, примерно к середине стойки.

Старик протянул руку и поднял с пола закупоренную бутылку из темно-коричневого стекла. «Золотая грива» прочитал он на ней. Отличное вино, подумал старик и отложил бутылку в сторону. Поднял другую. Это была «Слезы вдовы». А вот это дрянь, решил он и взял бутылку за горлышко. Развернувшись, он начал медленно подниматься. Аккуратно выглянув

из-за стойки, он увидел туру почти возле противоположной стены. Тот теперь стоял спиной к окну и наклонясь вперед издавал утробный рык, при этом он сжимал и разжимал кулаки.

Старик быстро посмотрел на бледное лицо черноволосой девочки и, встретившись с ней взглядом, коротко кивнул ей. Затем встал в полный рост и размахнувшись, швырнул бутылку в туру. После этого он схватил с ближайшей полки еще две бутылки, на этот раз выбрав более увесистые из более толстого стекла. Мельком взглянув на залитую кровью голову, лежавшего невдалеке Громми Хага, старик повернулся лицом к зале.

Боль пульсировала в голове Хоракса. Его взгляд блуждал в поисках того кто сможет утихомирить его боль своею болью. Он уловил впереди движение. Он резко поднял глаза, сосредотачиваясь на движущемся объекте и почти моментально устремляясь вперед. Что-то пролетело у него над головой и врезалось в стену за его плечами. Но он не заметил этого. Широкими скачками он летел к стойке бара, за которой двигалось живое существо.

Пожилой человек с худым лицом и короткостриженными седыми волосами, упрямо сжав губы смотрел на стремительно надвигающуюся на него темно-серую меховую массу. На какой-то миг ему припомнилось как лет сорок с лишним назад он стоял с длинным копьём в руках в первом ряду боевого порядка некой армии, а на него и стоявших рядом с ним плечом к плечу его товарищей надвигалась грозная лавина элитной сайгонской тяжелой бронированной кавалерии. Насколько это трудно, невыносимо трудно, превозмочь животный ужас, пульсирующий где-то в животе и остаться стоять на месте, недвижно и прочно. Разум, оцепеневший от мысли что сейчас тело будет раздавлено, растоптано, сметено, замирал и уходил куда-то в темноту и только усилием воли, проистекавшим как казалось уже не из разума, а из самых заветных глубин человеческого духа, они заставляли себя оставаться на месте.

Туру со своими короткими ногами был невеликий прыгун, поэтому он просто подлетел к стойке и его могучие ручищи как два жутких молота опустились на нее, сокрушая лакированное дерево в пыль и ошметки. Старик отпрянул, уходя от сокрушительных кулаков, а затем бросился вперед и со всей доступной ему силой обрушил обе бутылки на череп туру. Несмотря на возраст ему хватило силы ударить так что толстое стекло разбилось. И туру, который хотя и был сейчас бесчувственен как берсеркер, немного отступил. Его голова, залитая кровью и вином, откинулась назад, бессмысленный взгляд блуждал где-то в потолке, из раскрытого рта доносилось какое-то бульканье и ворчание.

Элен Акари, не отрывая взгляда от желтого пятна в ауре обезумевшего существа, боролась со страхом. Ей было очевидно, что момент настал и другого не будет, но ей было трудно заставить себя оттолкнуться от колонны и броситься вперед. Разум кричал ей, что эта машина раздавит ее одним легким движением. Но это был ее план и другой человек рисковал своей жизнью чтобы помочь ей в исполнении задуманного ею. «Просто действуй», сказала она себе, буквально толкая свое тело, будто вокруг был не воздух, а вода.

Девочка пробежала несколько метров отделяющих ее от замершего туру. Оказавшись у него за спиной, она протянула руку туда где в его ауре зияла желтая брешь. По счастью нужное место было на такой высоте, что она могла дотянуться до него стоя на полу.

Ее пальцы обхватили упругий, плотный, словно сделанный из резины, комочек. Она сжала ладонь и что есть силы потянула комочек на себя. Паразит отделился от своего носителя неожиданно легко с небольшим хлюпающим звуком.

Хоракс вздрогнул, резко вернувшись к своему прежнему полубезумному дикому состоянию, в котором он пребывал до удара бутылками. Паразит в момент отделения от тела «хозяйина» в последнем приступе жадной агонии вспрыснул в него жуткую дозу яда, вызывая в нем очередной приступ боли и ярости.

Хоракс ударил правой рукой ненавистное существо за разбитой стойкой и быстро развернулся, чувствуя нового врага у себя за спиной.

Старик отпрянул назад, пытаясь уйти от удара и это ему удалось в какой-то степени. Тем не менее рука туру все же дотянулась до него и старика отшвырнуло на полки с бутылками.

Элен застыла на месте, испуганно глядя снизу-вверх на наступавшего на нее мехового гиганта с широченной грудной клеткой и длинными толстыми руками. От ужаса девочка просто окаменела, колени предательски дрожали и она готова была завизжать, как недавно визжала Роза. Она была не в силах заставить себя повернуться спиной к туру и броситься бежать.

В следующий миг высокий мужчина в клетчатой рубашке, воздев над собой тяжелую металлическую кастрюлю, почерневшую от огня, обрушился на туру.

– Беги, – закричал Галкут, нанося страшные удары по голове мехового противника.

Элен не могла пошевелиться, наблюдая как голова туру дергается от ударов кастрюли, от ударов, которые запросто могли убить будь на месте туру обычный человек. Кто-то подбежал к девочке, обнял ее и потащил куда-то в сторону. Взгляд Элен уперся в шею Сесилии. Кухарка оторвала ребенка от пола и на руках унесла его на кухню.

Туру отбил очередной удар кастрюли и атаковал Галкута. Тот попытался бежать, но могучий удар в бок сбил его с ног, отправляя в недолгий полет в сторону камина. Ломая стулья, слуга судьбы приземлился на пол и сразу же, преодолевая боль и кровавую пелену в голове, попытался вскочить на ноги. Поднявшись, он устремился к камину, в котором все еще пылал огонь, он думал о том чтобы схватить головню и попытаться защищаться ею. Галкут подбежал к камину и оглянулся чтобы оценить позицию врага.

Туру стоял на коленях метрах в пяти от Галкута и слегка покачивался. Мужчина, прижав правую руку к левому боку, отступил за каменный выступ камина и прижавшись спиной к стене, смотрел на туру.

Было очевидно, что с тем что-то происходило. Он стоял на коленях, тяжело дышал и тряс разбитой головой, разбрызгивая кровь и вино. Затем он повалился вперед, упал на живот и замер.

Галкут с облегчением выдохнул и медленно сполз по стене на пол. Он позволил себе поверить что это конец.

Через какое-то время из кухни в разгромленную и погрузившуюся в тишину залу вышли Элен и Сесилия. Они обе не сводили глаз с лежавшего на полу тела туру. За их спинами появился Ринн.

Поверив что туру больше не опасен, Сесилия бросилась к столу, под которым пряталась Роза. Роза закричала когда рука молодой кухарки прикоснулась к ней, но открыв глаза и увидев кто это, девушка с плачем бросилась к Сесилии. Та обняла вздрагивающую от рыданий служанку, пытаясь успокоить и ободрить ее.

Элен посмотрела на старика, который поднимался из-за развороченной стойки, сбрасывая с себя осколки стекла и щепки дерева. "Этот прохиндей Хаг обещал незабываемый отдых в своем заведении и, клянусь черной пустыней Гиха, он не обманул", ворчал старик. Девочка радостно улыбнулась, с облегчением видя что с ним все в порядке. Старик поднял глаза и, успев поймать улыбку облегчения на лице ребенка, улыбнулся в ответ.

Затем Элен подошла к барону и присела возле него. Глаза мужчины были открыты и вполне осмысленно смотрели куда-то вверх. Девочка видела в его ауре багровый огонь вдоль длинных порезов на правой стороне туловища, а также подобный, правда чуть более темный, цвет буквально заливал всю его грудь.

– Живой? – Спросил кто-то за спиной девочки. Элен оглянулась и встретилась с глазами Ринна. Может ей это лишь показалось, но в голосе молодого человека как будто прозвучало непонятное волнение.

– Да, – ответила она.

– Эй, парень, помоги мне тут, – позвал старик.

Ринн пошел за стойку и вдвоем со стариком они вытащили на свободное пространство Громми Хага.

Элен смотрела как они укладывают хозяина постоянного двора на пол недалеко от входа на кухню. Мимо барона кто-то прошел. Девочка оглянулась. Это был Галкут. Она поднялась с корточек и пошла за ним.

Они пришли туда где лежал Масто́н Лург. Судья лежал под столом, вдобавок еще загороженный стульями.

Галкут хотел наклониться к нему, но из-под стола спросили:

– Что с туру?

– Готов, – спокойно ответил Галкут, выпрямляясь и наблюдая как судья проворно и без посторонней помощи отодвигает стулья и выбирается из-под стола.

Судья встал на ноги и поправляя одежду, посмотрел на Элен.

– С тобой все нормально, дитя мое? – Поинтересовался он.

Девочка некоторое время разглядывала судью. Не считая широкой ссадины над левой бровью, с ним все было в порядке. "Негодяям везёт", с неприязнью подумала она. Ей захотелось сказать это вслух, но что-то похожее на усталось отвратило её от этой мысли.

– Отлежались, – холодно сказала она и это было мало похоже на вопрос.

После этого девочка развернулась и пошла обратно в сторону кухни. Она ждала что судья окликнет ее и прикажет быть рядом с ним, но этого не произошло.

Роза и Сесилия уже хлопотали возле хозяина постоянного двора. Служанка держала его голову на своих коленях, кухарка, смачивая полотенце в чашке с водой, куда она также добавила вина, смывала кровь с его головы. Громми Хаг уже пришел в себя и с горечью взирал на разрушенную стойку и переломанные полки.

Старик и Ринн, державший в одной руке бутылку, а в другой полотенце, сидели возле барона. Старик осторожно расстегивал камзол лежавшего на полу мужчины.

Элен подошла ближе.

Расстегнув камзол, старик принялся за белоснежную рубашку. Обнажив туловище барона, он оглядел порезы.

– Крови порядком потерял, – сказал старик. Затем он взял полотенце и бутылку из рук молодого человека и хорошенько смочил ткань бордовым вином. Вернул бутылку Ринну и принялся обмывать раны.

– Вообще они неглубокие, – сообщил он. – Повезло вам, господин барон, что вовремя назад подались, – улыбнулся старик. – А то бы он все ваши внутренности наружу выкорчевал.

Феир Арвинг что-то прошептал.

– Что? – Переспросил старик.

– Ему дышать больно, – ответила за барона Элен, прочитав его слова по губам.

Старик поглядел на девочку, затем снова повернулся к барону.

– Ну еще бы, у вас же теперь не грудь, а сплошной синячище. Но парень вы крепкий так что выкарабкаетесь. А порезы я вам зашью, обещаю вам отличные мужественные шрамы. Ваши дамы будут просто таять от знаков такой отваги.

Губы барона скривились в слабой улыбке.

– Надо его на стол положить, – сказал старик, обращаясь к молодому человеку.

Они отдали полотенце и бутылку Элен и перенесли барона на ближайший стол. Расположив его там, старик взял у девочки бутылку и прямо из горла щедро полил на раны.

Барон страшно закричал и засопел.

– У-ух, – весело сказал старик и объявил: – Так будет лучше.

Поставив бутылку на стол, он принялся закутывать рукава.

– Дорогая, – позвал он, глядя на молодую кухарку, – нам нужна твоя помощь.

Сесилия вопросительно поглядела на Громми Хага.

– Иди, – с трудом сказал тот. – Мне хватит и Розы.

Девушка передала полотенце служанке и подошла к столу с раненым.

– Тебя как зовут? – Спросил старик.

– Сесилия, господин.

– Вот что Сесилия, нам нужно две чистых простыни, острые ножницы, тонкая игла, свечи и крепкая нить, по возможности шёлковая. – Старик посмотрел на девочку. – Вы не согласились бы, сэви, помочь милой Сесилии все это принести сюда?

В этот момент к столу приблизились Мастон Лург и Галкут.

– Конечно, – спокойно ответила девочка, не глядя на своего похитителя. Она ожидала что тот начнет возражать, что-нибудь вроде того что племяннице городского судьи по статусу не положено помогать служанкам, а на самом деле потому что опасается того что она снова попытается убежать. Но к ее удивлению судья не сказал ни слова, и даже Галкута не отправил присматривать за ней.

Когда Сесилия и Элен ушли, старик обратился к Мастону Лургу:

– Господин инрэ, позвольте мне выразить свое восхищение вашей юной спутницей. Мужество этой девочки потрясло меня.

– Благодарю, – сдержанно ответил Мастон Лург. – Мой брат был бы счастлив услышать ваши слова.

– Ваша племянница необыкновенный ребенок и ваш брат вне всяких сомнений может гордиться своей дочерью. – Старик закончил закатывать рукава и обратился к Ринну: – Так, а теперь помоги мне раздеть, господина барона.

Мастон Лург в сопровождении своего слуги подошел к лежавшему на животе туру. Некоторое время судья рассматривал неподвижное тело.

– Что с ним было? – Спросил он, скорее просто как размышление вслух, чем ожидая услышать ответ.

– Слайва, – коротко ответил Галкут.

Мастон посмотрел на своего слугу.

– Слайва? Но ... , – судья кажется что-то понял. – Но тогда значит кто-то снял ее?

– Госпожа Элен, – тихо проговорил Галкут.

Взгляд судьи потемнел. Некоторое время он пристально смотрел на своего слугу.

– Следуй за мной, – сказал судья, направляясь к входной двери.

Пройдя через разгромленную залу они оба вышли из помещения.

Когда они вернулись обратно, Сесилия и Элен уже принесли старику предметы, которые тот просил. Обмыв руки вином, подержав иглу над горящей свечой и вдев в ушко золотистую шелковую нить, старик приготовился шить. Поглядев на стоявших у стола Элен и Сесилию, он с легкой улыбкой проговорил:

– Я бы рекомендовал дамам на некоторое время покинуть нас.

Те послушно отошли к двери, ведущей на кухню.

Судья приблизился к хозяину постоянного двора, чья голова лежала на коленях Розы.

– Ты как? – Спросил Мастон Лург.

– Терпимо, господин инрэ, – проговорил Громми Хаг, – спасибо за участие.

– Ты знаешь кто была эта парочка? – Спросил судья, уже проявляя хорошую осведомленность в нюансах дела после разговора с Галкутом.

Однако по выражению лица хозяина «Одинокого пастуха» судья понял что тот подобной осведомленностью не обладает.

– Высока вероятность, что это они посадили на туру слайву, – объяснил Мастон Лург.

– Слайву?... – Несколько растеряно пробормотал Хаг. – Но зачем?

– А где она кстати? – Поинтересовался судья и повернулся к Элен.

– На кухне в банке, – нехотя проговорила девочка, не глядя на Лурга.

– Между прочим, – вмешался старик, быстрым и уверенным движением протыкая иглой человеческую кожу, – за слайву можно получить хорошие деньги. В Вэлуонне или, скажем, в Шинжуне. – Старик посмотрел на ужасно бледное лицо Феира Арвинга. Глаза барона блестели от слез, а плотно сжатые губы приобрели синюшный оттенок. Владелец тонкого черного кольца обратился к Ринну, чьи руки крепко держали плечи лежавшего на столе человека: – Слушай, приятель, дайка ему еще вина глотнуть, а то он на вид как мертвяк.

Молодой человек аккуратно приподнял голову барона и поднес к его губам горлышко бутылки.

– Шинжунцы бывало сажали слайв на захваченных туру и выпускали их на вражеские армии, – продолжил старик. – Врагам приходилось не сладко, доложу я вам.

После этого сообщения некоторое время все молчали.

Мастон Лург посмотрел на Громми Хага.

– Ладно, я думаю нечего тебе лежать тут на полу, – сказал судья, затем поглядел на своего слугу и распорядился: – Галкут, отнеси пострадавшего в его комнату на постель. Роза тебе поможет.

Элен бросила быстрый взгляд на Галкута. Она видела в его ауре багровые переливы телесных повреждений где-то под левой подмышкой. Определенно ему было больно. Наверно даже очень. Может быть сломаны ребра, может быть острый конец сломанного ребра упирается в какой-нибудь внутренний орган. Это мне совершенно безразлично, сказала она себе. Она не позволила себе думать о том чтобы с ней могло случиться если бы Галкут не бросился с кастрюлей на обезумевшего туру в момент после того как она отодрала от меховой спины противную слайву. Он делал это чтобы драгоценный «трофей» судьи остался неповреждённым. В этом нет сомнений. «Единственное что не ясно, откуда в нем такая собачья верность», с легким раздражением подумала девочка.

Но только Галкут склонился над Громми Хагом, как Роза пронзительно закричала.

Туру зашевелился, поднимаясь с пола.

Старик, сжимая в правой руке иглу, резко обернулся. Ринн, продолжая держать плечи барона, повернул голову. Мастон Лург отпрянул назад и прижался спиной к стойке. Сесилия схватила левое плечо Элен, готовая тащить девочку на кухню. И только Галкут предпринял активные действия. Перескочив через хозяина «Одинокого пастуха», не обращая внимания на острую боль в левой стороне груди, он пробежал несколько метров, подобрал с пола тяжелую длинную кочергу, некогда выроненную Феиром Арвингом, и заноса над головой руку для сокрушительного удара, бросился на поднимающегося туру.

Но Элен Акари, видя что аура Хоракса совершенно спокойна, не считая многочисленных багровых очагов от нанесенных повреждений, сбросив руку Сесилии, рванулась вперед.

– Нет! – Закричала девочка, влетая в пространство между туру и приближающимся Галкутом.

– Осторожно! – Пронзительно крикнула Сесилия, испугавшись что несущийся Галкут просто сметет ребенка.

Растерянный Хоракс, избитый и измученный, не понимающий что происходит, тем не менее осознал что человеческий детеныш в опасности. Его сильные руки осторожно охватили ребенка и прижали к широкой груди, укрывая от нападения. Продолжая сидеть на полу, он повернулся правым боком, выставляя могучее плечо, готовясь принять удар. Но в последний момент Галкут остановился и медленно опустил кочергу, холодно глядя сверху вниз как мохнатый гигант, сжавшись, обнимает девочку, пытаясь закрыть ее своим телом.

В зале стало тихо-тихо. Казалось люди даже перестали дышать. Это было слишком резкая перемена. Громадный туру, еще недавно в приступе дикого безумия крушивший человеческие тела и мебель, теперь сидел на полу и осторожно сжимал своими ручищами маленького ребенка, желая уберечь его от ударов тяжелой стальной кочерги.

Старик усмехнулся и покачал головой.

– Все в порядке, – тяжело дыша проговорила Элен, высвобождаясь из объятий туру. – Все в порядке.

Хоракс выпустил девочку, не сводя своих маленьких глаз с высокого мужчины в клетчатой рубашке.

Галкут молча обошел Элен и туру, поставил кочергу на пол, прислонив ее к стене, и подошел к Громми Хагу. Присев, он подсунул под него руки и сдерживая стон, поднялся на ноги.

– Показывай куда идти, – хмуро произнёс он, обращаясь к Розе.

Старик вернулся к ранам барона. Сесилия сделала несколько шагов и медленно опустилась на ближайший стул.

Элен отошла от Хоракса, внимательно глядя на него. Глубоко посаженные светло-карие глаза туру смотрели на девочку. Только сейчас Элен поняла насколько он был истерзан и у нее екнуло сердце. Мех на животе, груди и голове практически весь был сожжен, светло-серая кожа опалилась и обуглилась от страшных ожогов. У девочки заблестели от слез глаза, когда она представила какая жуткая боль мучает туру, видя как пылает его аура в местах телесных повреждений. Его квадратное лицо с тяжелой массивной нижней челюстью, собачьим черным носом и тонкими коричневыми губами было залито кровью из разбитой головы и липким вином.

Хоракс, видя что девочка чем-то взволнована, раздвинул губы в слабой улыбке и глухим тягучим голосом спросил:

– Ты в порядке?

Элен чувствовала, что готова расплакаться.

– Да, – ответила она, – со мной все хорошо. А вы как?

Хоракс поднял руку и потрогал голову.

– Я упал? Я не помню...

К ним приблизился Мастон Лург.

– На тебя посадили слайву, – без предисловий сказал он. – Что ты последнее помнишь?

Лицо Хоракса исказилось страхом, он поднял глаза на судью.

– Слайву?! Нет! Нет.

Туру, оглядываясь на царящий вокруг разгром, поднялся на ноги. Его взгляд скользнул по лежавшему на столе человеку, затем его рука метнулась к широкому кожаному поясу, поверх шортов.

– Все кошельки пропали, – пробормотал он. – Я играл в кости с Нэйлом. Там была еще его подружка...

Туру замолчал. Осознание темной волной наплывало на него.

Элен видела по его ауре что в нем просыпается гнев, но на этот раз оттенки были другие, на этот раз разум контролировал эмоции.

– Они ушли, – сказала Элен.

Хоракс поглядел на девочку. Внезапно его настрой изменился, он снова был напуган.

– Я... я никого не убил?

Элен отрицательно покачала головой.

– Ранили. Двух мужчин.

Туру снова посмотрел на обнаженного по пояс барона. Старик с черным кольцом, будто почувствовав его взгляд, сказал не поворачиваясь:

– С ним все будет в порядке. Через пару дней будет как новенький. Аристократы они такие, им понимаешь ли нравится жить и они ни за что не хотят умирать.

Хоракс, шокированный и опустошенный, не знал что делать. Он посмотрел на судью, скользнул взглядом по его нашивкам.

– Его имя Нэйл, – сказал он.

Мастон пожал плечами.

– Имя наверняка вымышленное. И куда они направились думаю никому неизвестно.

Сесилия встала со стула и пошла на кухню. Вскоре она вернулась с метлой и совком на длинной ручке и принялась подметать стекла и щепки за стойкой.

Судья, Элен и туру молча смотрели на нее.

– А где сын и жена Хага? – Спросил Мастон Лург.

– Уехали с одним из работников в деревню за продуктами, – ответила молодая кухарка.

– Вовремя, – пробормотал судья.

Элен вдруг направилась к одному из лежавших на боку стульев. Подняла его и поднесла его к стене, где аккуратно поставила спинкой к стене. Затем пошла за следующим.

Судья некоторое время наблюдал за действиями девочки, потом громко сказал:

– Элен, прекрати, пожалуйста. Сядь на стул и посиди. Мы скоро уже поедим.

Девочка продолжила нести стул, который уже взяла. В голосе Мастона Лурга не было приказа, злости или раздражения, это был голос строгого родителя и она ненавидела это. Поставив стул к стене, она из духа противоречия пошла за следующим. Она ждала что судья еще раз потребует от нее прекратить это, более зло и сердито, но тот только молча наблюдал за ней. Она поставила стул, села на него и уставилась в окно. Ветер проникал сквозь разбитые стекла и шевелил сиреневые занавески.

Вернулись Галкут и Роза. Девушка приблизилась к Мастону Лургу и не смея поднять на него глаза, тихо проговорила:

– Господин, мой хозяин просил передать что он очень сожалеет о причинённых вам и вашей племяннице неудобствах.

Мастон молча кивнул, принимая ее слова. Роза быстро отошла, посмотрела на подметавшую Сесилию и начала собирать куски сломанных стульев и столов в одну кучу. Хоракс начал ей помогать.

– Иди проверь все ли готово к отъезду, – приказал судья своему слуге. – Я пока наверх поднимусь, я кажется книгу в комнате забыл.

Элен смотрела как старик, закончив сшивать кожу, осторожно, при помощи Ринна усадил барона и обвязывает его торс полосой белой ткани, отрезанной от одной из простыней.

Голова Феира Арвинга безвольно склонилась на бок. Старик усмехнулся.

– О-о, господин барон, кажется крепко набрался, – весело проговорил он.

Ринн слабо улыбнулся. Ему по-прежнему жутко хотелось чтобы все это скорее прекратилось и он мог бы убраться отсюда. Он мог думать только о большом сапфире, лежавшем во внутреннем кармане его куртки. И ему было, мягко говоря, не по себе держать голые плечи раненного человека, который и был законным владельцем этой драгоценности.

Закончив перевязку, они очень аккуратно, так чтобы не прогибалась спина и не искривлялась грудь, в сопровождении Розы, понесли барона наверх в его комнату.

Элен снова посмотрела в окно. Странно, что я не размышляю о побеге, подумалось ей. Но теперь, остро осознав отсутствие любимого робота и какой-либо защиты, она отчетливо понимала, что все не так просто. К ее большому огорчению судья был прав, ей мало было бежать от него, потом ей как-то еще надо суметь выжить в этом неизвестном мире и ухитриться не попасть в лапы еще худших злодеев, чем господин инрэ и его слуга.

В залу вернулся старик с черным кольцом на мизинце. Он сел на стул рядом с девочкой и раскатывая рукава рубашки, сказал ей с легкой улыбкой:

– Ну что ж, юная госпожа, позвольте вам заметить, что я в жизни не встречал более отважной девочки чем вы. Для меня было честью сражаться вместе с вами против этого мехового урагана. Но от чего вы такая задумчивая и грустная, сэви?

Элен Акари посмотрела в темно-карие глаза высокого старика. Может быть попросить защиты у него, подумала она, вспомнив как легко он расправился с ненавистным ей садистом

Галкутом. Но ее очень смущала какая-то уж слишком ровная безэмоциональная гамма его ауры. Возможно он действительно очень спокойный и добрый старик, который с высоты своих лет смотрит уже на все с легкой иронией и без особых переживаний. А может быть он все-таки холодный равнодушный тренированный убийца из страшной банды «Черный ветер». Ведь когда судья рассказывал об этом, она же видела что он говорит правду, по крайней мере он сам верил что это правда. Она скользнула взглядом по его мизинцу, украшенному тонкой полоской черного металла. Спросить его напрямую и посмотреть что он скажет, подумала она. Пока нет судьи.

– Знаете, сэви, мне все-таки было бы очень любопытно узнать, – с улыбкой глядя на девочку, сказал старик, – как вам удалось разглядеть слайву. По моему скромному разумению это было невозможно. По крайней мере для обычного человека.

Элен ощутила смутную тревогу. И у нее даже промелькнуло желание чтоб судья скорее вернулся, что уж было совсем странно. Но с другой стороны... Девочка успокоилась. Любой наблюдательный и любознательный человек задал бы подобный вопрос. Как можно было разглядеть маленькое светло-серое существо под плотным покровом такого же серого меха.

– Я вычислила ее, – проговорила Элен, желая чтобы разговор побыстрее закончилась.

Наконец она увидела какой-то эмоциональный всплеск в ауре старика.

– Вычислили?! Клянусь черной душой Кровавой Аллы я меньше всего ожидал услышать это слово от ребенка, – с искренним удивлением произнес он.

Элен пожала плечами.

– Да, просто подумала куда ее могли бы посадить. Явно что это сделали не спереди, и так как человек это делал скорее всего правой рукой, то наверно на правую сторону спины. Просто угадала и все.

Старик внимательно смотрел на нее и Элен почувствовала себя неуютно под его взглядом. Он кажется это понял и отвернулся.

– Восхищен вашей проницательностью, сэви, и конечно же вашей храбростью, – сказал он совершенно серьезно и поднялся со стула. – Удачи вам.

– Прощайте, – сдержанно ответила девочка.

В залу с улицы вошел Галкут. Вскоре из разрушенного дверного проема, ведущего к гостиничным номерам с книгой в руке появился Мастон Лург. Он поглядел на своего слугу и тот утвердительно кивнул. Элен, видя все это, встала со стула, попрощалась с туру, Розой и Сесиией и направилась к выходу.

Когда девочка и судья сели в карету, Галкут закрыл за ними дверцу и направился к козлам. В этот момент он увидел как из постоянного двора вышел Ринн и торопливо зашагал в сторону конюшни. Слуга Мастона Лурга проводил его взглядом, затем надел на голову свою широкополую шляпу, надвинул ее на брови и собрался лезть вверх, как вдруг увидел выходящего из дома высокого старика в жилете. Еще не зная зачем, Галкут зашел за карету и осторожно выглядывая из-за нее, проследил за стариком, который также проследовал в конюшню.

Галкут аккуратно постучал в дверцу. Судья отдернул бархатную занавеску и вопросительно посмотрел на него.

– Простите, господин инрэ, забыл хлыст. Он должно быть в конюшне. Схожу посмотрю, – сказал Галкут.

Мастон Лург молча кивнул и не задерживая занавеску откинулся на кожаную спинку сидения.

Галкут быстро, но стараясь не шуметь, пересек двор и осторожно приблизился к широкому входу конюшни.

Ринн застегивал седельные ремни на боку своей лошади, когда к нему в стойло вошел высокий старик с черным кольцом на мизинце. Молодой человек тревожно обернулся, но увидев кто это, успокоился. Вернувшись к ремням, он спросил:

– Вы тоже уезжаете?

– Собираюсь, – ответил старик и достал из-за пояса удавку, свитый черный шелковый шнурок с деревянными ручками на концах.

– Привет от твоей сестры, – сказал старик, поднимая руки. В левом кулаке он сжимал правый конец петли, а в правом левый

– Что? – Не понял Ринн. Он хотел обернуться, но в следующий момент его шея уже была обернута крепким шнурком.

Старик резко подался назад, выводя тело молодого человека из равновесия, и потянул концы накинутой внахлест удавки в противоположные стороны.

Глаза Ринна расширились, рот резко раскрылся в естественной попытке сделать вдох, молодой человек инстинктивно попытался схватиться за шнурок, но его пальцы не смогли втиснуться между шеей и шнурком.

Старик смотрел на макушку стоявшего перед ним на коленях человека и медленно наращивал усилие, разводя руки в стороны. Шнурок был достаточно широким чтобы не резать плоть. Передавленные шейные вены и сонные артерии вздулись, Ринн терял сознание, багровая пелена застилала его взор, губы посинели, кровь, застрявшая в голове, казалось распирает череп, белки глаз покраснели от лопнувших сосудов. Молодой человек все еще карябал пальцами врезавшийся в кожу шнурок и слабо кряхтел, пытаясь вдохнуть.

Галкут вошел в конюшню. Он посмотрел влево и вправо и услышал голос Ринна, задающего растерянный вопрос «Что». Слуга судьи, осторожно ступая по земляному полу, пошел на звук голоса. Он услышал какую-то возню и тяжелое сопение. Прихватив по пути большие вилы с четырьмя длинными зубьями, он ускорил шаг, направляясь к нужному стойлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.